

Лилит Сэнткроу Возвращение мертвеца

Данте Валентайн – 2

Аннотация

Что-то неладное творится в Сент-Сити. Маги один за другим гибнут от руки неведомого преступника. Следы ведут в школу "Риггер-холл", с которой у некромантки Данте Валентайн связаны не самые приятные воспоминания. Вместе со своим бывшим возлюбленным Джейсоном она начинает расследование.

Один из самых ярких мистических сериалов последних лет выводит на сцену новую культовую героиню - опытную некромантку и отчаянного борца с разной нечистью Данте Валентайн!

Лилит Сэнткроу Возвращение мертвеца

Посвящается Л. И.

Мир. Заклятие начинает действовать

Кто мог бы обмануть любящего?

Вергилий. Энеида. Перевод Н. Федорова

Покинуть преисподнюю и попасть в нее — вовсе не одно и то же.

Тьерс Джафримель

С приходом Пробуждения мир узнал о существовании параспсихологов. После Указа о параспсихологии, ставшего на

территории Гегемонии законом, таланты псионов, поставленные под строгий контроль, оказали человечеству множество неоценимых услуг. Кто теперь может представить себе мир без скинлинов и седаин, вместе разрабатывающих новые способы борьбы с вирусом — убийцей генов или методы дальнейшего совершенствования человеческого тела? Кто теперь может вспомнить о временах, когда маги не занимались подробнейшими исследованиями мира колдунов и других, альтернативных миров? Или когда церемониалы и шаманы не отвечали на просьбы верующих и не преследовали преступников, не говоря уже об охране частных домов и целых корпораций? Кто теперь может представить себе мир без псионов?

И все же особое место принадлежит некромантам, ибо именно они могут вступать в то таинственное царство, которое именуется «смерть». Сидя у постели умирающего или провожая в последний путь приговоренного к смерти преступника, некроманты помогают человеческой душе быстрее перенестись в царство мертвых или доводят до сведения живых последнюю волю усопшего. Аккредитованный некромант способен постигать глубины мира финансов и завещаний с той же легкостью, с какой он проникает в безжизненные владения смерти, откуда возвращается с абсолютными доказательствами того, что потусторонний мир все же существует. Помимо этого, некроманты работают в криминальном отделе департамента юстиции Гегемонии, где занимаются поимкой особо опасных преступников и убийц. От некроманта требуется не только умение проникать в царство смерти, но и владение особой магической волей, помогающей ему вернуться в мир живых. Вот почему обучение некроманта стоит немалых денег и является мучительным процессом даже для псионов, воспитанников Академии, наделенных талантом некромантии.

В следующем разделе вы сможете ознакомиться с описанием нескольких случаев, когда аккредитованный некромант оказывался в ситуации, в которой вел себя иначе...

Из брошюры «Что может сделать для вас смерть?».

Отпечатано в типографии Академии

парансихологических искусств «Амадеус», Гегемония

Глава 1

Необъятная утроба склада напоминала горло огромного зверя, и, хотя в просторном помещении было полно воздуха, меня охватил приступ клаустрофобии. Сглотнув, я почувствовала во рту медный привкус; противно запахло мокрой крысиной шерстью — я начинала впадать в панику. Что я делаю? Как я сюда попала? «Да перестань ты, все так просто, раз-два — и готово. Ты же проделывала это сотни раз». Ага, как же.

Свет замигал, начал тускнеть, и тьма подступила еще ближе. «Черт бы взял эти корпорации, экономят, где только могут, даже на собственных складах не хотят сделать нормальное освещение. Хоть бы лампочки заменили, что ли».

Впрочем, если вдуматься, разве должны корпорации учитывать те случаи, когда на их склад забирается преступник? К тому же зрение у меня стало значительно лучше. Я медленно двинулась вперед, тихо и осторожно, мягко ступая по шероховатому неровному полу. Кольца ярко вспыхивали, испуская ровный приглушенный свет. В левой руке я сжимала «Глокстрайк Р-4»; правая, изуродованная, ее поддерживала. Я потратила несколько недель, приучая себя обходиться одной рукой; особенно трудно было научиться метко

стрелять. А почему, можете вы спросить, я держала в руках обычный пистолет, если к наплечному ремню у меня были пристегнуты две кобуры с великолепными сорокаваттовыми плазменниками?

Да потому, что Мануэль Булгаров укрылся на складе, забитом пластиковыми бочками с реактивной краской, которой покрывали днища воздушных машин.

Реактивная краска — вещество нелетучее, за исключением тех случаев, когда оно вступает во взаимодействие с плазменным полем. Один выстрел из плазменного пистолета — и вокруг нас мгновенно начало бы бушевать пламя, и хотя теперь я была намного проворнее, чем раньше, вряд ли даже я успела бы убежать от взрыва, произведенного сотнями, если не тысячами, галлонов реактивной краски. Скорость распространения такого взрыва составляет примерно половину скорости света, затем начинается спад. Даже если бы я и сумела выскочить на улицу или выжить, Джейсу уж точно пришел бы конец, поскольку, прикрывая меня сбоку, он пробирался по одному из проходов Т-образного сплетения складских помещений, прячась за голубыми бочками с реактивной краской.

Везет мне: преступника понесло именно на склад с горючими веществами.

Светлые волосы и лицо Джейса были выпачканы в крови, почти полностью скрывшей его татуировку — знак дипломированного психона, и огромный кровоподтек на левой щеке; кровь сочилась и из раны на плече. Шумная потасовка в баре, в результате которой преступник успел смыться — ну кто, скажите мне, так проводит задержание?

Голубые глаза Джейса выражали спокойную решимость, но дыхание его было немного более учащенным, чем обычно; я чувствовала исходивший от него запах усталости. Почувствовав, как в душе начинает расти тревога, усилием воли я заставила себя успокоиться. Левое плечо покалывало; после смерти демона знак окончательно замолчал. Я дышала глубоко и прерывисто, чувствуя, как ходят ходуном ребра; на лицо упало несколько выбившихся прядей. «Какое счастье, что я теперь почти не потею». Я чувствовала, как на левой щеке шевелятся линии татуировки, изумруд, оживленный над изображением кадуцея, наверное, вспыхивает зеленым огнем. «Прячь лицо, преступник не должен тебя заметить. Заставь его выстрелить пару раз, пусть этот мерзавец себя выдаст».

У Булгарова не было плазменного пистолета; во всяком случае, я так думала, когда он через черный ход выбрался из ночного клуба «Плейраунд», прямо у нас под носом вскочил в машину и умчался. Нас тогда задержал суший пустяк — драка в клубе. А что вы хотите? «Плейраунд» — злачное место, куда стекаются темные личности со всего города, а когда выяснилось, что мы с Джейсом работаем на полицию, тут все и началось. Будь у Булгарова пистолет, никуда бы он не побежал. Нет, он превратил бы клуб в зону боевых действий.

Возможно.

Я его почти достала, но он действовал молниеносно. Как-то слишком молниеносно для обычного человека. Странно, ведь он же не психон. Я решила сообщить об этом своему диспетчеру Трине и потребовать пятнадцатипроцентной надбавки, поскольку никто мне не сообщил, что Булгарову проводили рекомбинацию генов, а это нарушение Акта Эрдвайла-Стоукса от двадцать восьмого года. Интересная информация, между прочим. Даже необходимая.

У меня все еще ныло плечо от удара о борт машины, когда мы неслись по забитой транспортом Копли-авеню, преследуя Булгарова. Чтобы не напороться на патруль, он летел низко, хотя как можно остаться незамеченным, когда у тебя на хвосте висят два охотника на воздушных байках, непонятно.

Удирать от нас он не имел права, тем более что я представилась как офицер федеральной полиции Гегемонии, однако Булгаров был тертый калач — ему удалось избежать наказания за изнасилование, убийство, вымогательство и незаконную торговлю оружием, не говоря о двух последних случаях, когда нам просто не хватило доказательств. Нет, Булгаров не собирался сдаваться и держался на небольшой высоте именно затем, чтобы не привлекать внимания патруля и увести за собой всего двух охотников вместо целого отряда хорошо вооруженных полицейских. Неплохо придумано и вполне логично, если бы

не одно «но»: этими двумя охотниками были почти демоница и шаман, отлично знающий свое дело.

Я снова поймала на себе взгляд Джейса. Посмотрев на меня, он кивнул. Нравилось мне это или нет, но из нас двоих больше рисковала я. Как всегда. Ничего удивительного — за те годы, которые я провела, преследуя преступников, причем исключительно в одиночку, это превратилось у меня в стойкую привычку.

Джейс по-прежнему был отличным напарником. Совсем как в старые добрые времена. Только теперь все изменилось.

Прижимаясь к стене, я осторожно выглянула из-за угла и попыталась прощупать окружающее пространство, чувствуя, как пульсирует жилка у меня на виске и запястье. Склад находился не только под магической защитой, но имел также обычную систему сигнализации. Тем не менее, Булгаров проник в него легко и свободно, словно пришел к себе домой. Нехороший знак. Весьма вероятно, что он где-то раздобыл прибор-защиту от псионов и обычной охраны. Этот хитрый мерзавец на все способен.

«Сконцентрируйся, Дэнни. Не заикливайся на том, что он не псион. Он опасен и хорошо вооружен».

Правая рука задержалась; с каждым днем, после каждой тренировки она восстанавливала свою силу и гибкость. Три бессонные ночи, в течение которых мы преследовали Булгарова по самым грязным закоулкам северной части Нью-Йорка, сломили даже мою бесконечную выносливость. Джейс мог уснуть в любую минуту, хоть в воздушном авто, хоть на сиденье обычного транспорта, поэтому мне приходилось самой считывать информацию и вести машину. Мы летели на бешеной скорости, не имея ни секунды на то, чтобы остановиться и перевести дух.

Два других охотника — оба нормалы, но хорошо вооруженные — держались поближе к земле, чтобы, в случае чего, достать парня снизу. Верное решение. И хорошо, что к охоте привлекли псиона, тем более что я уже завершила дело с поимкой одного свихнувшегося мага, который устроил бучу в Тигуане. Отлично. Закончив одно дело, я сразу переключилась на другое, без всякой передышки. Мне не хотелось думать ни о чем, кроме одного — как сцапать очередного бандита.

Я бы солгала, если б сказала, что не улыбнулась, когда подумала о длинном списке преступлений Булгарова, к которому добавились еще два убийства и два нераскрытых дела. Я даже не улыбнулась, а ухмыльнулась во весь рот, поскольку теперь Булгарову светило не просто оказаться в тюремной камере, а получить по полной, на всю катушку. Медленно продвигаясь вперед, я подошла к концу прохода и взглянула вверх. На стропилах чисто, но все-таки лишний раз проверить не мешает. Этот сукин сын хитер. Будь он псионом, все было бы куда легче — когда Булгаров выдохся бы окончательно, я бы просто ощутила запах адреналина и энергии и определила, откуда они исходят. Затхлая вонь, которую издавала его энергетика, слегка притупилась и отчаянно пульсировала. Если бы сейчас я опустилась на уровень подсознания и попыталась обнаружить Булгарова, то непременно оказалась бы в зоне действия детонационной цепи его защиты, которую этот мерзавец наверняка постарался себе обеспечить. А я, между прочим, прекрасно могу прожить и без ответного удара, который получила бы, пытаясь взломать защиту, скрывающую нормала от взгляда псиона. После такого удара я завопила бы благим матом. Нет уж, спасибо.

Поэтому на сей раз, я решила положиться на свое чутье. «Что он делает — пробирается к выходу или где-то затаился. Скорее всего, затаился и ждет, когда кто-то из нас окажется на виду, вот тогда он и начнет развлекаться. Для него это все равно что палить по рыбам, плавающим в бочке с водой. Только бы у него не было плазменника! Нет, такого оружия у него нет. Я почти в этом уверена».

«Почти» — это, конечно, еще не все. Когда я говорю: «почти уверена», это означает: «вот дерьмо!»

Аура Джейса легонько коснулась моей; меня окружил отдающий медом и перцем запах шамана, смешанный с удушливой вонью отмирающих клеток человеческого

организма. Мне ужасно захотелось как-нибудь отключить свой нос или хотя бы немного его прикрыть. Чувствовать запах смерти не очень приятно, даже если ты сталкивался с ней не один раз и совсем ее не боишься.

Всегда, когда я думаю о смерти, мне кажется, будто знак на моем плече немного холодеет.

«Отбрось, к черту, эти мысли, Дэнни. Вперед, медленно и осторожно, делай свое дело».

Внезапное и резкое «ззз!» заставило меня быстро пригнуться, прикидывая, откуда могли стрелять; в то же время я обложила себя последними словами за это непроизвольное движение. «Черт возьми, Дэнни, если ты слышала выстрел и пуля прошла мимо, не стой — двигайся, двигайся, двигайся! Он выдал себя, теперь ты знаешь, где он!» Я не стала оглядываться — аура Джейса была ясной, чистой и устойчивой. Его не задело.

Снова отрывистые лязгающие щелчки. Я вскочила, двигаясь гораздо быстрее любого смертного, и от этого движения из бочки полетели брызги реактивной краски. Пистолет сам ушел в кобуру, когда я, сжав свои скрюченные пальцы, рванулась вперед и правой рукой вцепилась в край бочки — рука зашла от боли, но я не обратила на это внимания; мгновенно вскочив на ноги, я рванулась вперед, перепрыгивая через бочки с краской. Кольца отбрасывали яркие золотистые искры — теперь не было смысла прятаться. Воздух кишел свинцом, из бочек во все стороны летели брызги, но я упорно прорывалась вперед. Вот зараза, кажется, у него полуавтоматическая винтовка, судя по звуку — «трэнсом».

Ах ты чертов сукин сын, голь перекатная, кусок дерьма, выползок из Пучкина, да будь у меня хороший пистолет, я бы тебя давно пришила!

Я уже находилась под воздушной платформой. Ее покрытое реактивной краской днище матово поблескивало; наверху виднелась металлическая клетка-кабина, из которой оператор обычно управлял платформой, с лязгом опуская длинные, похожие на щупальца цепи с крюками на конце, подцепляя на них по пять туюков одновременно и переправляя их на место складирования. На самом краю платформы скорчилась мужская фигура, державшая в руках что-то похожее на полуавтоматический «трэнсом», из дула которого то и дело вылетали оранжевые огоньки. Теперь Булгаров целился не в меня, а в бежавшего позади меня Джейса, и от этой мысли я пришла в такую ярость, что, собравшись в комок, вцепилась в край ржавой платформы, немного покачалась в воздухе, пытаясь найти равновесие, затем одним махом подбросила тело так легко, словно вылезла из бассейна. И чуть не упала, оказавшись на платформе, ибо еще не совсем привыкла к своему новому телу и его невероятно быстрой реакции; я по-прежнему иногда теряла ориентацию в пространстве, поскольку двигалась гораздо быстрее, чем раньше.

«Не смей трогать Джейса, ты, мерзавец, или я сдам властям твой труп. Я, конечно, получу за это только половину платы, но... не смей его трогать, кусок дерьма!»

Ствол пистолета слегка подрагивал; вокруг раздавался свист пуль. Я почувствовала удар в живот, потом в грудь — пули попали в бронежилет, но в следующий миг я уже навалилась на Булгарова и одним ударом выбила у него из рук винтовку. Раскаленный металл обжег руки, но я стерпела боль. Булгаров был в полном боевом вооружении, к тому же его реакция была быстрее, чем у обычного человека, но ведь мои гены рекомбинировал демон, а с его работой не сравнится никакая лаборатория.

Во всяком случае, я таких лабораторий не знаю.

Отбросив в сторону «трэнсом», я правой рукой крепко сжала запястье Булгарова, одновременно вывернув ему руку. Звериный вой и сухой треск означали, что я вывихнула ему плечо. Это меня страшно развеселило; изумруд на щеке засиял, и с губ сорвалось «киа!», когда я кулаком ударила Булгарова в солнечное сплетение с такой силой, словно решила пробить его насквозь. Из-за колец на пальцах кулак превратился в настоящий кастет, многократно усиленный моей психической и физической энергией; такой удар мог легко уложить на месте кого угодно. Крик «а-а-а!», который последовал за ударом, показался бы мне весьма забавным, если бы я не почувствовала, как по моему боку побежали теплые

струйки крови — опять в живот угодила пуля, пробив мою сверхчеловеческую плоть. Ого. Я почувствовала жжение, но пуля вскоре сама вышла наружу. Из ранки вытекло немного черной крови, потом ее края сошлись, и в следующее мгновение на месте отверстия осталась ровная золотистая кожа. Так, пропала еще одна рубашка. Сколько же их уже было? Тонна, не меньше.

Разумеется, я могу это себе позволить. Я же богата, верно?

Булгаров начал отчаянно сопротивляться, но потерял равновесие и упал, и тут я навалилась на него всей тяжестью; он взвыл, когда я завела ему за спину обе руки, намертво вцепившись в его мышцы, накачанные синтетическим белком и инъекциями тестостерона. «Нужно вправить ему плечо, а то он еще, чего доброго, вывернется из наручников. Все, ты его взяла, не валяй дурака. Просто надень на него спецнаручники, и давай без фокусов». Булгаров рванулся, но я сильнее надавила на него коленом; теперь мои кости и мышцы были куда крепче, чем у него. Биополе Булгарова начало искривляться, пытаюсь меня сбросить — последняя жалкая попытка, которая в иной ситуации помогла бы ему вывернуться, однако на этот раз парень имел дело с разъяренной некроманткой, усевшейся ему на спину. Одно короткое слово — и энергетическая защита Булгарова была разрушена, взломана моей магической волей; неплохая работа для маги, если учесть, что она проделана второпях. Я быстро прощупала ментальное поле Булгарова, глубоко втягивая в себя его злая — может быть, мне удастся определить, кто помог этому гаду создать защиту. Вообще-то говоря, в создании защитного поля не было ничего противозаконного, его использовали широко и довольно часто, но поле Булгарова явно создавал какой-то очень талантливый маг, которого я потом смогла бы порасспросить о демонах и, может быть, услышать то, что хотела бы услышать.

— Джейс! — крикнула я.

В мрачном сумраке склада витали запахи краски, пыли, металла, запахи человека, раскаленного пороха, пота — и мой запах, легкий аромат амберного мускуса. Иногда этот запах становился моей защитой, не давая задохнуться в облаке миазмов отмирающих клеток, иногда он меня не спасал; не будучи психическим запахом настоящего демона, он представлял собой нечто среднее.

— Монро! Как ты?

«Где ты, Джейс? Ответь мне, он же стрелял в тебя, ответь!» — попыталась крикнуть я, но смогла лишь хрипло закаркать. После того случая, когда пальцы Люцифера крепко сжали мое горло, я почти не могла громко разговаривать — что-то в моем полудемонском горле было нарушено. Иногда я хрипела, словно голос за кадром в порнофильме.

Меня не брала ни одна пуля, а вот с голосом что-то произошло.

— Ну ты и штучка, Валентайн, — откуда-то снизу проговорил Джейс.

Я попыталась унять бешеный стук сердца; внутри пробежала горячая волна — мне стало легко и радостно. Горький привкус, появляющийся у меня во рту во время охоты, прошел; дыхание начало приходить в норму. Левое плечо слегка покалывало, словно знак хотел глубже погрузиться в кожу. «Не думай об этом».

— Ну что, взяла его?

«Конечно, я его взяла, иначе как бы я могла тебе ответить?»

— Спеленала и надела наручники. Слушай, поищи панель управления, нужно спустить этого гада вниз.

Теперь мои легкие работали как обычно — легко и свободно, голос звучал тихо и хрипло. Впрочем, большинство некромантов предпочитают шептать; когда твой голос способен управлять мощной энергией, лучше говорить потише.

— Как ты, Джейс?

Он попытался рассмеяться. Еле держится на ногах, как и я.

— Здоров как бык, детка. Сейчас поднимусь к тебе.

Правой рукой я неуклюже пыталась нащупать наручники. Булгаров пробормотал какое-то ругательство на гортанном диалекте, отличающем жителей территории Пучкин.

— Заткнись, мразь!

Я сильнее вдавила колено в его тяжело вздымавшуюся спину. Невысокого роста, коренастый мужичок, мускулистый, под бронежилетом — рубашка с длинными рукавами и джинсы, светлые волосы собраны в тонкий, словно крысиный, хвост, на голове повязан платок, как у мальчишки, который играет в гангстеров.

— Сегодня не твой день, парень.

Щелкнули спецнаручники, но свою жертву я не отпустила, а принялась вправлять ему плечо, не обращая внимания на его хриплые вопли. Наконец послышался резкий смачный щелчок — плечевой сустав встал на место. Булгаров отчаянно задергался, но наручники, хоть и скрипели, держали его крепко, а я, порывшись в своей рабочей сумке, извлекла оттуда специальную, особо прочную ленту, которой принялась обматывать его локти, колени и щиколотки; под конец я вставила ему кляп. Когда платформа внезапно ожила и начала медленно опускаться, у меня было все готово. Наблюдая за движением платформы, я краем глаза следила за Булгаровым; в прошлом году ему удалось уйти от отряда из семи полицейских Гегемонии, которые его поймали и заковали в наручники; такого типа нельзя недооценивать.

«Четыре маленькие девочки и шесть проституток — таков список его жертв, о которых мы знаем точно, плюс три жертвы, которые мы ему только приписываем, да еще восемь убитых мужчин, в основном наркодилеров. Этих я бы ему простила, но дети...»

Кольца вновь засияли ровным и ярким светом: янтарь, лунный камень, обсидиан и гематит — все излучали волны энергии. Пока платформа медленно опускалась, я оглядывала ровные ряды бочек и тюков; из пробитых бочек текли ручейки реактивной краски, поблескивающей в свете тусклых лампочек, которые были еще и притушены на ночь; помещение склада утопало в темноте всех оттенков. «Он убивал их медленно. О боги!»

Когда убиваешь по необходимости, это еще можно понять; только боги знают, сколько раз мне приходилось этим заниматься. Но дети... и беззащитные женщины. Этому человеку не помог бы даже седаин-психотерапевт; Булгаров был законченным психопатом, Ни жалости, ни колебаний, ни угрызений совести; впрочем, не он первый, не он последний. В нашем мире таких хватает, а это означает, что моя охота будет продолжаться.

Проблема в том, что поймать Булгарова мне было вовсе не трудно. Я научилась думать как он. Я стала почти такой же, как он.

Это и начинало меня беспокоить.

Платформа мягко ударилась о пол, Булгаров дернулся и что-то замычал. Наверное, не слишком приятно лежать лицом вниз на холодном металлическом полу, связанным по рукам и ногам, с вывихнутым плечом и здоровенным синяком на животе. Может быть, я даже сломала ему нос, когда изо всех сил навалилась ему на спину. Вот и отлично. Держа Булгарова за шиворот, я обыскала его карманы и нашла прибор, управляющий его защитным полем, — симпатичный керамический медальон с выгравированной на нем Соломоновой печатью, а также четыре ножа, два реактивных пистолета и один двадцативаттный плазменник.

Я повертела плазменник в руке. О боги! От ужаса у меня застучали зубы. «Он же мог подорвать не только склад, но и все ближайшие строения. Вот сукин сын. Слава богам, что ты им не воспользовался».

Автомата я не нашла; наверное, Булгаров оставил его в машине. Татуировку на щеке начало пощипывать, левое плечо тоже. К этому я уже привыкла; лучше просто не обращать внимания. Свой сликборд я давно разбила о бетонную стену одного здания. Будь я человеком, в тот день я непременно погибла бы.

Джейс ждал меня внизу. Выглядел он жутко — одежда порвана, лицо разбито и залито кровью. Даже сквозь его вечный загар было видно, как он бледен. Придется либо лечить его самой, либо искать хилера.

— Как ты, нормально? — просипела я, словно придушенная кошка.

Джейс молча кивнул и оглядел длинный сверток, лежащий на полу платформы. Я

нагнулась и, рывком поставив Булгарова на ноги, кивнула в сторону отобранного у него оружия. Лишенный поддержки своего любимого посоха, Джейс, тяжело припадая на одну ногу, заковылял к этой куче; на поясе у него болтался меч — длинный дотануки, гораздо тяжелее моего последнего меча. По правой руке побежали мурашки: я вспомнила, как вонзила свой меч в сердце демона, когда вместе с ним упала в ледяную воду, а потом оказалась на поверхности замерзшего моря.

«Не думай об этом». Потому что каждый раз, думая об этом, я вспоминала Джафримеля.

Поморщившись, я тяжело спрыгнула с платформы; колени дрожали. Сколько же прошло времени... как, неужели я не думала о нем целых сорок пять минут? Как приятно чувствовать в крови адреналин... хотя какая может быть связь между демоном и адреналином? Нет, нужно скорее начать новую охоту, тогда мне станет намного легче.

— Чанго, — выдохнул Джейс, — у него же был плазменник...

Если бы я могла, я бы рассмеялась. Тащить на себе связанного здоровяка было не столько тяжело, сколько неудобно; теперь я была намного сильнее. Булгаров больше не дергался, а только тяжело дышал. Заметив, что он пытается освободить руки, я швырнула его на бетонный пол, вытащила один из своих ножей и, опустившись на колени, запустила пальцы в его сальные волосы. Наши лица находились совсем рядом, поэтому мне были видны все пятна и угри на его бледной и круглой, как луна, физиономии — побочный эффект, вызываемый применением нелегальных препаратов. От отвращения меня едва не стошнило. Подавив в себе приступ рвоты, я отвернула от себя лицо Булгарова. Теперь передо мной находилась его незащищенная шея; одно усилие — и она треснет, как сухая ветка. Все очень просто.

Я прижала нож к его горлу.

— Давай-давай, дергайся, — прошипела я ему в ухо. — Я мечтаю избавить мир от такой мрази, как ты. Учти, Булгаров, я ведь мертвяк и легко могу перевести тебя через мост обратно, в мир людей, а потом убить еще раз.

Разумеется, этого я не могу. Со смертью все обстоит очень сложно; призрака, вызванного с того света, нельзя убить, а можно лишь вновь отослать в царство мертвых. Но этому мерзавцу знать подобные вещи вовсе не обязательно. Я видела снимки, приложенные к его досье. Я знаю, что совершал этот подвиг с девочками, перед тем как убить их.

На какое-то мгновение он затих, затем принялся отчаянно дергаться, пытаясь разорвать липкую ленту. Я прижала его к земле и приставила кончик ножа к тому месту, где у него бился пульс.

— Очень хорошо, давай дергайся сильнее, милашка, и я с удовольствием сделаю с тобой то, что ты сделал с той маленькой белокурой девочкой. Ее звали Шелли, ты это знал?

— Дэнни! — раздался голос Джейса. — Эй, где ты там? Я вызвал патруль из Джерси, сейчас они приедут и заберут нас вместе с нашим пакетиком. Мне собрать оружие?

Что это — в его голосе слышится неуверенность? Разумеется, нет.

Или да? Ну и что, я бы тоже немного смутилась, если бы мне пришлось работать с существом вроде меня. За последнее время я вообще частенько срывалась. Нервы, наверное.

— Собери. Осторожнее с плазменником.

Я вскинула на плечо свою рабочую сумку, и ее содержимое зазвенело и зашуршало. Из моей туго заплетенной косы выбилась одна прядь и упала мне на лицо. Булгаров затих и лежал неподвижно, как труп.

Я убрала нож и отпустила его голову, которая со стуком ударилась о бетонный пол. Руки у меня дрожали, даже правая, которую я крепко прижимала к бедру. Я была грязной и усталой; за все время погони у меня не было времени принять душ — одни короткие остановки, чтобы Джейс успел поесть; мне еда была не нужна, я никогда не ем во время охоты. В этот раз Джейсу пришлось совсем плохо, но он не прекратил погоню, когда я сдалась и позволила ему делать все, что он хочет, — после короткой перепалки, разумеется.

И все же это было лучше, чем торчать дома, разглядывая стены и вспоминая то, о чем

не хотелось вспоминать. Особенно после того, как я поняла, что способна только просматривать таинственные журналы маги да смотреть на черную урну с заключенным в ней пеплом демона.

Падшего демона. Джафримеля.

«Ты не бросишь меня в одиночестве скитаться по земле», — прозвучал в памяти мужской голос, совсем тихий, но по-прежнему выразительный. Я закрыла глаза. Знак на моем левом плече — его знак, клеймо, которое выжег на мне Люцифер, чтобы породнить меня с Джафримелем, — после его смерти не потускнел, а просто онемел, словно мне вкололи обезболивающее. Правда, иногда он обжигал плечо, словно горящий лед, будто продолжал жить своей собственной жизнью. В такие минуты я думала о том, как долго все это будет продолжаться и когда, наконец, затихнет это холодное жжение.

Если оно вообще когда-нибудь затихнет.

«Черт возьми, Данте, ты перестанешь об этом думать или нет?»

Сквозь отдаленный гул транспортного потока прорезался вой полицейской сирены. На складе полно реактивной краски, а у этого гада был плазменный пистолет. А вдруг бы ему захотелось им воспользоваться?

Интересно, плазменный луч может меня убить или нет? Не знаю. Теперь я даже не знаю, кто я. Полудемоница, и все. Почти демоница. Короче, все, что угодно. Мне уже до черта надоели мое красивое, как у телезвезды, лицо и тело, с которым я до сих пор не могла справиться, и которое иногда действовало само по себе. Я играючи ловила одного преступника за другим и уже не могла остановиться. Гейб называла это преступной лихорадкой; боюсь, она была недалеко от истины.

Скоро я буду дома и, как обычно по вторникам, встречу с Гейб в ресторанчике Фа Чоя. Я успела по ней соскучиться. «Ну вот, хоть одна новая мысль, — мрачно подумала я, когда сирена завывала совсем рядом, а Джейс уже собрал оружие Булгарова. — Вот об этом и думай».

Однако ничего у меня не вышло — я смотрела на лежавшего на полу связанного человека и видела зеленые глаза, темные и задумчивые, видела длинное черное пальто, золотистую кожу и крепко сжатые тонкие губы. Вот черт. Снова думаю о демоне. О мертвом демоне, если уж на то пошло.

«Интересно, у демонов есть душа? Маги этого не знают, они вообще знают только то, о чем им сообщают демоны, а этот вопрос никогда не затрагивался. Ну а я? Что я такое? Что он со мной сделал и почему я не умерла, когда умер он?»

Зря я об этом подумала. Джейс, припадая на раненое колено, притащил отобранное у Булгарова оружие и с натянутой улыбкой взглянул на меня.

— Свежа, как маргаритка, — как всегда небрежно, заметил он. — Честное слово, это уже начинает раздражать.

— Да пошел ты.

Мы всегда так переругивались, когда охота была закончена. Очень помогает сбросить напряжение. Действует на все сто.

— Пойду, только вместе с тобой. У нас есть несколько минут, как ты на это смотришь?

Слегка улыбаясь, Джейс повел широкими плечами. Но его глаза смотрели не на меня, а на лежавшего человека, проверяя, крепко ли тот связан. Профессионал до мозга костей. Красивый голубоглазый мужчина, на шее висит мешочек с благовониями — знак ваудуна, на щеке татуировка — знак шамана. Джейс сделал себе стрижку, как у Джипси Роэна из сериала; она была ему очень к лицу. Гармонировала с его ленивой улыбкой и сияющими глазами.

Я фыркнула. Очень хотела сдержаться, но не смогла; из-за хриплого голоса этот смех мог сойти за желание продолжить игру. Я сжала кулаки.

— Ты, как всегда, сама галантность.

— Все ради тебя, детка. — Рядом оглушительно завывали сирены. — Потацишь его к

машине?

— А ты что предлагаешь? Швырнуть головой вперед?

Мне хотелось пошутить, но получилось довольно зло. Джейс перестал улыбаться.

— Можно и швырнуть, дорогуша. Только обязательно на бетонный пол.

До Сент-Сити мы добрались на ночном самолете; он высадил нас в аэропорту вместе с толпой нормалов. Я радостно выскочила из салона, поскольку клаустрофобия — беда всех псионов. К тому же я была счастлива избавиться от постоянного гула двигателей, который издает весь воздушный транспорт. Этот гул отдается у меня в коренных зубах и даже в костях. Нормалы его обычно не замечают, однако после длительного полета даже у них начинается нервный зуд. Их можно понять — я сто раз видела, как начинает нервничать нормал, оказавшись в одном купе с псионом. Почему-то нормалам кажется, будто мы стараемся прочесть их мысли или подчинить их своей воле, хотя одним богам известно, до чего мы не любим копаться в их мерзких мыслишках. Без строгой упорядоченности мыслей и способности управлять своим разумом, которая вырабатывается годами, мозг быстро сгнивает, но нормалам кажется, что так и должно быть. Как они это терпят, ума не приложу.

На мне была моя последняя чистая рубашка, а вот джинсы были в пятнах засохшей крови и пахло от них, как от гнилых фруктов; наверное, поэтому я то и дело ловила на себе косые взгляды нормалов, которые демонстративно отодвигались от меня подальше. А может, виноваты были мои кольца, поблескивающие в тусклом свете серенького утра, или мой бронежилет с целым набором ножей и пистолетов, ясно дающий понять, что я охотник-профессионал с лицензией на ношение любого оружия, кроме автоматического. А может, дело было в моем дьявольски красивом лице и бархатистой смуглой коже, в темных глазах и полных, чувственных губах; или в моей правой руке, которая иногда вдруг сама по себе начинала скрючиваться, словно пыталась нащупать рукоять меча. Как мне не хватало моей катаны и той уверенности, которая появлялась, когда я бралась за ее рукоять; ножи — это совсем другое. И все же вонзить меч в сердце демона — значит рисковать своей жизнью, а не какой-то там рукой. Тогда мне повезло; если бы Джафримель меня не изменил, то, убив Сантино, я бы тоже погибла, а не отделалась одной изуродованной рукой.

Да. Везучая я, ничего не скажешь.

Мы ждали, когда подъедет трап. У меня слегка пощипывало кожу, Джейс опирался на свой посох, в последний момент захваченный в гостинице Джерси; на верхушке посоха болталась веревка из рафии и висящая на ней связка косточек, которые постукивали, ударяясь одна о другую, даже тогда, когда посох не шевелился. У посоха шамана есть одна особенность — спустя какое-то время у него появляется словно бы своя жизнь и своя личность, как у всех предметов, наделенных энергией. Рассказывают, что некоторые шаманы до сих пор передают свой посох ученикам или детям, как в добрые старые времена. Джейс был шаманом-эклектиком, как и большинство североамериканских шаманов; трудно работать на Гегемонию, если владеешь только одной профессией. Мы, псионы, живем как сороки — то тут что-то подхватишь, то там. А как же иначе? Если уж ты наделен и магическими способностями, и энергией, глупо этим не воспользоваться.

Пощипывание кожи означало, что мое тело начало приспосабливаться к потоку энергии, витающей в сыром воздухе. Аэропорт оказался забит транспортом, поэтому нас отвезли в запасной док. Моросил мелкий осенний дождик, приносивший с собой запахи воды, морской соли и этот особый, влажный запах пропитанного радиацией Сент-Сити.

Я дома. Странно: чем дольше я моталась по разным городам, тем больше думала о Сент-Сити как о своем доме.

— Поедешь домой? — спросил Джейс, легонько стукнув концом посоха по бетону.

От дождя его золотистые волосы потемнели и слиплись; кровоподтек начал рассасываться. В том месте, где я применила заклятие исцеления, пульсировала жилка. Во время полета Джейс спал, я — нет. Мы с ним оба предпочитаем вести ночной образ жизни и от яркого утреннего света едва не заболеваем. К тому же Джейсу требовалось еще несколько часов, чтобы адаптироваться к новому потоку энергии, — мы не так долго отсутствовали,

чтобы настроить свое биополе на энергию Джерси. Это как провал во времени — когда летишь на самолете, из-за большой скорости перестаешь соображать, день сейчас или ночь, а уж если псион устал и измучен, то испытывает еще и сильные боли.

Взглянув на стеклянные двери, я кашлянула. Чтобы выйти на улицу, нам с Джейсом придется воспользоваться лифтом и спускаться в одной кабине. Если я этого захочу.

— Нет, у меня есть кое-какие дела.

— Я так и думал, — понимающе кивнул Джейс.

Высокий, худощавый мужчина с обаятельной улыбкой, поверх черной футболки надета португеза, за поясом — меч дотануки, в руке — посох шамана. Если бы Джейс не был псионом, то вполне мог бы стать звездой сериалов. Однако возле уголков его глаз залегли тонкие морщинки, которых я раньше не замечала, да и выглядел он очень усталым и опирался на посох. Все эти десять месяцев ему приходилось нелегко.

— Очередная годовщина, верно?

«Не ожидала, что ты об этом вспомнишь, Джейс. Последний раз ты это видел много лет назад. Еще до Рио. До того, как ты меня бросил». Я кивнула, закусив губу. Странно, раньше я не позволяла себе так нервничать.

— Да. Я рада, что мы вернулись домой, но... я не могу туда не пойти.

Он кивнул.

— Я заскочу к Черку выпить рюмочку, потом поеду домой.

Он подмигнул мне и лучезарно улыбнулся — о, эта знаменитая улыбка Джейса Монро! Женщины от нее таяли; у него никогда не было недостатка в поклонницах, до тех пор — как любил он повторять, — пока не появилась я.

— Может, я даже напьюсь, и тогда уж, так и быть, пользуйся моментом.

Черт бы его взял, он заставил меня улыбнуться.

— Ага, в твоих мечтах. Иди домой, я немного задержусь. Не слишком напивайся.

— Разумеется, — пожав плечами, ответил Джейс и направился к выходу.

Мне так хотелось пойти вместе с ним, шагать рядом с ним по улице, но я не двинулась с места и закрыла глаза. Правая рука сама поднялась и дотронулась до знака на плече. Кажется, его покалывает сильнее, чем прежде?

«Перестань, Данте. — Это вновь заговорила моя совесть, — Джафа больше нет. Учись жить без него».

«Я учусь, — ответила я своей совести. — Оставь меня в покое».

Она затихла, чтобы вскоре вернуться и снова меня мучить. Я потерла плечо кулаком, поскольку скрюченные пальцы не слушались. Хорошо хоть ожог на плече больше не болит. Только там...

Уже в который раз я спрашивала себя, почему этот знак не исчез вместе со смертью Джафа. Правда, оставил его мне Люцифер, а не Джаф.

Честно говоря, от этой мысли становилось не по себе.

Когда я спустилась на лифте и вышла на улицу, прищурившись от серенького дневного света, Джейса уже нигде не было видно. На тротуарах блестели лужи, по которым, вздымая тучи брызг, проносились воздушные авто и велосипеды; по земле эти машины двигались намного медленнее. Вокруг было полно народу, в основном нормалов, спешащих по своим делам; все псионы, скорее всего, давно уже спали. Я решила немного пройтись. Как это приятно — идти по улице, болтать руками, встряхивать заплетенными в косу волосами и слушать собственные шаги. Булгарова надежно заперли в тюремной камере; плата за его поимку плюс те пятнадцать процентов, о которых я сообщила Трине, наверное, уже перечислены на счет Джейса. Я в деньгах не нуждалась — Люцифер наградил меня весьма щедро. Даже теперь, когда я привыкла к своему богатству, меня по-прежнему передергивало, когда я заполняла счета или запрашивала компьютер о состоянии своей наличности. Кровавые деньги, плата за жизнь, которой играл Люцифер, втянувший в эту игру и меня, чтобы покончить с Сантино.

Я должна была отомстить. Люцифер по-прежнему держал меня на поводке и из-за

дочери Дорин, и из-за Джафримеля. Заставить его рассчитаться за все я, конечно, не могла, но попытаться все же стоило. Он передо мной в долгу, а я в долгу перед мертвым демоном, которому обязана жизнью.

Я поморщилась. В Сент-Сити моросил мелкий дождь. Может быть, Князь тьмы по-прежнему за мной наблюдает.

Я не должна ему ничего, и, может быть, именно этого он и добивается: положить конец всей этой истории.

«Думай о чем-нибудь другом, Данте. Тебе есть о чем подумать. О Джейсе, например».

Ради меня Джейс порвал с семьей Моб, отказавшись от всего; просто взял и передал руководство компанией своему заместителю, подписав все нужные документы. Вот так — после долгой и жестокой борьбы, когда он уже вплотную подошел к созданию собственной семьи, Джейс все бросил и оказался на пороге моего дома.

«Данте, у тебя просто дар думать о том, что хочется поскорее забыть».

Чтобы добраться до пересечения Седьмой и Черри, мне понадобился час. Купив в уличном киоске букетик желтых маргариток, я остановилась на южной стороне улицы, под навесом бакалейного магазина, построенного два года назад. Когда-то, когда еще был жив Льюис, здесь находился книжный магазин.

Сердце забилося; его стук отдавался в висках и горле, словно я опять начала охоту. Дрожащей рукой я судорожно сжала цветы; зашуршала пластиковая обертка, и веселые маргаритки закивали мне своими желтыми с черной серединкой головками. Приходить сюда каждый год было мучительно, словно я должна была совершать некое покаяние, хотя, с другой стороны, кто еще мог вспомнить о нем, кроме меня? Льюис был совсем одинок, его семьей были мы, дети-псионы, к которым он относился как к родным. Я тоже была совсем одинока, и Льюис заменял мне семью до тех пор, пока мне не исполнилось тринадцать.

И если во мне было хоть что-то, чем я могла бы гордиться, то только благодаря Льюису.

Воспоминания — это проклятие псионов. Методы маги, с помощью которых они тренируют память, необходимы и в то же время беспощадны. Наша тренированная память должна хранить каждую деталь, каждую подробность любого события, магического круга, рунной вязи, страницы текста. Все это крайне необходимо при совершении Великого заклęcia, где все должно быть строго на своем месте и в свое время, но это же превращает жизнь псиона в пытку, когда ему хочется о чем-то забыть.

К счастью, плечо у меня больше не болело. В этой части города людей почти не было, лишь редкие прохожие заскакивали в бакалейную лавочку, чтобы купить выпивку или пачку сигарет. Я же тихо стояла на углу улицы, прижавшись к стене, и вспоминала.

В качестве особого поощрения он повел меня в книжный магазин, и в тот солнечный и не по сезону теплый осенний день мне казалось, что металлический ошейник сдавливает шею не так сильно. В воздухе висел пряный запах сухих листьев, а небо было невероятного синего цвета, каким оно бывает только осенью. Эта синева резала глаза, в ней можно было утонуть. Льюис торжественно водрузил на свой крючковатый нос очки, и мы отправились на прогулку. Я не цеплялась за его руку, как раньше, когда была совсем маленькой; за последние годы я вообще стала значительно более самоуверенной. Мне так хотелось рассказать ему о том, что творилось у нас в школе, но мне не хватило духа.

Мы шли по улице, и Льюис спрашивал, что я думаю о книге, которую он дал мне почитать, — это был Цицерон; потом он сказал, если я хорошо сдам теорию магии, он даст мне почитать еще и Аврелия. «А как тебе понравился Овидий?» — спросил он, при этом его дешевая футболка и джинсы просто лучились радостью и удовольствием. Льюис никогда не одевался, как подобало социальному педагогу, и за это я любила его еще больше. Именно он подарил мне мое имя и привил любовь к книгам. Именно из-за него в голове двенадцатилетней девчонки рождались самые невероятные фантазии, например, что Лью — мой отец, который давно ждет подходящего момента, чтобы мне об этом сообщить.

«Очень понравился, — ответила я, — только этот человек не может думать ни о чем

другом, кроме женщин. Как все мужчины». Льюис почему-то рассмеялся, а чему он смеялся, я поняла, только став взрослой. Тогда же я смеялась вместе с ним, радуясь, что ему весело и что ему хорошо со мной.

Я уже собралась еще что-то сказать, когда из-за угла внезапно выскочил трясущийся человек с расширенными зрачками, от которого за версту разило хлорменом-13. Наркоман, обезумевший от ломки и желания достать новую дозу. Глаза человека остановились на старинном сверкающем хронографе Льюиса, который тот гордо носил на руке вместе с персональным датчиком. А потом — шум, крики и нож. Льюис кричал, чтобы я уходила, но я словно приросла к тротуару и смотрела, как вспыхивает на солнце нож наркомана, и этот блеск резал мне глаза. «Беги, Дэнни! Беги!»

Глаза начало пощипывать. От дождя пальто и волосы промокли насквозь; я стояла именно там, где стояла в тот день, а потом повернулась и побежала прочь, вопя от ужаса, пока наркоман расправлялся с Льюисом.

Разумеется, очень скоро этого человека поймали, но хронографа у него уже не было, а его мозг был настолько изъеден наркотиком, что парень не мог вспомнить даже своего имени, не говоря уже о том, куда дел какое-то старинное барахло. А Лью вместе с его книгами, его любовью и его благородством навсегда покинул меня, отправившись в безжизненную пустыню смерти, то царство, где я до сих пор остаюсь чужестранкой, даже если бы и знала путь к его границам.

Я положила цветы на мокрый тротуар, как делала каждый год. Тихо зашуршал пластик. Кольцо с гематитом вспыхнуло, отбросив с матовой поверхности яркий лучик энергии.

— Эй, — прошептала я. — Привет.

Разумеется, среди необозримых зеленых полей Маунтхоупа у Льюиса была могила, на которой стояло его имя. Но школьнику добираться туда на общественном транспорте было очень долго, я все равно не успела бы вернуться вовремя, поэтому приходила сюда, в центр города, где мой учитель умер почти мгновенно. Если бы я была старше, если бы была хорошо обученной некроманткой, то сумела бы отогнать наркомана или вернуть к жизни изуродованное тело Льюиса, не дать его душе перейти на ту сторону моста, откуда льется голубое свечение смерти... если бы я была старше. Если бы я не растерялась, то сумела бы сбить наркомана с толку, отвлечь его на себя; ошейник на моей шее означал, что я не могу применять свои парапсихические способности, но были же и другие способы. Что-то такое, что я могла бы сделать.

Должна была сделать.

— Я скучаю по тебе, — прошептала я.

Я пропустила всего две годовщины. Первый раз я поступала в Академию и приехать не смогла, а второй был годом смерти Дории, убитой демоном. Тогда я не знала, что он демон.

— Я так по тебе скучаю.

«Nihil desperandum!» — крикнул бы мне Льюис. «Никогда не отчаивайся!»

Другим детям читали сказки. Меня же Льюис воспитывал на произведениях Цицерона и Конфуция, Мильтона и Катона Эпиктета и Софокла, Шекспира и Дюма. И на закуску — Светоний, Блейк, Гиббон и Ювенал. «Эти книги выжили потому...», — говорил мне Льюис, — что приблизились к бессмертию, так же как и ты. Это хорошие книги, Данте, настоящие, они тебе помогут».

Они и правда мне помогли, да еще как.

Вздвогнув, я вернулась к действительности. Над головой, гудя и завывая, пронеслись воздушные авто — хOVERы. Вокруг раздавались звуки шагов — люди шли по своим делам, но на этой стороне Седьмой никого не было, поскольку здесь располагались в основном жилые здания, обитатели которых или ушли на работу, или еще спали. Маргаритки ярко выделялись на щербатом тротуаре — желтое пятно под упругими струями дождя.

— Что ж, — тихо сказала я, — до встречи в следующем году.

И медленно повернулась на каблуках. Первые шаги, как обычно, дались мне с трудом, но я не стала оглядываться. Впереди у меня еще одно свидание. Дома меня ждет Джейс, который наверняка притащил из «Тривизидеро» несколько головидеодисков с сериалами. Наверное, опять будет «Отец Египет» — мы с Джейсом обожали этот фильм и знали наизусть почти все его диалоги. «Что там крадется в тени? Египет, владелец Скарабея Света, откроет эту тайну!»

Как ни странно, я заулыбалась. Опять.

Глава 2

Серое утро перешло в тихий пасмурный день, когда я постучала в деревянную дверь. За спиной горели уличные фонари, под ними на земле покачивались оранжевые круги. В окне, выходящем на улицу, светился неоновый магический знак — настоящий антик, он гудел, как машина, бросая отсвет на куртинку тысячелистников. Я чувствовала себя выдохшейся и опустошенной — так всегда у меня бывает после очередного задержания, а тут еще кровь на одежде и этот запах гнилых фруктов.

Дверь была выкрашена в красный цвет; защитное поле маленького кирпичного домика, окруженного милым, но довольно запущенным садом, было очень мощным и практически непроницаемым. В этом саду калифорнийские маки переплетались с полынью, настурциями и наперстянками; что-то еще цвело, но большинство цветов уже облетели и поникли, чувствуя приближение холодных зимних дождей. Я ощутила резкий запах розмарина — наверное, она недавно срезала стебли, чтобы их засушить. Летом, когда сад превращался в сплошное буйство красок, защитное поле продолжало его охранять — надежно и строго. Насколько мне было известно, Сьерра никогда не выходила за пределы своего участка. Я ни разу не слышала, чтобы хоть кто-нибудь встретил ее в городе; впрочем, это не мое дело.

Я пришла сюда совсем по другой причине. Даже мутный дневной свет больно резал мне глаза; очень хотелось, чтобы стало хоть немного темнее. Как и большинству псионов, днем мне немного не по себе; боязнь дневного света — это у нас в генах. Зато когда наступает ночь, я оживаю. По крайней мере, в этом я не изменилась.

Хорошо, что я вовремя вернулась в город. Прошлый сеанс я пропустила и с тех пор чувствовала себя виноватой. Я уже занесла руку, чтобы постучать, но в этот момент защитное поле замигало, окрасилось в приветливый розовый цвет, и дверь открылась сама по себе. Я откинула со лба мокрую прядь — и встретила взгляд Сьерры Игнатиус.

Ее огромные голубые глаза были настолько светлыми, что не сразу можно было определить, где кончается радужная оболочка и начинается белок, а в ее зрачках иногда вспыхивал огонь. Глаза Сьерры были подернуты странной пеленой — признак врожденной слепоты. Обычно слепота лечится еще в детстве с помощью генной терапии, но Сьерру почему-то не вылечили ни в детстве, ни в более зрелом возрасте. Несмотря на это, она передвигалась по своему домику так ловко и уверенно, как не могут и некоторые зрячие. Ходили слухи, будто родители Сьерры были луддерами, однако меня это не интересовало. Нас сблизил ее слепота, ведь Сьерра, как и я, тоже была аномальным явлением; наверное, именно поэтому я и отважилась прийти сюда.

— Дэнни!

Она была мне искренне рада, эта маленькая сухощавая женщина с пушистыми волосами и татуировкой на левой щеке. Моя щека загорелась, и татуировка на ней задвигалась. Я почувствовала, что улыбаюсь, — уголки губ приподнялись, словно сами по себе. Сьерра была похожа на крошечную шаловливую фею, от ее ауры пахло розами и древесной золой — единственный запах мира людей, который мне почему-то нравился.

— А я-то все думала, придешь ты или нет. В прошлом месяце ты не явилась.

За спиной Сьерры, сняв руку с рукояти короткого боевого меча, стояла поджарая шаманка с такой же татуировкой, как у Сьерры; сильные и ловкие движения женщины

говорили о ее отличной боевой подготовке. Изыячно склонив голову в знак приветствия, шаманка развернулась на каблуках и удалилась. Кора сильно меня недолюбливала, как, впрочем, и я ее. Когда-то между нами произошел конфликт из-за одного скинлина. Он был ее другом, а я сдала его полиции по обвинению в убийстве и незаконной рекомбинации генов. Тогда Кора не сказала мне ни слова, но отношения между нами испортились, и теперь каждый раз, когда я приходила к Сьерре, шаманка молча, но демонстративно поднималась к себе. Потрясающее владение собой. Убить ее было бы для меня просто невыносимо.

— Прости, что в прошлый раз не пришла, — сказала я, вдыхая сильный запах благовоний и лаванды.

Воздух в доме источал такие ароматы, что, как только Сьерра закрыла за мной дверь, я почувствовала, как уходит накопившееся за день напряжение. В маленькой передней было темно, возле стоявшей в нише фигурки Асклепия горели свечи. Стены передней были отделаны деревянными панелями, пол также был деревянный.

— Я была на задании.

— Сколько тебя помню, ты всегда на задании, милочка. Пошли, у меня все готово. Что у тебя сегодня болит?

Как всегда, она сразу приступила к делу, твердым шагом пройдя мимо меня. Если бы я закрыла глаза, то двигалась бы гораздо медленнее. Аура Сьерры протягивала ко мне тоненькие щупальца, давая понять, что узнала меня. Почувствовав пряный аромат исходившей от Сьерры энергии, я подумала о Джейсе. Мы прошли через чистенькую кухню, где на окнах стояли горшки с пряными травами, а под потолком на шнурке лениво покачивался стеклянный шар-подвеска. Все аккуратно стояло на своих местах, на кухонном столе не было ничего, кроме двух винно-красных салфеток и вазы с белыми лилиями, при виде которых я содрогнулась. После Сантино я не могла смотреть на цветы.

— У меня? Болит? — изобразив крайнее изумление, спросила я, когда вслед за Сьеррой вошла в круглую комнату, где журчал маленький фонтанчик, выложенный черными камушками; посреди комнаты стоял топчан, накрытый свежими белыми простынями.

«Что у меня может болеть? Ничего. Только плечо. Рука. Сердце».

— Ничего у меня не болит. И чувствую я себя вполне нормально.

— Врешь. Ну да ладно. — Сьерра привычным движением разгладила простыни. — С чего начнем?

Я пожалала плечами и тут же вспомнила, что Сьерра меня не видит. Сняв пальто, я повесила его на вешалку возле двери, неловкими пальцами правой руки расстегнула ремень с кобурой.

— Со спины, с чего же еще. Как всегда. Ты примени только магию, больше ничего не нужно.

Склонив набок голову, Сьерра прислушивалась к моим движениям.

— Пахнет порохом. Ты ранена?

Я снова улыбнулась. До Рио я не улыбалась месяцами.

— Потрясающе. Да, я немного грязная. Извини. — Сняв сапоги, я в одних носках зашлепала по полу. — Ты не возражаешь?

Будь я человеком, мне пришлось бы отмываться химикатами, чтобы смыть кровь; а так испачкалась только моя одежда, что же касается кожи, то она просто впитала в себя черную сукровицу, и все. Сьерра, как любой псион, видела черный огонь, сверкающий в моей ауре, который указывал на мое родство с демонами, и все же ни разу не предложила мне воспользоваться химикатами, решив, что все, что исходит от меня, для нее не опасно. Ее интересовали только открытые раны, а вот их-то у меня и не было. Во всяком случае, снаружи.

— Разумеется, возражаю. Спина спиной, а что у тебя с плечом?

Я дотронулась до левого плеча.

— Ничего. Не трогай его пока, хорошо?

Я всегда так отвечала, и Сьерра снова лишь кивнула.

Раздевшись, я бросила одежду на стул и улеглась на топчане животом вниз, а Сьерра набросила на меня простыню. Я не просила ее выйти из комнаты, пока я раздевалась. Большинство псионов не стыдятся наготы, и, хотя мне было немного неловко, подобная просьба была бы проявлением слабости. Устроившись поудобнее, я уставилась на мягкий ковер на полу, на котором играли отблески свечей, на свою свесившуюся вниз косу и издала долгий, протяжный вздох.

— Вот ради таких вздохов я и живу, — сказала Сьерра и сдвинула простыню вниз, на самые бедра.

Я снова вздохнула.

— О, второй вздох. Должно быть, трудно тебе пришлось!

— Трудно. Два задержания.

Я закрыла глаза, пока Сьерра, сжав руки, нагревала их. Запахло миндальным маслом. Она никогда не пользовалась благовониями, за что я была ей очень благодарна.

— Все работаешь и работаешь.

Сьерра положила ладони мне на спину — одну между лопаток, вторую на копчик. Поддержала так несколько минут, затем начала массировать. Мое тело мягко прогибалось под ее руками.

— Ты слишком напряжена, Дэнни. Когда ты научишься расслабляться?

— Ничего подобного, я не напряжена, — буркнула я. — Мне нужно работать, иначе на что я буду жить?

Вранье, у меня было полно денег. Столько, что дальше некуда. Мне можно было не работать. Но, боги, сидеть без работы было выше моих сил.

Сьерра склонилась надо мной. Наступил момент, которого я так ждала... она начала разминать мои мускулы, скрытые под гладкой смуглой кожей. Я не выдержала и снова глубоко вздохнула. Прохладные ладони работали нежно и в то же время необыкновенно умело; моя кожа благодаря ускоренному метаболизму была горячее, чем руки Сьерры. Не в силах сдержать дрожь блаженства, я расслабилась, и моя скрюченная рука, тихо соскользнув с топчана, начала медленно распрямляться, пока сильные пальцы Сьерры тщательно разминали каждую клеточку моего тела, выискивая уголки накопившегося напряжения.

К Сьерре меня привела Гейб, лично заплатив за первый сеанс массажа. Тогда я не придавала этому значения и только смеялась, когда в назначенное время Гейб чуть не силой подтащила меня к красной деревянной двери. После двухчасового массажа я растеклась по топчану масляной лужей, не в силах произнести ни слова. Еще ни разу в жизни мне не было так хорошо. Домой я отправилась, весело насвистывая, и впервые за много месяцев оказалась почти в хорошем настроении. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, я внезапно ударилась в слезы. Слава богам, Джейса в то время не было дома — он ушел за покупками. Я заперлась в ванной и там хорошенько выплакалась, после чего долго стояла под горячим душем. А когда в окно спальни проник первый предрассветный луч, я крепко уснула — впервые за много недель. Спала я тревожно и часто просыпалась, но все же это был самый настоящий сон.

Вот с этого все и началось — я подсела на массаж. Раз в месяц, когда у меня было свободное время, я приходила к Сьерре, и каждый раз все повторялось: ее сильные пальцы приводили меня в состояние полной расслабленности. Я не думала ни о чем, полностью доверяясь рукам Сьерры.

О чем тут думать — я плачу, она выполняет свою работу, только и всего.

И почему так не получается в жизни?

— Ты долго пробудешь в городе? — тихо, словно боясь мне помешать, спросила Сьерра.

— Не очень. До следующего вызова.

По моему телу прошла легкая дрожь, и Сьерра сразу отняла руки.

— Что, я слишком сильно нажала?

«Ты не смогла бы причинить мне боль, шаманка, даже если бы и захотела. Разве что с

помощью оружия, да и то если бы тебе повезло».

— Нет-нет, все хорошо.

«Ну почему я не знаю, кто я? Почему Джафримель мне этого не сказал?»

«Ну вот, опять я думаю о нем». Я протяжно вздохнула и закрыла глаза.

— Не обращай внимания, я просто задумалась, — буркнула я.

— О чем же? — снова тихо спросила Сьерра.

«О демоне. О падшем демоне, мертвом демоне, с которым так ненадолго меня свела судьба и которого я никак не могу забыть. Он не оставляет меня в покое. Так же как и другой мужчина, единственный, кого я любила, тот, кто так благородно меня бросил. Призрак, который вечно стоит у меня перед глазами, и мужчина, которого я не могу коснуться; я хватаюсь за все дела подряд, гоняюсь за преступниками, но ничто мне не помогает».

— О прошлом.

Тихий смех. Сьерра разминает мне спину, помогая себе то локтем, то всей рукой, наваливаясь на меня всем телом.

— Не слишком приятная тема.

«Это еще мягко сказано, солнце мое».

— Точно.

Я заворочалась на топчане, изумруд на щеке глубже вдавился в кожу. Сьерра взялась за мои ноги. Я судорожно сглотнула.

— Кожа у тебя потрясающая. — Как деликатно она сменила тему. В воздухе запахло благовонным маслом, и я вспомнила о Гейб, которая просто обожала шаманку. — Везет тебе.

— Угу.

Сьерра сразу поняла намек, и весь остальной сеанс прошел в благостном молчании с ее стороны и угрюмой тишине с моей.

Во всем виноваты эти бесконечные драки и погони, твердила я себе. Даже Джейс начал сдавать. Десять задержаний за шесть месяцев, это вам не поездки на пикник, а он не проронил ни слова, ни разу не пожаловался, не отказался. Мало того, он сам вызвался участвовать во всех задержаниях и всегда старался прикрыть меня собой. Совсем как в добрые старые времена, когда он учил меня отслеживать, а потом ловить преступника, учил доверять своей интуиции, выискивать малейшую зацепку, малейший признак, учил понимать психологию преступников и находить таких клиентов, которым нужен был конкретный результат, а не пустая болтовня на юридические темы.

«Признайся, Дэнни, ты не хочешь, чтобы он уходил. Ты боишься, что он снова тебя бросит, и однажды ты придешь домой — а его нет».

Как ни печально, но это было действительно так. Тот факт, что Джейс ни разу не спросил о Джафримеле, позволял нам обоим делать вид, будто между нами ничего не произошло, и мы просто живем под одной крышей. Эдакие добрые соседи, надежные напарники и партнеры в искусно поставленном танце, где Джейс ведет, а я полностью доверяюсь его рукам, не забывая при этом отсчитывать такт.

Может быть, он ждет, когда я забуду Джафримеля?

«У вас было всего несколько дней, Дэнни. И он был демоном. Он не сказал тебе ни слова ни о дочери Дорин, ни о Сантино, ни о планах Люцифера». И почему мне всегда попадаются только лживые мужики?

— Перевернись, — тихо сказала Сьерра, и я перевернулась на спину.

Она подложила мне под колени валик и начала массировать ноги. Журчание фонтанчика успокаивало не меньше, чем запах благовонного масла и ловкие пальцы Сьерры. Она точно определяла, где болит сильнее. «Когда я была человеком, то за такой массаж отдала бы все на свете». Но когда я была человеком, то никому ни под каким видом не позволила бы даже прикоснуться к своему телу.

Сьерра помассировала мне живот, однако левое плечо трогать не стала, а я даже не взглянула на свое клеймо, текучий глиф-украшение, знак демона. «Может быть, это его имя? Или что-то вроде «срока хранения»? Люцифер пометил меня так же, как нихтврены метят

своих рабов. Может быть, это его бренд». Внезапно в памяти всплыло воспоминание, от которого по телу пробежала горячая волна. Губы Джафримеля на моих губах, прилив желаний, когда не надо ничего объяснять... мои кольца вспыхнули, лениво испуская свет; по ауре побежали черные отсветы демонского огня, в котором вспыхивали искры — знак некроманта. Во мне оживала могучая энергия.

Под конец Сьерра распустила мою косу и начала массировать голову. Я никогда раньше не знала, какое огромное напряжение скапливается под волосами на коже черепа. От наслаждения у меня перехватило дух; ощущение было такое, словно мои волосы нежно перебирает Дорин.

Дорин. Да что за день сегодня — одни тяжкие воспоминания! Хоть бы Трина позвонила и сообщила об очередном задании. Мне непременно нужно чем-то заняться, пока меня окончательно не одолела хандра.

Пока я вновь не погрузилась в воспоминания. Память, ярость, чувство вины. Эта святая троица, преследующая меня не дающая ни минуты покоя. Была ли у меня другая жизнь?

К этому списку можно добавить еще и стыд. Стыд оттого что я тосковала по мертвому демону, которого и знала-то всего несколько дней; этот демон изменил меня, превратив в непонятное существо, на которое с опаской смотрят даже мои друзья.

Я вздохнула.

— Тебе лучше? — спросила Сьерра, массируя мне голову.

— Намного.

На этот раз я решила дать ей на чай сорок процентов от обычной платы. Я открыла глаза; моя левая рука пыталась нащупать рукоять меча. Прошел год с тех пор, когда я последний раз держала в руке меч, а она никак не может забыть привычных движений. Зато пальцы правой больше не сжимались сами по себе. Рука выпрямилась, пальцы расслабились. Знак на плече замер и не реагировал.

— Спасибо, Сьерра.

— Не за что. Хочешь чаю? Или тебе нужно уходить?

Какая деликатность.

— Мне нужно уходить. Спасибо.

— Приходи в любое время, Дэнни. До встречи через месяц.

С этими словами Сьерра вышла из комнаты, оставив за собой острый запах шаманки и запах отмирающих человеческих клеток. Набрав полную грудь пропитанного благовониями воздуха, я шумно выдохнула, глядя в белый потолок. Дверь тихо закрылась, и я осталась в одиночестве.

« Попрошу Трину скорее найти мне новое задание. Потом можно будет и отдохнуть. Закрою дом и отправлюсь куда-нибудь на острова. Буду читать журналы магии и взламывать их коды. А вдруг кто-нибудь из колдунов знает, кто я? Может быть, кто-нибудь из них даже возьмет меня в ученики. Правда, я немного старовата, ну и что с того? Кто знает, сколько я вообще проживу? Демоны — существа бессмертные и погибают только от насильственной смерти или в результате самоубийства».

Ненавижу эти мысли. Нашла время думать о подобных вещах.

«Ладно, Валентайн, вставай, иди домой и переоденься». Соскочив с топчана, я за пять минут оделась и еще за пять минут нацепила всю свою амуницию. Выйду через заднюю дверь и сразу окажусь на Девятой, потом немного пройду по району Университета, чтобы немного размяться и поразмышлять. Мне всегда лучше думается на ходу; потом приду домой и буду смотреть какой-нибудь дурацкий сериал. Нажав кнопку на персональном датчике, я отсчитала Сьерре положенную плату плюс сорок процентов чаевых; Трина запишет меня на сеанс в следующем месяце.

На улице шел дождь; запахи цветов в саду Сьерры на какое-то время перебили мерзкую вонь Сент-Сити. Я по привычке взглянула на небо, чувствуя, как на плечи наваливается груз обычных проблем. Я вернулась к своим будням.

Глава 3

Через два дня резкий телефонный звонок вырвал меня из тревожного, прерывистого сна. Джейс что-то невнятно пробормотал. Я перекатилась на бок, взглянула на часы и вздохнула. Простыни из чистого хлопка сбились на сторону и лежали где-то в углу кровати — опять я металась во сне.

Три часа дня. Еще одна пьяная бессонная ночь, заполненная просмотром голографического видео — старых серий «Индианы Джонса», «Маги» и «Отца Египта». С утренней почтой пришло письмо — пергаментный конверт без обратного адреса, запечатанный тяжелой кроваво-красной восковой печатью. Едва взяв его в руки, я ощутила тяжелый острый запах. Демон. Дрожащими руками я вскрыла роскошный конверт.

Отлично разлинованная бумага; почерк ровный, даже каллиграфический. *«Данте, мне нужно с вами поговорить»*. И подпись — «Л». Будто я сама не догадалась, от кого письмо.

Князь тьмы. Записка от самого Люцифера. пытаюсь убедить себя, что все эти вещи меня больше не интересуют, я бросила письмо в машину для переработки мусора и решила не отставать от Джейса по части выпивки.

Ничего не помогло. Я даже не смогла как следует напиться.

Джейс снова что-то пробормотал и повернулся на бок, явив моему взору свою широкую мускулистую спину. Вытатуированный на левой лопатке скорпион слегка зашевелился и приподнял жало. Вся спина Джейса была покрыта мелкими, словно чешуя, белесыми полосками шрамов, которые проступали сквозь его навечно приставший к коже загар, сохранившийся еще со времен Нуэво-Рио. Джейс плюхнулся в мою постель, потому что не смог дотащить до своей комнаты. Я не возражала, ибо слышать его дыхание, когда сама изнываешь от усталости, а голова раскалывается от тяжелых мыслей, — значит хоть немного успокоиться самой.

«Что-то случилось». Я почувствовала это спиной; кольца на руках засверкали. Золотыми искрами вспыхнул янтарный кабашон на безымянном пальце. Разумеется, что-то случилось, иначе никто не стал бы меня беспокоить среди бела дня, даже залетный коммивояжер в погоне за своей выручкой. Хотя призывать проклятия на голову нормалов нам запрещалось, некоторые из нас, псионов, все же выходили из себя настолько, что забывали обо всех запретах, когда нужно было шугануть очередного надоедливого делягу. А держать специального псиона, который затем снимал бы проклятие, было для корпораций весьма накладно.

Левое плечо внезапно заныло так, словно кто-то впился в него зубами. Боль пронзила меня до костей. Если бы я до него дотронулась, то почувствовала бы, как задвигались края шрама. Но я не стала его трогать, только шевельнула плечом, стараясь разогнать остатки сна. Телефон зазвонил вновь; на редкость противный, визгливый звук.

Я сняла трубку, пытаюсь понять, кому понадобилось устанавливать телефон в спальне. Наверное, когда-то это было очень удобно. Я услышала свое неясное бормотание:

— Sekhmet sa'es. Ну, кто там еще?

Ничего особенного, вполне вежливый ответ. Я всегда по возможности стараюсь не пользоваться автоответчиком и тем более видеоэкраном, когда нужно ответить на звонок. Мысль о том, что кто-то может увидеть меня в моем собственном доме, всего лишь проносясь мимо и даже не выходя из своей идиотской машины, приводит меня в ярость.

И, кроме того, а вдруг я захочу подойти к телефону голой? Захочу и подойду, это мое дело и только мое.

— Дэнни! — Это, конечно, Гейб. Из всех, кого я сразу узнавала по голосу, она была первой. В голосе Гейб слышались напряжение и тревога. — Просыпайся скорее! Ты мне нужна.

Я резко села на кровати, сдернув простыню с Джейса, который сначала слабо попытался натянуть ее на себя, а затем просто свернулся калачиком.

— Куда мне приехать?

Щелчок зажигалки, вдох. Опять она курит. Плохой признак.

— Я в участке. Можешь приехать прямо сейчас?

Я потрясла Джейса за плечо. Его кожа была холоднее моей; мои накрашенные ногти слегка царапали ее. Он проснулся гораздо быстрее, чем я, мгновенно подскочил и выхватил из-под подушки нож — и только потом понял, что я просто говорю по телефону, и мне ничто не угрожает. Мы с ним оба умеем мгновенно просыпаться, к этому нас приучили годы работы в полиции.

— Уже еду, — ответила я Гейб. — Не волнуйся.

Она повесила трубку. Я тоже бросила трубку и потянулась; связки на правой руке затрещали, когда я попыталась выпрямить пальцы. Спать по-настоящему я так и не могла, однако за последние три недели научилась погружаться в то, что можно было назвать почти что сном, и мне не нравилось, когда меня вырывали из этого состояния. Во время охоты не до сна; сон обычно означает, что твоя добыча уже где-то далеко.

Опять же сны — вечно мне снилась всякая гадость; исключением было то время, когда со мной жила Дорин. Седаин способен успокоить даже самого неукротимого некроманта, потому-то я так тосковала по Дорин: она тихонько будила меня среди ночи, и тяжелые кошмары постепенно уходили прочь, а я погружалась в благословенное черное забытие.

Можно было, конечно, вспомнить и о Джафримеле, но мы с ним мало спали.

— Что там? — сонно спросил Джейс и потянулся за джинсами.

Я уже натягивала на себя чистую рубашку; как я оказалась посреди комнаты, не помню. Значит, опять метнулась с нечеловеческой скоростью. «Хватит, пора с этим кончать».

Прошло уже десять месяцев, а я так к этому и не привыкла. Помню, как невероятно, устрашающе быстро умел двигаться Джафримель, а я тогда его спросила, откуда у него эта способность. «Это часть моей энергии, — ответил он. — Она делает меня сильнее, менее уязвимым».

Если бы не этот дар, который он передал мне, я бы уже давно погибла. Везучая она, эта Дэнни Валентайн, теперь она сильнее любого псиона.

— Звонила Гейб. Просила срочно приехать к ней в участок.

Вместо зевка я лишь глубоко вздохнула. Откуда-то взялась странная слабость. Если мне не нужно спать, почему я тогда устаю?

Интересно, полудемоны спят или нет? В научных журналах маги и в их книгах по демонологии об этом не упоминалось, а мои постоянные разъезды катастрофически съедали время, которое я могла бы посвятить научным изысканиям. Впрочем, оно и лучше — меньше злилась бы.

— Вот зараза.

Джейс зевнул и потянулся. Затем откинул со лба золотистые волосы, надел рубашку и поверх нее нацепил ремень с кобурой. Мягкие кожаные ремни; пистолеты, ножи — мои руки двигались автоматически. Правая рука заныла, и я резко ею встряхнула; затем перекинула через плечо ремень черной брезентовой сумки и на секунду задержалась, чтобы перевести дух.

Наверное, нам предстоит погоня. Надеюсь, что так. Погоня долгая, трудная, такая, которая заставит меня забыть обо всем.

А впрочем, какая разница? Я сорвала с вешалки пальто. Ножи по-прежнему надежно скрывались в его рукавах; пистолеты легко вошли в кобуру, кольца на руках искрились. Знакомое чувство — возбуждение вперемежку с напряжением в желудке; я резко выдохнула.

— Она еще что-нибудь говорила? — спросил Джейс, потирая лицо, и снова зевнул.

По его ауре пробегали мелкие волны, на которые реагировало мое собственное биополе.

— В смысле, винтовку брать или нет?

— Не надо.

Я пошарила в сумке, проверяя, есть ли там патроны. Плазменнику они не нужны, другое дело — винтовка. Сквозь занавески на окнах пробивался солнечный свет; я чувствовала себя слабой и неуверенной — я всегда так себя чувствую днем.

— Возьми свой посох. Если бы Гейб нужно было оружие, она не стала бы звонить, а приехала бы сама.

— Верное замечание.

И как это он может казаться таким веселым и беззаботным, особенно после целой бутылки «Чивас ред»? Я все еще чувствовала кислый запах, исходящий от его тела, — его энергия перерабатывала алкоголь, разлагая сахара и депрессанты.

— Вот черт, кажется, я еще не протрезвел, Дэнни.

— Ну и ладно.

Я сунула в сумку еще две коробки с патронами. Лишняя осторожность не помешает.

— Зато продлишь удовольствие. Пошли.

Глава 4

При свете полуденного солнца волосы Джейса вспыхнули, как огонь. Я заморгала и потеряла глаза. Пока я вылезала из такси, Джейс расплатился с очкастым водителем. За то, чтобы довезти нас до Южного полицейского участка Сент-Сити, парень затребовал пятьдесят кредиток. Мой желудок по-прежнему скручивало от боли. Слава богам — полудемонов тошнит редко.

Меня же до сих пор вообще ни разу не стошнило — редчайшее явление среди псионов. Значительно облегчает проведение широких обобщений. Честно говоря, я их никогда не любила, эти широкие обобщения, зато всегда высказывалась в пользу эффективности.

Джейс выбрался на тротуар и встал рядом со мной; такси взмыло вверх и заняло место в ряду пролетающих авто, напоследок блеснув своим ярко окрашенным днищем. Я глубоко вдохнула вонь, которую в Сент-Сити считали воздухом; кругом — одни мерзкие запахи отмирающих клеток и разложения; мне захотелось поморщиться. Я коротко присвистнула; кольца сияли ровным спокойным светом.

— Ты только посмотри, — сказал Джейс, проведя рукой по волосам.

Затем легонько стукнул посохом по тротуару. Раздался сухой треск, словно столкнулись два шара в одной старинной игре под названием бильярд.

Габриель Спокарелли ждала нас, стоя на ступенях лестницы, ведущей в участок, — невысокая женщина, стройная и изящная, как балерина, с коротко стриженными, блестящими черными волосами, обрамлявшими точечное личико. Вокруг ее темных глаз уже залегли морщинки, а выражение полнейшей сосредоточенности усилилось — если это вообще было возможно. В уголке хорошенького ротика была зажата незажженная сигарета.

«Ого, кажется, у Гейб неприятности». Если бы сигарета была зажжена, тогда другое дело. А так — сигарета просто вставлена в рот, плечи напряжены, аура переливается сине-фиолетовыми огнями... перед вами совершенно несчастная Габриель.

Ее изумруд вспыхнул в знак приветствия. Татуировка на бледной щеке задвигалась. Мой изумруд ответил собрату, и я почувствовала, как загорелась щека, — словно тело пронзил электрический разряд. Мое энергетическое поле сдвинулось, освобождая место электрическому облаку.

Я медленно подошла к Гейб. Внезапно правая рука разболелась. К этой боли я уже привыкла, поэтому не обратила на нее внимания. Гейб молча смотрела на нас с Джейсом; ее аура стала фиолетово-красной, как синяк.

Так. Значит, и в самом деле что-то стряслось.

— Привет, — сказал стоявший позади меня Джейс. — Ты, Спуки, как всегда, дивно хороша. Как там Эдди?

— Здравствуй, Монро.

Гейб слегка наклонила голову — единственный знак приветствия и уважения, которым она наградила Джейса. Ни она, ни Эдди так и не простили ему предательской связи с демоном, убившим Дорин и едва не убившим меня. Впрочем, оба старались делать вид, будто ничего не произошло — из-за меня, конечно. Шесть месяцев назад я устроила маленькое собрание, на котором мы постановили, что никто никого не собирался убивать, поэтому вопрос можно считать закрытым. Джейс не мог знать, что глава компании «Моб», из которой он сбежал, был на самом деле демоном по имени Вардималь, поэтому винить его не в чем. Все с этим согласились, тем более что обстоятельства тогда действительно сложились самые экстраординарные.

Точнее, с этим согласились Гейб и я. Эдди что-то проворчал и вышел из комнаты, пообещав Джейсу, что убьет его. Мы разошлись совершенно счастливые, но, когда мы с Джейсом встретили Гейб в ресторанчике Фа Чоя, я поняла: все не так просто.

Она отводила глаза от Джейса, словно ей было больно на него смотреть.

— Эдди передает тебе привет. Я вижу, у вас все отлично.

Я пожала плечами.

— Да что нам сделается?

Солнечный свет больно бил по глазам. Единственный недостаток острого демонского зрения — яркие огни слепят глаза.

— Выкладывай, что случилось? Полагаю, ты вызвала нас не для того, чтобы поболтать?

— Да пошла ты!

Гейб вырвала изо рта сигарету и швырнула ее в мусорный бак; может быть, она это сделала ради внешнего эффекта, а может быть, просто забыла, что не успела ее закурить. Ничего не скажешь, величественный жест; я невольно улыбнулась.

— Ладно, рассказывай.

Мы поднялись по ступеням, и Гейб повела нас в участок. Под ногами зашуршал старый голубой линолеум. Под потолком тихо гудели лампы дневного света — у полиции не было средств на хорошее освещение рабочих мест нормалов, и я содрогнулась, представив себе, как это ужасно — день за днем работать при таком безликом мертвящем свете. Я шла, уставившись на ровную, как струна, спину Гейб, и чувствовала огромное желание схватиться за нож или положить палец на спусковой крючок пистолета. Как-то не похоже это на Гейб — грубить. А уж звонить мне и просить срочно приехать — и вовсе невероятно. Обычно мы с ней встречались раз в неделю, когда я была свободна от погонь за плохими мальчиками, и мирно обедали, старательно избегая упоминаний о Нуэво-Рио или демонах. Мы рассказывали друг другу разные истории из своей практики, обменивались шутками и подначивали друг друга, оставаясь при этом чужими, словно между нами пролегла черта, которую нельзя перешагивать, — правильное решение, но от него хотелось скрипеть зубами. Но я не жаловалась. Все это произошло из-за меня.

Вернее, из-за того, кем я стала.

Спину слегка покалывало; волосы на затылке щекотали шею, во рту появился медный привкус демонского адреналина. Я кожей, внутренним чутьем ощущала: сейчас что-то произойдет, я почти физически чувствовала обжигающий аромат своей судьбы, словно кто-то влил мне в рот крепкого ликера.

Нам предстоит охота.

Отдел, которым руководила наша Спук, находился на третьем этаже. Теперь псионы не сидели в подземелье, закованные в цепи, как в прежние времена, нет, теперь помогающие правосудию парапсихологи имели офисы, высокие зарплаты и отличное оборудование. На заваленных бумагами столах стояли компьютеры и настольные лампы. Я увидела, как один шаман с витым посохом из железного дерева спокойно снял сапоги и, поставив их на свой письменный стол, откинулся в кресле; его аура испускала красно-оранжевое свечение. Три церемониала сгрудились возле автомата с питьевой водой и что-то весело обсуждали. Все

трое были вооружены плазменниками и были одеты в длинные пальто из синтетической шерсти, у всех троих на щеке была татуировка — знак аккредитованного псиона. Воздух звенел от присутствия энергии; мои кольца заискрились. Люди провожали меня взглядами.

Они не были тупоголовыми придурками, как нормалы. Даже не зная, кто я, они прекрасно видели мою ауру, в которой, словно черные бриллианты, вспыхивали четко очерченные языки демонического пламени.

Полудемоница. Уникальное явление, даже для мира псионов. Сомнительная слава.

Мы вошли в крошечный кабинетик Гейб, где она сразу плюхнулась на свой особый мягкий стул, результат последних разработок в области биотехнологии. После этого Гейб указала на два складных стула по другую сторону стола. «Бросайте свои кости туда». Ее губы крепко сжались. Серьезное выражение ничуть не портило ее милого личика; чтобы сделать Гейб безобразной, потребовалась бы масса усилий.

— Хочешь кофе?

Я покачала головой.

— А ты, Джейс?

— Чанго, я хочу пива! — сказал Джейс, прислоняя к стене свой дубовый посох; привязанные к его верхушке косточки застучали. — Кофе не надо, спасибо. Так что у тебя случилось, Спуки?

— Мне поручили одно дело. — Гейб говорила тихо и яростно. — И мне нужна твоя помощь, Дэнни.

Теперь я была не просто слегка встревожена. Я почувствовала настоящую тревогу.

— В чем?

Что с ней происходит? Гейб никогда раньше не скрытничала.

Она протянула мне папку. Ее стол был завален кипами бумаги; оставшееся место занимал компьютер и небольшая деревянная коробка, в которой, скорее всего, хранилась запасная колода карт Таро (Гейб была отличной гадалкой), потом я увидела еще одну деревянную коробку и две пыльные непочатые бутылки бренди.

— Взгляни.

Вздыхнув, я раскрыла папку.

— Ты просто мастер по части тайн.

Мурашки по телу у меня не побежали — этот рефлекс почему-то исчез, однако покалывание в спине сохранилось; так мне покалывало спину в те времена, когда я была человеком. Все бы ничего, если бы это не было так противно — чувствовать, как под кожей что-то шевелится, словно у тебя появилась невидимая конечность, которая к тому же еще и болит.

Лазерные фотографии с места убийства. Разумеется, ведь Гейб некромантка.

На первом снимке — какой-то мужчина. Во всяком случае, так мне показалось при ближайшем рассмотрении. «О Анубис», — прошептала я, когда различила смутные очертания человеческого тела. И самым кошмарным оказались здесь не вывернутые на землю внутренности и лужи крови, а отброшенная в сторону оторванная рука, совершенно целая человеческая рука со скрюченными пальцами. На фотографии были хорошо видны торчащие из нее обрывки мяса и ярко-белая кость.

«О боги, жуть какая».

— О боги, когда это произошло?

— Четыре месяца назад. Смотри дальше.

Под Джейсом скрипнул стул. Мой напарник уже все понял. Когда немного очухаюсь, отдам папку ему.

Я пробежала глазами отчет коронера, затем отчет парапсихолога, затем отчет следователя; все тщательно отпечатаны на лазерной пишущей машинке. Ничего существенного, ничего, что привлекло бы к себе внимание, одни кошмарные фотоснимки. Я взглянула на Гейб.

— И что все это значит?

Вместо ответа она протянула мне еще одну папку. У меня екнуло сердце; передав первую папку Джейсу, я взяла вторую. Глаза Гейб ничего не выражали.

— Это случилось примерно восемь недель назад.

При виде фотографий Джейс присвистнул:

— Проклятье!

В устах Джейса Монро, который повидал всякого, это прозвучало почти как похвала. Я раскрыла вторую папку.

— Черт!

В моем голосе чувствовалось отвращение и еще что-то — страх, наверное. От возникшего в воздухе напряжения бумаги на столе Гейб слегка шевельнулись.

Здесь все было еще страшнее. На цементном полу лежало то, что когда-то было телом человека.

— Взгляни в угол, за телом.

Гейб говорила тихо, словно боялась потревожить мертвеца.

Я пригляделась. В самом углу снимка смутно проступали размытые края начертанного мелом знака. Я взяла другую фотографию — здесь фотограф отступил немного подальше, и знак был виден лучше. Двойной круг, в центр которого вписана руническая вязь. Даже на снимке этот зловещий знак излучал черную, страшную силу. Таких я раньше не видела.

«Это не из Девяти Канонов», — подумала я, и под кожей опять что-то зашевелилось.

Моим вторым призванием было гадание на рунах; я знала все существующие руны и правила гадания. Большинство псионов отлично знают Каноны, поскольку гадание на рунах практиковалось задолго до времен Пробуждения, когда сила псионов и колдунов была значительно мощнее обычных человеческих способностей. Старинная, не раз проверенная руна — отличный инструмент, когда нужно быстро привести в действие какое-нибудь страшное заклятие. Не говоря уже о Главных заклетах, требующих идеально исполненного начертания, определения, наименования и подбора рун.

Левое плечо заныло, и я потеряла его правой рукой. Знак демона онемел, словно от холода.

— Похоже на работу какого-нибудь церемониала, этот двойной круг и руны. — Я всмотрелась в снимок. В углу валялась какая-то смятая куча. — А это что? Неужели...

«Нет. Не надо, не говори мне, что это».

— Этот подонок содрал с нее кожу.

Гейб бросила мне еще одну папку. Я оттолкнула ее.

«Меня не стошнит, — приказала я себе. — Нет, я не стану блевать, я это ненавижу».

Какое счастье, что за тридцать лет я научилась слушаться собственных приказов. Быстро просмотрев остальные фотографии, я протянула вторую папку Джейсу. Затем взяла третью.

— А это случилось прошлой ночью, — мрачно сказала Гейб. — Держись, Дэнни.

Я открыла папку и почувствовала, как от лица отхлынула кровь.

Гейб молча наблюдала за мной. От напряжения с ее стола маленьким облачком поднялась и поплыла по комнате пыль. Теперь от Гейб исходил острый запах энергии, смешанный с запахом перца и мускуса. Не такой уж скверный аромат, во всяком случае, приятнее, чем вонь от обычных людей. Может быть, стоит сменить работу и стать Экспертом, чтобы не потерять приобретенных способностей? Ведь теперь я, в отличие от обычных людей, умею по запаху определять присутствие энергии и наличие парапсихологического таланта. А что, неплохая мысль. Адреналина у меня меньше не станет, зато можно будет отвлекаться от мыслей. Заявление о приеме на работу так и лежит дома, на принтере, еще не дописанное.

«Не может быть». Я взглянула на отчет коронера. Черным по белому — имя жертвы, расчлененной и по кускам разложенной в центре круга, причем все по отдельности — мясо, кости, внутренности. И что самое ужасное — все это совершено над псионом. Ибо, несмотря

на абсолютно изуродованное тело, лицо человека осталось нетронутым. Я смогла ее узнать. Кристабель Муркок. Некромантка. Как и я.

Глава 5

— Sekhmet sa'es, — выдохнула я, глядя на фото. — Да это же...

— Узнаешь, Дэнни? Вспомни-ка все, что знаешь, что вычитала в книгах. Ты же копалась в них сутками в свободное от работы время. Ты когда-нибудь где-нибудь о таком читала? Может быть, где-то видела?

Гейб сдвинула брови и крепко сжала губы. Затем вытащила новую сигарету и заткнула ее за ухо; слабый запах синтетического табака смешался с запахом цитрусового шампуня, которым она обычно пользовалась.

Я ошалело уставилась на снимок.

— Нет. Такого я раньше никогда не видела. Я изучала демонов, старинные легенды, колдунов. В свободное от работы время. — Я с трудом отвела глаза от дикого зрелища, — Но ты ведь не за этим меня пригласила?

— Кристабель лежит в нашем морге, — глухо ответила Гейб. — Я хочу, чтобы ты вызвала ее дух и поговорила с ним.

Джейс замер. В другое время это бы меня рассмешило. Или тронуло.

Я судорожно вздохнула. Потерла левое плечо, словно пытаюсь стереть с него шрам.

— Гейб... — произнесла я таким голосом, словно меня ударили в живот.

Вряд ли что могло причинить мне боль, особенно после того, что сотворил со мной Джаф. Он изменил меня, перестроил мои гены, создал из меня нечто новое — но мое сердце осталось сердцем человека. Оно по-прежнему билось в клетке из прочных и гибких прутьев — моих ребер; кровь по-прежнему пульсировала в жилках на запястьях и горле. Пульсировала так отчаянно, что я поняла: еще немного — и я не выдержу.

— Я знаю, это очень трудно, — продолжала Гейб. — Особенно после... Рио. Пожалуйста, Дэнни, помоги. У меня не получается, я пробовала... понимаешь, тела... не хватает, там одни куски. И все время возникает какая-то стена, преграда. У меня не получается. А ты сможешь. Пожалуйста.

Я уставилась на фото. Я не встречалась со смертью уже десять месяцев.

С тех пор как покинула Нуэво-Рио и ту залитую солнцем мраморную площадку, где я молилась, захлебываясь от слез. Я вспомнила пахнущий корицей дым, который тихо поднимался к небу, и тело демона у меня на руках, которое медленно, кусок за куском, разваливалось на части.

Эти воспоминания жгли и мучили меня длинными солнечными днями, когда я безуспешно пыталась уснуть. Я старалась прогнать их, крепко зажмуривала глаза, а потом вновь их открывала. Перед глазами плясали какие-то тени, все вокруг плыло и качалось. Мой бог по-прежнему принимал от меня дары, но я больше не хотела вступать в его царство.

«Sekhmet sa'es, Дэнни, называй вещи своими именами». Сердце бешено колотилось, глаза застилал туман. «Признайся, что боишься вступать во владения смерти, потому что там тебя может ждать Джафримель».

— Дэнни!

В голосе Джейса чувствовалась трогательная забота. Он что, решил, что я сейчас хлопнусь в обморок или начну визжать?

Или он прав? Кажется, прав. Очень даже прав.

Хлопая глазами, я продолжала смотреть на фото. Гейб вспотела, темные пряди волос прилипли ко лбу. Температура в комнате поднялась градусов на десять. Сейчас климат-контроль переключится и начнет подавать холодный воздух. От моей кожи начали исходить потоки энергии, силы и легкий запах демона. От Тьерса Джафримеля пахло мускусом и жженой корицей; от меня пахло свежей корицей и немного — мускусом. «Держись, демон, сейчас начнется», — пронеслось у меня в голове.

Тяжело дыша, я увидела — по белым мраморным плитам стелется пепел, его подхватывают порывы ветра и поднимают в воздух. Пепел и плавные изгибы черной урны, словно жестокая насмешка над тем, кого я потеряла.

Правая рука сжалась в кулак.

Я не могла просто повернуться и уйти. Мы с Гейб вместе учились в Академии. Вместе прошли через ад и едва не погибли. Мы ни разу не поссорились из-за моей грубости или вредного характера, не говоря уже о том, что Гейб не побоялась рискнуть собственной жизнью, когда мне вздумалось отправиться в Рио, чтобы отомстить Сантино. Она не сказала ни слова, когда, вернувшись из Рио, я стала держаться с ней как чужая и решительно отказывалась обсуждать все, что там произошло, говорить о демонах и вообще обо всем, что когда-то мы обе считали очень важным.

— Не знаю, Гейб.

«Почему у меня дрожит голос? Он никогда раньше не дрожал».

— Я не занималась... этим... уже давно.

И очень скучала. Скучала по своему богу, по тому состоянию, когда душа сбрасывает земную оболочку. Я приносила божеству дары и поклонялась ему, и каждый раз, когда медитировала, я видела, как тьму прорезал голубой свет, посылаемый царством смерти, и мне становилось хорошо и спокойно, словно я возвращалась в детство.

Да, но что я увижу, когда пересеку границу мира мертвых? Высокого и стройного мужчину в длинном темном пальто, который будет стоять, сцепив за спиной смуглые руки, и смотреть на меня, сверкая темно-зелеными глазами? Что он мне скажет? Что ждет меня?

«Ты не бросишь меня в одиночестве скитаться по земле». Но он-то меня бросил, сгорел, распался на части прямо у меня на руках. Увидеть его в царстве смерти — значит похоронить последнюю надежду. Окончательно. Я этого не вынесу.

— Ты же лучшая, Дэнни. Ты можешь говорить с призраком, сотворив его даже из кучки пепла, ты всегда была лучшей. Пожалуйста.

Гейб никогда не умоляла, но сейчас в ее тоне слышалась мольба. Она наклонилась вперед, положив локти на стол. «Она готова к действию», — подумала я. Интересно, как сейчас выгляжу я? От меня исходил жар — обычное явление для любого демона.

Нет, дело вовсе не в Гейб. Закрыв папку, я взглянула подруге в глаза. Она выдержала мой взгляд. Гейб, возможно, вообще была единственным человеком, который мог смотреть мне в глаза.

Она видела ту, кем я была. Для Гейб я не изменилась. Под смуглой кожей и прекрасной демонической внешностью она видела прежнюю Дэнни Валентайн. Она не боялась меня и обращалась со мной так же, как в прежние времена. Для Гейб я оставалась все той же Дэнни, ради которой она оставила все дела и помчалась в Рио. Она не бросила мне ни слова упрека, когда я, сбежав от всех, в одиночку вышла против Сантино.

Именно поэтому я и отправлюсь в царство смерти.

Я отвернулась.

— Говори начистоту, Гейб. Что еще стряслось?

— Тебя не обманешь.

Гейб пожала плечами и снова потянулась за сигаретами. Курить она не могла, поэтому только сжала пачку в руке — привычный жест, который действовал на меня успокаивающе и в то же время как-то странно раздражал. Я еще никогда не видела Гейб в таком состоянии.

— Ничего особенного, Дэнни. Если бы у меня было больше фактов...

— Выкладывай все, что знаешь.

Мой голос дрожал и звучал хрипло и низко, как у некоторых «людей». Бутылки на столе звякнули; правая рука начала болеть. Внезапно мне захотелось выпить — может быть, от этого станет легче. Нужно только протянуть руку и взять бутылку.

— Муркок была найдена в своей квартире. Разумеется, я все там обыскала и ничего не нашла. За исключением вот этого.

Гейб протянула мне сложенный листок бледно-розовой линованной бумаги.

Я взяла его; в моих покрытых ярким молекулярным лаком ногтях отражался свет дневных ламп. На первый взгляд ногти выглядели вполне обычно — только кончики у них стали заостренными, как когти зверя. Еще один признак того, что я больше не человек. Мои кольца сияли. Теперь они проснулись и начали реагировать все как одно, и не потому, что воздух в комнате был пронизан энергией и напряжением, которые излучали я и Гейб. Линия силы, протянувшаяся между нами, была почти осязаема. Джейс, разумеется, лениво развалился на стуле, как огромный белый кот, испуская запах перегара и человека, к которому примешивался еще и запах мускуса и мужчины; его острая, четко очерченная и резко пахнущая энергия смешивалась с колючей аурой шамана.

Я почувствовала — от розовой бумаги исходит запах ужаса, на который наслаивается удушливый аромат сирени; кажется, это запах женщины. Мы, некроманты, закрытое сообщество, мы нервные одиночки, звезды-невротики. Что поделать — нам приходится держаться обособленно. Даже среди псионов сочетание таланта и генетической предрасположенности, свойственное некромантам, встречается весьма редко. О Кристabelle я слышала уже не раз.

Один уголок листка был оторван. Осторожно, словно в нем могла сидеть змея, я развернула листок.

Нужно быть осмотрительной.

Я взглянула на розовую бумагу. Дыхание перехватило.

— Вот черт, — пробормотала я.

Почерк был очень неразборчив, словно Кристabelle писала в спешке. Большие петли, буквы вылезают за строчку; написано красными, как драконья кровь, чернилами; кончик ручки в нескольких местах продырявил бумагу. Словно острые когти.

«Черная комната», — прочитала я. И ниже, заглавными буквами: *«ВСПОМНИ, ВСПОМНИ РИГГЕР-ХОЛЛ. ВСПОМНИ РИГГЕР-ХОЛЛ. ВСПОМНИ... ВСПОМНИ»*...

Последняя буква заканчивалась длинным росчерком, уходящим вниз, словно человека куда-то потащили, не дав ему дописать.

Я жадно хватала ртом воздух. В мозгу, словно у меня начался бред, всплыла безумная картина: я лежу на полу, как вытащенная на сушу рыба. Усилием воли я заставила себя дышать. Мир померк и приобрел серый оттенок; я смотрела на него, как сквозь запотевшее стекло. Спина загорелась от острой боли; такая же боль пронзила левую ягодицу. «Нет. Нет, у меня больше нет этих шрамов. У меня их нет. Нет».

Чтобы справиться с собой и начать дышать, мне понадобилось несколько секунд. Я взглянула на Гейб, которая молча восседала за столом, виновато глядя на меня своими темными глазами.

— Вот черт.

На этот раз я произнесла это уже почти своим голосом. Словно меня сильно ударили, и от этого у меня сбилось дыхание.

Гейб кивнула.

— Я знаю, ты там училась. До того, как состоялся суд, и Гегемония закрыла школу. Муркок была старше тебя на несколько лет и давала на суде показания.

Во рту было сухо, словно в пустыне.

— Я знаю, — безжизненным голосом произнесла я. — Sekhmet sa'es, Гейб, это же...

— Напоминание о твоём пошлом прошлом?

Впервые шутка Гейб меня не рассмешила. Сейчас мне вообще было не до смеха.

Внезапно я почувствовала, что правая рука сама ухватила за левое плечо, словно хотела вырвать из него непрерывную боль. Я снова устала на листок розовой бумаги. В его верхней части стоял торопливо начертанный глиф. От него не исходила энергия — его не успели зарядить.

Вероятно, Кристabelle что-то помешало. Или кто-то. Тот, кто разорвал ее на куски.

Неужели человек на такое способен? Мне приходилось видеть ужасные вещи,

которые сотворяли с человеческим телом, но такое...

— Когда она это писала?

«Говорю деловым тоном, как в былые времена, словно стала прежней. Может быть, потому, что мне не хватает дыхания? Аллилуйя. Нужно срочно восстановить дыхание, и тогда все придет в норму. Это ведь так просто».

— Неизвестно, — ответила Гейб. — Мы обратились за помощью к Хэнди Мэнди, так она, когда это увидела, просто вырубилась, и все. Когда пришла в себя, сказала, мол, с нее хватит, и быстренько смылась, прихватив с собой бутылку, а потом налилась так, что до сих пор не может протрезветь. Бутылка стояла на столе в спальне, где Муркок была... убита. Следов взлома не было — линии защиты на месте, правда, немного ослабли, но все же на месте. Защита была взломана изнутри.

«Изнутри?»

— Значит, это был кто-то, кого она знала?

Мне снова захотелось схватиться за плечо, но я удержалась, только сжала пальцы. В воздухе появился новый запах.

Страх. Острый, липкий запах страха, словно я преследую преступника.

Но пахло не от преступника, а от меня. Глаза Гейб потемнели, брови сдвинулись.

— Этого мы не знаем, Дэнни.

— А две предыдущие жертвы?

— Здесь тоже есть кое-что... интересное. Первая — некий Брайс Смит, зарегистрирован как нормал. Только жил он в доме, где была установлена невероятно мощная защита. Возле его тела магических знаков не было. Вторая жертва — Урсула, девица из заведения Полиамур.

Гейб презрительно скривила губы.

Я тоже. Полиамур — трансвестит, королева продажного секса Сантьяго-Сити. Впрочем, винить ее было не в чем — секс-ведьмочками рождаются, к тому же нормалы так презирают и боятся псионов, что мы просто вынуждены держаться своего сообщества. Хотя... как все-таки хорошо, что я не родилась секс-ведьмой.

— Нормал, секс-ведьма и некромантка. — Я покачала головой и откинула с лица иссиня-черную прядь волос. — О боги.

— Больше мы ничего обнаружить не смогли, — сказала Гейб. — Поэтому решили обратиться к тебе.

«Очень мило. Копы зовут меня на помощь, когда дело у них не клеится. Очевидно, это большая честь?»

От этих мыслей легче не стало. Я снова взглянула на бледно-розовую бумагу. Гейб сидела не шевелясь.

«**ВСПОМНИ РИГГЕР-ХОЛЛ**». Эти слова, написанные на розовой бумаге, стояли у меня перед глазами, словно в чем-то обвиняя. Мне не хотелось вспоминать о «Риггере». Напротив, я делала все, чтобы его забыть.

«Как хочется сказать Гейб, что я возьмусь за это дело только ради нее». Я швырнула записку на стол, словно она обожгла мне пальцы. Будь это и в самом деле так, я бы не удивилась.

Пронзительный телефонный звонок раздался именно в тот момент, когда я уже открыла рот, чтобы сказать Гейб, что не могу взяться за это чертово дело. Просто не могу, и все. Ничто не может меня заставить даже думать о «Риггер-холле», разве что самая крайняя необходимость. На самом же деле я смотрела на две бутылки бренди и соображала, хватит ли мне их, чтобы как следует напиться. В прошлый раз я отключилась примерно около шести. В то же время в глубине души я понимала, что демонская природа не позволит алкоголю взять верх над памятью; куда там, с моим-то метаболизмом...

— Спокарелли, — рявкнула в трубку Гейб.

Долгая пауза.

— Да чтоб мне... вы уверены?

На мгновение наши глаза встретились, и тут я увидела.

Под глазами Гейб залегли темные круги; ее светлая кожа приобрела такой мерзкий оттенок, какого я никогда раньше у нее не видела. На скулах и шее ходили желваки. Гейб выглядела очень исхудавшей, в ее темных глазах застыли ужас и отчаяние.

Случилось что-то страшное. Гейб в ярости. Она — коп-псион, и в часы ее дежурства кто-то убил двух псионов. Кто? Спятивший нормал, может быть, один из луддеров, решивший в знак протеста перебить всех псионов? Да, но разве обычный человек на такое способен? И как ему удалось взломать защиту изнутри?

А может быть, это вендетта? Месть одного из тех, кто, как и я, познал все ужасы заведения, где ребенка некому защитить? Да, но кто смог бы ждать своего часа столько лет, чтобы потом действовать со звериной жестокостью? Может быть, их целая группа? Или один человек?

— Задержите их, — наконец сказала Гейб. — У меня сидит Валентайн. Мы немедленно отправляемся в морг. — Снова пауза. — О'кей. Пока.

Она осторожно положила трубку.

— Звонил капитан. Об убийствах уже известно прессе.

Я поморщилась. Потом открыла рот, чтобы сказать: «Нет, я не могу. Найди кого-нибудь другого».

Но вместо этого я произнесла:

— Ты не училась в «Риггер-холле», Гейб.

Ее карьеру я знала не хуже своей, не хуже карьеры Джона Фэрлейна. Некроманты — редкое явление, поэтому мы прекрасно осведомлены о делах друг друга. Теперь, когда погибла Кристабель Муркок, в городе осталось всего три некроманта; двое из них в настоящее время находятся в полицейском участке.

Разумеется, Гейб не училась в «Риггер-холле», поскольку не была ни бедной, ни сиротой.

— Верно. — Гейб слегка покраснела. — Я училась в «Страйкере». У моей матери были деньги, ты же знаешь... но... в «Риггере» учился Эдди.

Эдди. Ее друг. Скинлин.

Он отправился с нами в Нуэво-Рио, где из-за меня чуть не потерял Гейб и едва не погиб сам. Оказывается, он учился в «Риггере», а значит, его так же, как и меня, мучили ночные кошмары. Сеть под названием «чувство долга» опутывала меня все туже.

«О черт».

— Как я понимаю, мы идем в морг.

Ответом мне был такой красноречивый взгляд, такой вздох облегчения, что я поняла: Гейб понятия не имеет о том, что все мысли ясно читаются у нее на лице.

Джейс ничего не сказал, только молча встал и почесал лоб, на который падала густая челка. Затем слегка потянулся, и его аура коснулась меня, давая понять, что его энергия в моем распоряжении. Я оттолкнула ее — совсем легонько.

Джейс устоял на ногах, даже не покачнувшись, только быстро подхватил свой посох; привязанные к нему косточки стукнули, но меня это не успокоило.

— О Гадес, — сказала Гейб. — Я так боялась, что ты...

— Ничего не могу обещать. Прошло столько времени. У меня может не получиться, возможно, сначала придется немного потренироваться.

Но я чувствовала, как на моей щеке шевелится татуировка, как ходят под кожей ее острые линии, и понимала, что лгу.

Глава 6

Морг находился на противоположной стороне улицы, в подвале здания администрации, которое выглядело так, словно его построили до Семидесятидневной войны, — грубый крошащийся цемент и старомодные окна, в которые вместо плазменного силиката

были вставлены обычные стекла. Со стороны залива на город наплзали легкие облачка, солнечный свет потускнел. Я физически ощущала, что давление падает. От таких перепадов у меня обычно болит голова.

Я вдохнула вонючий воздух Сент-Сити и в который раз почувствовала, как его энергия ластится ко мне, словно огромный зверь. Пройдя электронную охранную систему, мы вошли в здание. В фойе нас встретил вооруженный до зубов охранник; увидев нас, он опустил плазменную пушку. Под гладким, как черное стекло, бронежилетом охранника виднелись обычные пистолеты. Парень выглядел внушительно — широченная выпуклая грудь размером с небольшую бочку, на скулах — старые оптические приборы наблюдения, которые с первого взгляда можно было принять за солнечные очки, если бы не особый, выпускаемый ими свет, выдающий их истинное назначение. Увидев нас, охранник поморщился, что, видимо, означало у него презрительную ухмылку. Сначала я тоже хотела ответить чем-то в этом роде, но затем передумала. Гейб не понравится, если я затею ссору. А тут еще Джейс со своим похмельем, к чему нам драка?

К тому же нормал, вооруженный обычными пистолетами, — разве это достойный противник? Так, пустячок.

Гейб быстро занесла наши фамилии в базу данных компьютера, установленного на проходной. Управлял компьютером робот-гуманоид, заключенный в сверкающий стальной корпус. Получив пропуск, которые мы занесли в наши персональные датчики, мы прошли в здание.

Мы, некроманты, не любим посещать морги, но что делать, приходится терпеть. Вокруг — тускло поблескивающая сталь, яркое освещение и атмосфера научно-исследовательской клиники. Аура глубоких научных размышлений действует успокаивающе. Это вам не кладбища и комнаты при похоронных бюро, где годами царят горе, страдание и суматоха, окрашивающие воздух в ядовито-красный цвет. Если судить по всяким дурацким сериалам, то мы, некроманты, целыми днями торчим на погостах, копаясь в могилах; на самом же деле мы их терпеть не можем. Наше место — в больнице или офисе адвоката.

Хотя в больницах нам тоже приходится несладко. Как и везде, где воздух пропитан болью и страданием.

Когда мы спустились по лестнице в подвал, Джейс крепко взял меня за локоть — теплое прикосновение человека. Гейб прошла через дверь-вертушку, мы последовали за ней, стуча сапогами по такому же, как в полицейском участке, голубому линолеуму. Я не отвела руку Джейса. Он упрямец, к тому же всегда старается защитить меня от опасности. Не знаю, зачем он это делает, ведь он ничего мне не должен.

А я? Зачем я здесь? Кому и что я должна?

Я отодвинулась от Джейса, когда Гейб предъявила свой полицейский значок очередному охраннику, сидевшему за пуленепробиваемым стеклом — девице с розовыми волосами, как в сериале про Джипси Роэна. Горло девицы раздулось, когда она ответила Гейб кивком — в него были вживлены голосовые имплантаты. Затем девица нажала на кнопку и начала что-то кому-то говорить. После этого Гейб повела нас дальше. Внезапно в нос ударил резкий химический запах. «Как же я потом от него избавлюсь?»

— Привет, Спуди, — окликнул Гейб странный худосочный тип в рабочем халате. — Пришла за своим мертвяком?

Тут он увидел меня и замер, а его лицо начало медленно приобретать цвет домашнего сыра.

Я молча смотрела на парня. Жидкие волосы подстрижены, как у Джаспера Декса, но эта стрижка ему не идет. Как и цвет его кожи. Парень ошалело пялился на меня. Интересно почему? Он ведь работает в морге и уж наверняка навидался некромантов, начиная с Гейб и кончая Джоном Фэрлейном.

Тут я вспомнила, что кожа у меня оливково-золотистая, а лицо — как у звезды сериала, к тому же в моей внешности есть что-то демоническое, да еще эти иссиня-черные

волосы, длинные, густые и шелковистые, заплетенные в тугую косу. Как будто я заплатила кругленькую сумму за рекомбинацию генов, чтобы приобрести внешность кинозвезды.

Впрочем, сверкающий изумруд на моей щеке давал понять любому нормалу, что меня следует бояться, как с давних пор они боялись и ненавидели всех псионов, и особенно некромантов. Глупые обыватели иногда путают нас с самой смертью, перенося на нас свой страх перед ней.

Если бы они знали, как она любит своих детей, то, может быть, боялись бы ее меньше. Или больше. Однако псионов боятся во всем мире просто потому, что они другие.

— Точно, Хоффман. Пришла за куском мяса, который когда-то был мертвяком. — Голос Гейб прозвучал резко, как громкий шлепок по стене. — И привела с собой отличного охотника. Данте Валентайн, знакомся — это Никс Хоффман.

— Очень рада, — сухо ответила я.

Мой голос прозвучал не так резко и отрывисто, как у Гейб, но все же не менее звучно; приходилось сдерживаться, особенно в присутствии нормала, иначе последствия могли быть самыми неожиданными.

— Взаимно, — запнувшись, сказал парень. — Э-э, мисс Валентайн...

— В каком боксе находится тело, Хофф? У Кейна? — бесцеремонно перебила его Гейб.

— Да, у Кейна, в его офисе. Он проверял его на наличие токсинов.

Молодой человек не сводил с меня глаз — фантастически красивой женщины, какой мне быть вовсе не хотелось. Его зрачки расширились. Если бы сейчас он ощутил мой запах, то упал бы на колени и принялся умолять, сам не зная о чем. Еще одно воздействие моей новой природы.

«Хедайра», — едва слышно прошептал знакомый голос. Я тряхнула головой — мне стало очень больно. Почему мне так тяжело слышать голос Джафримеля?

— Спасибо, дурачок, — сказала Гейб и быстро прошла мимо парня.

Я последовала за ней, стиснув зубы, чтобы не усмехнуться. Это потребовало некоторого усилия.

— Ты производишь впечатление, — буркнул позади меня Джейс.

В ответ я только фыркнула.

— Нет, Дэнни, не скажи. Ты смотришься что надо. Может, тебе стоит одеваться, как на шоу Рейдона?

— И вызывать духов, нарядившись в черное кожаное бикини? — буркнула я в ответ, злясь на свою невольную улыбку.

Гейб, не оборачиваясь, шагала впереди.

— С металлическими заклепками, — уточнил Джейс.

— Гадость какая.

Я уже задыхалась от запаха отмирающих клеток человеческого организма.

«И как только Джафримель это терпел?» — подумала я, и вдруг левое плечо обожгла резкая боль, словно к нему приложили что-то раскаленное. Я почувствовала, как шевельнулся шрам.

Я резко остановилась. Джейс едва не налетел на меня сзади. Его энергия быстро коснулась меня — приятное прикосновение, которое принесло бы мне расслабление и дало возможность справиться с дыханием, если бы в этот момент я сама отчаянно не боролась за каждый вдох; кожу покалывало от прилива демонской энергии.

— Ты что, Дэнни?

— Ничего.

Последнее время эти теплые волны пробегали по телу все чаще. Может быть, у меня начинается демонская менопауза?

А возможно, и что похуже. Может, это как-то связано с Князем тьмы.

«Кошмарная мысль. И сейчас, когда я только научилась засыпать».

Опустив голову, я ускорила шаги и догнала Гейб.

— Ничего, я просто задумалась.

— О чем? — мягко спросил Джейс, постукивая посохом в такт своих шагов.

— О личном. Отстань.

— Ладно, — просто сказал он и замолчал.

Как ему это удастся, ума не приложу; ничто не может вывести его из себя. Возможно, таким его воспитало семейство Моб; они сделали Джейса абсолютно бесчувственным. Но скорей всего, он просто терпит. «Почему ты бросил свою семью, Джейс? Взял и бросил. Люди убить готовы, лишь бы остаться в семье, не говоря о том, чтобы ею управлять. У тебя было все, что ты хотел. Почему ты их бросил?»

Как мне хотелось найти нужные слова, чтобы спросить его об этом!

Гейб остановилась перед стеклянной дверью и прислушалась, склонив свою точеную головку. Ну, точь-в-точь мраморная скульптура из музея в стеклянном ящике.

— Предупреждаю: Кейн — луддер.

Я поморщилась. Человек с рекомбинированными генами — убийца, псионы — выродки, а луддиты — настоящие фанатики. Сколько всего развелось в последнее время!

— Прекрасно. Тогда он будет от меня в восторге.

Гейб хотела что-то ответить, но в это время за матовым стеклом мелькнула тень, дверь со скрипом распахнулась, и мне пришлось быстро стереть с лица улыбку. Думаю, петли на этой двери не смазывали намеренно. «Прошу, проходите в мой кабинет», — казалось, говорил горе-детективу патологоанатом. Правая рука сжалась, пытаюсь нащупать меч. Потом я вспомнила, что катаны у меня больше нет. Я впилась пальцами в ладони, и мне стало немного легче. К боли в руке я уже привыкла, тем более что теперь она начинала болеть только тогда, когда я хваталась за несуществующий меч.

— Габриель... — произнес тощий, как палка, старик с бескровными губами.

Его бледно-голубые глаза напоминали вареные яйца. Они прятались за огромными плазменно-отражающими линзами, прикрывающими также бледные впалые щеки. Рабочий халат старика сиял безукоризненной чистотой, к нагрудному карману была прикреплена карточка с буквой «R» и изображением кадуцея, напоминающего мою собственную татуировку аккредитованного некроманта. «Кейн». Я с трудом подавила истерический смешок, который начал зарождаться где-то у меня внутри и сразу был немилосердно подавлен, как отрывка.

— ...и компания. Прелестно.

— Здравствуйте, доктор Кейн, — спокойно и немного пренебрежительно сказала Гейб. — Полагаю, капитан Алджернон с вами уже говорил.

Если бы старик мог усмехнуться, он бы это сделал; вместо этого он молча уставился на меня. Его гладкий розовый череп едва прикрывали несколько жидких прядей гладко зачесанных седых волос, отчего голова старика тоже напоминала яйцо; никаких волосяных имплантатов доктор Кейн, видимо, не признавал. Его зубы, все еще крепкие и здоровые, были совершенно недопустимого желтого цвета. И это в наш век молекулярной стоматологии! Хотя, может быть, и своими зубами, и дверью он не занимался намеренно.

— А это еще что такое? — фыркнув, спросил он.

— Это Данте Валентайн, доктор Кейн. Данте, это доктор Кейн.

С этими словами Гейб немного посторонилась, по-прежнему оставаясь между мной и доктором. Думаю, она была готова в любой момент выставить ногу, чтобы не дать старику захлопнуть перед нами дверь.

— Приятно познакомиться, — соврала я, глядя ему в лицо.

Доктор сузил белесые глаза.

— Ты кто?

Я расправила плечи. К презрительному отношению со стороны нормалов я привыкла уже давно и на своем веку видала и не такое, поэтому доктору придется очень постараться, чтобы меня разозлить.

— Ко мне применим термин «хедайра», доктор. Я — генетически измененный

человек.

Эти слова застряли у меня в горле, словно ком. «Что, доктор, съел? Я не просила задавать мне вопросы. К тому же сама толком не знаю, что такое «хедайра». Единственный, кто мог бы это объяснить, лежит в черной урне в виде пепла. Это когда у меня нет галлюцинаций, и я не вздрагиваю от его голоса, как от удара кнутом».

— Хотя, как мне кажется, лично вы предпочли бы слово «пакость».

Проясним ситуацию.

— Кто проводил вам рекомбинацию генов? — спросил доктор, облизнув бесцветные губы. — Похоже, дорогая работа.

«Дорогая? Еще бы. Она стояла мне собственной жизни и жизни того, кого я любила». Меня словно кто-то кольнул. Кажется, этому доктору действительно удастся меня разозлить. Очко в пользу луддера.

— Это вас не касается. Я расследую убийство и пришла, чтобы осмотреть тело. Или вам нужно предъявить решение суда?

От моего голоса задребезжали стекла. «Кажется, я плохо себя веду». Я вновь подавила истерический смехок. И почему в самые напряженные моменты мне всегда хочется смеяться?

Доктор Кейн приподнял колючую бровь.

— Нет, конечно. Я прекрасно сознаю свой долг перед полицией. Несмотря на их неприятную привычку время от времени присылать мне трупы.

— Насколько я знаю, доктор, это ваша работа, — сказала я, не двигаясь с места.

Внезапно Джейс взял меня за локоть. Я начала говорить приторным голосом, который так ненавидела, — верный признак того, что еще немного — и я взорвусь.

— А если вы так не считаете, то, может быть, вам пора на покой?

— Я уйду на покой тогда, когда меня вынудят это сделать, женщина. Входите.

Натужно рассмеявшись, доктор Кейн провел нас в маленький кабинет, где с трудом помещались стол, два стула, два старинных металлических шкафчика, кипы бумаг и папок и горшок с пышной голубой орхидеей, стоящий на крышке еще одного шкафчика, на этот раз деревянного, мягко поблескивающего своей гладко отполированной поверхностью. Интересно. И что еще интереснее — на стене возле второй двери висела доска для записей, расчерченная на множество граф, и в каждой графе — мелким неразборчивым почерком доктора была сделана надпись с указанием бокса, имени лежащего в нем покойника и вида предполагаемых исследований. Во всяком случае, так я подумала, разглядывая бесконечные ряды мелких цифр и букв, похожих на вязь древней кириллицы.

— Заявляю, — сказал доктор, когда мы набились в его кабинет, — все, что здесь творится, происходит помимо моей воли, и вообще я протестую.

— Я тоже, — сквозь зубы язвительно процедила я.

Гейб умоляюще посмотрела на меня, и я тут же заткнулась.

Добрый доктор ответил мне долгим внимательным взглядом. Из его нагрудного кармана торчали две лазерные ручки и скальпель в чехольчике.

— Тело принадлежит некромантке. — Доктор презрительно скривил рот. — Причина смерти, насколько можно судить, — нападение псиона.

А это уже что-то новое. Доктор Кейн заметил, что я насторожилась.

— Это мы установили на основании данных молекулярного и волнового сканирования. — Теперь доктор говорил, обращаясь прямо ко мне. — Кровоизлияние в мозг с характерным рисунком в виде звездочек. По всей видимости, подобно удушению руками, вызывающему множество мелких кровоизлияний, нападение псиона оставляет на мозге жертвы точечные пятна крови и порезы.

«Спасибо за ваше невероятно живое воображение, доктор». Я вновь окинула взглядом кабинет. Противно пахло химикатами, отмирающими клетками и смесью трубочного табака и гашиша. Значит, наш добрый доктор — курильщик. Что ж, многие медики курят. Покрытые мелкими пятнами руки старика — признак больной печени — не дрожали, но

были тонкими, как паучьи лапы. Представив в них скальпель, я содрогнулась. «Может быть, со своими трупами он даже разговаривает. Чтобы их подбодрить». Я взглянула на потолок, где беспорядочно разбросанные впадинки в звукоизоляционной плитке начали сливаться в некий осмысленный рисунок. В воздухе плавала пыль, образуя различные геометрические фигуры; в крошечную комнатку набилось четверо взрослых людей — приплюсуйте сюда еще и жар от моего тела. Моя энергия вибрировала, грозя выйти из-под контроля. Чтобы успокоиться, я крепко сжала пальцы в кулак, стараясь, чтобы ногти впились в ладонь. Мне стало немного лучше.

— Как по-вашему, кто это был? — спросила Гейб. — Пожиратель, церемониал, маги, кто?

— Трудно сказать. Мне кажется, вам лучше знать.

Эти слова, сопровождаемые ухмылкой, относились ко мне. Я не обратила на них внимания, сосредоточенно разглядывая записи на доске. Буквы качались и расплывались. Впрочем, если призвать на помощь энергию, кое-что разобрать я смогу; интуиция поможет мне извлечь смысл из хаотичного смешения знаков.

Вздвигнув, я пришла в себя. Я глубоко вздохнула. Нельзя отвлекаться. Никакая интуиция меня не спасет, если я потеряю бдительность.

— Что еще вы можете сказать, доктор?

Гейб в своем репертуаре. А я-то почти забыла, что она коп; сейчас она больше напоминала наивную и восторженную студентку-медичку. Кейн надулся от гордости; я потихоньку потеряла левое плечо. Знак горел от боли — ноющей, обжигающей, жестокой боли. Все как в прошлом году. Откуда это? Из-за мыслей о Джафримеле? Наверное, я думаю о нем слишком часто.

— Высока вероятность того, что перед смертью мисс Муркок подверглась сексуальному насилию. — Глаза Кейна блеснули. — В области вагины имеются многочисленные разрывы и ссадины. К сожалению, мы не смогли выделить ДНК преступника, поскольку вагина залита кровью и заполнена инородными веществами.

У меня судорожно сжалось горло. «Ну почему мне так упорно хочется блевать?» Я едва сдерживала подступающую тошноту. Рука Джейса ласково поглаживала мой локоть.

К сожалению, это не помогало.

Гейб ждала.

— И вот еще что, — сказал доктор.

Я готова была держать пари на свой дом и все деньги Люцифера, что Кейн прямо-таки наслаждался моментом.

— Сейчас мы проводим повторный токсикологический анализ и перепроверяем некоторые результаты судмедэкспертизы.

— Проводите повторный анализ? — удивилась Гейб.

— Либо мы допустили ошибку, либо тот, кто напал на Муркок, расчленил ее мгновенно. Руки, ноги, голова — все было оторвано одновременно. Слово ее четвертовали. Вы знаете, что такое четвертование, мисс Валентайн?

Его выпученные глаза смотрели на меня, рот кривился в ехидной улыбке. Я опустила правую руку. Левое плечо горело так, словно его жгли огнем.

— Я немного изучала историю, доктор. Мне знаком этот термин.

Глава 7

В отделанном кафелем помещении морга было холодно. Как только я прошла через пневматические двери, от моей кожи пошел пар. Я остановилась, чтобы подстроиться под резкий перепад температур — мой собственный термостат стоял на отметке «высоко». Теперь температура моего тела была гораздо выше, чем прежде, когда я была человеком; по ночам мне больше не нужно было укрываться одеялом. Раньше, когда мы с Джейсом спали вместе, я прижималась к нему, чтобы согреться, а он вскоре сбрасывал одеяло на пол.

Наверное, его тело навсегда пропиталось жаром Рио.

Теперь же Джейс валился на мою постель только тогда, когда был пьян, и мгновенно засыпал; обычно я толкала его в бок, он просыпался, вставал и тащился в свою спальню.

Я привычно окинула взглядом комнату — ничего, кроме обычной системы защиты; под потолком — камеры видеонаблюдения, в углу — стальные шкафчики, повсюду аккуратно разложенные и расставленные инструменты, приборы и сканеры. Внезапно у меня заболели зубы; чтобы успокоить боль, я глубоко вздохнула и потеряла челюсть.

На столе из нержавеющей стали лежал толстый пластиковый мешок. Очертания человека в нем не угадывались — еще бы, там находились только фрагменты тела Кристабель Муркок.

Я осталась с трупом один на один. Моя кожа напряглась и словно разгладилась. Внезапно мне стало легко и хорошо; такого со мной не бывало уже целый год. Я знаю, что нужно делать. Это моя работа, которой я отдала большую часть жизни.

«Так чего же ты боишься?» — спросил меня ровный низкий голос. Усилием воли я заставила его убраться в его маленький черный ящик. Трудно понять, как такое может забавлять мужчину, почему насмешливый демон издевается над самыми сокровенными мыслями? И почему же меня так волнует этот голос?

И в самом деле, чего я боюсь? Ничего. Кроме одного — я боюсь увидеть его по ту сторону моста смерти, где он будет ждать меня, улыбаясь и сцепив за спиной руки. Последний раз, когда я вызывала призрака, Джафримель стоял рядом со мной и смотрел, как я это делаю.

Щелкнуло переговорное устройство.

— Скажи, когда будешь готова, Дэнни, — сказала Гейб со своего наблюдательного поста, который находился за плотно закрытыми дверьми морга.

Разумеется, наши переговоры записывались на пленку, поскольку считалось, якобы мы участвуем в научном эксперименте.

— Только не торопись.

«Только не торопись». Легко ей советовать, это же не она торчит в морге наедине с покойником.

Нет, мне не было страшно — в конце концов, я некромантка, да еще с татуировкой и изумрудом. Мой бог по-прежнему принимает мои дары. Как мне сейчас не хватает его прикосновения, рожающего полную уверенность в себе! Контакт с «проводником» — дело сугубо личное для любого некроманты. Мой бог меня не отвергнет.

Нет, я боюсь самой себя.

Я потрогала левое плечо. Знак нестерпимо горел. Ну и пусть. Когда Джафримель был жив, плечо у меня болело так же — словно к нему прижимали раскаленное клеймо. Никогда раньше не думала, что сильная боль может успокаивать.

Скоро плечо перестанет болеть, знак станет холодным, как лед, и я, наконец, пойму, что его хозяин — демон — мертв.

«Мертв — возможно. Но не забыт. И Люцифер...»

Думать о Князе тьмы не хотелось.

Меча со мной не было, зато был отличный нож, которым я умела пользоваться. Между мной и телом стоял столик-каталка, на нем — две белые свечи в стеклянных подсвечниках. Лоб, щеки и грудь ласкал прохладный ветерок. Правая рука сжала рукоять ножа, потом внезапно расслабилась.

Пора начинать.

Оттолкнув столик, я подошла к телу; скрипнул линолеум. Под металлическим столом, на котором лежал труп, виднелась серебряная трубка, откуда исходил запах хлора и гниющей крови.

В наушниках снова щелкнуло.

— У тебя все в порядке, Дэнни?

«Уж ты-то должна понимать, что не могу я начать вот так, с бухты-барахты. Сначала нужно собраться с мыслями. Я всегда так делаю — это мой стиль».

— Все хорошо, Гейб, успокойся. Просто я присматриваюсь.

— Дэнни...

— Я не стану прикасаться к телу, только расстегну мешок, и все. Так будет легче.

Я с удивлением слушала собственный голос — ровный и спокойный, словно ничего не происходит; я вообще мастер притворяться, будто отлично знаю, что делаю.

— Кому?

Слабая попытка пошутить, не имевшая успеха. Я взглянула вверх, где в кабинке за стеклом сидела Гейб, и почувствовала, как у меня слегка дернулась верхняя губа. Система энергетической защиты работала отлично — биополе Гейб было окрашено в пурпурный цвет тревоги, Джейса — в ярко-желтый, цвет напряженного ожидания; аура Кейна своей формой напоминала яйцо и абсолютно ничего не выражала: слепое естественное биополе; полная уверенность в том, что у меня ничего не получится. С таким плотным биополем доктору не был страшен ни один псион. Что ж, есть и такие нормы. Когда дело касается магии, они просто не верят собственным глазам.

Интересно, что доктор думает о псионах, если он им не верит? Он луддер, поэтому, скорее всего, считает, что их следует держать в резервациях, как это делали «Евангелисты Гилеада» во время Семидесятидневной войны. И не просто держать, а планомерно уничтожать. Луддеры в принципе ненавидят людей с измененными генами, но псионов они ненавидят особенно. Я всегда считала, что псионы — такие же люди, как все, но луддеры называют нас отродьем, пакостью, вырожденками и открыто выступают за полное истребление псионов.

— Не наседай, Гейб. Не советую.

Я говорила серьезно.

— Тогда не тяни. Быстренько сделай свою работу и иди домой. Потом можешь напиться.

Она тоже отвечает серьезно. Кажется, мы испытываем одинаковые чувства.

«Напиться. Будто это поможет. Да я теперь даже напиться толком не могу». Я взялась за замок молнии на мешке. Рывком дернула его вниз.

По крайней мере, они сложили куски тела так, как следовало. Чего-то не хватает — я еще не читала предварительный отчет. В нос ударил тошнотворный запах смерти.

Иногда подобная чувствительность превращается в настоящее проклятие. Теперь я понимаю, почему демоны окружают себя особым, специфическим запахом. Это своего рода защита. Хотелось бы мне иметь такую. «Кристабель, — сказала я. — Sekhmet sa'es».

Воздух пришел в движение. Пыли не было, но я почувствовала, как энергия — моя энергия — вздрогнула, словно поверхность пруда, от которой отразились звуковые волны. Именно вздрогнула, а не шевельнулась, готовая в любой момент выйти из-под контроля и погрузиться в хаос.

«Странно».

Я попятилась. Не нужно смотреть на это изуродованное, разлагающееся лицо. Я отошла в дальний угол комнаты и сглотнула слюну. Щелчок пальцами — и свечи на столике загорелись. Обожаю этот фокус.

Обожала до того, как встретила Джафримеля.

— Выключи свет, Гейб.

— Хорошо.

Щелчок выключателя — и почти все лампы под потолком погасли. Те, которые остались включенными, тревожно гудели. Здесь все же было светлее, чем на складе. Интересно, где сейчас Булгаров? Наверное, уже осужден и отправлен в газовую камеру. Нет, еще рано. Во всяком случае, интересоваться его судьбой я не стану, я свое дело сделала.

«Приди в себя, Дэнни. Охота закончилась. Думай о том, что тебе предстоит».

Я подняла нож; блеснула сталь — преграда между мной и тем, что могло сейчас произойти.

— И что? А ничего, — пробормотала я. — Данте Валентайн, аккредитованная

некромантка, вызывает дух тела Кристабель Муркок, также аккредитованной некромантки.

«Черт, надеюсь, у нее есть что сообщить».

— У меня все готово, — сказала Гейб. — Начинай.

Я вздохнула. Закрыла глаза. Времени на раздумья больше не было.

Все началось просто, слишком просто. Я ушла на уровень подсознания, погрузившись в тот голубой сияющий свет, который раскрывали передо мной мой талант и генетика. Я не касалась тела — дотронуться до холодного пластика не было сил, — поэтому была готова к некоторым трудностям — скажем, между мной и голубыми хрустальными стенами входа в царство смерти могла возникнуть какая-нибудь преграда.

Но я ошиблась.

«О боги, как хорошо». Я откинула голову; распущенные волосы шевелил легкий ветерок. Где-то внутри меня раздалось пение, к нему присоединился мой голос, а потом и моя энергия, которая произносила слова еще до того, как я успевала их озвучить. «*Agara tetara eidoeae nolos, sempris quieris tekos mael...*»

«Пока все идет хорошо», — подумала я, затем это поглотило меня целиком.

Надо мной сиял голубой прозрачный свет. Мои кольца искрились, левое плечо пронзила жгучая боль. Оседлав энергию, под пение хрустальных стен, я пересекла пространство, вибрирующий воздух и приступила к делу. На языке ощущался мерзкий привкус размолотых костей и гниющей плоти. Тело Кристабель превратилось в пустую оболочку без единой искорки жизни; не было даже фосфоресцирующего свечения нервных окончаний, которые обычно умирают долго — много часов и даже дней. Леденящий холод смерти коснулся моих пальцев.

Я открыла глаза.

Все было так знакомо, что я едва не расплакалась. Из моих уст вырывалось пение, звучное, отражающееся от хрустальных стен, уходящих в бесконечность. На мне была белая хламида — выбор богов, — перехваченная серебряным пояском, концы которого свободно ниспадали вниз. Я стояла босиком на мосту, перекинутом через бездонную пропасть; мимо пролетали прозрачные тени, которых переносил на ту сторону неумолимый закон смерти. Я сделала шаг; изумруд на моей щеке засиял, и этот свет превратился в кокон, который не давал мне перейти через мост, где я могла навсегда исчезнуть в царстве теней. Внизу зияла пропасть; мост дрожал, как натянутая струна арфы. У меня не было времени проверять, поджидает ли меня душа демона. Я так боялась, что он окажется там, в царстве смерти, и окликнет меня. Я боялась, что его там не окажется — что обычная смерть не может завладеть душой демона.

Почему моя собственная трусость не позволила мне соединиться с тем, кого я любила больше всех на свете, и скрыться с ним в таком месте, где мы оба находились бы в безопасности?

Я медленно подняла голову. Я не могла, не хотела смотреть.

И, тем не менее, должна была это сделать. Воплощение бога смерти, его поджарая, лоснящаяся черная собака смотрела на меня. Так было всегда, с того самого дня, когда я впервые увидела голубое сияние. Он сидел по ту сторону моста, в собачьем обличье, которое было всего лишь его маской; милосердной маской, которая позволила бы мне без боязни встретить ужас земной кончины и вступить во владения смерти. Хотя я и некромантка, смерть пугает меня; ни один смертный не любит встречаться с бесконечностью. И все же бок о бок со страхом в нас живет спокойное и полное понимание смерти. От ее прикосновения веет холодом и всепрощением, она снимает с плеч груз забот, освобождает от боли, обязательств и памяти.

О, как мне хотелось почувствовать эту легкость, когда я отчаянно боролась за жизнь, как борются все живые существа, цепляясь за то, что им так хорошо знакомо, даже если это и доставляет им боль. Я знала, что такое эти муки, они не были для меня тайной, лежащей на дне бездонного колодца; этот секрет рано или поздно смерть шепчет на ухо каждому смертному.

Прервав пение на середине, я разрыдалась. На меня обрушились волны энергии, бог протянул ко мне руки. Там, где он жил внутри меня, все расцвело, как прекрасный цветок, и я вновь стала тем мостом, через который бог проводит душу, вырывая ее из рук смерти.

Горло сдавило; глаза и ноги заболели, какое острое наслаждение! Я откинула голову и вдруг услышала резкий щелчок, эхом отразившийся от кафельных стен морга. Леденящий холод медленно пополз вверх — с пальцев на кисти рук.

— Спрашивай... — тихо произнесла я, испытывая невероятную радость.

Я сделала это! Я снова это сделала!

В наушниках сквозь помехи я услышала хриплый голос Гейб. Призрак Кристабель Муркок издал стон. Этот звук был полностью лишен модуляций — ничего странного в этом нет, ибо мертвые разговаривают совсем не так, как живые. В голосе призрака отсутствуют интонации, он звучит ровно, заунывно, отдавая последнюю дань самой жизни. Чем дольше тело находилось в могиле, тем страшнее звучит голос призрака. Когда нам показывали учебные фильмы с записями сеансов вызова духов, я видела, как, услышав голос призрака, люди визжали и падали в обморок; бледнели даже некоторые псионы.

Кому же понравится, когда с ним заговорит призрак?

«А это что?» Даже сквозь пение я вдруг почувствовала: что-то произошло. Тихие стоны Кристабель заскребли по поверхности слов, туго натянув энергию, управляющую пением, и вдруг мне в спину словно вонзили огненный штырь. Так не должно быть. Призрак не может так... жутко вопить.

«Что случилось?» — подумала я, продолжая удерживать призрака ради живых и чувствуя на себе ледяное, как мрамор, дыхание смерти.

Гейб снова что-то спросила; ее голос ударил меня по нервам с такой силой, что я закричала. Через меня начали проходить волны энергии, изумруд вспыхнул, кольца затрещали, отбрасывая снопы золотистых искр. От кафельных плиток начали отваливаться куски, лампы под потолком взорвались, и на пол посыпался дождь мелких осколков. Я съежилась, но песня продолжала звучать, энергия отчаянно вибрировала, ментальные нити болезненно дергались и перекручивались.

«ВСПОМНИ! ВСПОМНИ! ВСПОМНИ!»

На какую-то долю секунды я почувствовала, как к моей щеке прикоснулись чьи-то холодные пальцы; это было нечто нечеловеческое, что даже нельзя было назвать мыслью, это было невыносимо, и оно все повторяло и повторяло одно и то же слово: *«ВСПОМНИ! ВСПОМ...»*

Я отчаянно дернулась. Призрак взвизгнул, но сверкнул нож — и между мной и голодной тварью, бросившейся на меня, чтобы высосать из меня энергию, оказалась холодная сталь.

— Джафримель! — хрипло завопила я, содрогаясь от страшной боли в плече.

В воздух взметнулось голубое пламя, словно вспыхнул порох, и я отлетела к стене, со всего маху ударившись об нее плечом. К потолку взвились клубы цементной пыли, на пол полетели сверкающие осколки стекла и кафеля. Внезапно комната погрузилась во мрак — только в дальнем углу тускло светила одна-единственная уцелевшая лампочка.

Я медленно сползла по стене; мертвое тело Кристабель Муркок жадно всасывало в себя последние частицы призрака. Меня била дрожь, изумруд на щеке ярко вспыхивал; я задыхалась от сухого судорожного кашля и рыданий. По щекам текли слезы; я испытывала страшное облегчение и новую, острую душевную муку.

Джафримеля не было во владениях смерти. И где бы он сейчас ни был, для меня он потерян навсегда.

Глава 8

— Вот черт, — в двадцатый раз сказала Гейб, потирая шею. — Прости, Дэнни. Клянусь Гадесом, ты же могла погибнуть!

Я пожала плечами, помешивая пластиковой ложечкой бурду, по вкусу отдаленно напоминающую кофе. Моя правая рука безвольно лежала на коленях, бесполезная и забытая. Вокруг суетились люди из отдела Спук; я слышала, как один из церемониалов записывал на видео сообщение о предполагаемом ограблении банка.

— Не бери в голову, Гейб. Я теперь намного крепче, чем раньше.

«Его там не было. Он ушел. Действительно ушел». Я велела голосу замолчать. Он послушался, но пообещал, что вернется ночью, когда я попытаюсь уснуть.

Что ж, хоть что-то в моей жизни осталось неизменным.

— Да, я понимаю.

Гейб вздохнула и посмотрела на кипу бумаг у себя на столе. На лицо ей упала прядь волос — непростительная вещь для такой аккуратистки, как Гейб. Время от времени она обеими руками массировала себе шею, и тогда была видна кобура с пистолетом, висевшая у нее под мышкой. Глаза Гейб были широко раскрыты, но щеки уже не покрывала мертвенная бледность.

— О боги, Дэнни, прости меня.

— Не бери в голову, — повторила я, с трудом подавив раздражение.

«Она беспокоится за меня, она моя подруга и не заслуживает обид», — в пятый раз сказала я себе, откидываясь на стуле и переводя взгляд на бутылку бренди. Гейб предложила нам выпить, «чтобы подлечиться», и я сделала несколько глотков вместе со всеми; впрочем, с таким же успехом я могла бы выпить обыкновенной воды. Джейс сделал три огромных глотка, прежде чем завернуть крышку и вернуть бутылку Гейб.

— Зато теперь мы, по крайней мере, кое-что знаем.

Джейс громко отхлебнул кофе из пластикового стаканчика, осторожно держа его двумя пальцами.

— Что знаем, Дэнни? — с нарочитым интересом спросил он.

Джейс был бледен и сосредоточен, его сверкающие голубые глаза налились кровью. Косточки на посохе беспокойно постукивали. На щеках Джейса горел лихорадочный румянец.

Кажется, я их обоих напугала. Я тоже думала, что, успокоившись после пережитого, буду чувствовать сильный испуг. Однако сейчас мне было не до того. У меня появилось странное чувство — словно я одержала победу.

Очень немногие вещи могут превратить призрака в рассвирепевшее, обуреваемое голодом и злобой привидение — и все они по большей части связаны с разрушающими душу муками, которые предшествовали моменту смерти. Первыми в этом списке могли бы стоять ритуальные убийства — иначе говоря, черная магия, когда убийца получает энергию во время издевательств над своей жертвой, — и геноцид. Обычно такими делами занимались пожиратели, то есть психические вампиры. Среди наделенных энергией людей непременно появляются психопаты, испытывающие к ней особую тягу; им просто необходимо вытягивать энергию из других и поглощать ее, причем во все увеличивающихся дозах.

Какая это энергия — магическая или парапсихическая, — для них значения не имеет. Постепенно пожиратель доходит до такого состояния, когда в течение нескольких секунд может вытянуть из обычного человека всю энергию; на псиона уходит несколько минут. После этого жертва уже не может поддерживать в себе жизнь. Большинство пожирателей удавалось распознавать еще в юном возрасте; после определенного лечения они становились обычными псионами. Когда какой-нибудь псион начинал проявлять склонность к пожирательству уже в преклонном возрасте, его также подвергали лечению.

И все же пожиратели никогда не разрывали свою жертву. Во всяком случае, физически.

Мне казалось, что мы имеем дело с ритуальным убийством. Время покажет. Во всяком случае, можно точно сказать: перед смертью Кристабель Муркок испытала такой ужас, что повредился в уме даже ее призрак.

— Ладно, — сказала я и, вытянув ноги, положила их на письменный стол Гейб. Затем

вытащила из волос осколок кафельной плитки и бросила его в корзину для бумаг. — Теперь можно сказать, что мы имеем дело с какой-то мразью. Очень хорошо. Если предположить, что он занимается ритуальными убийствами — а я считаю именно так, — то это значит, все, что он сделал с Кристабель, отразилось на ее призраке. Это сужает круг псионов, которых мы должны вычислить. Итак, действует кто-то, кто настроен очень, очень решительно; к убийствам он готовится долго и тщательно. В качестве улики мы имеем следующее: никто не может проводить магическую операцию с хирургической точностью; всегда что-то идет не так. Это я уяснила за время своей работы.

Я намеренно не смотрела на Джейса, лишь небрежно кивнула в его сторону.

В конце концов, он был моим учителем и за один год научил меня большему, чем я узнала бы за пять лет.

— Прекрасно, — сказала Гейб, кладя локти на стол.

Бледные круги у нее под глазами начали проходить. Я почувствовала запах пиццы — кто-то решил наскоро перекусить. Этот запах напомнил мне, что я тоже хочу есть. Как обычно.

— Кейн поднял из-за своего морга ужасный шум, говорит, мол, ты его разгромила. Скоро туда примчатся репортеры, Дэнни. И если выяснится, что ты взялась за расследование, эти акулы разорвут тебя на части.

— Кейну возместят ущерб, а за меня вступятся власти, ибо морг был разрушен во время научного эксперимента. — Я заговорила резче: — И вообще, моя работа — это мое дело.

Тут я с удивлением услышала, как Джейс фыркнул. Допив кофе, он поставил стаканчик на стол и потянулся к бутылке бренди; затем, передумав, убрал руку. Скрипнул стул.

— Правда? Ну конечно, ты ведь у нас знаменитая Дэнни Валентайн, всемирно известная некромантка, богачка, вышедшая в отставку на пике своей карьеры, после удачного завершения дела, о котором не известно никому, кроме корпорации «Моб» из Нуэво-Рио. Разумеется, они это проглотят. Я буду очень удивлен, если репортеры уже не осаждают твой дом, Дэнни.

Он забыл добавить, что я та самая некромантка, которая вызвала дух колдуна Сент-Кроули из кучки пепла, а также работала с жертвами разрушения башен «Чойни тауэрс». О моих последних задержаниях был снят видеофильм. Гейб права — если выяснится, что я взялась за расследование, начнется светопреставление. К тому же копам придется признать, что сами они ничего сделать не могут, поэтому призвали на помощь внештатного сотрудника.

— Черт.

Я отхлебнула мерзкой раскаленной жижи. Затем решила сменить тему. Сделать акцент на позитиве, так сказать.

— Итак, теперь у нас уже есть кое-какая информация, и мы знаем, в каком направлении двигаться.

— В каком? — спросила Гейб.

— «Риггер-холл». — Я поежилась. — Центр ночных кошмаров.

«Вспомни. Вспомни. Вспомни». Жуткий крик призрака продолжал звучать в ушах; от него холодело сердце, как от записки Кристабель. Мне не хотелось вспоминать «Риггер-холл». Я прекрасно могла бы прожить и без этих воспоминаний. Я вообще решила не вспоминать об этой школе до конца своих дней.

В комнате повисла тишина. Бумаги на столе Гейб слегка шевельнулись, но не от сквозняка.

— Что там случилось, Дэнни? — с несчастным видом спросила Гейб сквозь неумолчный звон телефонов и потрескивание разрядов энергии, заполнившей крохотный кабинетик.

Работавший рядом церемониал тихо выругался и снова взялся за магнитофон.

Послышалось шуршание перематываемой пленки.

— Расследование приостановлено. Чтобы его продолжить, нужно решение суда, а это значит, за нас вновь ухватится пресса. Лишняя шумиха нам не нужна. Как только о нас начнут писать, от журналистов покоя не будет, да еще к ним добавятся луддеры, а ты знаешь, как они относятся к псионам.

Она права. Нам очень повезет, если никто не узнает, что происходит в городе. К тому же первой жертвой убийцы стал нормал, и, если где-нибудь появится хоть малейший намек на то, что людей убивает псион, произойдет взрыв.

Большинство псионов вполне могут за себя постоять и не бояться уличных хулиганов; это относится даже к тем идиотам, которые не удосужились пройти курс боевых искусств. И все же... трудно жить, постоянно чувствуя на себе косые взгляды и слыша за спиной злобный шепот. Нас обучали в школах Гегемонии, после получения диплома нам сделали татуировку и занесли наши данные в полицейские компьютеры, и все же нормалы продолжали нас бояться. Мы были нужны Гегемонии, на нас держались все основные статьи ее доходов, мы были просто необходимы корпорациям, и вместе с тем все это будет мгновенно забыто, как только выяснится, что какой-то псион убил нормала. Нас по-прежнему станут называть выродками, и так будет всегда.

Я не ответила, молча уставившись на бутылку бренди и ее янтарное содержимое. Одна бутылка была уже пуста. В другой еще плескалось немного жидкости, реагируя на мое внимание.

Джейс резко встал и взял свой посох.

— Пойду проверю, нет ли снаружи репортеров, — сказал он и вышел, прежде чем я успела что-то сказать.

Проводив его взглядом, я повернулась к Гейб. Она хмурилась.

— Ты чего? — как можно беззаботнее спросила я, удобнее устраиваясь на стуле.

Во рту чувствовался привкус стеклянной и цементной пыли, от которого я никак не могла избавиться.

— Он расстроен, — сообщила мне Гейб, будто я сама этого не знала. — Что между вами происходит, Дэнни?

— Ничего, — буркнула я и отхлебнула кофе. — Джейс живет в моем доме и вместе со мной ловит преступников. Скорее всего, выжидает, но... ничего не дождется. Я не могу.

«Я не могу к нему прикоснуться. И не выношу, когда он хочет прикоснуться ко мне».

Гейб нахмурилась еще больше, морщинки вокруг глаз обозначились резче.

— Ты хочешь сказать, вы ни разу...

Она взглянула на меня так удивленно, словно я сообщила, что хочу стать мужчиной.

— Не понимаю, зачем ему это надо.

Левое плечо заломило, по спине пробежала горячая волна. «И вообще, Джейс — это не Джафримель. Каждый раз, когда Джейс ко мне прикасается, я начинаю думать о чертовом демоне. Ха-ха. Гейб, ты знаешь, что это такое — трахаться с демоном?»

— Слушай, Гейб, давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Ради тебя он оставил семью Моб. Просто взял и ушел от них. Все бросил.

«К тому же он человек». Вслух она этого не сказала, но все было ясно и так. По всей видимости, она считает, что лучше быть предателем, чем скорбеть о демоне.

— «Риггер-холл», — перебила я ее.

Бутылка на столе звякнула, бумаги зашелестели.

— Нужно еще многое выяснить, Гейб. А пока я знаю вот что.

Она ответила мне долгим взглядом. Ее темные глаза ничего не выражали, изумруд на щеке сверкал. Аура потемнела, став густо-фиолетовой.

— Прекрасно. Поступай, как знаешь. Ты всегда так делала.

Гейб откинулась на стуле и вытащила из-за уха сигарету. Щелкнула серебряной зажигалкой «Зиджаан», сделала первую затяжку и выпустила дым через ноздри. Небрежный взмах кисти — и колечки дыма замерли в воздухе, затем превратились в пепел и медленно

опустились на стол. Прелестный трюк.

Я сглотнула.

— Так вот, «Риггер-холл». — От этих слов во рту появился мерзкий привкус. — Я училась там с... сейчас вспомню. Из приюта меня забрали, когда мне было пять лет. Значит, в школе, где на меня надели ошейник и поставили клеймо, я провела восемь лет. До самого суда.

Я поежилась.

Правая рука сжалась и начала болеть. Не сильно, но все же... моя прекрасная гладкая кожа покрылась мурашками, дыхание стало прерывистым, сердце бешено колотилось.

— Гадес... — прошептала Гейб, вся окутанная табачным дымом. — С Эдди происходит то же самое. Что там с вами делали?

— Директором школы был один подонок по имени Мирович. — Я говорила хриплым, срывающимся голосом, как после встречи с Люцифером, когда он меня едва не задушил. — Он занимался изучением псионов. Раздобыл в своем Пучкине дипломатический пропуск и приехал к нам, чтобы реформировать программу обучения псионов Гегемонии. В качестве подопытного кролика ему выделили «Риггер-холл». Однако никто не знал, что Мирович уже давно стал пожирателем. Он отлично замаскировался и даже думать не хотел о лечении. Ему нужна была собственная игровая площадка, и он ее получил.

— Пожирателем? — Гейб поежилась. — О боги...

— Да. Это был скользкий тип, а мы... мы были просто детьми. А потом...

На мгновение мой голос прервался.

Я поставила чашку на пол, чувствуя, как тот качнулся у меня под ногами. А может, это не пол качнулся, а я начала дрожать.

— Это было ужасно, Гейб. Малейшая провинность — это если тебе еще везло, — и тебя запирали в «клетку Фарадея», которая находилась в глубоком подземелье, полностью изолированном от внешнего мира. Это было... двое детей покончили с собой. Потом Мирович заставил одного ребенка-некроманта спать в комнате, где... в общем, некромант сошел с ума и выцарапал себе глаза. В отчете это записали как несчастный случай во время занятий.

Гейб смотрела на меня круглыми глазами.

— А почему же никто не...

— Мирович хорошо платил проверяющим из Гегемонии. У него был собственный небольшой бордель, а значит, и деньги, которых ему хватало на все, в том числе и на взятки. И если кто-то из детей пытался сопротивляться, то его просто вышвыривали из школы и записывали в бродеры.

Дрожа с головы до ног, ослепнув от воспоминаний, я потеряла шрам на плече.

О боги, если бы в мире была справедливость, эти воспоминания исчезли бы из моей памяти. Но они не исчезли.

Однажды моя соседка по комнате попыталась рассказать своему социальному педагогу, что творится за глухими стенами «Риггер-холла». И заплатила за это жизнью. Разумеется, в отчете это записали как самоубийство — что ж, иногда даже ребенку хватает мужества покончить с собой, только бы не превратиться в сексуального раба.

Тело Роанны повисло на проводах; она все дергалась и дергалась, пока умирали нервные окончания, ее светлая кожа дымилась, роскошные волосы горели, источая зловонный запах. Душа уже начала покидать ее тело, словно не могла дожидаться момента, когда освободится окончательно, и приторно-сладкий, тошнотворный запах уже шел изнутри обгорелого тела. Пальцы директора впились в мое плечо; крепко держа меня за волосы, он не давал мне отвернуться. Я не сопротивлялась; я не хотела отворачиваться.

«Ничего, я запомню это. Клянусь, придет день, и ты заплатишь за все».

От острой боли в плече я пришла в себя. Звонили телефоны, тихо переговаривались люди. За стенами комнаты шла обычная жизнь — вернее, нормальная для сотрудников полицейского парapsихологического отдела Сент-Сити. Я взяла бутылку бренди, отвинтила

крышку и принялась — вряд ли от выпивки мне станет легче. Жидкость плескалась о стенки бутылки — я даже не замечала, как дрожат у меня руки.

Разумеется, в «Риггер-холле» учились только те дети, за которых было некому заступиться. Мы были сиротами и бедняками; большинство из нас были добровольно отданы родителями под опеку государства, как только мы прошли тест на коэффициент Мейтсона. Богатые дети и дети из полных семей учились в «Страйкере», где представителям среднего класса выплачивались дотации за расходы на обучение псионов. Разумеется, начальное образование тоже стоило дорого, и ты мог оказаться по уши в долгах, особенно если в будущем собирался поступать в Академию, но тут действовали другие правила. Если у тебя не было родителей или собственного трастового фонда, то начальную школу для тебя выбирала сама Гегемония — как правило, ближайшую к дому школу-интернат. И тогда все, конец истории, точка.

Я глубоко вздохнула. «Я уже взрослая. Я выросла. И могу это рассказать».

— Слышала я одну историю. Так вот: в конце концов, несколько учеников не выдержали и устроили заговор. Мирович был очень хитер и всегда знал, от кого и что можно ожидать... и все же ребятам удалось взломать внутреннюю систему защиты школы, снять с себя ошейники и ворваться в спальню директора в тот момент, когда он насиловал девятилетнюю девочку-маги. Позднее я слышала, дескать, все это только слухи, но учти: одна из учениц-церемониалов сама превратила себя в пожирателя, вызвала директора на поединок и убила его.

Зубы у меня стучали, по спине лил холодный пот, глаза застилал серый туман. Звуки внешнего мира доносились откуда-то издалека. «Если сейчас у тебя случится припадок, никто тебе не поможет. Ты же сильная, ты взрослая! Очнись, черт тебя побери!»

Понемногу я начала приходить в себя.

— Нельзя выдумать страх, — сказала я, глядя на пепел от сигареты, лежащий на столе Гейб. — Или то, что происходило в нашей школе. Некоторые из учеников сломались и начали прислуживать директору. Это было самое страшное. Они избегали наказания, донося на других, тем самым становясь еще хуже директора. Эти избиения... он включал ошейники, и нас било током... у меня на теле были страшные шрамы — до того, как я стала хедайрой. Три глубоких рубца на спине и один на левой ягодице. Теперь их нет. Теперь у меня изумительно гладкая кожа.

«Тогда почему эти рубцы болят?» Три раза прошелся по моей спине раскаленный прут. Мои отчаянные вопли. Кожаные ремни, впившиеся в руки. По ногам течет кровь и сперма...

«Я уже взрослая». Сжав зубы, я тряхнула головой, чтобы прогнать воспоминания. Они не хотели уходить, но я оказалась сильнее.

На этот раз. Когда я попытаюсь уснуть, тогда и будет видно, действительно ли я такая сильная.

— Зачем Муркок написала письмо? — спросила Гейб и бросила сигарету на стол.

Прочитав на ее лице жалость и отвращение, я разозлилась. Больше всего на свете я ненавижу, когда меня жалеют.

— Не знаю. — Правая рука судорожно сжалась, под кожей бегали мурашки, на ногтях поблескивал яркий молекулярный лак. — Но собираюсь выяснить.

— Дэнни. — Гейб резко поднялась из-за стола и слегка наклонилась вперед, чтобы заглянуть мне в лицо. Ее гладкие черные волосы растрепались, глаза расширились — возможно, ей тоже стало страшно. — Если бы я об этом знала, то ни за что не стала бы тебе звонить. Я же не...

— Но ты позвонила. — Сняв ноги со стола, я резко встала. — И я многим тебе обязана. Ты выполнила свой долг, Гейб. Теперь я выполняю свой.

Не знаю, как Гейб это удалось, но она побледнела еще сильнее. Словно кто-то слил в чашку весь цвет с ее щек.

— Ты ничем мне не обязана, Дэнни. Ты моя подруга.

— А ты моя.

Я говорила совершенно искренне. У Гейб ведь тоже остались глубокие шрамы, когда Сантино полоснул ее когтями по животу; такие страшные раны не способны излечить даже некроманты, а ведь по части смертельных ран мы вторые после седаин. Держу пари, после этого Гейб долго снились по ночам кошмары, хоть она и богачка, работающая копом ради развлечения.

— Зачем же я сюда пришла, как ты думаешь?

Нет, Гейб работала в полиции вовсе не ради развлечения. Она отлично знала свое дело и часто выручала свой отдел тем, что вызывала дух погибшего, который называл имя убийцы. У нее был дар. Она была лучшим детективом за последние двадцать лет — с тех пор, как вышла в отставку ее бабушка.

— Дэнни...

«Нет, пожалуйста. О боги, не надо, не лезь ко мне со своими нежностями. Не люблю я этого».

— Мне нужно идти.

Еще минута — и я бы начала выкладывать перед Гейб такое, о чем знать ей было вовсе не обязательно. Всякие ужасы о «Риггер-холле» и обо мне.

— Если понадобится — звони. А я тем временем попытаюсь что-нибудь узнать. Ты не могла бы прислать мне домой копии документов?

— Хорошо, — сказала она. — Дэнни, прости меня.

«И ты меня прости, Гейб. И ты меня».

— Пока, Спуки, увидимся.

И я пулей вылетела из кабинета.

Глава 9

Джейс ждал меня внизу.

— Все нормально? — спросил он, когда я распахнула дверь старого гаража. Из полицейского участка можно было выйти через заднюю дверь, которая вела в гараж, — так мы с Джейсом решили удрать от репортеров, которые уже поджидали нас перед входом в участок. Гейб не позавидуешь — теперь ей придется устраивать пресс-конференцию, но это ничего — репортеры ее обожают.

— Нет, — коротко бросила я.

— «Риггер-холл», — понимающе сказал Джейс, запустив пальцы в свои густые волосы. — Дэнни...

— Я не хотела об этом говорить.

Я оглядела гараж; вокруг тихо стояли темные полицейские воздушные «крузеры». На крыше места для них не было, поэтому пришлось расширять главный вход и служебные помещения. В дальнем углу гаража светилась будка охранника; тот спокойно попивал кофе, не обращая на нас внимания.

— Еще бы. — Джейс взял меня за руку. — Дэнни...

«О боги, Джейс, пожалуйста, не сейчас».

— Оставь, Джейс. Сейчас мне нужно разыскать Йедо. И чего-нибудь выпить.

— Это тебе не поможет.

«Сама знаю».

Джейс был абсолютно прав — моя новая система пищеварения практически полностью игнорировала алкоголь, который теперь действовал на меня не больше, чем вода, а испробовать на себе что-то более действенное — и запрещенное — я побаивалась.

Но если так будет продолжаться и дальше, я осмелею.

— Я все-таки попробую, — поморщившись, сказала я.

— Огун¹, — прошептал Джейс и крепко меня обнял.

¹ Огун — в религии вуду один из верховных богов, покровитель войны, охоты, огня и железа.

После превращения я стала немного выше ростом, но все же по-прежнему могла спрятать лицо у него на груди — где-то возле шеи. Я осторожно прижалась к Джейсу — теперь я была намного тяжелее и сильнее, чем раньше, и во время каждой вылазки внимательно следила за тем, чтобы Джейс не попал под шальную пулю или удар ножа.

Мы немного постояли, прислушиваясь к звукам вокруг нас. Звуки наслаивались один на другой, эхом отдаваясь от бетонных стен; где-то рядом тихо урчал «круизер».

Я вздохнула, отодвинулась от Джейса и потеряла левое плечо, не перестававшее болеть. Интересно почему? Раньше оно было холодным, как лед, а теперь стало горячим, даже раскаленным, и это жжение никак не проходит.

Может быть, так напоминает о себе Князь тьмы?

Отлично. Есть над чем задуматься.

— Не спрашивай меня о «Риггер-холле», ладно? — попросила я.

Все-таки это несправедливо. Джейс выглядел очень усталым, он сутками гонялся вместе со мной за преступниками и ни разу не пожаловался. Он пришел в мой дом и остался в нем жить, он без сна и отдыха выходил вместе со мной на охоту, при опасности стараясь закрыть меня собой. Конечно, когда-то он меня предал — скрыл, что он из семьи Моб, а потом и вовсе бросил одну. А все потому, что семья предупредила: или он сделает то, что ему велют, или мне конец. В то время я об этом не знала и страшно мучилась от душевной боли и обиды. Однако после Рио Джейсу многое пришлось вытерпеть, и обижать его теперь было бы нечестно.

Надо отдать ему должное — он сразу сменил тему.

— Ладно, детка, тогда я спрошу о другом.

Джейс стукнул посохом по старому и грязному бетону; раздался сухой треск, на миг заглушивший урчание «круизера».

— Валяй.

Я направилась к выходу; Джейс пошел за мной, постукивая посохом по полу. На верхушке посоха болтались косточки; аура Джейса была сладковатой и крепкой, как вино. Ни у одного шамана не было такого запаха, как у Джейса, — от него пахло перцем, белым вином и медом. Если бы к ним не примешивался запах человека, то было бы совсем замечательно.

— Ты его любила?

К чести Джейса, в его голосе не было злости, только любопытство.

Я едва не споткнулась.

— Что?

«Какого черта ты спрашиваешь об этом сейчас? Потому что я выкрикнула его имя, когда в морге на меня набросилась голодная тварь?» Один из стоявших неподалеку «круизеров» скрипнул, реагируя на мое смущение.

Я глубоко вздохнула.

— Ты его любила? Того демона, Джафримеля?

Я физически ощутила, как Джейс скривил губы, словно в рот ему попало что-то кислое.

— Джейс, — резко сказала я, — перестань.

— Я имею право знать. Я и так слишком долго ждал.

«Говорит серьезно, без своих обычных шуточек».

— Имеешь право? А Сантино? Ты же лгал мне.

«Пророчица Дэнни. Бьешь ниже пояса? Сучка».

А что еще он мог ответить? Я ведь не позволила ему защищаться.

— Я не знал.

— Ты лгал мне и о семье Корвин.

Еще одно обвинение. Нашла время. Ну почему мы завели этот разговор именно сейчас? Почему?

— У меня не было выбора. Я должен был тебя защитить. Иначе они бы тебя убили.

Тогда ты еще была человеком.

Он упомянул об этом впервые. Интересно, сколько он об этом думал?

— А теперь я кто? Мерзкое отродье? Ты что, записался в луддеры? Будешь расхаживать перед больницей с плакатом «Нет рекомбинации генов!»?

Мой голос отскакивал от бетона, как кусочки льда. Стоило бы мне чуть забыться, и по тротуару у нас под ногами пошли бы трещины. Я едва удерживала свою энергию. Жаль, что Джафримель не успел научить меня обращаться с ней. Еще немного — и она сожрет меня живьем.

— Ты не изменилась, Дэнни, — хмуро ответил Джейс. — Такая же упрямая, грубая сучка. И красивая.

— Ты забыл назвать меня жесткой, непреклонной и жестокой.

— И очень настырной. — Он вздохнул. — Ладно, будем считать, что ты выиграла. Просто я хочу знать, Дэнни, ты его любила?

— Какая тебе разница? Он мертв и больше не вернется. И хватит об этом.

Мы подошли к пневматическим дверям, ведущим на улицу. Джейс, как обычно, шагал в ногу со мной, умеряя свой широкий шаг.

— Если ты о нем забудешь, тогда, возможно, забуду и я, — сказал он, делая ударение на каждом слове.

— Он умер, Джейс. Хватит об этом.

Эти слова я смогла лишь прошептать, поскольку горло внезапно сжалось, словно в нем застрял камень. «Да, он умер, но забыт ли? Нет. Спросите меня, почему я не могу прикоснуться к Джейсу. Спросите, почему я все время слышу голос Джафримеля. Даже после того, как выяснила, что демона в стране смерти нет».

— Хорошо. — Джейс со злостью стукнул посохом о тротуар — Что я теперь должен делать?

Я сглотнула, в горле что-то булькнуло. В минуту опасности я позвала Джафримеля, а не Джейса. Он имеет право сердиться.

— Значит, ты меня не бросишь? — удивленно спросила я.

«Ты выполнил свой долг, Джейс. Ты оберегал меня с самого Рио. Какое нам теперь дело до всего остального?»

— Конечно, не брошу, Дэнни. Так что я должен делать?

Я слегка приподняла плечи, словно сбрасывая с них тяжелую ношу. Затем тряхнула правой рукой и услышала, как хрустнули суставы. Мне стало легко и свободно, а почему — выяснять не хотелось.

— Мне нужно навестить Йедо, немного поупражняться в фехтовании и проветрить мозги. Я начинаю новую охоту. — Я взглянула на Джейса. — Ты не мог бы раздобыть мне приглашение в Дом Боли? И чем скорее, тем лучше.

Если бы я не знала Джейса, то подумала бы, что он побледнел.

— Клянусь Чанго, девочка, ты умеешь задавать задачки.

Он явно разволновался.

— От меня не пахнет человеком, — сухо заметила я. — Думаю, меня пропустят. Но мне нужно приглашение, иначе я туда не попаду, а у тебя есть связи.

«Поскольку ты из семьи Моб». Но вслух я этого не сказала. Все в прошлом, не так ли? О боги, а что бы мне на самом деле хотелось оставить в прошлом?

Джейс не колебался ни секунды.

— Отлично. Я достану тебе приглашение. А чем мне заняться, пока ты будешь беседовать с кровососами?

— Кое-что выяснишь.

Глава 10

Йедо жил в районе Университета, на тихой улочке, где когда-то любили собираться

всякие странные личности; теперь улочка выглядела пустынной и заброшенной. Воздух здесь не был насыщен энергией — именно из-за Йедо, чей домик прятался в глубине живописного сада, в одном углу которого стояла древняя деревянная бочка для купания, а в другом находился небольшой сад камней. Все выглядело очень ухоженным и сияло чистотой. Здесь был даже маленький песчаный пляж, тщательно прочесанный граблями; на ровном песке было разбросано несколько черных камней. Аура сада была мирной, спокойной и почти осязаемой.

Я позвонила в звонок, повернула дверную ручку и вошла в дом. Прихожая была совершенно пустой — ни одной пары обуви на полке из кедровых досок. Ни одного человека в доме.

Слава богам.

Я сняла сапоги, потом носки. Повесила на вешалку пальто и свою черную брезентовую сумку; туда же повесила и кобуру с пистолетом. Здесь их никто не посмеет тронуть. Мне даже не нужно произносить особое заклятие. Более того — подобное недоверие к дому оскорбило бы учителя.

Шлепая босыми ногами, безоружная и из-за этого ощущая себя голой, я прошла через прихожую и остановилась в дверях залитого мягким светом небольшого зала, пол которого был покрыт ковриками татами. Их пышный и немного жесткий ворс щекотал голые ступни, и мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не почесать одну ногу о другую.

Йедо, облаченный в ярко-оранжевый халат, сидел в дальнем конце зала на небольшом помосте, над которым с потолка свисал длинный свиток с изображением двух кандзи².

Рядом с помостом на низком столике красовалась икебана: три красных цветка на длинном зеленом стебле, который почему-то напомнил мне орхидею из кабинета доктора Кейна. Подавив дрожь, я низко поклонилась, прежде чем пересечь границу, отделяющую «пространство комнаты» от «спарринг-пространства».

Умное лицо старика было сморщенным, как печеное яблоко; белые зубы сверкали. Блестела наголо обритая голова, в угольно-черных глазах отражался мягкий рассеянный свет. Кончики ушей Йедо были заостренными, его мозолистые руки, сложенные в мудру «целостность», спокойно лежали на коленях.

Он был похож на отдыхающего гнома, этот старичок со странными ушами, спокойный и медлительный.

— Аи, Данио-сан. Хорошо, что ученики ушли.

Я снова поклонилась.

— Сэнсэй.

— Какая серьезная! Юная ученица, — склонив голову, зацокал языком Йедо. — Рассказывай, что случилось?

— Мне нужно подумать, — храбро заявила я.

Спарринг-бой всегда был для меня не просто способом забыть о свидании со смертью. Для этого годилось все — и спарринг-бой, и катание на сликборде, и секс — лишь бы почувствовать прилив адреналина и избавиться от мерзкого привкуса, от ледяного холода в кончиках пальцев рук и ног.

— Послушай, сэнсэй Йедо, давай покончим с дурацкими церемониями и займемся делом, хорошо?

Йедо чуть шевельнул рукой. Внезапно моя правая рука вылетела вперед и на лету отбила маленькую стальную стрелку, которая вонзилась в балку под потолком. Маленькую, размером с булавку, но очень опасную стрелку с перышками.

— Как ты нетерпелива!

Я не ответила и внимательно следила за ним. Йедо медленно встал, словно у него болели все кости. Я напряглась.

— Что выбираешь — палку? Меч? — снова поцокав языком, спросил он.

— У меня нет меча, — напомнила я ему. — Палку или рукопашный бой, сэнсэй.

² Кандзи — японские иероглифы.

«Мне нужно двигаться, нужно подумать, нужно попросить тебя об одной услуге».

— У воина должен быть меч, Данио-сан. Меч — это честь воина.

«Так и думала, что ты это скажешь».

— После боя мне понадобится меч. Если, конечно, ты сочтешь нужным мне его дать, старик.

Он засеменил к стойке с деревянными палками; покопавшись коричневыми пальцами в связке, вытащил оттуда две самые длинные. В предчувствии поединка мое сердце начало отбивать четкий ритм, глаза расширились, тело напряглось.

— Кажется, тебе нужно преподать урок хороших манер, — по-отечески мягко произнес Йедо.

Бросив мне палку, он сжал свою двумя руками и приготовился. Треск дерева, ударившего о дерево, разлетелся по всему додзё³.

Удар, резкий поворот, взмах, выпад, снова удар, полшага назад, выпад и удар, нацеленный в лицо, «я так не могу, он слишком быстр для меня»...

Звонкий удар дерева о дерево, Йедо концом палки ударил меня в живот, я отскочила назад. Затем оперлась на свою палку и совершила невероятный прыжок — Йедо едва успел увернуться, но я была начеку и вовремя подставила свою палку, когда он хотел нанести мне удар. Прыжок назад, палка за спиной — красивое зрелище, но ничего другого я придумать не смогла. С каждой атакой Йедо все больше загонял меня в угол, лишая возможности маневра, кружил вокруг меня, вынуждая все время вертеться. Я слышала хруст своего позвоночника — я двигалась со скоростью, невозможной для любого смертного; едва коснувшись ногами пола, я вновь взмывала в воздух. Изогнувшись, я снова приземлилась на татами и, сделав ложный выпад, нанесла удар — и наткнулась на палку Йедо. И снова дерево с визгом ударилось о дерево.

Двигаясь словно работающий пропеллер, я наносила Йедо удар за ударом, я задыхалась, я словно летала по воздуху. «Жива. Я жива». Холод смерти, воспоминания о призраке Кристабель постепенно уходили, смытые волной адреналина; каждая клетка моего тела словно начинала светиться. «Жива. Я взрослая, и я жива». Новый град ударов. Мы отскочили друг от друга; я медленно начала его обходить, он следил за мной. Затем, поскольку ни один из нас еще не совершил ошибки, мы изменили тактику — принялись совершать ложные выпады; сначала Йедо, затем я; он пытается усыпить мою бдительность, я пробую пробить его защиту. Замешкавшись на долю секунды, я получила чувствительный удар по пальцам; я отскочила назад и затрясла рукой, держа палку наготове. Из пальцев выступила красно-черная кровь и сразу исчезла, оставив после себя чистую золотистую кожу. Никак не могу к этому привыкнуть.

— Что тебя тревожит, Данио-сан? — спросил Йедо, остановившись и держа палку одной рукой.

Затем он сделал шаг вперед и внимательно взглянул на мою руку; я слегка отодвинулась.

— Призраки былого, друг мой, — чуть задыхаясь, сказала я. — Память об одной чертовой школе, она называлась «Риггер-холл».

Я никогда не рассказывала Йедо о «Риггере». Впрочем, я бы не удивилась, если бы выяснилось, что он и так все знает. Я пришла к нему брать уроки боевых искусств, как только закончила Академию, поскольку слышала, что он лучший; у Йедо я училась дольше всех учеников, за исключением, может быть, Гейб.

Он задумчиво кивнул, сверкнув раскосыми глазами; его лоб блестел от пота. Тогда я отважилась нанести пару ударов. Как хорошо, когда не надо все время отскакивать назад; люди чертовски хрупкие создания.

«Осторожнее, Дэнни. Все-таки ты еще человек». Я нацелилась Йедо в грудь. Если он дернется, я это сразу замечу. Мы закружили друг возле друга; последовала новая серия ударов. По спине ручьем стекали струйки пота. Я чувствовала себя прекрасно.

³ Додзё (японск.) — зал для занятий боевыми искусствами.

Я снова была «чистой».

— И этих своих призраков ты привела к Йедо, э? — одними губами усмехнулся он. Здесь, в «пространстве спарринга», пощаде не было места.

— Ну и что, они же тебя не убьют, — огрызнулась я.

— Хм.

Йедо, непроницаемый, как всегда, пожал плечами.

Его одежды зашелестели, а голые пятки застучали по татами, когда он обрушил на меня град ударов. Мы обливались потом, он и я. «Двигайся, двигайся, двигайся!» — звучал в ушах голос Йедо. «Не думай, двигайся!»

Его палка затрещала, и в пронизанном солнцем воздухе раздался мой громкий крик. Конец моей палки находился в четверти дюйма от груди Йедо. От моего «киа!», казалось, содрогнулся весь дом. С крыши посыпалась труха.

— Неплохо, — проворчал Йедо.

В его устах это вполне могло сойти за похвалу.

— Пошли. Я приготовлю чай.

Вся в поту, усталая, держа палку одной рукой, я кивнула.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы кто-нибудь рвал некроманта на части, сэнсэй Йедо?

— Давно не видел. — Он стряхнул с рук мелкие щепки. — Идем выпьем чая.

Поговорим.

Поставив палку на место, я прошла за Йедо в чистенькую кухню, выдержанную в зеленых и бежевых тонах. Через окно-фонарь лился мягкий вечерний свет. Йедо достал железный чайник, две чашки и свою знаменитую розовую банку «Хиро Кидай», в которой он хранил зеленый чай. Я едва сдержала улыбку. Старый ворчливый дракон любит маленькие розовые вещицы.

«Может быть, люди для него — тоже маленькие розовые вещицы».

К горлу подкатила тошнота, плечо пронзила жгучая боль.

— Итак.

Йедо налил в чайник воды и поставил его на огонь. Я уселась на низкое сиденье за столиком.

— Похоже, тебя вырвали из сна.

— Я не спала. Я вообще не сплю, — возразила я. — Я не общественный человек, только и всего. Я просто гоняюсь за преступниками.

Йедо пожал плечами. В сущности, он прав: бросаясь от одной охоты к другой, я в какой-то степени превращала себя в бездушную машину. Беспреданно нагружаю себя работой, чтобы наконец-то уснуть и заглушить в себе боль. Когда-то мне это помогало, но теперь приходится с грустью признать, что машины из меня не получилось.

Халат старика сиял в лучах солнца. Я втянула в себя воздух комнаты — слабый запах человека и сильный, темный запах огня и какой-то глубокой норы, отверстия в земле, словно в забытом храме курятся благовония. Я не знала, кто такой Йедо, я никогда не слышала и не читала о подобных существах. Но он жил в Сент-Сити почти столько же, сколько и Абра; иногда я носила записки, которые они передавали друг другу; так, кое-какая информация. Я ни разу не видела, чтобы Йедо покидал свой дом или Абра — свою лавку. Интересно, откуда они вообще появились в городе? Ничего, когда-нибудь узнаю.

Приятно ощущать аромат, в котором нет запахов человека — отмирающих клеток, страдания, безысходного одиночества.

«Джафримеля больше нет», — подумала я, и меня пронзила острая боль.

— Что ты знаешь о Кристabelle Муркок? Она у тебя училась?

Йедо покачал головой.

— Она не из моих учеников. — Чайник на плите закипел. — Тебе нужен меч.

Я пожала плечами и пальцем рассеянно начертила на поверхности стола первый попавшийся глиф. Мои кольца вспыхнули. Глиф задвигался, начал перестраиваться — и принял форму знака на моем плече. Я вскинула глаза на Йедо. Тот спокойно смотрел на

меня.

— Ты решила жить, — сказал Йедо, наклоняясь вперед, и насмешливо фыркнул. На какое-то мгновение его глаза стали совсем черными, без белков, как у ящерицы, а может быть, это была игра света. — Хотя от тебя по-прежнему пахнет горем, Данио-сан. Большим горем.

«Он не вернется. Может быть, мне лучше горевать, чем пытаться все забыть».

— А я и не собиралась умирать, — солгала я. — Послушай, Йедо. Мне нужен меч. Моя рука не окрепнет, если я не буду тренироваться.

— Кристабель, — произнес Йедо.

У него это получилось как «Ку-рис-та-бе-ру».

— Она разговаривала с мертвыми. Как и ты.

Еще бы — во всем городе нас было всего четверо. Я взглянула на свою левую руку — великолепной формы, изящная, золотистая; и рука старика — сильная, короткая, жилистая.

— Не думаю, что ее убило именно это.

Легкий кивок.

— Итак, у тебя уже есть свои предположения.

— Нет. У меня ничего нет. Все, что у меня есть, — это трупы нормала, секс-ведьмы и некромантки, оставившей короткую записку, в которой упоминалась школа «Риггер-холл».

«Думаю, это ритуальные убийства, но я не уверена. И пока я не буду уверена, никто не услышит от меня никаких предположений, черт меня возьми».

— И поэтому тебе нужен меч? — спросил Йедо, приподняв брови.

Чайник закипел, и Йедо разлил в чашки кипяток. Я смотрела, как он ловко взбивает ароматный зеленый порошок, превращая его в крепкий густой чай. Когда напиток был готов, Йедо взял чашку двумя руками и протянул мне. Я также приняла ее двумя руками и слегка поклонилась. Пальцы ощутили ровную и гладкую поверхность великолепного изделия, выполненного в стиле «раку». Чашка словно хранила в себе жар огня, которым ее обработали; его привкус ощущался и в крепком, чистом, терпком вкусе напитка, наполнявшем ее.

«Мы дети огня», — вспомнила я голос Джафримеля, спокойный и бархатистый. Во время спарринг-боя я о нем забыла, но теперь Джаф вновь не выходил у меня из головы. Да неужели мне удалось прожить без него целых полчаса, даже сорок пять минут? Зовите телевизионщиков, прессу, собирайте пресс-конференцию — это же настоящая победа!

Нет. Я не переставала о нем думать. Я не могу не думать о нем. А его больше нет — по-настоящему, без шуток, нет и никогда не будет.

— Я скучаю по нему, — рассеянно сказала я, глядя в свою чашку.

Теперь, когда я точно знала, что в царстве смерти его нет, можно было в этом признаться.

— Странно, правда?

Йедо пожал плечами и сделал маленький глоток чая. Он сидел, полуприкрыв свои угольно-черные глаза, и от нашей спокойной, умиротворенной беседы воздух в комнате стал золотистым.

— Ты изменилась, Данио-сан. Я встретил тебя и увидел это, в тебе было много гнева. Куда он ушел?

Я пожала плечами.

— Не знаю.

«Гнев не ушел, Йедо. Просто я научилась его скрывать».

— Я занималась изучением демонов. В том числе а'нанкимелей. Я имею в виду, когда у меня было свободное время. — Скривив губы в горькой улыбке, я смотрела в свою чашку. — Он так и не сказал мне, что он со мной сделал или чем заплатил за это превращение. У меня есть смутная догадка — трудно разобрать в старинных книгах, где миф, а где реальность, но демоны, как я убедилась, обожают дурачить людей.

Внезапно до меня дошло, о чем я говорю, и я быстро вскинула глаза на Йедо. Тот с

пристальным вниманием разглядывал окно.

Я вздохнула.

— Чтобы зарабатывать на жизнь, мне приходилось много трудиться. Я скакала с одного камня на другой. А теперь, когда я пересекла реку, то поняла — знаешь что? Что мне вновь хочется оказаться на ее середине. Ведь пока я прыгала с камня на камень, у меня не было времени хандрить.

Йедо издал какой-то непонятный звук; скорее всего, просто давал понять, что он меня слушает. Его черные глаза оторвались от окна и смотрели на меня.

— Возможно, тебе стоит прекратить погоню за своим прошлым, Данио-сан.

«Вспомни "Риггер-холл».

— Я за ним не гоняюсь. Это оно преследует меня. Мне нужно выяснить, чем занималась в «Риггер-холле» Кристабель Муркок и что общего между тремя жертвами.

— Зачем?

Как легко он перешел на другую тему! Если кто и понимал меня по-настоящему, так это Йедо. До того как я улетила в Рио, он ничем не выделял меня среди других учеников. Как удавалось этому старику, принадлежавшему неизвестно к какой расе, дать мне ощутить себя настоящим человеком?

— В городе осталось всего три некроманта — я, Гейб и Джон Фэрлейн. Нам больше нельзя терять людей.

От моего горького юмора запотела стеклянная поверхность столика.

Йедо хрипло рассмеялся.

— Ладно, пей чай. Мы найдем тебе меч. Кажется, я знаю, какой тебе подойдет.

Комната в конце лестницы была такой же, какой я ее увидела в первый раз. Через голые окна лился солнечный свет, отражаясь в гладкой поверхности лакированного пола. В воздухе плавала пыль. Дверной проем закрывали две занавески из янтарно-желтого шелка, тихо шелестевшие в тишине.

На черной деревянной полке, расположенной вдоль стены, лежали мечи, все в ножнах. Я взглянула на стену, где когда-то висел мой меч; его место пустовало. Отсутствовали еще четыре меча, принадлежавшие ученикам Йедо. Интересно, кто-нибудь из них сломал свой меч, вонзив его в сердце демона?

От этой мысли мне стало стыдно. Йедо не раздавал мечи кому попало, а я свой сломала.

— Сэнсэй, — прошептала я, — мы верно поступаем?

Он рассмеялся, и в пустой комнате словно зашуршала бумага. На полу лежали два татами, и Йедо знаком велел мне стать на один из них. Я слегка пригнулась, когда его босые ноги зашлепали по полу. Между татами стояла простая свеча в фаянсовом подсвечнике.

— Аи, даже мечи приходят и уходят. Ты правильно обращалась с Летающим Шелком. Но теперь тебе нужно кое-что другое.

Йедо расхаживал вдоль ряда мечей, поглядывая на торчавшие из ножен рукояти. Его оранжевый халат нежно шелестел, совсем не так, как занавески на дверном проеме. Издалека доносился шум города. Это успокаивало.

Поджав под себя ноги, я опустилась на коврик. В комнате было очень тихо; здесь даже пыль казалась безмятежной. Внезапно плечо обожгла боль, словно рука начала медленно просыпаться. Я глубоко вздохнула, втягивая в себя огненный запах Йедо, и в который уже раз подумала о том, как хотела бы остаться у него навсегда. Впрочем, из этого ничего бы не вышло — старик обожал свой дом и свой покой; думаю, мое пребывание в нем вскоре закончилось бы смертельным поединком. Переступая порог его дома, я переставала быть псионом, которого боятся нормалы, или скрюченной от страха некроманткой с изуродованной рукой. Я больше не была и хедайрой, о которой даже не упоминалось в старинных книгах про демонов. В доме Йедо я становилась простой ученицей.

Здесь я была такой, какая я есть. Здесь меня ценили за мастерство, храбрость, чувство чести и желание учиться.

— Вот этот, — сказал Йедо, беря в руки длинную катану в черных лакированных ножнах, которые, возможно, сделал сам.

Отделка рукояти была дорогой и изысканной; я видела, что даже воздух вокруг нее слегка светится. У меня перехватило дыхание.

Когда я впервые переступила порог додзё — а это произошло уже после того, как я убила Сантино, — то почувствовала, как бешено заколотилось сердце; ладони сразу вспотели, правая рука сжалась в кулак. Йедо проводил урок тайм с подростками из богатых семей — он занимался программой по оздоровлению молодежи. Встав в уголок, я почтительно дожидалась окончания занятий; когда урок закончился, Йедо отпустил учеников, затем решительно подошел ко мне, взял мою правую руку и принялся внимательно ее рассматривать, легонько шевеля пальцами. Я не сопротивлялась, хотя терпеть не могла, когда ко мне прикасались; я даже Джейса отталкивала, когда он, не в силах доползти до своей комнаты, валился на мою постель.

Затем Йедо проворчал: «Меч нельзя. Палка. Идем». И сразу все мои страхи и тревоги свалились с меня, как старое пальто. А еще через час я плескалась под струей воды, смывая с себя пот; мало кто был способен заставить меня вспотеть, но Йедо это удалось. И в этом было все дело.

Только в его присутствии я начинала чувствовать себя ребенком, и если Льюиса я считала своим отцом, когда была маленькой, то Йедо стал им, когда я выросла. И я делала все, чтобы мои отцы гордились мною.

Скрестив ноги, Йедо уселся напротив меня. Провел большим пальцем по рукояти, затем слегка вытащил меч из ножен. Он был прекрасен — немного длиннее и шире, чем мой прежний меч. Стальной клинок словно светился изнутри.

— Очень старый. По неведомой причине, Данио-сан, ты выбираешь именно старые. Этот... — он со звоном вытащил меч из ножен, — зовут Фудосин.

Стоявшая между нами свеча внезапно выпустила дымок, затем загорелась. Я улыбнулась — знакомый фокус, однако я не подала виду и продолжала смотреть на меч, слегка наклонившись вперед, затем подняла глаза на Йедо.

— Изумительная вещь.

Он медленно кивнул; в его гладкой лысине отражался солнечный свет. По сравнению с ним огонь свечи казался слабым и тусклым.

— Ты радуешь мое сердце, Данио-сан. Фудосин пробыл у меня долго, он очень стар; обладать им — большая честь. Но говорю тебе: отдавать этот меч — не очень хорошо.

Мы замолчали. Шло время; мечи в ножнах пели свою длинную медленную песнь металла. Йедо молчал; в его глазах прыгали оранжевые огоньки, взгляд был отсутствующим, словно старик погрузился в далекие воспоминания.

Я всегда знала, что Йедо — нечеловек, но по-настоящему он когда-то напугал меня именно в этой комнате, когда внезапно застыл в абсолютной неподвижности — человек так не может, — погрузившись в глубочайший транс. Но теперь, когда я сама была человеком только наполовину, я, подражая старику, также замерла. Так мы и сидели друг против друга, словно два зеркальных отражения перед лицом вечности.

Наконец Йедо глубоко вздохнул, словно прекратив разговор с самим собой.

— Фудо Миу — великий воин. Он разрывает цепи страданий, живет в пламенном сердце каждого воина. Фудосин — опасный, могущественный меч. Его нужно защищать — своей честью, но, что еще важнее, — состраданием. Жалость — не самое главное твое достоинство, Данио-сан. Этот меч любит сражаться. — Йедо взглянул на меня; его лицо как-то сразу постарело. — Как, впрочем, и ты.

Я покачала головой. На лицо упала прядь волос.

— Я никогда не сражаюсь ради удовольствия, сэнсэй. Так было всегда.

Он кивнул.

— Верно, верно. Но я хочу тебя предупредить: ты еще очень молода. И скоро обо мне забудешь.

— Никогда, сэнсэй, — стараясь казаться возмущенной, проговорила я.

Старик растянул губы в белоснежной улыбке. Затем он протянул мне меч, и я бережно взяла его в руки, ощутив знакомую тяжесть. Словно все встало на свои места, словно я наконец-то получила нечто прекрасное, созданное специально для меня.

«Фудосин», — прошептала я и склонилась в низком поклоне. По-моему, так было правильно, хотя моя коса, соскользнув со спины, едва не угодила в огонь свечи.

— Д'мо, сэнсэй.

Наградой за мои старания изъясняться по-японски был громкий подбадривающий смех. Я выпрямилась, сгорая от желания вытащить меч из ножен, чтобы еще раз полюбоваться на голубое сияние клинка, услышать его смертельное шипение, его тихую свистящую песню.

Громкий смех Йедо закончился коротким фырканием.

— Аи, колени болят. Не люблю церемоний. Иди сюда, покажи, помнишь ли ты хоть одну кату⁴.

— Чтобы все позабыть, мне понадобилось бы больше, чем несколько месяцев, сэнсэй, — сказала я.

Как хорошо вновь взять в руки меч. Свой меч.

— Чтобы забыть боль, требуется долгое время, — сказал Йедо, кивая.

Наши взгляды встретились.

Затем мы вновь поклонились друг другу, и я, к своему большому удивлению, засмеялась вслед за стариком.

Глава 11

Я не смотрела по сторонам, когда завернула за угол. Я чувствовала себя легко и свободно, тело излучало запах здоровой усталости.

На деньги, полученные за убийство Сантино, я выкупила не только свой дом, но и дома по обе стороны от моего; после этого я их снесла, а свой дом огородила стеной — лучшее, что я смогла придумать, чтобы сберечь свой покой. Эту идею я почерпнула у Гейб. Только она свою стену получила по наследству, мне же пришлось создавать ее самой.

Левое плечо продолжало болеть. А что, если знак начал постепенно вгрызаться в кожу? От этой мысли настроение сразу упало.

«Может быть, это Люцифер? Вдруг он тоже замешан в этом деле? Нет, не может быть, возле Кристabelle запаха демона не было, иначе я бы его почувствовала. К тому же демоны подобными вещами не занимаются, даже такие, как Сантино».

От мыслей о Князе тьмы по спине пополз холодок. Вполне возможно, что он продолжает за мной наблюдать, вот только зачем?

«Да пошел он, этот Люцифер. Подождет, пока я выясню, кто убивает псионов».

Внезапно рядом раздался щелчок, и я вздрогнула. Я не остановилась, но мое биополе пришло в движение; перед моим домом толпились какие-то люди. Защитная система, которой были окружены стены, искрилась и переливалась огнями. Плотный занавес энергии вывел бы из строя любую кинокамеру, которая оказалась бы слишком близко от дома.

О черт, репортеры!

Меня еще не заметили. Один из них, спрятавшись за уличным фонарем, фотографировал мой дом — эти щелчки я и слышала. Репортер, одетый в длинный коричневатый плащ, стоял ко мне спиной; мне были видны лишь его короткие темные волосы. Сгущались пурпурные сумерки, и в городе начали загораться яркие огни. Судя по всему, репортер был нормалом, поэтому он не замечал, какими кругами и завитушками я украсила живописный рисунок своей энергии.

Я тихо встала в сторонке, спрятавшись в тени лавровых кустов, отделяющих мой участок от соседнего. «Телевизионщики, — подумала я. — Какого черта им нужно? А,

⁴ Ката (японск.) — прием.

понятно. Sekhmet sa'es, кто их нанял? Я занимаюсь расследованием не более двадцати четырех часов, а они уже все знают. Удивительно. Превосходно. Грандиозно».

Я сжала рукоять меча. Моя новая катана была длиннее и тяжелее прежней; одетая в великолепные черные ножны, с прекрасным, смертельно опасным клинком, она была очень старой — старее, чем сам Указ о парапсихологах. Какое странное ощущение — снова держать в руках меч. А я-то думала, что правая рука вцепится в рукоять, как клешня.

Ничего подобного. Пальцы обхватили рукоять так же естественно, как и прежде. Я не почувствовала никакой боли. Я могла вытащить меч из ножен одним движением.

Это еще не мой меч. Понадобится время, прежде чем энергия меча начнет реагировать на мое прикосновение, и меч станет не только моим физическим, но и психологическим оружием.

От острой боли, пронзившей мое тело, пальцы судорожно сжались. Задышавшись, я смотрела на репортеров, которые топтались перед калиткой, пытаюсь сделать четкие снимки дома. Машин в воздухе не было — значит, воздушную съемку уже произвели. Джейс. Неужели ему удалось пробраться в дом, и его никто не заметил?

Нырнув в кусты, я перебралась на заросший сорняками соседний участок и через него выбралась на грязную и заброшенную аллею, служившую границей этого участка до того, как я выкупила всю прилегающую к моему дому территорию. Слава богам, сюда репортеры добраться не успели.

Защитные энергетические линии моего дома дрожали от напряжения. Остановившись, я окинула взглядом стену; ее линии стали темно-малиновыми. Такой цвет имеет энергетическая защита демона или некроманта. И Джейса. Одним прикосновением успокоив энергию, я поняла, что Джейс находится в доме: он внезапно насторожился, и я это сразу почувствовала.

Забраться на стену, окружающую мой дом, — это, скажу я вам, та еще работа; в свое время я наняла лучших строителей, чтобы стена получилась гладкой, как стекло, да еще с острыми зубьями наверху. Меня выручили мои демонические способности: легко подпрыгнув высоко вверх, я заскребла ногами о стену, ухватила за ее край, подтянулась на руках и, перевалившись на противоположную сторону, мягко прыгнула в сад. Тихо журчал фонтан, в воздухе пахло зеленью. Я глубоко вздохнула, чувствуя перемену давления — так меня приветствовал Джейс; один псион отвечал другому.

Когда, открыв заднюю дверь, я перешагнула через стопку керамической плитки, которой собиралась выложить рунические знаки, Джейс встретил меня чашкой кофе и мрачным выражением лица. Он еще не ужинал; впрочем, вечер только начинался. Сделав над собой усилие, я не стала смотреть ему в глаза.

— Эй, — выдавила я из себя, — похоже, мы тут не одни.

— Ага. Уже слетелись, стервятники.

Джейс презрительно скривил губы. Фрилансеры, работающие в «Моб», ненавидели репортеров намного больше, чем все остальные, и Джейс не был исключением. Псионы никогда не связывались с телевидением, и на то была своя причина.

Прежде всего, их никогда туда не приглашали — ни в качестве актеров, ни дикторов. Разумеется, отказывать псионам в приеме на работу никто не имел права — дискриминации у нас нет, — однако мы сами отклоняли любые приглашения, поскольку категорически не соглашались с тем, что о нас говорили с экрана; вместе с тем и телевизионное начальство не слишком стремилось связываться с псионами из-за луддеров, которые могли повлиять на рейтинг программы, даже несмотря на то, что актеры-псионы во многом превосходили актеров-луддеров. В общем, статус-кво, как обычно.

— Красивый меч, — вот и все, что сказал Джейс.

Я пожала плечами.

— Я подумала, мне пора начать тренировки. Как у тебя дела?

Джейс усмехнулся.

— Потянул пару ниточек, навестил нескольких старых приятелей. Достал тебе

приглашение на завтра. Там говорится, что ты можешь взять с собой слугу. Я тебе нужен?

Я задумалась, потом взглянула на Джейса. Морщины вокруг глаз, губы плотно сжаты, взгляд затуманился — много курит, много работает и мало спит. Одежда измята, лицо небрито. Кажется, мои друзья начинают стареть.

Я взглянула на себя в зеркало. Я выглядела не лучше. Но у меня была моя демоническая красота. Дар, о котором я не просила.

Я покачала головой.

Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня выяснил, ты не забыл?

Перед глазами встала картина: Джейс заходит в Дом Боли. Я содрогнулась. Впрочем, отправиться туда одной мне тоже не улыбалось. Несмотря на тот факт, что на территории Гегемонии все паранормалы — как люди, так и нелюди — имели одинаковые права с остальными гражданами, они по-прежнему сторонились людей. Их можно было понять.

— Мне нужно кое-что выяснить, и ты мне в этом поможешь.

Джейс скрестил на груди руки, татуировка на его небритой щеке шевельнулась.

— Врать ты так и не научилась, — спокойно заявил он.

— Почему это? — сразу ошетинилась я.

Не успела я переступить порог своего дома, как меня уже оскорбляют. Лежащие на кухонном столе бумаги шевельнулись и зашелестели. Кажется, сегодня с почтой пришел еще один пергаментный конверт.

«Джейс, ради всех богов, пожалуйста, не ходи со мной в Дом Боли. Мне и так хватает волнений, когда ты выходишь со мной на задержание».

Однако лучший способ вывести Джейса из себя — это сказать ему, что он ничем не может помочь.

Широко расставив ноги, Джейс с улыбкой взглянул на меня — первый признак того, что он приготовился к бою.

— Не бойся за меня, Дэнни. Я бывал и не в таких переделках и сумею за себя постоять. И вообще перестань со мной обращаться как с второсортным помощником.

— Джейс...

Не об этом я хотела с ним поговорить.

«Ну почему он всегда так не вовремя начинает выяснять отношения?»

— Я, конечно, не демон, — тихо добавил он, — но ведь и я не раз тебе помогал. Разве без меня ты ловила бы преступников лучше?

Раньше он мне этого не говорил. В животе у меня что-то сжалось, щеки загорелись. Окна тихо качнулись и зазвенели; я глубоко вздохнула. Если бы сейчас мой чертов дом взлетел на воздух, репортеры были бы счастливы — такие кадры! Поэтому я молча прошла мимо Джейса, стараясь его не задеть, и бросила на него лишь один взгляд. Закусив губу, я вышла из кухни, прошла через прихожую и начала подниматься по лестнице.

Статуя Анубиса высотой в девять дюймов по-прежнему была в своей нише, черная и стройная, окруженная энергетическим полем. С двух сторон от нее стояли свечи; здесь я осыпала своего бога лепестками роз и ставила перед ним черную чашу с вином. Когда на середине лестницы я остановилась и заглянула в нишу, по поверхности вина пробежали круги.

В углу ниши, отбрасывая мягкий свет, стояла черная полированная урна. Никогда на ней не было ни пылинки, ни единого звука не доносилось от серого пепла. Я часами разглядывала урну, я знала каждый изгиб ее гладкой поверхности. Несколько раз я даже пыталась с ней заговорить. Я мелом рисовала перед ней круги и произносила заклинания, вычитанные из журналов магии; рядом с кругами я рисовала руны, пытаюсь подобрать нужное заклятие, вызывающее духов. Я использовала карты Таро и руны — и не получала ответа. Ничего, кроме пустоты и молчания. В отчаянии я применяла самые страшные заклятия, но и они оказались бессильны.

Плечо горело. Зато рука, сжимающая меч, больше не болела.

«Джафримель».

Я не произнесла этого слова. Его прошептали мои губы.

«Его там нет, Дэнни. Перестань себя мучить».

А может быть, он меня ждал, прежде чем исчезнуть в бездне?

«Не думай об этом, Дэнни. Sekhmet sa'es, его больше нет! Во владениях смерти его нет. Ты же сама это видела. Перестань».

Но я ничего не могла с собой поделать.

Кто стал бы задавать за меня вопросы, если бы я вызвала дух своего любовника-демона? Разумеется, не Джейс. И даже не Гейб, хоть она некромантка и единственная, кто мог бы это сделать.

Я услышала, как Джейс тихо выругался. Он подслушивал? По звуку он умел определять, в какой части дома я нахожусь. Это когда он не пользовался своей энергией и просто меня видел. Он прекрасно знал, где я сейчас стою. Несколько раз я замечала, как он сам останавливался перед нишей и разглядывал урну, думая, что я его не вижу. Было время, когда я лихорадочно читала все, что могла достать о демонах, особенно падших. Не знаю, что говорил Джейс пеплу Джафримеля. Мне не хотелось об этом думать.

Да, Джейс знал, возле чего я сейчас остановилась.

«Ну что ж, Анубис, бог мой, — подумала я, — я не звала Джейса в свой дом».

«Но ты его и не прогнала», — ответил безжалостный голос совести.

Кто это сказал — я или Джафримель? Не тот ровный, как у робота, голос, которым он впервые со мной заговорил, нет. Голос был глубокий, почти человеческий; таким голосом Джафримель что-то шептал мне, когда я изнемогала от наслаждения в его объятиях.

Я вздохнула. Оказывается, я держу руку возле урны. Интересно, что произошло бы, если бы я ее коснулась? Ведь во мне еще жили безумные крики призрака Кристabelle Муркок, опустошенность после спарринг-боя с Йедо и память о холодном прикосновении ледяной пустыни, где навечно застыл, поджидая меня, Анубис.

Тихо выругавшись, я поднялась в свою комнату. Зачем попусту тратить время? Нужно готовиться к встрече. Если уж собралась в Дом Боли, придется принарядиться.

О черт, опять отдуваться одной!

Глава 12

Джейс стоял посреди столовой, скрестив на груди руки; от портативного головидеоплеера струился свет, окрашивая комнату в розовые тона. Когда я вошла, Джейс оглянулся и отключил звук. Через руку у меня было переброшено длинное пальто из черного бархата; непокорные волосы удалось закрутить в тугий французский узел. В ушах, задевая по щекам, качались длинные серьги-подвески; я нетерпеливо мотнула головой, проверяя, крепко ли сидят в волосах длинные тонкие стилеты, которыми я закрепила прическу. Хорошо бы я выглядела, если бы на первой же встрече с Верховной силой города у меня из волос сыпались кинжалы.

Джейс устался на меня, широко открыв рот, хотел что-то сказать, но передумал. Его зрачки так расширились, что глаза из голубых превратились в черные.

— Ты чего? — тревожно спросила я. — Слушай, я иду в Дом Боли, не могу же я надеть футболку и джинсы! Хотя, будь моя воля, я бы так и сделала.

— Раньше ты не любила наряжаться, — ответил Джейс и криво ухмыльнулся.

Я заулыбалась.

— Раньше я не получала приглашения в Дом Боли. Людей туда не пускают, особенно псионов. Слушай, Джейс...

Он сразу посерьезнел.

— Я должен кое-что выяснить. Что именно? — Джейс выключил плеер и повернулся ко мне спиной, чтобы взять посох. — Держу пари, речь идет о человеке, верно?

«Ненавижу твою манеру обо всем догадываться, Джейс. Терпеть этого не могу».

— Я хочу, чтобы ты собрал как можно больше информации о нашем нормале.

Я повела плечами, проверяя, не мешает ли мне перевязь меча. Раньше я всегда носила его в руках — «нет смысла брать с собой меч, если он не под рукой», — часто говорил Йедо, но сегодня вечером руки нужны будут мне для другого. Перевязь, сделанная из мягкой черной кожи, прекрасно гармонировала с черным шелковым платьем; рукоять меча торчала у меня под мышкой. Меч я пристегнула сзади, к специальной петле, которую приделала к наплечному ремню для кобуры. Вытащить меч можно быстрее, когда его рукоять находится под мышкой, а не у бедра, к тому же ножны не будут ни за что цепляться. Очередной компромисс, как всегда.

Под вечернее платье я надела удобные короткие сапоги с серебряными застежками. Надеть туфли на высоких каблуках было выше моих сил — дурацкое платье и так сковывало движения. В качестве ожерелья я надела оправленную в серебро приапovu кость енота, висящую на перевитой черной бархатной ленточкой тонкой серебряной цепочке с гематитами — могущественный модо⁵ всех шаманов. Это ожерелье мне сделал Джейс в первый год нашего знакомства. Он наделил ожерелье своей энергией и омыл камни своей кровью, вложив в эту поделку все свое мастерство и любовь ко мне; это была самая лучшая защита, какую мог придумать шаман. Когда Джейс внезапно уехал, я сунула ожерелье в шкаф, не в силах его сжечь, как сожгла все, что напоминало мне о Джейсе; однако теперь было бы глупо лезть в логово льва, не имея при себе мощной защиты. Мои кольца сверкали и переливались, испуская свет из самой своей глубины.

— Он стал первой жертвой. Нужно выяснить, нет ли в этом какого-то смысла.

— Понял.

Скользнув глазами по моему лицу, Джейс так и замер, когда перевел взгляд ниже, на вырез платья, который доходил мне чуть не до пупа и из которого, словно два прекрасных плода, соблазнительно выпирали мои дивные золотистые груди. Плавные изгибы серебряной косточки енота прекрасно оттеняли мою чуть смугловатую кожу. Рукава платья были длинными и доходили почти до середины ладоней. В этом наряде я напоминала госпожу Ноктурнию из «Паранормальных новостей» — этакая элегантная старомодная щеголиха. На поясе у меня висели пистолеты, за спиной — меч, в складках платья я спрятала парочку ножей; завершал все вооружение тонкий и очень прочный хлыст, который я пристегнула к поясному ремню вместе с пистолетами. Разумеется, к концу вечера вся эта амуниция натрет мне тело, но что делать, взять свою черную сумку я не могу.

— Гейб уже прислала копии документов? — деловым тоном спросила я.

Джейс еще раз окинул меня взглядом, затем выпрямился и взял в руки посох. Косточки тихо стукнули — Джейс не был так спокоен, как хотел казаться.

Я сделала вид, будто ничего не замечаю. Подумать только — Данте Валентайн держит себя в руках. За это мне полагается медаль. Впрочем, Джейсу тоже.

«Награди его золотой звездой. И медалью. Черт, дай ему все, что он хочет, пусть радуется».

Я решительно велела голосу заткнуться.

Джейс кивнул.

— Разумеется. Вон они.

Копии лежали на стопке старинных, в кожаных переплетах, книг по демонологии. Скоро я снова наведаюсь в библиотеку, получу специальное разрешение и тогда спущусь в подземные хранилища, где полно древних книг. Может быть, мне наконец повезет и я найду книгу, из которой смогу узнать, кто я такая.

Я быстро просмотрела папки. Нашла снимок изуродованного лица Кристабель и четкий снимок начертанных мелом глифов. Видимо, придется снова осмотреть квартиру убитой — может быть, смогу что-нибудь найти. Если, конечно, сегодня все пройдет гладко.

— Возьму такси, — буркнула я. — О боги!

— А почему не сликборд? — весело хмыкнул Джейс.

— Это в вечернем-то платье? — спросила я, поправляя бретельку.

⁵ Модо — в религии вуду талисман.

— Ладно, детка, не дергайся. Я уже заказал тебе воздушный лимузин.

Глядя на его широкую ухмылку, мне тоже захотелось улыбнуться. Как это ему удается — только что я сердилась и вот уже улыбаюсь? Видимо, Джейсу доставляет удовольствие считать, что он знает меня как свои пять пальцев, включая моего «проводника».

— Раз уж решила выйти в свет, держи марку.

Он вел себя спокойно, а говорил так весело, что я не обратила внимания на его потемневшую ауру. Джейс был в ярости, просто он изо всех сил сдерживался. Положив пальто и бросив на него фотографии, я впервые за весь вечер подошла к Джейсу вплотную. Шелковое платье тихо зашуршало.

Он опустил глаза. Джейс Монро смотрел в пол.

Я сглотнула, затем подняла руку и мягко провела кончиками пальцев по его щеке. Мои ногти, черные и блестящие, как урна с прахом Джафримеля, казались влажными из-за покрывавшего их лака. От этого прикосновения меня словно что-то пронзило. Моя аура поглотила Джейса, и вокруг нас завертелись вихри демонской магии.

«Ну почему мы с тобой все время ссоримся? Почему даже извинение переходит у нас в схватку?» — вновь зазвучал в глубине моего сознания голос Джафримеля. Никогда не думала, что человека может преследовать дух демона. Конечно, если бы он преследовал меня по-настоящему, я бы только обрадовалась, потому что тогда перестала бы терзаться сомнениями. Если бы ко мне приходил дух демона, я бы, по крайней мере, знала, что где-то как-то он все-таки существует.

И думает обо мне.

— Джейс... — хрипло прошептала я.

Он вздрогнул.

«Будь осторожна. Будь очень осторожна; ты не знаешь, что с ним может произойти».

Опять этот голос — предупреждает. Я уже привыкла держать Джейса на расстоянии; я по-прежнему умирала от желания обнять его, хотя при этой мысли у меня скручивало все нутро — то ли от страха, то ли от желания, а может быть, и от того и от другого, а чего было больше, не знаю.

Странно, но мне захотелось его утешить. Джейс так долго терпел мое постоянное молчание и бесконечные отлучки, так долго оставался на вторых ролях. Только теперь он превратился в того достойного мужчину, каким я его когда-то считала.

Когда же это случилось?

— Дэнни... — прошептал он в ответ.

— Мне...

Почему слова «очень жаль» застряли у меня в горле?

— Мне нужно кое-что узнать.

— Хм.

Пальцы Джейса лежали на посохе, косточки которого тихо шевелились, но не постукивали. Кожа Джейса была такой прекрасной, такой сухой... приглядевшись, я словно впервые заметила красивый овал лица, густые рыжеватые ресницы. Когда-то такими глазами на меня смотрел Джафримель — словно я была глифом, который ему предстояло расшифровать.

«Очень мило, Дэнни. Ты льнешь к Джейсу и в то же время думаешь о мертвом демоне».

— Почему ты ушел из семьи?

Джейс взглянул мне в лицо; его глаза были синими и глубокими, как океан. Я почувствовала запах его энергии, которая медленно смешивалась с моей.

— Они мне больше не нужны, Дэнни, — тихо ответил он. — Зачем мне вся эта дерьмовая семья, если тебя нет рядом?

Если бы он со всей силы двинул мне в солнечное сплетение, я и тогда пришла бы в себя скорее. Меня обдало жаром.

— Ты... — задыхаясь, прошептала я.

Мои пальцы впились в его кожу; его желание начало расти, обволакивая меня. Висевший на стене гобелен зашуршал и задвигался, но я не стала на него смотреть — какое мне дело, что думают обо мне Гор и Исида?

Внезапно Джейс стукнул посохом о пол и, оторвавшись от меня, быстро подошел к алтарю из полевого шпата, который стоял у меня между кухней и гостиной. Рядом с ним Джейс когда-то поставил еще один алтарь — маленький, свой, с двумя свечами. В этом алтаре он хранил полбутылки рома, нарисованную еще до Пробуждения картинку с изображением бога Чанго из Санта-Барбары, блюдо сладких карамелек и медную чашку с голубиной кровью — результат последнего жертвоприношения. Пламя свечей дрожало.

— Даже лоя не может принудить женское сердце, — тихо сказал Джейс. — Вот твое приглашение.

И протянул мне белый листок дорогой бумаги — словно показал карточный фокус.

— Джейс...

— Тебе пора идти, — перебил он. — Я слышал, нихтврэн не любит ждать, а мне за это приглашение пришлось заплатить.

— Джейс...

— Завтра я вытащу на свет божий всю грязь о твоём нормале. Идет?

— Джейсон...

— Ты опаздываешь!

Во мне поднялась злость. Быстро подойдя к Джейсу, я выхватила у него из рук белый листок, и сразу за окном раздался гудок машины. Прибыл мой «лимузин». Джейс нажал кнопку на персональном датчике, пропуская машину через систему защиты. Я слегка приподняла энергетические линии, чтобы огромный железяка смогла подъехать к крыльцу. Затем глубоко вздохнула, подхватила пальто, фотографии и вышла из комнаты.

Если бы я не была полудемоницей с присущим всем демонам острым слухом, то никогда не услышала бы последних слов Джейса:

— Я должен был сделать это, Дэнни. Должен был. Ради тебя.

О Джейс...

Я тряхнула головой. Он прав, я уже опаздываю. А в Сантьяго-Сити нельзя опаздывать, когда идешь в гости к кровососам.

Глава 13

Когда вышел Указ о парапсихологии, многие виды паранормальных существ получили политические права, вместе с которыми вышел и новый свод законов. Успехи в области медицины позволили клонировать кровь, необходимую для питания нихтврэнгов, разработка новых видов энзимов помогла взять под контроль оборотней, новые правила охоты спасли сванхильдов от полного истребления — в общем, новые законы дали возможность определить, кого и в какой степени наделять гражданскими правами. В результате большинство тех, кто ведет ночную жизнь, прошли регистрацию и получили право на голосование — между прочим, многие из них согласились на это весьма неохотно. Разумеется, нихтврены, которые держали Указ под наблюдением в течение всего периода его разработки, подправляя некоторые параграфы своими политическими интригами или деньгами, были впереди остальных, причем во всех смыслах. Правители нихтврэнгов стали Верховной силой в мире паранормалов, полностью подчинив себе оборотней, кобольдов и всех тех, кто летал по ночам, был практически неуловим и вообще доставлял массу неприятностей. С нихтврэнами считались и на территории Гегемонии, и на территории Пучкина, и если вам предстояло вступить в контакт с паранормалами, то начинать нужно было, несомненно, с кровососов. Их длинные руки тянулись ко всему, что обещало стать жирным куском.

Дом Боли был их старым убежищем. Здесь они собирались, чтобы поесть и обсудить

насуточные проблемы; здесь находилась штаб-квартира паранормальных и парапсихологических сообществ. После выхода Указа двери этого дома наглухо закрылись для людей, но были гостеприимно распахнуты для других существ. Нихтврэн, который правил здесь, — Верховная сила этого города, — был, по слухам, на редкость злобным сукиным сыном.

Впрочем, я в это не вникала. Людям, в особенности псионам, вход в обиталища нихтвренов был категорически запрещен. Исключение составляли только те, кто по договору числился их слугами или рабами. Я вздохнула и удобнее устроилась на мягких подушках «лимузина». Некоторые паранормальные существа люто ненавидели псионов, но мы были им менее противны, чем нормалы. Псионы и маги торговали с паранормалами еще до времен Пробуждения; они продавали им часть своих способностей, свои знания и кое-что другое.

Из-за быстрого роста популяции людей начали сокращаться места обитания почти всех паранормальных существ — даже нихтврены стали побаиваться скоплений людей, вооруженных вилами, кольями или ружьями. Что касается остальных паранормалов, то, считая людей худшим из зол, к нам, псионам, они относились более или менее терпимо, мирясь с нами как с необходимым злом. Обладая отличной памятью, паранормалы хорошо запомнили, как люди занимали их исконные места обитания и как преследовали их, когда они пытались приспособиться к новым условиям. Молчание, скрытность, маскировка и клановость — вот что помогло им сохранить себя как вид; они создавали себе убежища даже там, где им не было необходимости прятаться.

В принципе любой псион мог прожить жизнь, ни разу не столкнувшись с паранормалом; это относилось не только к маги, но и к анимаонам. Тот из ученых, кто брался исследовать психологию и культуру паранормалов, получал от Гегемонии гранты и занимался исключительно наукой. Паранормалами интересовались даже некоторые антропологи... правда, таких находилось очень немного. Несмотря на многочисленные рассказы о псионах, которых якобы утаскивали сванхильды или брали в ученики нихтврены, в реальности подобное случалось крайне редко. В основном паранормалы смотрели на людей как на источник пищи — или какого-нибудь заболевания. Учитывая длинную и трагическую историю наших отношений, как можно было их винить?

Переулок, ведущий к Хеллер-стрит, был заполнен празднующими людьми; многие имели при себе специальные карточки, указывающие на их принадлежность к прессе. Нихтврены-папарацци разрывались на части — вокруг них, напустив на себя вид особо избранных, толпились фанатки, пытаясь обратить на себя внимание хоть какого-нибудь нихтврена. Начал накрапывать дождик. Наступила ночь, и небо над городом озарилось оранжевым светом. В конце переулка виднелась кирпичная стена дома, перед которым пульсировала энергия; над входной дверью светилась неоновая надпись «Боль». Перед дверью была расстелена красная ковровая дорожка; несколько толстых красных канатов, натянутых поперек переулка, не давали толпе приблизиться к зданию. По обеим сторонам двери стояли внушительного вида верзилы — явно оборотни, а не обычные охранники.

— Мэм? — раздался в переговорном устройстве почтительный голос водителя.

Вздвигнув, я оторвалась от размышлений.

— Меня не будет несколько часов. Вы подождете?

— Меня нанять всю ночь, — ответил водитель. — До утра я ваш, миз Валентайн.

Желаете выйти?

«Ну вот. Не шофер, а шут гороховый».

Я вздохнула.

— Да. Я лучше выйду.

Он выпрыгнул из машины, раздался щелчок, и дверь с моей стороны мягко отъехала в сторону. Шофер в белом кителе подал мне руку, и я, стараясь не обрушиться на него свой вес, выскользнула из «лимузина», чуть слышно стукнув сапогами о тротуар. В воздухе пахло ночью и возбуждением и еще чем-то — сухим и мощным, и я в который раз пожалела, что не умею отключать обоняние.

Вокруг защелкали фотокамеры. Меня снимали. Я заморгала и принялась расправлять пальто и складки на платье. В кармане, который я предусмотрительно пришила к платью, зашуршали бумаги. Подняв голову, я важно кивнула водителю — низенькому прыщавому юнцу, затянутому в черную с белым униформу с золотым шитьем, — и гордо ступила на красный ковер. Сзади послышались шаги, затем заработал мотор, и мой «лимузин», плавно взмыв в воздух, влился в поток машин, уже занимавших свои места на воздушной стоянке над Домом Боли.

«Эй, Валентайн! Эй!» — крикнул кто-то из толпы. Я не обратила на него внимания, но вскоре уже вся журналистская братия вопила и что-то выкрикивала, пытаясь привлечь мое внимание. Высоко подняв голову, не глядя по сторонам, я быстро пошла по красной дорожке, чувствуя вес своей прически и спрятанных в ней кинжалов. «Ненавижу».

Если бы со мной был Джафримель, он шел бы, высоко держа голову, сцепив за спиной руки, абсолютно безучастный к гомону толпы. Джейс, наверное, усмехнулся бы, немного смутившись при виде фотокамер, а потом выкинул бы какой-нибудь фортель. Гейб закурила бы сигарету, а Эдди глухо зарычал. Представить в этой ситуации Йедо или Абру было совершенно невозможно.

Я же могла держаться только так, как умела. Я не они. Не теряя времени, я устремилась прямо в логово льва.

Охраняющие дверь верзилы и в самом деле оказались оборотнями. Здоровенные двуногие твари, покрытые шерстью, — полулюди-полухищники. В «Риггер-холле» нам преподавали анатомию оборотней, потом я изучала ее в Академии, и все же странно было увидеть эти существа так близко.

В старые времена они напяливали на себя некое подобие одежды или принимали облик человека. Теперь же единственным, что прикрывало их наготу, была густая шерсть вокруг гениталий. Я отвернулась.

Протянув охранникам свое приглашение, я слегка приподняла линии энергетической защиты. Моя энергия ударилась о холодное, сине-черное свечение здания. В этом месте находился радиоактивный источник энергии, бьющий из самой глубины черного сердца Сент-Сити. Он возник здесь уже давно, несколько столетий назад; здесь потрескивала паранормальная энергия, пропитывая бетон, кирпич и камень. Из здания доносилась ритмичная музыка.

Оборотни молчали. Затем один из них мотнул головой, давая понять, что я могу пройти. Защелкали фотокамеры.

Мне захотелось взяться за рукоять меча. И мое плечо — ну почему оно горит огнем, словно его прижигают каленым железом? Во мне начал расти гнев, по телу пробежала жаркая волна. Пусть я всего лишь человек, но обращаться с собой, как с грязью, я не позволю.

Я смирив охранников спокойным и презрительным взглядом. «Я бы их легко сделала. Обоих. Я бы им кишки выпустила. У меня же с собой меч».

Потом я вспомнила, что я больше не человек, но не отступила, а продолжала в упор смотреть на охранников. Если уже сейчас, перед входом в Дом, я спасую, то дальше мне будет гораздо труднее.

Наконец один из них отвесил мне что-то вроде поклона.

— Прошу, леди. — Его голос, в котором не было ничего человеческого, прозвучал низко и хрипло. — Добро пожаловать в Дом Боли.

Небрежно кивнув, я прошествовала мимо оборотней, высоко подняв голову.

«Да кто же я? Раньше я бы так ни за что не поступила».

Глава 14

На меня обрушилось мелькание красных и голубых огней, от которых зарябило в глазах; сразу разболелась голова. Музыканты играли что-то медленное и ритмичное; в этой

странной музыке преобладали низкие звуки. Что они играли, я так и не поняла. Иногда мне казалось, что я узнаю знакомую мелодию, под которую мы с Джейсом когда-то танцевали; помню, как его аура прикрывала меня, оберегая от мучительного воздействия энергетики людской толпы. Внутри Дома не пахло ни самими людьми, ни их отчаянием; не было здесь и сладкого и терпкого запаха человеческого желания или секса, которым парочки занимались по темным углам; не было и привидений, снующих по краям жаркого облака, стоявшего над скоплением людей. Ни запаха алкоголя, ни клубов сигаретного дыма.

Вместо этого по залу плавали и клубились волны энергии, от которой я слегка поежилась и приоткрыла рот; мое тело окунулось в эти волны, но ощущение оказалось каким-то странным — меня словно поглаживали и покалывали одновременно. Если бы я знала...

«Понятно, почему они не пускают сюда людей. Псионам здесь находиться опасно — в зале полно пожирателей всех мастей. Такая концентрация хищной энергии пожрала бы мозг псиона быстрее, чем чилл, и человека начало бы тянуть сюда снова и снова; а если бы его перестали пускать, он начал бы искать энергию на улицах, бросаясь на всякого, в ком почувствовал бы ее присутствие. К счастью, меня спасала моя демоническая защита, которая не давала впиваться в мой мозг крохотным, но острым, как бритва, энергетическим зубкам. Хорошо, что я оставила Джейса дома».

Зал был размером с огромный склад; вокруг мелькали горящие глаза, длинные волосы, прекрасные бледные лица и коренастые туловища оборотней. В одном углу собралась небольшая компания сванхильдов — я узнала их по взъерошенным перьям на голове, в другом над кружками с пивом склонились несколько кобольдов. Каждый раз, когда одна из этих серокожих тварей опускала свою кружку, остальные тут же начинали что-то весело выкрикивать, провозглашая очередной тост.

С потолка свисали длинные куски материи. Я подняла глаза, чтобы выяснить, что это такое. Лучше бы я этого не делала. «Там же клетки», — подумала я и судорожно сглотнула. Не хватало мне еще грохнуться в обморок. Если бы со мной был Джафримель...

«Перестань о нем думать». Перед глазами возникло худощавое мрачное лицо с пронзительным взглядом зеленых глаз. Я тряхнула головой, прогоняя видение. И решительно зашагала по цементному полу, но, сделав несколько шагов, поняла, что ступаю по мрамору. Пол был выложен мраморными плитами, от которых гулко отдавались мои шаги. Я снова тряхнула головой; как бы сделать так, чтобы можно было заткнуть уши или как-то уменьшить этот грохот?

Больше всего шума и энергии исходило от столика, возле которого стоял обтянутый красным бархатом диван. Я быстро пошла мимо танцующих, старательно не обращая внимания на клетки под потолком, из которых время от времени что-то сыпалось, и на горящие взгляды, которыми провожали меня участники вечеринки. Казалось, нихтврены меня не замечают, и все же я ясно чувствовала на себе их взгляды. Все они были разодеты в шелка и бархат, а некоторые даже нацепили на себя ультрамодную одежду из кожи и сделали соответствующие прически — их волосы были разделены на отдельные пряди и стояли дыбом; бледные щеки были покрыты блестящим розовым гелем. Один из них, высокий мужчина в костюме из темно-зеленого бархата с пышной кружевной отделкой на рукавах, увидев меня, улыбнулся, показав длинные и острые клыки. Моя правая рука сжалась в кулак. Я уже хотела остановиться и вытащить меч — но ноги сами понесли меня дальше, к столику и красному дивану.

Опасная ситуация. Сейчас нельзя отвлекаться.

Боль в плече то нарастала, то становилась слабее. Если бы я только захотела, то своей энергией в клочья могла бы разнести весь этот зал. Без колебаний и сожалений. Сейчас, конечно, не время радоваться новой сущности, которую мне дал Джафримель, и все же... я этому радовалась. Немного. Чувствуя какое-то странное возбуждение. Дэнни Валентайн вступила в большую игру — значит, она перешла в высшую лигу.

Я остановилась перед столиком. За ним сидели двое мужчин, очень похожие на

людей. От обоих исходил сильный запах энергии и приторно-сладкий запах нихтвренов. Один из них, заметив торчащую у меня из-под мышки рукоять меча, хотел что-то сказать, но промолчал. Я молча прожигала их взглядом.

— Пропустите ее, — перекрыв шум в зале, произнес чей-то голос.

Пол качнулся у меня под ногами, в тело впились острые иголки — это действовала энергия, реагируя на усилившийся темп музыки. Не хватало еще, чтобы у меня рассыпалась прическа.

Николай, Главный нихтврэн, Верховная сила Сент-Сити, сидел, откинувшись на красные бархатные подушки старинного диванчика. Перед ним стоял такой же старинный столик, весь в дырочках, в которых я узнала следы от пуль. Николай был высок ростом и широкоплеч; его костюм был сшит из какой-то темной шелковистой ткани. Ничто не смогло бы отразить мощный удар энергии, которая находилась в его распоряжении.

Честно говоря, я бы не расстроилась, если бы до конца своих дней ни разу с ней не столкнулась. Теперь же, встав так, чтобы никто не мог застать меня врасплох, я заглянула в темные кошачьи глаза Николая и молча протянула ему свое приглашение.

У него были темные, падающие на лоб волосы, широкий рот, пухлые губы и высокие точеные скулы. Его даже можно было бы назвать красивым, если бы не его глаза, которые поблескивали, как у кошки, когда на них падал свет, и его неестественная — у людей так не бывает — неподвижность. На нем была темная, наглухо застегнутая рубашка, вероятно шелковая, темные шелковые брюки и великолепные сапоги фирмы «Петроло»; и никаких украшений.

Рядом с Николаем, подавшись вперед и положив локти на колени, сидела женщина-нихтврэн с густыми светлыми локонами и влажными синими глазами. Женщина молча разглядывала меня. Ее глаза не были похожи на кошачьи, и она не была такой неподвижной, как Николай, — нет, она барабанила пальцами по столу и слегка улыбалась, обнажив кончики острых клыков. На ней был красный джемпер с треугольным вырезом, темно-серые джинсы, старые и довольно поношенные сапоги и на правой руке — массивный серебряный браслет с «тигровым глазом» размером с крупную монету. Женщина смерила меня взглядом, и ее улыбка стала шире.

«Как хорошо, что хоть кому-то здесь весело».

Я подошла к столику. Пропустив меня, волны энергии сомкнулись у меня за спиной. И сразу оглушительный грохот, который здесь считался музыкой, стих, и я облегченно вздохнула.

Николай молча смотрел на меня, словно дикий зверь, который решает, съесть тебя или только ударить когтистой лапой.

Я кивнула женщине, помня, что вежливое обращение с Наложницей поможет мне наладить контакт с Николаем. Говорили, якобы из всего населения города Николай считался только с ней. Еще говорили, будто он приходит в ярость от одной мысли о том, что кто-то захочет обидеть его женщину.

«Черт, нужно держаться как можно вежливее».

— Я Дэнни Валентайн. Благодарю, что согласились меня принять, мэ. Сэр.

Все, кто меня знал, сразу услышали бы в этих словах насмешку. Нихтврены приняли их как должное.

Николай по-прежнему сидел не шевелясь. Женщина засмеялась. От ее низкого, хриплого голоса у меня встали дыбом волосы; в глазах женщины сверкнул синий огонь. Она была невероятно красива, и от нее исходил какой-то странный запах; пахло мускусом, как от секс-ведьм, и еще чем-то — густым, приторно-сладким, словно смешали карамель с темным шоколадом. Запах нихтвренов.

— Привет, — сказала женщина. — Садитесь. Ник сегодня не в настроении. После вас мы ждем делегацию оборотней, и это ему неприятно. Хотите выпить?

Она говорила со старомериканским акцентом, странно растягивая гласные, как говорили еще до великого лингвистического смешения, последовавшего за

Семидесятидневной войной. Значит, эта женщина стара.

Но видимо, не так, как Николай.

«Я бы не советовал вам пить, леди». Тряхнув головой, я сбросила пальто на пол. Правильный поступок, который показал, что у меня с собой только обычное оружие. Затем я изящно опустилась на диван слева от Николая и его спутницы, жалея о том, что не могу положить рядом с собой меч. Сталь — более надежная защита, чем воздух.

Наконец Николай кивнул.

— Что вам нужно? — спросил он, и женщина сразу положила ему на колено свою тонкую руку; сверкнул «тигровый глаз».

Медленно повернув голову, Николай взглянул на свою спутницу, и от этого взгляда блеск «тигрового глаза» мог бы показаться блеском глаз обезумевшего зверя.

— Будь вежлив, милый. Она здесь впервые. — Женщина вновь оперлась локтями о колени. — Что вам угодно, мисс Валентайн?

Такого обращения я не ожидала. Я медленно вытащила из кармана свои бумаги. Николай моргнул. Его защищала мощная волна энергии.

«Что-то не хочется мне его раздражать», — подумала я, чувствуя, как по телу внезапно пробежала волна страха. Но мне не о чем беспокоиться — я пришла по делу, и я не совсем человек.

«В самом деле? А что там говорится в протоколе, как должен вести себя полудемон в присутствии правителя нихтвренгов? В Академии нам об этом не рассказывали. Видимо, стоит написать в Комиссию по образованию».

Сдерживая истерический смех, я разложила бумаги перед Николаем.

— Полиция просила меня заняться этим делом. Вы когда-нибудь видели подобное? Я знаю, у вас есть доступ к таким документам, которые мне никогда не покажут. Если бы вы могли подсказать нам, в каком направлении искать, вы значительно облегчили бы нам задачу.

Женщина взяла бумаги. Николай не шевельнулся, но, кажется, взглянул на них внимательно. Забравшись на диван и поджав под себя ноги, женщина уютно устроилась под боком у Николая.

Тогда он впервые шевельнулся. Обняв ее за плечи, он посмотрел на ее макушку. У меня заколотилось сердце. Не знаю почему, но этот взгляд напомнил мне Эдди и то, как он смотрел на Гейб. До странности нежный, человеческий взгляд у того, кто перестал быть человеком очень и очень давно. На меня так не смотрел ни один мужчина.

«А ты бы этот взгляд заметила?» — спросил низкий голос.

Я решила его проигнорировать, не удостоив ответом.

«Sekhmet sa'es, я же начинаю игнорировать саму себя! Нет, кажется, я действительно схожу с ума».

Я шевельнулась, и мое бархатное платье тихо зашуршало. Все-таки жаль, что на мне не джинсы. «Я бы тогда смогла полетать на слике». Облизнув сухие губы, я стала смотреть, как женщина разглядывает фотографии.

Затем она поежилась, и в ее синих глазах мелькнуло что-то похожее на страх.

Николай взглянул на меня.

— Ник, — сказала женщина, протягивая ему снимки, — ты только посмотри.

Нахмурившись, он взял у нее фотографии.

— Это церемониал, — сказала женщина и крепче прижалась к Николаю. — Но такого я раньше не видела. А ты?

— От этого смердит злом, Селена.

Глаза Николая потемнели, и он сразу перестал походить на человека. Я не сводила с него глаз.

— Нет, ты такое видел? — спросила она и выдернула первую попавшуюся фотографию.

Последовала долгая пауза.

— Никогда, милая. — Его глаза искали ее взгляд; это были темные, глубокие и ужасно человеческие глаза. — Такого я никогда не видел. И все же...

Он медленно перевел взгляд на меня, потом уставился в пол.

«Совсем как лев, который смотрит на стадо зебр, — подумала я. — Или юнец, высматривающий нелегальную проститутку».

— Ты меня убиваешь, Николай. — Она откинула со лба светлую прядь и слегка улыбнулась. На ее нежном лице играли отблески разноцветных огней. — Ну что тебе стоит поделиться кое-какой информацией?

«Верно, верно», — подумала я. А я-то надеялась, что мне будет приятно хотя бы немного побыть в таком месте, где не пахнет людьми, но все получилось наоборот — я едва не умирала от страха. Их набился полный зал — нихтвренов, которые были нам столь же чужды, как и демоны, даже несмотря на то, что когда-то они были людьми. Стать нихтвреном можно только одним способом — получить заражение крови через укол или укус; после этого проходит еще два или три превращения, и наступает конечная фаза. Кости меняют форму, челюсть вытягивается и становится хрящевой, глаза приобретают способность видеть в темноте, начинается жажда. Все это можно назвать своего рода комбинацией вирусной инфекции и астрального заражения, передаваемого от хозяина потенциальной жертве; процесс, который современная наука, несмотря на все достижения биомеханики, воспроизвести не в состоянии. Нихтврены — это нелюди, но и не полудемоны, как я, и все же я испытывала к ним нечто вроде родственной тяги.

Большинство нихтвренов, присутствующих в зале, перенесли Превращение и перестали быть людьми, став чем-то иным. Более чем людьми.

Как я.

«Интересно, что они чувствуют, когда смотрят на меня?» Я заерзала на жестком сиденье. Бархат зашуршал. Внезапно воздух заledenел, и я ощутила, как что-то начало сильно давить мне на сердце, горло и глаза. Будь я человеком, я сразу же выхватила бы меч и приготовилась к кровопролитному бою, на ходу прикидывая, куда можно встать, чтобы прикрыть спину. Кажется, кому-то сейчас придется несладко.

— Похоже на глифы пожирателя.

Рука Николая нежно коснулась щеки женщины, а я покраснела, словно подглядывала за ними в замочную скважину.

Его глаза, в которых вновь появился золотисто-зеленый кошачий блеск, перебежали с фотографии на мое лицо.

— Почему я об этом никогда не слышал?

Я пожала плечами.

— Сначала был убит нормал, потом секс-ведьма. Одна из девиц Полиамур. Потом некромантка. Кристабель Муркок, — я поежилась, пытаюсь унять дрожь в спине. — Так это глифы пожирателя?

Подобные глифы были запрещены законом; рисовать их можно было только в целях научного эксперимента. Извращение Девяти Канонов для их использования в интересах пожирателя считалось тяжким преступлением, самой черной магией, способной привести к летальному исходу, и все потому, что не было защиты от заклинаний, в которых использовались руны, усиливающие талант пожирателя.

— Вроде так, — ответил Николай, не отрывая взгляда от Селены.

Она слегка шевельнулась и приоткрыла рот; я опустила глаза и стала смотреть на пробитую пулями поверхность стола.

«А ты думала, у нихтвренов будет хорошая мебель?» — мрачно подумала я и глубоко вздохнула, чтобы успокоиться.

Плечо тихо ныло, но уже не так сильно. Музыка сменилась — теперь играли ретропанков, я узнала их «Рощу Селадона». По спине словно провели холодным пальцем. Последний раз я слышала эту мелодию в ночном клубе Дейкона Уитекера, где я с ним встретилась, а потом сдала его полиции. Вернувшись из Рио, я узнала, что Дейк умер от

передозировки чилла. Вспоминать об этом было неприятно, как, впрочем, и о многом другом.

Николай заговорил вновь, и его голос прорезал шум в зале, как серебристый скальпель режет искромсанную плоть.

— Эта тварь прикончила тантраиикен?

Мне пришлось напрячь память, прежде чем я вспомнила, что этим словом — очень и очень старомодным — когда-то называли секс-ведьм. Секс-ведьмы встречались довольно редко; их способность излечивать и получать психическую и астральную энергию во время полового акта сделала их любимыми игрушками паранормалов еще до выхода Указа. К сожалению, в былые времена юные красотки, как правило, плохо кончали, однако на их защиту вовремя встала сама Гегемония.

Я кивнула, чувствуя в волосах приятную тяжесть кинжалов.

— В таком случае можете рассчитывать на мою помощь. Я помогу вам поймать преступника. — Николай бросил фотографии на стол. — Всегда рады вас видеть, мисс Валентайн. Когда расправитесь с убийцей, приходите к нам. Похоже, Селена от вас в восторге.

Женщина многозначительно подняла глаза к потолку.

— Просто он хочет сказать, что вы можете приходить к нам без приглашения, — объяснила она и, собрав со стола фотографии, передала их мне.

У меня словно онемели руки. Наконец, сделав над собой усилие, я неловко взяла снимки правой рукой и сунула их в карман.

— Спасибо, — сухими губами прошелестела я. — Мэм.

— Меня зовут Селена.

Она бросила на танцующих взгляд, до ужаса напоминающий взгляд Николая. Не знаю, может быть, у нее это получилось невольно, но у меня по коже побежали мурашки.

— А вот и делегация, — вздохнула Селена. — Боюсь, больше мы ничего не сможем вам сообщить. Николай терпеть не может, когда кто-то обижает тантраиикен.

Не знаю зачем, но я спросила:

— Почему?

«От любопытства кошка сдохла, Дэнни. Вали отсюда. Скорее».

Она пожала плечами — изящное, плавное движение.

— Наверное, потому, что когда-то я была одной из них. Если хотите, оставайтесь. Можете выпить, в баре полно напитков. Приходите еще.

— Приду. — Я встала; боль в плече усилилась. — Спасибо.

Николай поднял руку.

— Постой, демоница.

Я застыла на месте.

«Он понял, что я демон? Ну конечно, он ведь нихтврэн. Он умеет распознавать энергию».

Если бы сейчас Николай бросился на меня, я бы одним движением спорола ему грудь. Но как быть с женщиной? Этот холодный блеск темно-синих глаз, эти нервные движения пугали меня не меньше, чем полная неподвижность ее спутника. Их окружала мощная стена энергии, пусть даже она и была слабее, чем энергия демонов. К тому же в мире нет силы, способной противостоять демону, — разве что бог.

А мне вовсе не хотелось встречаться с богом, большое спасибо. Кроме моего собственного. И без демонов я смогла бы прекрасно прожить.

«Как бы сделать так, чтобы Князь тьмы забыл о моем существовании?»

— У меня есть библиотека.

Кошачьи глаза Николая смотрели сквозь меня. В зале играла музыка. Возвращаться в этот грохот не хотелось. Как и оказаться посреди толпы нихтврэн. Как и задержаться в этом чертовом месте еще хотя бы на минуту. На клетки под потолком я не смотрела — и была за это наказана. Желудок внезапно скрутило, и я поняла, что меня сейчас вырвет.

— Там есть несколько манускриптов, которые, судя по всему, написаны демонами. Это может вам пригодиться.

«Где же ты был весь этот год, когда у меня было время копаться в книгах?»

Я кивнула.

— Благодарю.

Вот и все, что я смогла сказать.

Затем развернулась на каблуках, подхватила пальто и накинула его на плечи. Музыка обрушилась на меня, словно шквал огня.

«Заберите меня отсюда. Мне нужно отсюда выбраться; о, милостивые боги, заберите меня отсюда»...

Я почувствовала опасность за какую-то долю секунды. Внезапно погасли огни. Музыка смолкла. Я мгновенно пригнулась, рука потянулась к мечу. Отовсюду слышались шорох и перешептывание; в темноте светились глаза нихтвренов.

Послышался новый звук. Тихое, злобное рычание.

Меч со свистом вылетел из ножен. Сердце забилось сильнее, кожа ожила. По телу пробежала волна адреналина. Я тихо выругалась, проклиная свое дурацкое платье. Что бы ко мне ни приблизилось — я его убью.

О да. Для этого я и живу.

Визг. Кто-то зарычал, по полу зашлепали мягкие лапы.

Внезапно за моей спиной, как разряд молнии, ударила энергия — я узнала холодный и кислый запах ярости нихтвренов.

— Мне не смешно, — спокойно сказал Николай, вспарывая словами воздух, словно острым стилетом.

Все сразу пришло в движение. Тьма ожила, в зале воцарился хаос — слышались крики, визг, рычание, топот. Воздух наполнился оглушительным ревом, и я, мгновенно обернувшись на этот звук, взмахнула мечом, испытывая знакомое чувство радости, когда кровь быстро наполняется адреналином, зарождающимся от этого давно знакомого ощущения опасности и ужаса. Пальто вновь полетело на пол — сейчас оно только мешало. Сапоги скрипнули, когда я замерла, прислушиваясь; сталь с тихим звуком рассекла тяжелый воздух.

Хрясь! Меч вошел во что-то мягкое, и я резко отскочила в сторону, чтобы не испачкаться в крови. И сразу нанесла второй удар. Во тьме мелькнуло что-то большое и грузное. Мои зрачки были расширены, демонское зрение улавливало малейшее движение, замечая каждый фотон света, которого в зале было очень и очень мало, даже для меня.

Прикрываясь левой рукой как щитом, я нанесла поистине адский второй удар. И закричала — скорее от удивления, чем от боли; эта тварь оказалась проворной, как черт. В зале зажегся аварийный свет, больно ударивший меня по глазам. Я действовала, повинаясь инстинкту: ткнув в чью-то мохнатую морду рукоятью меча, я подпрыгнула высоко в воздух и приземлилась между двух кургузых тварей. Быстрый и резкий удар по коленям, и одна из тварей с ревом согнулась пополам; успев развернуться, я уже занималась вторым зверем. От запаха крови и мокрой шерсти я едва не задохнулась, плечо обожгло резкой болью. И вдруг мне в бок впились острые когти; на мгновение в глазах потемнело, словно после яркой вспышки. По мрамору потек ручеек черной демонской крови, моей крови, пахнувшей специями и гниющими фруктами. «Да что же это такое? Я сражаюсь с парой чертовых оборотней. Вот зараза, опять не повезло, я ведь уже собралась уходить!»

Он налетел на меня, словно грузовик; я почувствовала прикосновение шерсти, в нос ударила мерзкая вонь, по телу полоснули острые когти. В ответ я наугад ударила левой рукой один раз, потом второй. «Он стоит слишком близко, я не могу поразить его мечом, нужно отойти немного назад, двигайся, двигайся, двигайся!» Легко отпрыгнув назад, я пригнулась и ногой ударила оборотня по лапам, стараясь сбить его с ног. Зверь рванулся в сторону с невероятной быстротой; шрам на моем плече зашелся от боли. Я сжалась в комок и вдруг, ощутив небывалый прилив сил, мгновенно распрямила спину и ударила тварь обеими

ногами. Кажется, правая нога задела его по носу; в тот же миг боковым зрением я заметила, что ко мне рванулась вторая тварь. Сверкнула сталь. Фудосин описал ровную, плавную дугу, запел свою смертельную песню, и в воздух взмыл фонтан крови. Оборотень упал, на пол вывалились его влажные кишки; тем временем я приземлилась на пол и вновь принялась кромсать и резать, один раз промазав, потому что первый оборотень проворно отскочил назад.

Пришла моя очередь атаковать. Сжав рукоять меча, я встала в боевую позицию, действуя так уверенно, словно родилась с мечом в руке, и в следующий миг рванулась вперед с боевым кличем «киа!» от которого задрожал воздух. Рев оборотня перешел в тонкий визг, когда я всадила меч ему между ребер и сразу вырвала клинок, чтобы успеть нанести второй удар. Зверь уже захлебывался кровью, когда Фудосин вонзился в него вновь — достаточно глубоко, чтобы, как я надеялась, вспороть ему живот. Несколько раз повернув меч, я, задыхаясь от запаха битвы и оборотней, увидела, как зверь согнулся пополам и бесформенной кучей свалился на пол. Я попятилась; со сверкающего клинка, шипя, стекала кровь. Чтобы стряхнуть ее, я взмахнула мечом, и на лезвии вспыхнуло слабое голубое пламя. Меч начал становиться моим; сегодня мы с ним пролили первую кровь.

Я обернулась, готовясь отразить следующую атаку, но битва была закончена. Всюду валялись мертвые оборотни; один из них бился в агонии, пока Николай, не обращая внимания на когтистые лапы, одним небрежным движением не перерезал ему горло.

Трупы валялись и возле дивана, на котором сидели Николай и его спутница, и на полу танцплощадки. Николай убил втрое больше оборотней, чем я.

— Какая неприятность, — раздался его низкий голос, словно заиграл мощный орган.

Такой голос мог разрывать мышцы и дробить кости, мог подобраться к самому сердцу, такой голос можно было скорее почувствовать, чем услышать в тишине, которая наступает, когда умолкает музыка.

— Ну вот, — сказала Селена, выглядывая из-за его плеча, — ты ничего мне не оставил.

— Прости, милая, — ответил Николай, расправив плечи. — Пусть ими занимается Сьорен. — Прищурившись, он взглянул на меня. — Ты неплохо сражалась, демоница. И убила много моих врагов.

«Ну и что? Это еще не значит, что отныне мы будем друзьями», — подумала я, сжав зубы, чтобы случайно не произнести это вслух. Меньше всего на свете мне хотелось бы вляпаться в новый конфликт. «Да не будь этой драки, никто не обратил бы на меня внимания, а я радовалась бы уже тому, что выбралась отсюда живой».

— Спасибо за комплимент, — едва разжимая губы, сказала я и наклонилась, чтобы вытащить нож, застрявший в труп оборотня. — Но почему... — начала было я, но сразу замолчала.

Не нужно никаких объяснений.

— У нас с оборотнями возник спор по поводу территории, — сказал Николай, который вновь выглядел так, словно ничего не случилось.

Его задумчивое лицо напоминало лицо каменного ангела эпохи Ренессанса — такое же точеное и неподвижное, как у статуи, по сравнению с вихрями энергии, которые клубились вокруг него. Селена стояла возле Николая, упершись руками в бока; ее аура сверкала всеми оттенками малинового. Вид у Наложицы был очень несчастный.

— Оборотням не понравилось решение, которое я был вынужден принять по одному вопросу. Прошу извинить за причиненное беспокойство. Не люблю, когда моим гостям приходится драться, — это плохо на мне отражается. Еще раз примите мои извинения.

«Да уж, беспокойства нам сегодня хватило», — прозвучал в ушах знакомый голос, и я чуть не повторила его слова. Еще немного — и я бы их произнесла.

— Ну что вы, не стоит извиняться. — И добавила: — Приятного вечера.

— Какой там приятный вечер, — ответил Николай и взглянул на Селену, словно проверяя, все ли с ней в порядке. — Благодарю, демоница. И желаю удачи.

«Замечательно», — подумала я и, не удержавшись, бросила:
— Я начинаю думать, что когда-нибудь она мне пригодится.
И выскочила из зала, пока не поздно.

Глава 15

Мой «лимузин» был нанят на всю ночь, так почему бы этим не воспользоваться? И я назвала водителю адрес Кристабель Муркок.

По правде говоря, следовало бы начать с загадочного Брайса Смита или с секс-ведьмы Урсулы или отправиться на поиски хоть какой-то зацепки, но я поехала к дому Кристабель, изо всех сил убеждая себя, что нарушаю процедуру расследования исключительно инстинктивно, что после двух первых убийств улики, скорее всего, не осталось.

Мой «лимузин» мягко приземлился на крышу коричневого здания, расположенного на самой окраине района Тэнк. Не успела я взяться за ручку, как водитель, пулей вылетев из машины, распахнул передо мной дверцу; его темные глаза были широко раскрыты. Затем «лимузин» поднялся в воздух и направился на стоянку.

В воздухе пахло гнилью, мусором и наркотиками; к ним примешивались острые, словно пики, запахи секса, которыми несло от прогуливающих по улицам проституток и от огромных энергетических воронок, образующихся над ночными клубами, которые, словно звезды, вспыхивали неоновыми огнями в волнах психической энергетики. Прохладный ветер обдувал меня, пока я стояла на цементной площадке, пропитываясь атмосферой Тэнка. Можно сказать, если Сент-Сити — это холодное радиоактивное животное, которое только и ждет, чтобы его приласкали, то Тэнк — его бьющееся сердце, такой он обжигающе холодный. Сердце, которое передает жизненную энергию остальным частям города, начиная от неповоротливого мозга — финансового центра и дальше, разливая ее по артериям-тротуарам. Рэтхоул прятался где-то в самой глубине Тэнка — огромная яма, полная живительной энергии, которая отвечала мне ультразвуком, реагируя на самые глубокие волны моего биополя.

Мой город. Кажется, это действительно мой дом.

Персональный датчик позволил мне пройти систему защиты здания; квартира Кристабель находилась на верхнем этаже. Поскольку Гейб занесла мои данные во все полицейские компьютеры, меня пропустили внутрь.

Воздух в квартире был затхлым; сильно пахло моющим средством «Карбонель», которым отмывали от крови пол. Уборщики пришли сразу после того, как закончили осмотр судмедэксперты; я ощутила застоявшийся запах жасминовых духов и легкое покалывание, означающее, что здесь побывал тот, кто хорошо знал свое дело. Приходил кто-то из экспертов, чтобы сфотографировать место преступления во всех ракурсах; скорее всего, это была Бьюла Маккинли. Она хорошо выполнила свою работу — каждый предмет в комнате пропитался запахом жасмина.

Интересно, заметила она, как Хэнди Мэнди, нечто такое, что свело с ума призрака Кристабель?

Входная дверь была разбита, оторванные от нее щепки усеивали пол у стены и весь ковер в холле. Энергетическая защита квартиры еще действовала, хотя и очень слабо, в линиях зияла широкая брешь, тщательно заделанная аккуратисткой Гейб. На улицу из квартиры была выведена линия, по которой медленно, с тихим гулом стекала энергия, чтобы в квартире не осталось ничего, что напоминало бы об убийстве и мучениях, — трогательная забота о мирных жильцах, ничего не скажешь. Раздался щелчок, и за моей спиной закрылась временная дверь.

Я находилась в доме Кристабель Муркок.

На полу — винно-красный ковер. В прихожей было темно, но я разглядела геометрические рисунки на стенах — защитные заклинания. Я заглянула в столовую, затем в ванную — там горел желтый ночник в форме лилии. Стены во всех комнатах были

расписаны оберегающими рунами, причем каждый знак был покрыт двойным слоем краски. Все они тревожно реагировали на мое появление; линии возле входной двери молчали — они были сломаны, ко входной двери тянулись длинные нити энергии.

«Хм. Странно».

В прихожей, в гостиной и двух ванных на полу лежали ковры. Стены в ванной были выложены плиткой, в кухне и столовой — деревянными панелями. Вторая спальня использовалась в качестве комнаты для медитации; здесь на полу лежал круглый серебристо-голубой коврик, а на потолке был нарисован Млечный Путь.

«Да ты просто художница, Кристабель», — подумала я и не стала включать свет.

Я втянула в себя воздух. Пахло любимыми благовониями Габриель, жасминовыми духами эксперта и сильнее всего — человеком. Закрыв глаза, я заставила себя не обращать внимания на другие запахи и сосредоточилась на одном — сладковатом запахе гниющих фруктов. Кровь, которой была выпачкана моя одежда. Теперь я была наедине с сильными запахами женщины псиона, здоровыми и терпкими. У Кристабель пахло молекулярным лаком для ногтей, маслом для волос и сладким смолистым ладаном. Ладан был дешевым, но хорошего сорта, и на меня сразу нахлынули детские воспоминания.

«Значит, ты, как школьница, пользовалась ладаном? Немного странно. Впрочем, Гейб тоже равнодушна к благовонным смолам». Комната была уставлена мебелью, но при этом оставалась просторной. На книжных полках — ни пылинки, ни одного комнатного растения. Не было также ни животных, ни даже клонированных кои.

В комнате для медитации я обнаружила множество белых свечей всевозможных размеров, а также статуэтку Ангербоды Гульвейг Тевтонской, одежды которой сияли золотой росписью в виде языков пламени и тевтонских изображений сердца. В другом углу комнаты стояла еще одна статуэтка, выполненная в старинной манере, — черная танцующая богиня Кали, изящная и кровавая.

Перед ней стояли свежие дары — блюдо с чем-то липким, пахнущим вином и человеческой кровью. Тоже интересно.

Кровать Кристабель была аккуратно застелена. На прикроватной тумбочке лежала книга Адриенны Спокарелли «Боги и маги», на ней — ритуальный нож. От заполненной доверху корзины с грязным бельем шел слабый запах сиреневой пудры. Рядом с кроватью, в углу, поблескивал компьютер. В ванных комнатах — ни пятнышка.

Попасть из этого царства порядка и чистоты в разгромленную столовую оказалось для меня настоящим ударом. В деревянном настиле зияли огромные дыры, под темными пятнами, отмыть которые не смогли никакие средства, слабо просматривались сделанные мелом рисунки. Кушетка была разбита вдребезги, стол превращен в груды тонких щепок. С потолка свисали темные шнуры с подвешенными на них мешочками с травами и защитными амулетами. Все лампы были испачканы кровью, и я лишний раз порадовалась, что могу видеть в темноте. Что и говорить, в этой комнате происходила настоящая битва.

Я глубоко вздохнула. Здесь побывали Гейб и эксперты. Мне здесь делать нечего. Истинную жизнь Кристабель следовало искать где угодно, но только не здесь. Эта комната — скорее театральные декорации, чем что-то иное.

На полу лежал листок бумаги, такой же, как тот, на котором Кристабель писала свою записку. Перед входом на кухню валялась чернильница с красными чернилами. Сколько я ни искала, ручку я так и не нашла.

От собственного голоса я едва не подскочила.

— Я здесь, — услышала я тихий, как шепот ребенка-призрака, голос. — Если хочешь говорить, Кристабель, то говори, я слушаю.

В комнате наступила тишина. Здесь, в этом тщательно построенном, аккуратном мире, я чувствовала себя воровкой. Мне не хотелось вызывать сумасшедшего и голодного призрака Кристабель; мне нужен был голос живой некромантки.

Ничего. Никаких запахов насилия или страха, ничего, за что я могла бы уцепиться.

«В других местах ты тоже ничего не найдешь», — внезапно прозвучал знакомый

низкий голос. Я замерла, затем медленно повернулась, слыша шуршание своих шелков. Окинула взглядом стены с нарисованными на них рунами. «Ответ на эту загадку находится не здесь. Ты знаешь, где он».

Да, я это знаю. Ответ на все вопросы заключался в трех словах, которые изнемогающая от ужаса, погибающая некромантка успела нацарапать на листке бумаги.

«Вспомни "Риггер-холл"».

— Очень надо, — пробормотала я, и воздух в комнате слегка шевельнулся.

И вдруг, впервые за много лет, я почувствовала себя смешной, нелепо разодетой и очень-очень юной.

Но если вспомнить «Риггер» — значит спасти кого-то от смерти, то я это сделаю. Когда-то я смогла там выжить. Неужели теперь у меня не хватит сил все вспомнить?

И сразу спина загорелась, словно по ней прошлись огнем. Ожил шрам на левой ягодице. Знак на плече горел, горел.

Я сжала рукоять Фудосина. Я больше не слабая и беззащитная.

— Хорошо, Кристабель, — раздался в комнате мой голос. — Ты и есть ключ к разгадке. Отныне ты поведешь в танце.

И сразу мне показалось, что воздух в разгромленной столовой изменился — он словно замер и наполнился ожиданием. Словно он... прислушивался.

С судорожно сжатыми пальцами и пересохшим ртом я, наконец, выбралась из страшной квартиры. Наверное, я должна была бы чувствовать облегчение.

Но никакого облегчения я не чувствовала. Я думала о трех словах, которые выкрикивал обезумевший призрак бывшей хозяйки чистенькой, аккуратной и пустой квартирки. «Вспомни! Вспомни «Риггер-холл»!» Теперь я знала, что мне делать.

Глава 16

Была поздняя ночь, когда водитель высадил меня перед моим домом. Получив хорошие чаевые и пробурчав слова благодарности, он сразу уехал. Темный сад тихо шелестел, купаясь в отблесках висевшего над городом оранжевого света.

У меня дрожали руки. Не слишком сильно, конечно, но все же заметно. Даже правая, которая всю ночь крепко сжимала рукоять меча, спасая мне жизнь, даже она тряслась так, словно я печатала на пишущей машинке очередной отчет.

Войдя в дом, я захлопнула за собой дверь и привалилась к ней спиной. Только сейчас я заметила, что левый бок платья залит кровью, которая уже успела подсохнуть.

— Anubis et'her ka. — От этих слов воздух в прихожей слегка вздрогнул. — Какая неприятность!

Джейса дома не было. Наверное, ушел собирать информацию. Из-за псионов, которые в основном вели ночной образ жизни, все общественные заведения города закрывались не раньше двух часов ночи.

Жаль. Так хотелось немного поболтать.

Подняв левую руку к глазам — поскольку правая тряслась как сумасшедшая, — я принялась разглядывать свои изящные пальцы, покрытые черным и блестящим молекулярным лаком.

От платья по-прежнему исходил слабый запах сирени. И ужаса. Внезапно тьма, в которую был погружен дом, ожила и набросилась на меня; кости начали прогибаться под невыносимой тяжестью плоти — мои чудесные, изящные, тонкие человеческие кости, совсем не подходящие моей демонической внешности и психологии, о которых я читала в книгах. Под этой невероятной тяжестью я затрепыхалась, как бабочка, насаженная на булавку и засунутая в стеклянную пробирку. Я металась с одного задания на другое, ловила преступников, а теперь выясняется, что у меня не осталось ничего — ни прежней жизни, ни будущего. Мне некуда идти и нечего делать. Я застыла на месте, словно персонаж мыльной оперы в остановленном кадре.

Чего хочет бабочка — снова стать куколкой? Или гусеницей?

«Вспомни. Вспомни *«Риггер-холл»*».

К горлу подкатила желчь. По телу пробежала легкая дрожь. Я ее сразу почувствовала — дикую панику, которая впиалась в меня, как иголки, терзая душу и память.

«Эй, Дэнни, — зашелестели безгубые ночные кошмары, — думала, от нас так легко отделаться, да? А вот и нет. Ну-ка, где там наши страхи? Тащите их сюда, ребята, пусть Дэнни немного подергается. Как ты на это смотришь, детка?»

— Почему меня так трясет? — спросила я у темноты.

Я глубоко вздохнула и только тогда почувствовала, какой в доме спертый воздух. Видимо, я давно не занималась уборкой, а Джейс не обращал на такие вещи внимания. К тому же нас целыми днями не было дома.

«Жалость — не самое главное твое достоинство», — услышала я голос Йедо, который, прозвучав у меня в ушах, сразу замер, словно упал на дно колодца.

Левое плечо вновь расколосось от боли. Я согнулась пополам, и меня вырвало; волосы рассыпались по плечам, кинжалы полетели на пол. За тот год, когда я старательно корчила из себя великую охотницу за преступниками, ни черта не изменилось.

И не изменится.

Джафримеля больше нет.

Я упала на четвереньки, упершись коленями и ладонями в холодный и твердый пол. Мир стал серым. «Сейчас у меня будет приступ, а рядом никого нет, и никто не поможет». Защитные линии дома тихо звенели, реагируя на мое состояние, словно кто-то водил пальцем по краю хрустального бокала.

— Ты не бросишь меня.

Голос — словно старый добрый виски. Такой знакомый.

Я встрепенулась.

Подняла голову. Ничего — только моя собственная прихожая, железная вешалка, зеркало, желтая полоска света, пробивающегося из-под двери кухни. Джейс забыл выключить его.

— Ты не бросишь меня в одиночку скитаться по земле.

Этот голос оторвал меня от пола, заставил подняться, а затем с силой отшвырнул к двери; он проходил сквозь меня, как волны энергии, прогоняя серую тьму.

«Меня треснуло привидение». Внезапно я рассмеялась. Открыла глаза, вновь увидела пустую прихожую. По подбородку стекала тонкая струйка черной крови — я опять прокусила губу. Ничего, сейчас все пройдет как обычно.

— Какая я везучая, — пропела я. — Везучая, везучая девочка, я везучая девочка, лучшая в мире некромантка.

— Данте, — внезапно услышала я, и от этого шепота холод пронизал меня до самых костей.

— Послушай, так нечестно. Вернись!

Спохватившись, я закрыла ладонью рот и прислушалась. Я слушала. Тишина. Я сжала пальцы в кулак. Осторожно. Нужно быть очень осторожной. Нужно сдерживаться, чтобы никому не причинить вреда. Люди. Долгий вздох, затем голос — который я узнала бы скорее, чем собственный, — коснулся моей щеки.

— Накорми меня...

Я окинула взглядом прихожую. Пусто. Во всем доме никого нет.

Никого — ни одного человека. Или демона. Ничего. Ничего, кроме меня, затхлого воздуха, разного барахла и устоявшегося запаха Джейса. Пыль и запах печали. И все.

«Отлично. Мертвые говорят со мной вовсе не так, как мне это нужно. Вечно они все делают не так. О нет».

Взрыв внезапного сумасшедшего веселья испугал меня и привел в чувство, как приводит в чувство холодная вода, которой брызнули в лицо истерички.

«Я взрослая, — сказала я себе. — Я уже взрослая, черт меня подери!»

Оторвавшись от двери и путаясь в длинном платье, я начала подниматься по ступенькам на второй этаж. Как вдруг, остановившись на середине лестницы и внезапно потеряв равновесие, едва не грохнулась.

Ниша была на месте. Черная урна тоже.

Склонив свою прекрасную голову, на меня смотрел Анубис. Стоявшая перед ним чаша с вином была пуста.

Бог принял мой дар.

Лепестки роз увяли. Высохли. Словно их кто-то высосал.

— Бред какой-то. — Плечо болело. — Мне нужно поймать убийцу. Убийцу, который использует глифы пожирателя, чтобы чертить магические круги церемониалов. Мне не нужны встречи с призраками...

Но встреча с призраком Джафримеля — это все же лучше, чем тоска по нему.

— Это ты говоришь со мной?

Черная урна насмешливо смотрела на меня.

— Пожалуйста, скажи, что это ты.

Разумеется, ответа не последовало. Ничего, кроме потоков жаркого воздуха и легкого покачивания статуэтки Анубиса, словно бог хотел привлечь к себе внимание.

Я взглянула ему в глаза. Что это — галлюцинации или он в самом деле слегка улыбается?

— Я скучаю по тебе.

Я сказала это богу. Голос срывался, я задышалась. Я не лгала. Как это было здорово — меня постоянно кто-то защищал, поддерживал, подбадривал. Как мне сейчас этого не хватает! Бог смерти — самый страшный бог. Его боятся даже нихтврены.

Даже демоны.

Наверное, поэтому я и стала некроманткой. Беспомощная, закованная в ошейник девчонка с высоким коэффициентом Мейтсона, благодаря ему взятая под опеку Гегемонией, сирота, попавшая в «Риггер-холл», где ребенок либо находил себе защитника, либо был обречен.

Смерть — лучший защитник. В то время я не боялась смерти; я знала, что умереть для меня было все равно, что упасть в объятия возлюбленного.

Целыми месяцами я мучительно ждала окончания очередного дня, занимаясь то одним делом, то другим, двигаясь словно сомнамбула. Я томилась от тоски, поджидая очередной прогулки с Льюисом, но я становилась старше, и он уже не мог приходить ко мне так часто, как мне бы хотелось. У меня оставались только книги.

По ночам я зажигала фонарик и читала под одеялом все, что приносил мне Льюис. Когда читать больше не было сил, и глаза закрывались сами собой, я погружалась в огненно-синий транс смерти.

Это меня и спасло. Я была избранной — и благодаря Льюису и его книгам, и благодаря смерти, которая меня выбрала. После гибели Роанны я полностью ушла в себя, постепенно научившись быть самодостаточной и жить, словно внутри прочной раковины. У меня были только книги и этот голубой свет, который, проникая в самое сердце, придавал мне сил. Так я смогла выжить.

Я не пропустила ни одного занятия по теории магии и не провалила ни одного экзамена по классике. Я стала одной из лучших учениц школы, переняв от Льюиса его любовь к знаниям.

Но что важнее всего — я уже не сомневалась, что смогу выжить. Лью дал мне самое главное для ребенка чувство: понимание того, что его любят. И хотя в школе по-прежнему практиковались жестокие наказания, некоторые из наших учителей были настоящими педагогами, мастерами своего дела. У «Риггера» было одно достоинство — там меня научили контролировать свои способности, научили разбираться в людях, дали возможность почувствовать свою силу.

И всегда, всегда рядом со мной находилась смерть.

Я была еще слишком мала, чтобы входить в ее голубой хрустальный зал или приближаться к мосту, но я чувствовала на себе внимание моего бога, оно давало мне силу, не позволяя впасть в ступор или превратиться в дергающегося невротика, как происходило с остальными детьми. Иногда, даже во время самого жестокого наказания, я закрывала глаза и видела голубой свет, языки синего огня и, чувствуя на себе взгляд бога, моего бога, твердила себе, что буду сильной.

И я выжила.

Когда же Мирович погиб, расследование закончилось, а школу закрыли, я решила поступать в Академию. Но для этого полагалось сначала пройти Испытание, мучительный экзамен для тех, кто собирался стать аккредитованным некромантом, когда психику человека проверяли весьма необычным и жутким способом. Как можно встретиться со смертью? Только когда ты мертв. Мы же, некроманты, встречаемся с ней постоянно, и, значит, каждый раз как бы умираем. Впрочем, у меня было одно маленькое преимущество: перед Испытанием я не сомневалась, что пройду его успешно. А когда все закончилось, и я быстренько покрасила несколько седых волос, чтобы выглядеть как настоящая некромантка, я покинула школу, дав себе слово никогда туда не возвращаться. И не вернулась. Вперед, только вперед, не оглядываясь.

И все же я не раз задавала себе вопрос: вперед, но куда? Ответа на него я не знаю до сих пор. Знаю только одно: я никогда не поверну назад.

Да, но ведь есть Кристабель, которая просит меня вернуться.

— «Риггер-холл», — сказала я, глядя в глаза статуэтке. — Я же поклялась туда не возвращаться.

«Ты должна это сделать». Глаза бога, равнодушные и безжалостные, смотрели в самую душу. У смерти нет любимчиков — она всех любит одинаково. «Если не можешь убежать — дерись; если не можешь драться — терпи». От этих слов бога — даже не слов, а мыслей, которые отозвались в моем сознании, — по телу пробежала сильная дрожь, даже колени подогнулись. На первом уроке в школе на меня надели железный ошейник. Так нас приучали к терпению и послушанию. Потом это повторялось снова и снова. Позднее, когда я уже начала думать, что не выберусь из школы живой, где-то в самой глубине моего сознания прозвучал тоненький, как ниточка, голосок, который сказал: «Ты выживешь». Так и получилось.

Меня считали склонной к суициду, сумасшедшей дикаркой, а также жаждущей славы задавакой. Не думаю, что так было на самом деле; просто я всегда знала: я выживу. Был во мне какой-то прочный, негнибемый стержень, который не давал мне сломаться даже в самые страшные дни. Если чего-то боишься, лучше встретиться с этим лицом к лицу, чем все время дрожать от страха. Если тебя пугает смерть, значит, иди ей навстречу, продвигаясь все дальше в глубь голубого света, прямо в ее объятия, иди до тех пор, пока не перестанешь бояться, и тогда тебе станет легче.

Мне нечего было бояться. Я сохранила свою честь. Я ни разу не нарушила своего обещания, никого не предала. Моя честь осталась незапятнанной.

Защитные энергетические линии задрожали — к дому подъехал Джейс, кажется на слике, пулей проскочив через сад; наверное, не хочет, чтобы его видели, или скрывается от репортеров. Вот он прошел защитное поле и уже стоит перед дверью.

Я дошла до предпоследней ступеньки лестницы, когда внезапно меня начало трясти, и я, почувствовав сильную слабость, с размаху рухнула на ступеньки. Когда Джейс открыл дверь, я сидела, прислонившись к перилам, подтянув ноги к груди.

Ударом ноги он захлопнул дверь.

— Ты чего, Дэнни?

Услышав его голос, такой спокойный, такой уверенный, я закрыла глаза. Затем обхватила колени руками, уткнулась в них лицом и так и застыла, утопая в пышных складках своего шелкового платья. Как хорошо, что сзади меня подпирают перила, — они не дают мне упасть.

Три глубоких шрама на спине и клеймо на левой ягодице. Я вновь почувствовала запах горелого мяса, услышала тихий свистящий смех и свои отчаянные крики, почувствовала, как по ногам льются кровь и сперма.

А потом я услышала кое-что еще: сухой, как бумага, шепот директора школы Миновича, когда раскаленное железо прижалось к моей спине. Я заставила себя прислушаться, словно приоткрыла дверь своей памяти в навечно запертую комнату.

— Дэнни, — сказал Джейс, встав передо мной, — с тобой все в порядке?

Я подняла голову. Его светлые волосы были растрепаны, голубые глаза по-человечески нежно смотрели на меня. Я не заслуживала такого доброго отношения, я это знала.

Глаза словно жгло огнем, но боль в левом плече улеглась. Дважды сглотнув, я, наконец, разжала сухие губы и прошелестела:

— Нет, со мной не все в порядке. Принеси лопаты, Джейс. Придется кое-что выкопать.

Глава 17

В огромном подвале под своим домом я держала садовый инвентарь и черный сверкающий хOVER, который в данный момент стоял тихо и неподвижно. До того как я разбогатела, подвал был совершенно пустой. Сначала я хотела использовать его в качестве места для медитации, но потом отказалась от этой мысли, а медитацией занималась в спальне или столовой.

Дрожащими руками я разбросала кучу картонных коробок и оглянулась на Джейса, который внимательно наблюдал за мной; при свете ламп его растрепанные волосы отливали золотом.

— Слушай, — сказал он и попытался их пригладить.

Это не помогло — волосы продолжали топорщиться, только под другим углом. Сейчас Джейс был похож на героя одного сериала — приятеля Джипси Розна по имени Марбери, чудаковатого, но очень самоуверенного нескладеху с шапкой густых, торчащих во все стороны волос.

— Это так срочно? Может, пусть подождет до завтра? Как ты смотришь на то, чтобы хорошенько надраться?

— Ты-то, может, и надерешься, а мне что делать?

Удивительно, каким решительным тоном я это сказала. Горло царапали острые запахи подвала, хOVERа с его листовыми рессорами, запахи реактивной смазки и плесени.

— Ну а как насчет того, чтобы завалиться в постель, как следует трахнуться, и забыть, к чертовой матери, обо всем на свете? Ты не против?

Джейс говорил небрежным тоном, стараясь сделать вид, будто шутит, но его выдавало неровное дыхание.

«О Джейс». Едва заметно улыбнувшись, я отвернулась и вновь принялась копать в коробках. Вскоре в бетонном полу показалась круглая деревянная крышка, к которой было приделано железное кольцо.

— Ничего себе, — сказал Джейс, поправляя на плече лопаты, как это, наверное, делали в давние времена могильщики. — Прямо как в кино.

От злости я хотела сказать ему какую-нибудь колкость, но сдержалась. Джейс был бледен, на лбу выступил пот. Мы оба мучились от клаустрофобии, а он... что он сейчас чувствует? Если бы я к нему прикоснулась, я бы это узнала, ибо я не только демон, но и женщина с присущими ей желаниями и психикой. Прошло почти десять лет, а воспоминания живы до сих пор.

Может быть, поэтому я не могу с ним спать? Или потому, что он не дает мне забыть, какой я была до Рио?

— Тебе туда лезть вовсе не обязательно.

Я взялась за железное кольцо. Какое холодное, прямо обжигает. А может быть, слишком уж пылают мои демонские пальцы? В горячем воздухе поднялись облачка пыли; от меня исходил жар. «Теперь мне больше никогда не понадобится климат-контроль. Может, стоит пойти работать ходячей сушилкой? За разумную плату».

— И бросить тебя одну? — Джейс покачал головой. — Не пойдет, милочка. Знаешь ведь: взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Слова застряли у меня в горле.

«Прости. Я не та женщина, которая тебе нужна».

Вместо ответа я молча потянула за кольцо.

Из темноты пахнуло затхлым воздухом и пылью. Я попыталась нащупать выключатель.

— Не работает, наверное, — буркнула я. — Этого еще не хватало.

Наконец рука наткнулась на кнопку, я нажала — и едва не ослепла от света одной-единственной голой лампочки. Я судорожно втянула ртом воздух, горло сжалось до размеров булавочной головки.

— Как прошла встреча с кровососами? — спросил Джейс скучающим, беззаботным тоном.

Я взглянула ему в лицо; почему-то я была благодарна ему за то, что он со мной. Я в долгу перед Гейб и перед Эдди; интересно, а чем я обязана Джейсу?

Ответ может быть только один: слишком многим, чтобы когда-нибудь с ним рассчитаться. Долг, обязанность, честь; за все это я буду платить до конца моих дней, да еще говорить «спасибо».

И все же это лучше, чем вечное одиночество, правда?

Еще бы не правда!

— Замечательно. Главный сказал, что у него есть книги о демонах, и я могу ими пользоваться.

Мне удалось не задохнуться от собственного голоса.

— Умеешь ты заводить друзей, — заметил Джейс Монро, с интересом заглядывая в черную дыру.

— Просто у меня неотразимая улыбка.

Я наклонилась, уперлась руками в пол и легко скользнула вниз. Слава богам, рукоять меча ни во что не уперлась. Немного повисев в воздухе, я мягко спрыгнула на пол.

— Там драка была, с оборотнями.

Джейс тактично не обратил внимания на мое рваное платье и пятна черной крови на корсаже. Никогда бы не подумала, что он может быть вежливым. А вот пойдя я наверх и переоденься — никогда бы об этом и не узнала.

— Тебя на минуту нельзя оставить одну, — сказал Джейс, передавая мне лопаты. Затем вынул из-за пояса меч и тоже отдал его мне.

— Вот именно. Потом я заскочила на квартиру к Кристабель и снова все осмотрела.

На первой лопате осталась засохшая земля. Вторая была совсем новой. Зачем я ее купила? Или у меня вновь заработало предвидение?

Иногда я его ненавидела, как, впрочем, и свое умение гадать на рунах. Обладать даром предвидения — значит чувствовать себя пешкой, которую переставляют с клетки на клетку; никогда нельзя точно определить, то ли в тебе говорит интуиция, то ли ты просто становишься параноиком. Впрочем, интуиция и паранойя — это почти одно и то же, поэтому предсказатели-псионы — провидцы — сходят с ума чаще всех.

— Нашла что-нибудь интересное?

Джейс нагнулся над дырой и легко спрыгнул ко мне. Под задравшейся на животе футболкой я успела заметить гладкую загорелую кожу и упругие мышцы. Мы оказались совсем близко друг к другу.

— Между прочим, можно было бы поставить здесь лестницу, Дэнни.

— Думаешь, я сюда лазала каждый день? А у кровососов я действительно выяснила

кое-что интересное. Главный и его Наложница узнали знаки — это глифы пожирателя.

Я даже похолодела, произнеся это. С пожирателями лучше не связываться. Их смертельно боятся все псионы.

Тихо присвистнув, Джейс забрал у меня лопаты, оставив только меч. Трогательная доверчивость.

— Так... понятно.

Джейс нахмурил светлые брови и сжал губы.

Я смотрела на четкий овал его лица, на уголки рта. Джейс всегда был очень красив, а самоуверенный вид делал его и вовсе не отразимым. Интересно, я влюбилась в него из-за этой самой самоуверенности? Наверное, да, потому что ее-то мне как раз и не хватало, хоть я и старалась это скрывать. Мне всегда хотелось быть решительной, а не казаться такой.

Джейса я ни разу не видела испуганным, он никогда не терял чувства юмора.

— А что тебе удалось узнать?

Он только пожал плечами и фыркнул.

— Да ничего. Наш мистер Смит зарегистрирован как нормал. Работал ювелиром. Свидетельство о рождении утеряно, коммунальные счета оплачены каким-то трастовым фондом.

Я быстро прошла мимо него, радуясь, что потолок в подвале не очень низкий.

— Каким трастовым фондом?

Свой дом я купила отчасти из-за того, что в нем имелся подвал размером чуть ли не во весь дом; Дорин было все равно, лишь бы был сад. Дом был давно заброшен и находился в плачевном состоянии, но фундамент сохранился отлично; последний день капитального ремонта мы отметили грандиозной вечеринкой, на которую собралось почти все сообщество псионов Сент-Сити. Так я познакомилась с Джейсом. Потом мы увиделись только после смерти Дорин.

Вспомнив о ней, я поежилась и потерла руку о платье. Под пальцами зашуршала испачканная кровью материя.

— Каким-то закрытым траст-фондом. Никто про него ничего не знает. Имена клиентов строго засекречены. В компьютерной сети информации нет. Все, что я нашел, — это номер слика, зарегистрированного на имя убитого.

Джейс говорил с явным отвращением. Подойдя к дальнему углу подвала, где стоял ненужный шкаф, я резко остановилась. Сердце бешено застучало.

— Ювелир со сликбордом? И на чье имя записан слик?

— Келлер. Всего одно слово. Без имени. Слик куплен у Лоррейна, который давно отошел от бизнеса.

В ауре Джейса появились острые языки пламени — ему не нравилось торчать в темном подвале. Повернувшись к нему, я ощутила тепло, исходящее от его тела. Запах мускуса и меда действовал успокаивающе, несмотря на неприятные запахи человеческого тела.

— Полагаю, дело усложняется, — дрогнувшим голосом сказала я и потянулась за лопатой.

— Да уж, закрутилось дальше некуда, — буркнул Джейс и отодвинул меня плечом, — Пусти, я и так целый день просидел за бумагами. Хочу немного попотеть. Где копать?

Я ткнула пальцем в дальний угол.

— Начинай вон там.

Джейс бросил на меня какой-то странный взгляд. Из-за темноты мне было плохо видно его лицо.

Хотя если взглядеться внимательно...

Я решила не вглядываться, а просто смотреть, как он будет копать. Здесь фундамент дома подходил к поверхности ближе всего, и земля в этом месте была совсем рыхлой. От нечего делать я уселась на землю, положив меч Джейса себе на колени.

— Джейс.

— Что?

Ловким движением он отбросил в сторону полную лопату земли.

— Спасибо.

Я еле выговорила эти слова. Словно именно сейчас решила поблагодарить его за все, что он для меня сделал.

— Всегда пожалуйста, детка. — В сторону полетел новый ком земли. — А что мы ищем?

— Металл. Я его глубоко закопала. Слушай, я в самом деле тебе очень благодарна.

— Смотри не испачкай платье.

Под его черной футболкой двигались упругие мышцы.

Я судорожно сглотнула, чувствуя во рту медный привкус страха. Как здесь темно. По углам подвала плясали тени. Никогда больше не надену платье, а кому не нравятся джинсы и простая рубашка, пусть катится куда подальше.

— Вообще-то я больше люблю, когда ты в джинсах. Попка у тебя что надо.

Джейс уже начал уставать; дыхание стало учащенным, он то и дело останавливался, чтобы передохнуть. В воздухе запахло потом и чистым мужским телом.

Я взглянула вверх и поежилась.

— Извини.

Сама не знаю, почему у меня это вырвалось. Просто я на секунду забылась, наблюдая, как Джейс откапывает то, чего я не хотела видеть.

Он не бросил копать, но слегка напрягся.

— За что, детка?

— Я вела себя по-свински.

«Это еще мягко сказано. Сучка я, и больше ничего. Джейс заслуживает чего-то большего, если не любви, то хотя бы глубокой привязанности».

Вот сейчас и скажу это вслух.

Джейс молча отбросил в сторону еще три лопаты земли. Яма начала приобретать знакомые очертания. Я похолодела; чтобы не стучать зубами, крепко стиснула челюсти.

— Ничего подобного.

— Я не заслуживаю такого друга, как ты, Джейс.

Он засмеялся. Смех Джейса Монро — это нечто особенное. Иногда он смеется, чтобы скрыть смущение, а иногда смеется от души. Сейчас он смеялся искренне.

— Не принимай это близко к сердцу, малыш. Так что я выкапываю?

— Одну металлическую вещь.

— А что в ней?

К этому времени яма была уже весьма внушительных размеров. У меня стучали зубы, я сжалась в комок, ногти впились в ладони. Как мне хотелось выбраться из этого подвала, убежать в дом и больше никогда об этом не вспоминать! Как хотелось закопать свои школьные воспоминания так, чтобы никогда в жизни их не найти.

— Книги. И еще кое-что.

Я уже не могла сдерживать дрожь в голосе.

— Отлично. Нормальные люди хоронят трупы, а наша Данте Валентайн предпочитает хоронить книги.

От Джейса исходили волны тепла. Человеческого тепла, животного тепла. Такого знакомого.

Почему я так благодарна ему за это тепло? За то, что он просто находится рядом со мной?

— Они могут нам понадобиться, Джейс.

Я взглянула на его меч. Дотануки, как тогда, когда мы познакомились. Тяжелый меч, и рукоять более тяжелая, чем у моей катаны. Все же мне удавалось побеждать Джейса еще до того, как Джафримель сделал из меня полудемона. Впрочем, сражаться с Джейсом всегда было очень трудно — он очень быстр и ловок, а потому опасен; к тому же Джейс мастер по

части ложных выпадов и обманных движений. Я всегда считала, что это нечестно.

Теперь я не была в этом уверена.

Я легонько провела пальцами по клинку дотануки. Сталь хранила воспоминания. Я осторожно погладила рукоять, ведя пальцем по ее изгибам.

— Дэнни, детка, — отреагировал на это Джейс, — ты что, хочешь вызвать у него эрекцию?

Я вскинула глаза. Джейс стоял, опершись на лопату, и смотрел на меня. Его глаза потемнели, а что читалось во взгляде, было ясно и без словаря. Джейс Монро никогда не скрывал, что хочет меня, и вместе с тем все это время ни разу ко мне не притронулся. А Рио, а наша совместная жизнь в моем доме, когда он просто находился рядом, заставляя меня жить дальше?

Если в моей жизни было хоть что-то, за что ее стоило благодарить, то это, конечно, Джейс. Ну кто бы стал со мной так возиться, как он?

— Извини.

Я отложила меч в сторону. «Все верно, Джейс. Не знаю, смогла бы я покончить с собой или нет, но после смерти Джафримеля я была к этому очень близка. Значит, ты хотел меня спасти? И для этого пришел в мой дом?»

Джейс лучезарно улыбнулся. «Ладно, хватит об этом. У меня опять начинается приступ клаустрофобии».

— Ничего. Мне даже нравится. Так что ты нашла в квартире Кристабель?

Фыркнув, я встала и взяла в руки вторую лопату.

— Ничего. Я даже не знала, что ищу. Все, давай копать.

И я подошла к своей могиле — потный демон с дрожащими руками и резами в желудке.

— Клянусь Чанго, девочка, — сказал Джейс, вытирая потное лицо, — ты эту хреновину хорошо упрятала.

— Другого способа нет, если не хочешь, чтобы мертвец вернулся. — Я аккуратно положила лопату на край ямы. Вторая лопата, вылетев из ямы, со звоном ударилась о землю. Я переплела пальцы. — Ставь ногу, я тебя подсажу.

В темноте блеснули глаза и зубы Джейса — он широко ухмыльнулся.

— Неплохо. Мне нужно в душ.

— Мне тоже.

Джейс оперся на мои руки, я его подкинула, и он легко выбрался из ямы.

«Хорошо, что теперь у меня есть сила демона; раньше я бы так не смогла».

Затем я подняла свой гроб — старинный сундучок времен Семидесятидневной войны. Подняла легко, словно играючи. Внутри сундучка что-то звякнуло, от этого звука я похолодела и едва не застонала.

Джейс взял у меня сундук и вытащил его из ямы. Затем на поверхность выбралась я.

— Sekhmet sa'es, — процедила я сквозь зубы. — Ненавижу. Не успела начать охоту, как уже провоняла насквозь.

— Сейчас вымоешься, детка. — Джейс зевнул. — Сундук здесь оставим?

— Лучше здесь. — Я потеряла выпачканный в земле лоб. — Давай покончим с сундуком, а потом пойдем мыться.

— И обедать, — добавил Джейс, потянулся и хотел взять лопаты.

Я дотронулась до его руки. Он остановился, глядя на меня.

— Ты иди мойся и обедай. Я немного задержусь. Думаю, мы оба прекрасно понимали, в каком я сейчас состоянии.

— Я тебе помогу, — ответил Джейс, упрямо тряхнув золотистыми волосами.

— Не надо. — Я решила бить на жалость. — Слушай, я есть хочу. Давай ты пока помоешься и что-нибудь приготовишь, а потом мы вместе поедим, идет?

Джейс ответил мне долгим взглядом.

— О'кей, — наконец сказал он и надулся, как мальчишка.

— Спасибо, — обрадовано сказала я, встала на цыпочки и чмокнула его в грязную щеку.

А как еще поблагодарить мужчину, который вытащил тебя из собственной могилы?

Джейс забрал свой меч и ушел. Я осталась одна. Казалось, тьма обступила меня со всех сторон, стараясь быть как можно ближе. От нее исходила опасность, я чувствовала это всей кожей; дыхание стало прерывистым.

Я взяла лопату, осмотрела ее, затем отставила в сторону. Яма смеялась надо мной. Смеялся старый ржавый сундук. Смеялся мой меч, торчащий у меня из-за спины.

Я подняла правую руку. Все в порядке, не сжимается, не застывает. Наверное, ей просто был нужен меч.

Затем я начала копать землю руками, как животное. Копала и копала, отбрасывая в сторону комья земли. Я скалилась. Корсаж шелкового платья, не предназначенный для таких работ, начал расходиться по швам. Затем лопнула бретелька, и тогда я, скинув с себя перевязь, освободилась и от платья. Отбросив в сторону оружие, я швырнула шелковые и бархатные тряпки на дно ямы и продолжала работать. Моя смугловатая кожа была как новенькая, но мне казалось, что она вся покрыта синяками и глубокими, до самых костей, ссадинами. Мои руки дрожали, сквозь пальцы сыпался песок и мелкие камешки. Внезапно я услышала, как из моего горла вырвалось тихое яростное рычание. В левом плече глухо пульсировала боль, исчезнувшие шрамы на спине словно открылись и начали кровоточить. Рисунок из шрамов. Искусство, порожденное страданием.

И тогда я засмеялась.

В конце концов, я же пережила все, что похоронила в этой яме. Сколько преступников я переловила, сколько у меня было драк и сражений, я даже встречалась с самим Князем тьмы. Чего мне теперь бояться?

Упав на кучу сухой земли, я хохотала до тех пор, пока не охрипла и не начала задыхаться. Зубы выбивали дробь. Я сжалась в комок, обхватив колени руками. Совершенно голая — на мне остались только сапоги — я сидела, дрожа как заяц, чувствуя во рту привкус дикого страха; а потом я начала вопить.

Чего я боюсь? Своих детских страхов? Их больше нет; мне не нужно, забившись в угол, давиться от собственных рыданий, как было когда-то.

«Риггер-холл». Черт!

Ну когда же я перестану вздрагивать при этом слове? Через сколько лет? Кого мне благодарить — Дорин, научившую меня человеческим чувствам? Джафримеля, давшего мне понять, что любовь бывает не только у людей? Гейб, мою верную подругу? Или Джейса, который до сих пор учит меня разбираться в людях?

Теперь я взрослая. «Риггер-холл» мне больше не страшен.

Тогда почему так вопит ребенок, живущий во мне? Неужели я еще недостаточно взрослая, неужели борьба еще не закончена?

Прошло много времени, прежде чем я услышала знакомые шаги. Тяжелой походкой ко мне подошел Джейс, и я поднялась ему навстречу, радуясь, что он не стал меня поднимать, а просто ждал, когда я встану сама. Потом он протянул мне халат, в который я завернулась, дрожа всем телом, обессилив от собственного хриплого крика. Я чувствовала себя так, словно провела пять спарринг-боев подряд и прошла все три сражения Семидесятидневной войны без перерыва.

Затем он спустил лестницу и вытащил меня вверх. Я не сопротивлялась, покорно следуя за ним. Он не отвел меня в душ, просто сдернул с меня халат и уложил в постель, сняв с меня сапоги; потом сорвал с себя одежду, лег рядом и обнял.

Это был не Джафримель, но от него веяло теплом, и это был человек. И я с благодарностью прильнула к нему, ощущая всей кожей его теплое тело; и из моих глаз, словно вырвавшись из черного ящика, полились слезы, которые я глотала в течение восьми лет, проведенных в «Риггер-холле», и я задрожала, словно в меня вновь вцепился зверь, созданный из печалей.

Глава 18

Он спал крепко, лежа на боку; его лицо было спокойно. На скулах и лбу засохла грязь. Волосы слиплись от пота и пыли. Из-за покрывавшей лицо корки грязи морщины вокруг глаз стали глубже. Он действительно начинал стареть. Как и Гейб.

Я лежала на боку, закинув ногу ему на бедро. Он вспотел; мы оба были грязными, хотя я, кажется, никогда не потею. Я мягко провела пальцем по его щеке. В сумрачном свете блеснул черный молекулярный лак.

Он чуть шевельнул губами, продолжая спать. Впереди у нас длинный день. Теперь Джейс может быть кем угодно, одно ясно: он больше никогда не станет молодым.

Я нежно провела рукой по его волосам, отведя их со лба, по бровям, вниз по щеке, затем по подбородку. От Джейса пахло человеком, отмирающими клетками и медовым запахом энергии, могильной землей и потом.

«Я не могу быть той женщиной, которая ему нужна, — в тысячный раз подумала я. — Я даже не знаю, какая женщина ему нужна».

Но ведь я ни разу его об этом не спрашивала, верно?

Убрав руку, я медленно, очень медленно придвинулась к Джейсу, крепко прижавшись к его груди. И вот уже наши тела переплелись, превратившись в один сплошной клубок, состоящий из демона, некроманта и шамана.

Я чуть коснулась губами его губ.

Он вздохнул. Я вздрогнула. Все было не так, как с Джафримелем. Так у меня больше никогда не будет. По коже побежали мурашки, когда я вспомнила, как вскрикивала, утопая в сильных объятиях демона. Я ненавидела эти воспоминания, словно само тело восставало против мысли о другом любовнике. Клетки моего организма мутировали.

Я была абсолютно уверена, что смогу обойтись без секса; я даже могла сделать вид, будто получаю от него удовольствие. Я вспомнила, как было у нас с Джейсом раньше: секс превращался в продолжение поединка, в шахматную партию, в игру, где каждое прикосновение означало вызов, а выигрыш получал тот, кому удавалось заставить противника сдаться.

Секс как война, как игра — не это ли ему нужно? Не знаю. Я ни разу его не спрашивала.

Интересно, смогла бы я забыть, что он не Джафримель, если бы дошла до самого пика наслаждения? И что бы тогда было со мной, а что с Джейсом? Я вспомнила ослепляющее наслаждение, бешеный стук сердца, сбившееся дыхание, когда легкие, кажется, забывают, зачем они нужны, экстаз, который вливается в тело, как колючая проволока. Она была как тантра, та сексуальная магия, проникающая в самую глубину генов и психики, заставляя меня превращаться.

Превращаться. В кого?

Я снова приникла губами к губам Джейса. А что, если бы он умер? Переделать и его? Но зачем? Я не строила иллюзий относительно своей силы — мне все равно было далеко до Джафримеля, пусть даже он и падший. Сколько книг я прочитала в перерывах между разъездами, но так и не продвинулась ни на шаг. Я по-прежнему не знаю, кто я. И Джейса, скорее всего, изменить я бы не смогла, потому что ничего не знаю. Ничего.

Я ничего не знаю и не могу предать Джафримеля. Жуткая ситуация. Мне нужен Джейс. Я хочу быть к нему доброй, хочу, чтобы ему было хорошо, и все же...

Мое биополе задрожало. К дому кто-то быстро приближался на слике; я ощутила знакомый запах садовой земли, пива и пота.

Так и думала, что мы скоро увидимся.

Одним движением я выскочила из постели, на ходу подхватила одежду и бросилась в ванную. Было три часа дня — очень рано для тех, кто привык не спать по ночам. Пропустив визитера через силовую защиту, я включила душ, открыв до отметки «полная мощность»

только кран с холодной водой.

Чтобы смыть грязь и пот, мне понадобилось довольно много времени, но, когда я спустилась вниз, на ходу заплетая волосы, в прихожей его еще не было. Я открыла входную дверь.

Эдди привалился к стене, крепко сжимая в руках посох. В городе было всего три человека, которые могли пройти через защитные линии моего дома: Джейс, Гейб и Эдди. Больше защита никого бы не пропустила — я установила тройное поле. Как хорошо, что на свете есть три человека, которых я смело могу пускать в свой дом. Трое... друзей, готовых ради меня рисковать жизнью.

Как хорошо, что у меня есть мой долг и обязанности; без них я давно провалилась бы в омут. Какой омут, я и сама толком не знала, и все же, постоянно чувствуя его ледяное дыхание, я была искренне благодарна человеку, который сейчас спал наверху, женщине, которая втянула меня в эту историю, и Эдди, стоящему передо мной в прихожей.

Лохматый светловолосый Эдди с покатыми плечами и длинными волосами, пахнущий свежей землей, как все скинлины. Этот запах никогда не выветривался; казалось, крепкие пальцы Эдди способны возиться с землей, и больше ничего. И все же из всех моих спарринг-партнеров Эдди был самым опасным.

А как же иначе, если его подруга — сама Гейб.

На Эдди было длинное пальто из верблюжьей шерсти и футболка, туго обтянувшая волосатую грудь. Я молча посмотрела ему в глаза. Он ответил мне таким же долгим взглядом. Переминаясь с ноги на ногу, нервно перебрасывая посох из одной мозолистой руки в другую, Эдди заставлял вибрировать и тихо звенеть все защитные линии моего дома.

— Эдди.

— Дэнни. — Он передернул плечами. — Хочешь спросить, что случилось?

Я пожалала плечами.

— Ты что-то узнал? — Он промолчал, и мне почему-то стало стыдно. — Если не хочешь говорить, не надо.

Что я могла еще сказать? Говорить о школе ужасно не хотелось, и я просто тянула время. Из жалости к себе.

Но Эдди не приехал бы из-за пустяка. Если речь идет о спасении чьей-то жизни, он не станет меня жалеть.

Эдди был белый как мел.

— Нет, это очень важно, ты должна это знать.

Я кивнула.

— Подожди, я возьму меч.

— Раньше ты без него к двери не подходила.

«Раньше я не подпустила бы к своему дому даже тебя или Гейб, дорогой мой Эдди. А теперь я уже взрослая».

— Кто сюда полезет? А если такой придурок и найдется, то очень об этом пожалеет. Если, конечно, сможет взломать мою защиту.

Эдди удивленно поднял светлые брови.

— У тебя новый меч?

Тактичный мужчина, нечего сказать. Хоть бы Гейб научила его хорошим манерам, что ли.

— Просто я пришла к выводу, что жить без меча хреново.

— Аминь, — фыркнул Эдди.

Милый Эдди, всегда со всеми соглашается. Я друг Гейб и, стало быть, его друг. В этом весь Эдди Торнтон: если тебя признает Гейб, значит, он пойдет за тобой в огонь и в воду. Эдди никогда не притворялся, никогда не хитрил. Одно из двух: или он отдаст за тебя жизнь, или разорвет на куски. Третьего не дано.

О боги, как он мне нравился!

Я сняла Фудосин с крючка, на котором когда-то висел мой старый меч. Забросив на

плечо ремень сумки, на ходу сдернула с вешалки пальто.

— Мой слик во дворе. Пошли.

Глава 19

Мы направились в наш любимый ресторанчик на Поул-стрит. Даже странно, до чего он был славным. Этот ресторанчик никогда не менялся — все те же красные велюровые драпировки на стенах, все тот же старик-азиат за столиком в дальнем углу, который все так же прихлебывает чай, бросая на всех подозрительные взгляды, а возле него в пепельнице догорает сигарета, от которой к потолку поднимается струйка дыма. После двух мисок говяжьего супа с лапшой я начала понемногу приходить в себя.

— О'кей, — сказала я, подцепляя пластиковыми палочками рисовую лапшу.

Эдди оторвался от стакана с пивом и взглянул на меня.

В аквариуме с рыбками тихо журчала вода.

Набив полный рот лапши, я жевала ее, запивая мясным бульоном, и едва не причмокивала от удовольствия — еда стала для меня единственным источником наслаждения. Слава богам за мой быстрый метаболизм, иначе я давно заплыла бы жиром, как шлюха из Нью-Бьеткай.

Впрочем, удовольствие я получала и от беготни за преступниками, когда каждое задание становилось очередным кирпичиком в стене, которую я возводила между собой и тяжелыми мыслями, мучившими меня в часы вынужденного простоя.

Зато еда — совсем другое дело. Тут можно не думать.

— Лопаешь как поросенок, — поморщился Эдди.

— Кто это говорит? Человек, который вообще ест руками! — вспыхнула я. — Ладно, Эдди, выкладывай. Хочу знать, ради чего я бросила теплую постель.

— Теплую, говоришь? — ухмыльнулся он. — Что, Джейс наконец-то тебя уломал? Надеюсь, ему не пришлось напяливать на себя маску с рогами и прицеплять хвост?

Я положила палочки на стол. Целый год я училась пользоваться столовыми приборами, держа их в левой руке. Правая могла только одно — сжимать рукоять меча.

— Слушай, Эдди, — сказала я, и от моего голоса звякнула стоявшая на столе чайная чашка. — Немедленно прекрати, чертов придурок, или я за себя не ручаюсь. Говори, зачем звал?

— Затем. Мне кое-что известно.

Он побледнел. Опустив глаза, он залпом допил пиво. Внезапно мне до чертиков захотелось забыться. Проще всего было бы принять что-нибудь химическое.

Я молча взяла в руки тяжелую чашку из белого фарфора.

Эдди прищурился. Дрожащей рукой поставил на стол стакан с пивом.

— Я учился там, — буркнул он. — В «Риггер-холле».

Разумеется, я это знала. Он был немного старше меня. Как и Кристабель.

На лбу Эдди выступили крупные капли пота.

— Там была... одна тайна. — Его адамово яблоко дернулось вверх-вниз. — Я мало что знаю, но все же...

«В "Риггер-холле" было полно тайн, Эдди».

Я вновь ощутила прикосновение металла, услышала сухой шепот Мировича. Кашлянув, я опустила чашку на стол.

— Эдди, — прохрипела я.

Стакан звякнул. «Нужно взять себя в руки». Левое плечо заныло, словно соглашаясь.

— Anubis et'her ka, что ты с собой делаешь?

— Я сам знаю, что мне с собой делать! — сверкнув глазами, рывкнул он и откинулся на стуле. — Я не могу сидеть дома, и спать я тоже не могу, черт тебя подери, ведь люди умирают! Я должен что-то сделать.

Я пожала плечами. Сердце стучало — и от нетерпения, и от адреналина. Я вновь взяла

чашку.

Эдди отхлебнул пива.

— Странно, почему все это всплыло только сейчас. Я ведь там ни разу не был, в Черной комнате...

Я содрогнулась. Глаза Эдди были широко раскрыты, даже выпучены.

— Нет, я не о той Черной комнате, — торопливо поправился он. — Нет, так называлась тайна. Потому что они встречались в старом сарае у озера. Помнишь?

Я кивнула. В голове вновь раздалась дикие вопли призрака Кристабель, но я прогнала их прочь.

— Помню.

По телу побежали мурашки. «*«Черная комната», вспомни «Риггер-холл»!*» — вот о чем хотела сказать Кристабель.

Эдди смотрел на меня глазами ребенка, которому приснился страшный сон.

— Тебя сажали в клетку?

Он имел в виду «клетку Фарадея» — устройство, находившееся в одном из подземелий школы. Это подземелье предназначалось для телепатов, которым нужно было отдохнуть в каком-нибудь абсолютно изолированном от внешнего мира месте. Мирович превратил подземелье в камеру пыток. Псионы — особенно самые чувствительные — крайне болезненно реагируют на пребывание в закрытом пространстве; из-за недостатка внешних раздражителей, а, следовательно, и нервного возбуждения у них ломается психика. И если ты не телепат, то оказаться в запертой клетке — это все равно, что попасть в черную пустоту, где нет ни света, ни звуков, а главное — нет энергии, питающей магические и парапсихологические способности псионов. Это самый верный — как я убедилась — способ свести псиона с ума. Я, например, до сих пор не могу находиться в лифте — когда за мной закрываются двери, меня начинает бить дрожь.

Кабины лифтов напоминают мне клетку в Черной комнате Мировича.

— Четыре раза, — хмуро буркнула я.

— А меня два. Мне хватило.

— А мне бы никогда не хватило, — сквозь крепко стиснутые зубы процедила я.

«Если бы этот разговор происходил до Рио, я бы, наверное, раскрошила и проглотила собственные зубы».

Перед глазами встало мрачное подземелье и клетка, и еще — черная пустота, которая медленно пожирала разум и старалась забраться в него как можно глубже, чтобы не осталось ничего... «*Sekhmet sa'es*, Эдди». Я судорожно сглотнула. «Нужно собраться. Черт, Дэнни, да возьми ты себя в руки!»

— Та тайна... Кристабель была одной из них. Я не был, но у меня был друг.

Я ждала. Еще немного — и Эдди доберется до сути. Нужно только дать ему немного времени.

— Стив Себастьяно, — сказал он наконец и, кажется, покраснел.

Внезапно все встало на свои места. От удивления я разинула рот.

— Ты водил дружбу с Полиамур?

Полиамур — трансвестит, одна из самых знаменитых секс-ведьм. Говорили, якобы в постели она до того хороша, что ее не гнушались навещать шишки из правительства Гегемонии и даже некоторые паранормалы. Люди платили огромные деньги только за то, чтобы записаться в очередь. О Полиамур, которую в детстве звали Стив Себастьяно, и которая была на несколько лет старше меня, шептались по углам еще в школе. Я слышала, что ее опекала сама Персефона Стрекоза из Норлеана и жили они в Большом Плавучем Доме; потом Полиамур была отправлена в «Парадиз», согласно программе по обмену учениками.

Между прочим, одной из жертв маньяка была секс-ведьма. Очередной кусочек мозаики встал на свое место, и я вдруг почувствовала, как внутри у меня шевельнулось что-то похожее на интуицию.

Итак, первое звено найдено. Теперь дело пойдет быстрее.

«Слава богам. Я больше не могу смотреть на мертвецов».

Эдди пожал плечами, глядя в свой стакан.

— А что такого? Мы просто жили в одной комнате. Бастьян был одной из девок Мировича. Он трахал его по первому разряду.

«Секс-ведьма в «Риггер-холле»? «Трахал» — это еще мягко сказано».

— Ну еще бы. А что было потом?

Эдди взглянул на меня. Я увидела глаза насмерть перепуганного, страдающего ребенка, а не взрослого мужчины.

Мне тоже не нужно было смотреться в зеркало, наверняка мой взгляд примерно такой же. Глаза широко открыты, в них застыли ужас и мука.

— Мирович... — хрипло прошептала я. — Кто с ним разделался?

Скинлин пожал плечами.

— Не знаю. Знаю только, в этом были замешаны Бастьян и Кристабель. Это они узнали код.

— Назови его.

— «Тиг ведом деум».

Двумя большими глотками Эдди допил пиво. Он был весь в поту. Я чувствовала острый запах страха и человека. Интересно, ему нравится мой запах — корицы и амберного мускуса?

Левое плечо слабо побаливало.

— Все ясно: отрывок из Девяти Канонов. Песнь вторая, строка четвертая. — Я пошевелилась на стуле и взглянула на вторую миску с супом. Надо же, даже аппетит пропал. Есть над чем задуматься. — Используется как заклинание против духа усопшего, чтобы он не выходил из могилы.

— И против пожирателя, — добавил Эдди, сдвинув густые брови и обиженно глядя на стол.

— Ты хочешь сказать, один из учеников школы был пожирателем?

«А при чем здесь убийства? Мировича больше нет. Школа закрыта».

— Не знаю, Дэнни, — с несчастным видом сказал Эдди.

Я могла его понять.

— Ты вообще много чего не знаешь.

От расстройства я произнесла это слишком резко. Чайная чашка тихо звякнула; я глубоко вздохнула. В воздухе, словно маленькие щупальца, плавали сгустки энергии.

«Я могла бы сказать и резче. Ибо я стала намного сильнее».

Подумала — и сразу отбросила эти мысли. Зачем мне еще одна проблема?

Эдди бросил на меня быстрый взгляд, явно избегая смотреть в глаза. У меня сжалось сердце.

— Не наезжай на меня, Дэнни. Я рассказал тебе все, что знал. А теперь иди и прикончи эту сволочь, чтобы я мог вернуться домой и спокойно лечь спать.

— Ты-то чего боишься? Ты же ничего не сделал.

Он пожал плечами.

— Похоже, эта сволочь не выбирает, раз он первым убил нормала.

«Спасибо тебе, Эдди».

Наконец-то я поняла, что меня тревожит. Почему убийца начал именно с нормала? В качестве тренировки? Вряд ли. Тот, кто знает глифы пожирателей и имеет достаточно энергии, чтобы пользоваться магическими кругами церемониалов, не станет тратить время на тренировки. Чем больше у тебя силы, тем сильнее действует заклятие — даже если ты им пользуешься впервые.

— Ну да, если этот нормал был действительно нормалом.

Нет, коронер сумел бы определить, что убитый был псионом. Уставившись на чашки с супом, я рассеянно начертила на столе глиф. Остроконечный, текучий глиф,

принадлежавший другому магическому языку.

Знак на моем плече обожгло огнем. Интересно, если я буду продолжать в том же духе, я смогу что-нибудь выяснить? Целый год тоски не принес мне ничего, кроме горя.

«Приди в себя, Дэнни».

— К чему ты клонишь, Эдди?

— Похоже, кто-то прячет концы в воду. Я звонил Бастьяну. Он готов с тобой встретиться в любой день. — Эдди заерзал на стуле. — А ты похорошела, девочка.

— Спасибо, — сухо и чуть насмешливо сказала я. — Значит, ты устроил мне личное свидание с Полиамур? Интересно, насколько близкими друзьями вы были?

Он снова покраснел. Никогда не думала, что Эдди способен краснеть, как мальчишка. Вот и отлично — я и раньше намеревалась встретиться с Полиамур, а теперь все упрощается.

— Достаточно близкими.

Взяв в руки второй стакан пива, Эдди осушил его одним глотком и со стуком поставил на стол, после чего мрачно взглянул на два пустых стакана. Взгляд его темных глаз затуманился, уголки рта опустились.

— Хочешь еще? — неожиданно мягко спросила я.

— Нет. Дэнни...

Он нервно барабанил пальцами по столу.

— Что?

Впервые за много месяцев мне не хотелось есть. Отодвинув миску с супом, я отпила немного чая.

— Ничего. Просто... будь осторожна.

Я коротко и хрипло рассмеялась.

— Я когда-нибудь была осторожна, Эдди?

«Никогда бы не подумала, что Эдди лично знаком с одной из самых известных секс-ведьм-трансвеститов во всей западной Гегемонии, да еще и устроит нам встречу. Все-таки мир полон чудес».

— Была, в юности, — сказал Эдди и несмело улыбнулся.

— Может быть. В юности. — Поставив чашку на стол, я взяла Эдди за руку. — Спасибо тебе, Эдди. Знаешь, я...

Я замолчала. Если мне до сих пор снится в кошмарах «Риггер-холл», значит, и ему тоже.

И если я, вспоминая об этой школе, валялась в грязи, заливаясь истерическим смехом, то, что же происходит с ним? Может быть, хватит страданий? Для нас обоих?

— Знаю.

Эдди взглянул на мою руку, затем перевел взгляд на лицо. Мягко погладил меня по руке кончиками пальцев. Судорожно сглотнул.

— Наверное, я теперь смогу уснуть, Дэнни.

Он дотронулся до меня впервые. Мы, псионы, очень не любим, когда к нам прикасаются.

У меня сжалось горло. Сглотнув, я твердо сказала:

— Я поймаю его, Эдди. Или ее. Кто бы он ни был. Клянусь.

Он убрал руку.

— Да. Поймай. Хочешь один совет? Когда поймаешь, не оставляй в живых. Все, что исходит от «Риггер-холла», нужно обязательно умертвлять.

«Я так и сделаю, Эдди».

— Включая нас? — с хитрым видом спросила я.

Эдди встал и вышел из-за стола. Дотронулся до своего персонального датчика, затем взглянул на меня.

— Иногда мне кажется, да. Но стоит мне взглянуть на Гейб, как я уже не так в этом уверен.

Я не нашла что ответить. Эдди направился к двери; я молча смотрела ему вслед. Затем

взглянула на свой датчик и обнаружила, что Эдди заплатил за нас обоих.

Очень мило. «О Эдди».

Вздохнув, я набрала в рот чаю и прополоскала им рот, чтобы избавиться от мерзкого привкуса страха. Впрочем, чтобы смыть этот привкус окончательно, мне понадобится кое-что по сильнее, чем самый крепкий чай.

Глава 20

Я приземлилась на заднем дворе с лязгом и грохотом. Пора нести слик в ремонт. У ворот перед главным входом, поблескивая оптическими приборами и тарелками спутниковой связи, стояли фургоны репортеров, готовые в любой момент засечь звук моих шагов. А не устроить ли пресс-конференцию? Конечно, она ничего не даст, зато позволит отсрочить то, что мне предстоит сделать.

Я вошла через заднюю дверь. Джейс надевал футболку и застегивал джинсы. Его золотистые волосы, уже чисто вымытые, все равно торчали во все стороны.

— Привет, детка. Что сказал Эдди?

Я покачала головой.

— У тебя есть кофе? Мы немедленно едем к Полиамур.

Джейс хмыкнул.

— Не думал, что тебе нравится секс за деньги, детка. Да еще с бабой.

Скорчив гримасу, я показала Джейсу язык, и он рассмеялся, а у меня в который раз защемило сердце.

— Похоже, Эдди ее давно знает. Они вместе учились в школе. А Поли может что-то знать об учениках, которые вывели Мировича на чистую воду.

«Значит, это все-таки правда, а не слухи. Интересно, что еще может оказаться правдой?»

— Отлично.

Джейс налил мне кофе. Я взяла чашку двумя руками, радуясь ее теплу и тому, что кто-то обо мне заботится.

— Думаешь, он из-за этого тебя вызывал?

В тоне Джейса сквозило плохо скрываемое любопытство.

— Какая разница? Главное, у нас теперь есть за что зацепиться. Эдди нервничает, говорит, если убийца начал с нормала, значит, ему все равно, кого убивать.

Я уставилась в чашку. Мне всегда нравилось, как Джейс готовит кофе, — он получался у него особенно крепким.

— Узнаю этот взгляд. — Джейс облокотился на кухонный стол.

Светало.

— О чем задумалась, Дэнни?

«Действительно, о чем? Как медленно движется расследование. Я должна была что-то понять уже давно».

— Почему он пользовался закрытым трастовым фондом? Откуда у него система энергетической защиты, если он нормал?

Джейс кивнул, барабанил пальцами по рукояти меча. Затем отхлебнул кофе и поморщился, словно обжегся.

— Да, все это странно. А кто он такой, этот Келлер?

Я пожала плечами.

— Может, Полиамур знает.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой? — удивленно приподняв брови, спросил Джейс.

Затем снова отхлебнул кофе и снова поморщился — он любил, чтобы кофе был раскаленным.

— Конечно. Я слышала, Поли обожает хорошеньких мальчиков. — Я улыбнулась, склонив голову и глядя на него. — Тебе она скажет больше, чем мне.

— Выходит, я тебе нужен ради моей внешности, — усмехнулся он.

— Да. А что в этом такого?

Я очень старалась, чтобы моя улыбка выглядела как можно натуральнее.

— Ничего. — Он тоже широко улыбнулся. — Валяй, я не возражаю.

Сундучок лежал посреди столовой, весь измазанный пылью и грязью. Остановившись в дверях, я уставилась на него, как мангуст на ядовитую кобру. Джейс не спрашивал меня, что находится в сундуке.

Я ждала, когда появятся первые, жемчужно-серые проблески зари. Вдалеке нарастал шум большого города; Сент-Сити просыпался, готовясь к новому дню. Я все еще ждала, глядя на серый металл так, словно в любую минуту он мог заговорить. Джейс стоял у меня за спиной, сгорая от любопытства, но ни о чем не спрашивая.

Почему мне так тяжело? «Риггер-холл» остался в прошлом. Или нет?

Вот именно. Может быть, прошлое ушло от меня вовсе не так далеко, как я надеялась.

Я взглянула на гобелен на западной стене. Изида сложила руки, словно от кого-то защищаясь, свирепые глаза Гора смотрели сурово. Боги не хотели в этом участвовать... но и не пытались меня остановить. Во всяком случае, они желают знать, что будет дальше.

«Как-то все это неудобно, гадко, что ли». Наконец я глубоко вздохнула. Два алтаря — большой и малый — тихо гудели от волн энергии, энергетическая защита дома находилась в полной готовности. Мне ничто не угрожает. Я дома, в своем убежище.

«Здесь мне ничто не угрожает». Я судорожно сглотнула. Сундук глумливо ухмылялся, глядя на меня. «Ну хорошо же».

Левое плечо продолжало болеть. Шрам пульсировал и словно перемещался с места на место. Осторожно ступая, словно земля могла уйти у меня из-под ног, я подошла к сундуку.

Опустилась перед ним на колени, подложив коврик, на котором обычно медитировала. Нужно дышать как можно глубже и ровнее. Замок — я использовала свою энергию — открылся с легким щелчком, как челюсти застывшего трупа.

Чтобы зубы не стучали, я крепко их сжала. «Я сильная. Я выжила». Отложив в сторону замок, я медленно приподняла крышку; ржавые петли заскрипели, словно издали вопль.

«Валентайн, Д. Ученицу Валентайн просят срочно зайти к директору».

Горящие глаза одноклассников. Все с ужасом смотрят на меня, тихо радуясь, что назвали не их имя. Я медленно поднимаюсь и откладываю в сторону потрепанный учебник по теории магии; крысиное личико учителя — Эмброуза Рота, церемониала, одного из худших учителей школы, — начинает светиться от любопытства, его серые волосенки стянуты на затылке в пучок, аура приобретает геометрические очертания и окрашивается в голубой цвет. Я плетусь к двери, и Рот провожает меня взглядом, от которого в спину словно впиваются острые крысиные зубы.

По скрипучей лестнице я спускаюсь в главный зал; ошейник слишком тяжел для моей детской шеи. Я мучительно стараюсь придумать хоть что-нибудь, любой предлог, чтобы избежать избиения или того, что еще хуже.

Но в «Риггер-холле» обычным делом было именно то, что «еще хуже».

Дрожащими руками я откинула крышку сундука.

— Клянусь Чанго, Дэнни, ты совсем бледная, — прошептал Джейс. — Не трогай ты этот сундук, не надо.

«Нет, надо». Я заглянула внутрь.

На самом верху лежал металлический ошейник.

По спине пробежала дрожь. Плечо заныло от боли, но я была этому даже рада. Не дает забываться. Впрочем, бывала я и в худших переделках. Например, я убила Сантино. И встречалась с самым дьяволом. И не боюсь осколков своего прошлого. Плевать мне на дрожь, которая сотрясает все тело.

— Ошейник, — испуганно прошептал Джейс.

Все псионы ненавидят даже мысли об ошейниках. Считается, что ошейники защищают нормалов от нас, но от мертвяков вроде нас такая защита не поможет. Нормалы составляют абсолютное большинство населения, что бы там ни показывали в сериалах. Нормалы заказывают музыку, под которую обязаны плясать те, кто наделен талантом. Когда нормалы видят надетые на нас ошейники, им вроде бы становится спокойнее.

Знали бы они, что это такое — носить ошейник!

— Заткнись, Джейс, — дрожащим голосом сказала я; линии защиты тихо зазвенели и напряглись, словно мне угрожала опасность.

Я глубоко вздохнула и шевельнула плечами, стараясь сбросить напряжение.

Кусок темного металла со встроенным электрошокером не подавал ни малейших признаков жизни. Когда он не подключен к энергетической сети школы, он безопасен. И все же я держала его осторожно, словно он был живой, подцепив на кончик ножа. Я помнила жуткую боль, которую он причинял — против включенного ошейника у псиона не было защиты. Ошейник воспринимал многие виды энергии; учителя пользовались им, когда нужно было навести в классе порядок. Смысл ошейника был в том, чтобы не позволить псиону причинить кому-нибудь вред, пока он не научится контролировать свой дар.

Возможно, это была и неплохая идея, но, как все неплохие идеи, она попала в руки к плохим людям. Стоило ошейнику сработать, как ты получал электрический разряд такой силы, что тебя подбрасывало, как на электрическом стуле. Впрочем, следов после удара не оставалось — видимых следов, разумеется.

Под ошейником лежала грязная зеленая тряпка — длинный кусок ткани из искусственной шерсти, отрезанный от школьного одеяла. Я с отвращением отбросила его в сторону, продолжая нервно поглядывать на ошейник.

Моя школьная форма. Клетчатая юбка, белая, пожелтевшая от времени хлопчатобумажная блузка, гольфы и тяжелые башмаки, которые я ненавидела. Голубой блейзер с вышитым на груди золотым крестиком — значком школы «Риггер-холл». Все остальные школьные формы я уничтожила, но эту решила оставить — она была на мне, когда комиссия Гегемонии закончила расследование, и Мирович был посмертно признан виновным. После окончания расследования нам разрешили носить обычную одежду, а в школу каждую неделю начали наведываться социальные педагоги. С нас сняли ошейники, но неожиданные визиты различных комиссий по-прежнему продолжались. Когда был выпущен мой класс, новая директриса, по имени Стейбнау, настояла на закрытии школы. Младших учеников распределили по другим школам Гегемонии. Надеюсь, там им было лучше.

Я бережно поднимала каждую вещь и осторожно откладывала ее в сторону. Джейс молчал.

В моих глазах стояли слезы, но я сдерживалась. Постепенно во мне начинала расти злость. Вот и прекрасно, по крайней мере, перестану задыхаться.

Под школьной формой — книги. В основном школьные учебники, каждый в коричневой бумажной обложке, украшенной нацарапанными ручкой глифами, числами, записями. Одиннадцать тонких книжек, на корешке каждой — надписи золотыми буквами.

Школьные журналы-ежегодники.

Я бережно вынула стопку из сундука. На дне остались кое-какие дешевые побрякушки и плюшевый медвежонок, который смотрел на меня, поблескивая пластмассовыми глазками.

Этого медвежонка мне подарил Льюис.

«Я выжила, черт бы меня взял. Выжила, потому что не сдалась и была такой сильной, что не боялась смотреть в глаза смерти. Хватит ныть, Данте Валентайн. Возьми себя в руки и займись делом, как поступала всю жизнь. Давай. В первый и последний раз».

Я заранее решила, что взгляну на свои вещи только один раз. Один раз — и все. У меня хватит сил. Я проглотила скопившуюся во рту желчь. Кольца сверкали, отбрасывали искры. Плечо заходило от боли. Я сделала глубокий вдох, чувствуя запах пыли и плесени.

По спине побежали струйки крови, которых не было.

На самом дне сундука лежала единственная в моей жизни вещь, которую я украла. Длинный и гибкий хлыст из натуральной кожи, с металлической ручкой, на которой еще виднелись бурые пятна.

Пятна крови.

Джейс охнул. Я дотронулась до хлыста пальцем, и руку дернуло, словно током, — я ощутила боль, страх, болезненное возбуждение. Я отдернула руку.

— Роанна, — прошептала я. — Она была седаин. Хотела рассказать социальному работнику, что происходит в нашей школе, но этот идиот ей не поверил и обо всем доложил директору. — Я говорила ровным, безжизненным голосом. — Мирович забил ее почти до смерти, после чего выгнал из школы, записав в бридеры. Она покончила с собой — бросилась на проволочное ограждение, когда сработал ее ошейник.

— Дэнни... — срывающимся голосом прошептал Джейс.

Я провела рукой по щеке и оскалилась, словно перед боем. Затем швырнула в сундук книги, школьную форму и зеленую тряпку. Подцепив кончиком ножа ошейник, бросила его в общую кучу. Захлопнула крышку сундука и, поморщившись от противного скрипа петель, смогла наконец вздохнуть. Мой вздох прозвучал как рыдание. Затем я защелкнула замок; в тишине щелчок прозвучал очень громко. Убрав нож, я подняла стопку журналов.

— Будь добр, освободи стол в гостиной, — попросила я Джейса и направилась к выходу.

Джейс стоял бледный, плотно сжав губы; его глаза горели. Воздух вокруг него кипел от ярости, аура Джейса стала прозрачной, по ней проносились острые, словно пики, вихри. Но он спокойно ответил:

— Это делали и с тобой, да? А я-то все думал, кто тебя так запугал?

Запугал? Вот это странно. Разве я похожа на трусиху? Всю жизнь я дралась. В книгах, которыми меня щедро снабжал Льюис, я вычитала: единственный способ побороть страх — это вступить с ним в бой. «Пусть тебе страшно, — услышала я голос Льюиса, — а ты все равно делай свое дело. Вот, смотри, что написано в этом отрывке».

— Один раз меня били кнутом. Четыре раза сажали в клетку. Выжгли на мне клеймо. И я считаю, мне еще повезло.

«Повезло в том, что я не сломалась. В том, что со мной не произошло ничего более страшного. Такого, чего я не смогла бы вынести, Джейс».

— Повезло, ничего не скажешь! — Аура Джейса пылала яростью. — Дэнни...

— Расчисти стол, Джейс. Чем скорее мы с этим покончим, тем скорее я смогу все это убрать.

«И, клянусь Анубисом, я этого жду не дожусь».

Джейс уставился на меня, затем резко повернулся и, бесшумно ступая, вышел. По его осанке было видно, что он едва сдерживается. Джейс был в ярости. Таким я видела его всего дважды, и каждый раз его ярость приводила меня в восхищение. Интересно, будет третий раз или нет? Надеюсь, нет.

Если он совсем съедет с катушек, придется подраться с ним на мечях, чтобы сбросить напряжение, а сейчас мне этого очень не хочется.

Я отнесла журналы в гостиную. Джейс освободил на столе место. Книги по демонологии и теории магии, мои бумаги, талисманы Джейса — все было бесцеремонно свалено в кучу. Я положила журналы на стол и глубоко вздохнула.

— Кого будем искать? — спросил Джейс, почтительно положив на стул «Demostia Demontia»⁶ Тирли.

Я взяла кусок тончайшего пергамента с изображением глифа, похожего на глиф на моем плече; рисунок на пергаменте повторялся и повторялся в разных вариациях. Надо же, а я и не заметила, что рисовала его.

Как все-таки хорошо, что у меня есть Джейс. Стараясь говорить спокойно, я

⁶ Возможно, имеется в виду «Democratia Demontia» («Демократия безумцев»).

произнесла:

— Ну вот, после визита к Полиамур у нас появятся новые имена. А пока я хочу знать, был ли в классе Кристабель ученик по имени Келлер. Ты не принесешь мою сумку? Хочу посмотреть, есть ли сейчас в городе кто-нибудь из церемониалов.

— Хм. Почему церемониалов? Думаешь, они могут иметь отношение к убийствам?

Колдуны-церемониалы были не так малочисленны, как некроманты, и не так многочисленны, как шаманы. Они пользовались Девятью Канонами и Семью Печатами, заряжая энергией предметы, работали с талисманами, занимались охраной корпораций, не говоря уже о теоретических и практических исследованиях в области магии и энергии. Большинство школьных учителей были колдунами-церемониалами.

Но было и более простое объяснение, почему я решила выяснить, кто из церемониалов находится в городе. Увидев встревоженные глаза Джейса, я улыбнулась — правда, улыбка получилась не очень естественной.

Хочу выяснить, не стал ли кто-нибудь из них пожирателем.

Из всех детей-псионов именно церемониалы, которые больше других занимались научными разработками в области энергии, часто превращались в пожирателей, став взрослыми. И если мы имеем дело с пожирателем-церемониалом, который взялся преследовать бывших учеников «Риггер-холла», значит, опасность угрожает всем псионам города.

И тогда мне понадобится помощь.

Глава 21

Мы просматривали третий журнал, когда зазвонил телефон. Я потянулась, зевнула и зашлепала на кухню. Джейс занес в свой компьютер очередное имя. В окна струился полуденный свет. Усевшись боком на стол, я взяла трубку.

— Да?

Щелчок, затем пауза, словно нас соединяли через секретаря. По спине пополз холодок, будто тело само догадалось, кто это звонит.

— Данте Валентайн. Как приятно вновь услышать ваш голос!

Тело застыло, словно кусок льда. Во всем мире есть только одно существо, которое способно меня напугать.

Мягкий, как шелк, вкрадчивый голос пробирал меня до костей. Как я была рада, что мой телефон не оснащен экраном! Если бы сейчас я увидела Князя тьмы, пусть и на экране, то, наверное, сошла бы с ума.

Письмо. Я же бросила его в корзину для бумаг. Я ничего никому не должна, и, значит, Люциферу вовсе не нужно со мной беседовать. Я сделала все, о чем он меня просил, теперь мы в расчете. Я вопила, когда Джафримель рассыпался в прах у меня на руках. Неужели этого мало? Неужели ему нужно что-то еще?

И почему он мне звонит, вместо того чтобы прислать очередного демона? Ведь послал же он ко мне Джафримеля, когда нужно было убить Сантино, прекрасно зная, какие у меня счета с этим подонком.

«Да защитит меня Анубис». От страха во рту появился привкус железа. «А что, если Люцифер замешан в убийствах?»

Правая рука сжалась, вцепившись в край стола, длинные ногти царапнули по гладкой поверхности.

— Кто это говорит? — сухими губами прошелестела я, внезапно вспомнив железную хватку Люцифера, едва не переломившего мне шею. — Какого черта вам нужно? Оставьте меня в покое!

— Вежлива, как всегда.

В голосе Люцифера слышалась насмешка. Век бы его не слышать.

— Мне нужно поговорить с вашим любовником, но, к сожалению, общаться с ним

обычным способом я не могу. На мое официальное послание вы не ответили, поэтому пришлось воспользоваться средством связи, принятым у людей.

«Какого черта он городит? С моим любовником? Он что, подглядывал за мной?» Меня бросило в жар, затем снова в холод; соски сжались, кожа похолодела и натянулась, как ледяная перчатка.

— Кто меня разыгрывает? — Я физически ощущала, как нарастающий гнев смывает с души смертельный ужас. — Послушайте, у меня нет времени.

«Люцифер, мерзавец, ты же убил Джафримеля, а теперь звонишь, чтобы напомнить мне об этом? Думаешь, я отдам тебе Джейса? Держи карман шире. Кроме того, он мне не любовник. Хотя тебя это, старый ты мешок дерьма, не касается». От моего резкого голоса звякнула посуда в шкафу, завертелись вихри энергии.

Но из головы не выходила мысль: «О, милостивые боги, неужели Люцифер замешан в убийствах?» От этой мысли мое тело застыло, словно ледяная глыба.

Если к убийствам имеют отношение демоны, я пропала. Но на теле Кристабель не было следов демона, от него не пахло специями и темным огнем.

Последовала пауза.

— Я не понимаю. Вы хотите сказать, что не воскресили своего любовника?

В голосе Князя тьмы слышалось крайнее удивление, даже больше — потрясение.

Ничего не скажешь, шокировать демонов я научилась.

— Воскресила? — хрипло каркнула я.

Какого черта, что он говорит? Джейс жив, а если бы я могла воскресить Джафримеля, то давно бы это сделала.

Я тряхнула головой. Демоны — ужасные лгуны, и Князь тьмы — не исключение. Сначала он присылает мне маленькое любовное послание, а теперь, чтобы окончательно вывалить меня в грязь, устраивает еще и телефонный разговор. Нет у меня на все это времени, и точка, тем более что сейчас я гонюсь за призраками из своего детства, которые только и думают, как бы со мной разделаться.

— Убирайтесь, — сказала я, пытаюсь придать своему голосу твердость. — Я вам не нужна, и вообще я не девочка на побегушках. Джафримеля больше нет, и вы ему уже ничего не сделаете. Радуйтесь, что я не стала вас преследовать за похищение Евы. А теперь, будьте любезны, оставьте меня в покое, мне нужно работать и ловить убийцу.

Я швырнула телефонную трубку с такой силой, что едва не расколотила аппарат.

Мне ужасно хотелось снять ее снова, чтобы проверить, слушает он меня или нет. Мне хотелось закричать, хотелось вызвать оператора. «Алло, это центральная? Преисподнюю, пожалуйста. Передайте Люциферу, что я к его услугам, если он вернет мне Джафримеля. Скажите, я сделаю все, что он захочет, только бы не быть одной».

От ярости в голове родились новые слова:

«И еще скажите ему, если он взялся за убийства, то пусть читает молитвы. Он и так разбил мне жизнь, а если еще и начал убивать некромантов, я его на куски разорву. У меня с тобой свои счета, Иблис Люцифер».

Но, несмотря на все эти смелые слова, спасти дочь Дорин я не могла. Я молча смотрела на телефон, умирая от желания схватить Люцифера за горло. Зачем он позвонил? Бросил меня в Рио страдать оттого, что я не могу вернуть к жизни Джафримеля и не могу спасти Еву. Тот факт, что Ева была демоном-андрогеном, а значит, никогда бы не выросла, меня не беспокоил. Призрак Дорин просил меня спасти дочь, и я пыталась это сделать.

Пыталась — и потерпела неудачу. Ева в руках Люцифера. Теперь мне ее никогда не найти. Слабое утешение.

«Потерпела неудачу». Как и с Джафримелем, который лежал на мраморных плитах под жарким солнцем Нуэво-Рио, мертвый, покинувший меня. Огромным усилием воли я заставила себя не притрагиваться к знаку на левом плече; от этого я покрылась потом и начала дрожать.

Сильно прикусив нижнюю губу, я наслаждалась болью, возвращавшей меня к

рациональной действительности. Жаль, конечно, только все рациональное к демонам не относится. «Все, хватит. Ты Люциферу не прислуга, ты свободный человек. Ничего он тебе не сделает».

Ложь. Стоит дьяволу захотеть, и от меня мокрого места не останется.

— Дэнни! — окликнул меня Джейс.

Я попятилась от телефона, не спуская с него глаз, словно он мог на меня наброситься. Учитывая все, что мне удалось узнать о демонах, такое было вполне возможно.

— Дэнни! Кто звонил?

Я кашлянула.

— Никто. Ошиблись номером, — хрипло ответила я.

«Ну да, ошиблись. Да еще и письмо, которое я тебе не показала».

Тишина. Я ждала, зазвонит ли телефон. Он не зазвонил.

«Оставь меня в покое. Оставь в покое Джейса, оставь в покое мой город. Ты убил Джафримеля и украл Еву, так оставь меня в покое или помоги...»

Что я могла сделать? А ничего. По телу бегали мурашки. Я судорожно вздохнула. Сейчас мне нет дела до демонов. «Будем считать, что он просто решил со мной поиграть. Как ты на это смотришь, Дэнни? Решил меня помучить, просто чтобы показать, кто здесь хозяин. И что следит за мной на тот случай, если ему вновь понадобится глупая кукла».

Наконец я немного успокоилась. Интересно, зачем Люциферу понадобились эти игры именно сейчас? Уже целую неделю я ни разу не гадала, а когда и гадала, то карты не показывали присутствия демонов.

Однако в последний раз тоже не было предупреждения о демонах. Но письмо с его кроваво-красной печатью...

«Не думай об этом, Дэнни, иначе станешь параноиком. Тебе это нужно? Параноики не способны трезво мыслить».

Ну и что, зато живут себе не тужат, да еще и лучше иных отчаянных голов. Кроме того, если Люцифер решил меня найти, значит, он все хорошенько обдумал. Сел и как следует все обдумал.

— Дэнни, кажется, я что-то нашел, — сказал Джейс.

Сглотнув, я отвернулась от телефона.

И тут он зазвонил вновь. Один звонок, второй, третий. «Нет!» У меня дрожали руки.

— Дэнни!

Послышался скрип стула; Джейс встал и собирался подойти ко мне.

Я схватила трубку; в моей ауре вспыхивали малиновые искры — некромантка была в ярости.

— Слушай, ты, сукин сын... — начала я, и от моего голоса зазвенела посуда в шкафу, с полки упала кружка и со звоном разбилась о деревянный пол.

— Дэнни! — раздался в трубке голос Гейб. — Какого черта? У вас все в порядке?

Я сглотнула. В кухню с пистолетами в руках ворвался Джейс.

— Все в порядке, — сказала я им обоим.

Рот был словно забит раскаленным песком.

— Что у тебя, Спуки?

— Ребята, по коням! У нас еще один труп.

Гейб старалась говорить беспечно, но ее выдавал голос. Я почти видела ее бледные щеки, дрожащие губы.

— Где? — спросила я и кивнула Джейсу, который одним движением уже убрал пистолеты в кобуру.

Затем он обвел взглядом кухню и вопросительно взглянул на меня.

— На углу Четвертой и Тривизидеро, кирпичный дом с живой изгородью. — Теперь понятно, почему Гейб так нервничает — это же рядом с ее домом. — Приезжай скорее, мы сюда никого не пускаем, ждем тебя.

— Буду через десять минут. — Я бросила трубку. — Поехали, Джейс.

— Ты сначала взгляни вот на это. Слушай, с тобой все в порядке?

Скользнув глазами по моему лицу, Джейс посмотрел вниз, на разбитую кружку. Это была голубая кружка фирмы «Бостоу». Та самая, которую любил Джейс, та самая, которую выбрал Джафримель, когда я решила угостить его кофе.

«Anubis et'her ka. Лучше об этом не думать».

— Ну что у тебя?

Я осторожно провела по горлу кончиками пальцев; ногти, которые в любой момент могли превратиться в когти, слегка покалывало. Правая рука так и чесалась от желания схватиться за меч, и от этого мне почему-то стало жутко. Меня даже перестало радовать, что рука больше не сжимается в кулак.

— Я тут решил посмотреть школьный ежегодник, который вышел еще при Мировиче; в тот год ваш директор погиб. Как ты думаешь, кто входил в редколлегия?

Джейс перевел вопросительный взгляд с осколков на мое лицо. Он не стал меня ни о чем спрашивать, за что я была ему очень благодарна.

— Кто?

— Кристабель Муркок.

Глава 22

Полагаю, репортеры хотели получить от нас хоть какие-нибудь сведения. Чтобы избежать разговора с ними, пришлось лететь. Но трудно разговаривать, когда мчишься на слике, и в ушах свистит ветер. Поэтому мы решили поехать на воздушном авто — ховере. Вслед нам зацелкали вспышки фотокамер. Я выглянула в окно и усмехнулась. Джейс вел машину, а я просматривала журнал за восьмой год моего пребывания в школе.

— Посмотри страницу пятьдесят шесть, — сказал он, и я принялась быстро перелистывать тяжелые пергаментные листы. — Там есть фото Муркок.

Кристабель Муркок, известная как Худышка. Она улыбалась мне с нескольких голографических снимков — десятилетняя школьница с длинными темными волосами и широко посаженными темными глазами. Хорошенькая, только очень уж худая; из-за этого скулы выпирают, личико в форме сердечка кажется слишком длинным. Пухлые, красиво очерченные губы, брови вразлет. На фотографии была только голова Кристабель, все остальное не поместилось, виднелся лишь кусочек воротничка.

Под фотографией — карта интересов Кристабель, включая сказочную магию церемониалов, и маленькая черная пометка, похожая на пиковую масть. Я потеряла ее пальцем, приняв за грязное пятно, но пометка осталась.

— Что это, черная метка?

— Посмотри страницу пятьдесят восемь. Стивен Себастьяно.

Руки Джейса скользнули по кнопкам управления, и наш ховер влился в общий транспортный поток. Меня сильно вдавило в кресло, и я судорожно сглотнула.

«Как, неужели вы его не воскресили?» — сверлил мозг бархатный, ласковый голос Люцифера.

«Воскресить демона? Это невозможно. Да, но ведь все это время я только и делала, что искала ответ на вопрос: в кого превратил меня Джафримель. И ни разу не подумала о том, чтобы... Выходит, я могла его вернуть, так?»

Так? Я хочу его вернуть. Я хочу вернуть всех, кто умер. Всех, кого я любила.

И это говорю себе я, которая, как никто, понимает конечность смерти. Все это лишь детские капризы.

— Дэнни!

Я вздрогнула и захлопнула журнал, не став смотреть на снимок Себастьяно.

— И прониливый же ты черт, — с притворным восхищением сказала я. — Отлично, Джейс. Я бы не догадалась. А ты смотрел...

— Нет, списка я еще не сделал. Хотел сначала выяснить, что может быть общего

между Кристабель и Полиамур.

«В тот год, когда погиб Мирович, Кристабель входила в редколлегию журнала. И сделала черную пометку? Если да, то она поступила глупо. С другой стороны, когда журнал был готов к выпуску, Мировича уже не было в живых, да и расследование уже заканчивалось. Может быть, эта пометка ничего не значит. Во всяком случае, она наша единственная зацепка».

— Интересно, кто живет на Тривизидеро? — сказала я, выглядывая из окна.

Под нами проплывал город, серый от бетонных строений с яркими вкраплениями выкрашенных реактивной краской стоянок для хOVERов; вдоль Лоссернач-стрит выстроились громадные жилые небоскребы. При желании я могла бы разглядеть линии энергии, протянувшиеся вдоль улиц и зданий, и зеленое свечение садов и деревьев, которым удалось выжить. И под всем этим медленно билось радиоактивное сердце города, кипя в бело-ледяной массе энергии.

— Гейб, — ответил Джейс, и наш хOVER, вывалившись из общего потока, пошел на снижение.

— Гейб не училась в «Риггер-холле». — Я быстро пробежала глазами остальные страницы журнала, проверяя, нет ли где еще черных пометок. — Придется составлять список.

— Приехали, — сказал Джейс. — Дэнни, а кто тебе звонил?

«Сам дьявол, Джейс».

— Никто, — буркнула я и машинально потерла ноющее левое плечо. — О боги, до чего больно.

«Неужели вы его не воскресили?»

— Ладно.

Нас уже проверяли полицейские датчики. Джейс приземлился на дорожке, ведущей к неприметному кирпичному дому. Я отлично помнила это место — его было хорошо видно от дома Гейб. Дом был обсажен пышными кустами остролиста, за которыми виднелись стены, исписанные странными геометрическими рисунками церемониалов. Рядом стояли полицейские хOVERы, среди которых был и черный хOVER коронера.

— Отлично, — сказала я и открыла дверцу. — А знаешь, этот гроб не такой уж и бесполезный.

Скрипнув амортизаторами, машина мягко опустилась на землю. Джейс заглушил мотор. Я выпрыгнула из хOVERа.

Дом был высоким — в три этажа — и каким-то заброшенным. Вокруг него был разбит небольшой сад, в основном декоративный. Я разглядела несколько розовых кустов и одну араукарию. Мокрая крыша, выложенная новой черепицей, поблескивала в лучах полуденного солнца. На подъездной площадке, покрытой щербатыми белыми плитками, топтались полицейские в голубой униформе; еще двое стояли на широком гранитном крыльце, охраняя массивную входную дверь; я увидела знакомую фигурку Гейб, которая, шурясь от яркого солнца, смотрела на нас. Гейб подняла руку, и один из дежуривших у двери полицейских отошел в сторону.

У меня затрепетали ноздри. Я почувствовала запах страха, крови и смерти. И резкий запах блевотины.

«Плохо». Сунув журнал в сумку, я взялась за рукоять меча и зашагала к дому; под ногами хрустели камешки. На лицо мне упала прядь черных волос, и я раздраженно дернула головой.

— Привет, Спуки! — крикнула я, подойдя к крыльцу, — А я-то надеялась, что хоть сегодня выплыву.

— Я тоже.

Ее биополе, отливающее фиолетово-красным, потянулось ко мне.

Мое биополе ответило; Гейб взглянула на меня, изумруд на ее щеке вспыхнул в знак приветствия.

— Плохо выглядишь, Дэнни.

— Наверное, от усталости и возни с разным старьем.

Я поднялась по ступенькам. Джейс следовал за мной, постукивая посохом по граниту. Щека у меня горела, изображение кадуцея двигалось под кожей, словно живое.

— Ну что там у вас?

— Церемониал.

Гейб провела меня мимо полицейских, которые поспешно расступились, пропуская нас. Кажется, они меня побаиваются. Вот и хорошо — по крайней мере, не будут пялиться.

Едва я переступила порог дома, мой изумруд вспыхнул, предупреждая об опасности.

— Линии защиты взломаны, — сказала я, взглянув вверх, — Изнутри.

Гейб кивнула.

— Все так же, как и в предыдущих случаях. Убитого звали Эран Хелм.

Я его помнила. Мы вместе учились в «Риггер-холле», причем в одном классе. Это был долговязый блондин с детским личиком, голубыми глазами и привычкой постоянно жевать нижнюю губу; мы встречались на уроках по философии религии и некоторых других.

Джейс выругался.

— Значит, Хелм жил здесь? — сказал он, звонко стукнув концом посоха по каменным плиткам, — Вот черт!

— Ты его знал? — спросила я, оглядывая прихожую.

Хелм явно любил старину — в его прихожей был высокий потолок, в углу на подставке стояла старинная кольчуга, у стены отсчитывали время напольные дедушкины часы. Справа куда-то вверх вела старая лестница. Мы с Гейб начали подниматься по ее ступенькам; я вела пальцем по перилам. От каждой ступеньки с тихим гудением исходили защитные энергетические токи, которые я ощущала всей кожей. В воздухе пахло пчелиным воском и той затхлостью, которая ясно показывает, что в доме живет всего один человек. Да, Эран Хелм явно жил один; в огромном доме, полном тишины и одиночества.

— Встречался с ним пару раз, когда ухаживал за тобой, — небрежно бросил Джейс. — Были у нас общие дела, в основном мокруха. Но к нему я ни разу не заходил. Опасно.

«Мокруха». Заказные убийства. Раньше я могла бы поклясться, что в жизни Джейса нет ничего, о чем бы я не знала; теперь выясняется, что это не так. От заказных убийств я отказалась раз и навсегда, хотя Джейс уверял меня, что за них хорошо платят. Чем он сам зарабатывал на жизнь, меня не интересовало; я доверяла ему слепо и полностью.

— И каким он был?

— Неплохим парнем, — сказал Джейс. — Хладнокровным. И решительным.

Аура Джейса прикоснулась к моей ауре. Я поежилась.

«В отличие от меня. В тот единственный раз, когда ты заикнулся о заказном убийстве, я подняла жуткий скандал. Интересно, сколько раз ты, вернувшись после очередной мокрухи, заваливался ко мне в постель? Выходит, ты и не собирался посвящать меня в свои дела, Джейс, или просто надеялся, что я не узнаю?» Я подавила гнев. Все это уже в прошлом. Зачем думать об этом сейчас? Сейчас нужно ловить убийцу, а тут еще и Князь тьмы объявился.

Нет, лучше думать о расследовании.

— Труп лежит в спальне, — сказала Гейб напряженным голосом. — Там все... в общем, сама увидишь. Тебе удалось что-нибудь выяснить, Дэнни? Хоть что-нибудь?

Такого отчаяния в ее голосе я еще ни разу не слышала.

— У меня назначена встреча с Полиамур. Похоже, Стив Себастьяно входил в группу заговорщиков против Мировича.

И я в нескольких словах рассказала Гейб обо всем, что мне удалось узнать, упомянув и черную пометку в журнале. Когда мы добрались до самого верха лестницы, Гейб повела нас дальше, мимо еще двух полицейских в голубой униформе. Я сразу поняла, где находится тело. Едва взглянув на разбитую в щепки дверь, я ощутила удушливый запах крови. Когда постоянно сталкиваешься с запахами смерти, запах крови перестает тебя волновать... во

всяком случае, на уровне сознания.

Но в воздухе чувствовались и другие, более интересные запахи. Я нюхала воздух — энергетическая защита, еще и еще. Ее линии плотно окутывали каждый дюйм стен и пола. На черном каменном постаменте стоял бюст Эдриена Ферримана, автора Указа о парапсихологии; ухмыляясь во весь рот, статуя смотрела вниз, в прихожую.

Я чувствовала запахи полицейских, Гейб и Джейса. Я фыркнула и закрыла глаза. Человеческая кровь, пот, защитная магия и...

Я снова принялась. Вот оно. Пахнет гниющим мусором, магией и кремом после бритья. Я попыталась сосредоточиться. Нужно отбросить все постороннее.

Я узнала этот запах. Пыль, гниющий мусор, магия, крем после бритья, мел и кожа.

Это запах кабинета. Кабинета директора.

Я вздрогнула; дрожь прошла по мне волной — от головы до пят. Нервы напряглись, как натянутые струны, и, словно сирены, запели песню крови; впереди меня ждала охота. Но все это перебивало еще одно чувство — страх, ледящий душу, отвратительный страх. Страх ребенка, которого заперли в темной комнате.

«Будь осторожна, — прозвучал в глубине сознания голос Джафримеля. — Он ничего тебе не сделает, хедайра. Ему до тебя не добраться».

Я почувствовала, как моего лица коснулась теплая рука, мягко провела по щеке, горлу, на секунду задержавшись там, где бьется жилка, затем спустилась ниже, провела по груди. Вздрогнув, я пришла в себя.

«Какого черта? В квартире Кристабель такого не было. Наверное, все из-за ее дурацких духов с ароматом сирени».

— Это он.

— Дэнни, — спросила Гейб, останавливаясь, — с тобой все в порядке?

Нет. Мне слышится голос моего погибшего любовника-демона. Впрочем, это не имеет значения. Важно другое — я почувствовала запах своей жертвы. Меня ждет охота. И если голос демона поможет мне выследить добычу, я буду его слушать, пусть даже мне и придется за это расплачиваться, ибо, когда охота закончится, я наконец пойму, что Джафримеля больше нет.

— Все нормально, — прохрипела я.

Итак, кое-что начинает вырисовываться.

— Пошли взглянем на мистера Хелма. — Я заглянула в комнату. — Он и в самом деле верил, будто магическая защита его спасет?

— Да. Видимо, он очень чего-то боялся, — мрачно сказал Джейс. — Чанго... — с отвращением добавил он.

Верное замечание. Спальня была превращена в бойню — повсюду лужи крови и куски того, что некогда было человеческим телом. Знакомые знаки на полу, только на этот раз нацарапанные наспех, а не тщательно выведенные. Круг нарисован кое-как. Убийце кто-то помешал?

— Кто нашел тело? — поморщившись, спросила я.

Хуже запаха отмирающих человеческих клеток был только запах клеток гниющих.

«Ты рассуждаешь так, словно ты не человек, Дэнни».

Я поежилась.

— Экономка, — ответила Гейб. — Наверное, ей хорошо платили, раз она приходила убирать эту берлогу и тратила на нее по десять часов в день. И держала рот на замке. Тело пролежало несколько дней — в эту часть дома экономка заходила редко. Когда обнаружила труп, даже не знала, звонить в полицию или нет. Решила посоветоваться с одним из своих кузенов; я выяснила — мелкий юрист, работает на семью Оуэн, по совместительству — осведомитель. Он и связался с нами. Если бы линии защиты не были взломаны, пришлось бы звать тебя, чтобы ты их открывала.

— О боги, — сказал Джейс, который к этому времени стал совершенно зеленым. — Одни куски.

Еще бы. Тут позеленеешь. Я и сама чувствовала себя зеленой, как водоросли. К горлу подкатывала жгучая тошнота. За годы работы я навидалась и убийств, и разгромов, но это... запах крови меня не беспокоил, но то, что находилось у меня перед глазами, грозило превратиться в ночной кошмар.

Уж кто-кто, а я в этом разбираюсь, можете мне поверить.

Я оглядела спальню. Эран Хелм явно здесь жил. Повсюду разбросаны бумаги, грязная одежда, огромная постель под пологом смята, белье залито кровью и какой-то жидкостью, в подсвечниках — одни огарки. Не знаю, что лучше — это или чистенькая квартира Кристабель.

Осторожно ступая, я вошла в спальню, как обычно жалея о том, что не умею отключать обоняние, и вдруг кое-что бросилось мне в глаза.

Оторванная человеческая рука, вернее, кисть, намертво сжимающая кусочек освященного мела.

Картина проясняется все больше.

— Sekhmet sa'es, Гейб, мы же ничего не поняли. Магические круги чертил не убийца.

— Что? — Гейб замерла у двери. — Что ты говоришь?

— Смотри. — Я показала на оторванную руку. — Знаки рисовали жертвы. Сделайте снимки святилища. Если я разгадаю, от чего люди пытались защититься...

— Ты считаешь, что убийца — не человек? — с надеждой спросила Гейб.

— Пока я ни в чем не уверена, — медленно произнесла я. — Не могу сказать. Но если круги были нарисованы для защиты, то мы идем в неверном направлении. — Я резко обернулась. — Джейс даст тебе список всех псионов города. Ты сможешь узнать, кто из них сейчас находится в Сент-Сити? И все ли они живы?

— Легко, — просияв, ответила Гейб. Она даже помолодела. — Ты уверена, Дэнни?

— Нет. — Я вновь оглядела спальню. — И все же эта мысль нравится мне больше, чем мои первые гипотезы. Да, и вот еще что.

— Что?

Гейб уже приплясывала на месте от нетерпения, а меня вдруг начал разбирать нервный смех.

Она ничего не замечает? Нужно ткнуть ее носом?

— Дверь спальни выломана снаружи.

Я взглянула на Гейб, потом на Джейса, который, сверкая голубыми глазами, внимательно смотрел на меня. Внезапно на его лицо упала темная тень; от неожиданности я чуть не попятилась. Но когда я взглянула на него вновь, тень исчезла. Кажется, у меня начинают сдавать нервы.

Что-то в последнее время я все чаще жалуюсь на нервы. Плохая привычка.

— Что? — нетерпеливо переспросила Гейб.

Но я, наморщив лоб, молча смотрела на Джейса. Затем, словно придя в себя, взглянула в темные глаза Гейб.

— Я думаю, убийца напал на Хелма не здесь.

Глава 23

Я была права. Святилище Хелма мы обнаружили в подвале — шестиугольной каменной комнате, грубые стены которой украшали прилепленные жевательной резинкой постеры с фотографиями голых красоток. Посреди комнаты в гранитном полу было вырезано магическое существо — видимо, Эран жил неплохо, если мог тратить время и энергию на вырезание по камню. Разглядывая комнату, я чувствовала себя не очень уверенно: дело в том, что святилище для церемониала — это все равно что «проводник» для некроманта, в своих святилищах, укрывшись от посторонних глаз, церемониалы творят самые таинственные и величайшие заклинания. Видимо, Эран черпал энергию из секса; впрочем, партнеров у него, по всей видимости, было не много. Должно быть, свою энергию он творил

правой рукой.

Ящик низкого шкафчика был выдвинут; внутри поблескивали инструменты. Скальпели и гирьки. Судорожно вздохнув, я осторожно провела пальцем по деревянному ящику. Не могу сказать, что это прикосновение было мне неприятно — кровь, и секс, и боль. Неплохая заправка для заклинаний.

К тому же она весьма соблазнительна для демонов. И даже для полудемонов вроде меня.

Странно, но в святилище вела только одна дверь, также разбитая в щепки — на этот раз изнутри. Я обвела взглядом шестиугольное помещение.

Джейс стоял, прислонившись к двери. Из коридора доносился голос Гейб; она отдавала распоряжения. От посоха Джейса исходил слабый золотистый свет, перевязанные рафией косточки тихо постукивали. Здесь, в святилище другого колдуна, любой шаман чувствовал бы себя неловко. Да еще эти жуткие запахи ужаса и крови — тут любому станет не по себе.

Перед покосившейся статуей Молчаливого было рассыпано несколько сигар.

«А Хелм-то был левшой», — подумала я.

Ценная информация — теперь понятно, почему его взяли в наемные убийцы. В поисках энергии левша никогда не станет убивать людей, для этого он будет использовать другие источники. Собак, кошек... иногда обезьян. Существовала целая группа левшей, которые использовали змей, убивая их как можно дольше, поскольку живые змеи — настоящий кладезь энергии. Кошки были также весьма популярны, и козы. Единственное животное, к которому не смел прикоснуться ни один левша, — это лошадь, священное животное скинлинов, и вряд ли богиня Ипона стала бы молча смотреть, как в жертву приносят ее подданных. Разумеется, вставал вопрос, что делать с тушей жертвенного животного. Ходила такая шутка: какая разница между ваудуном и левшой? Оба убивают курицу, но ваудун ее потом съедает.

Когда левша приносит в жертву животное, от туши мало что остается.

На алтаре стояла початая бутылка отличного бренди, лежали мечи; один — со странно изогнутым клинком, другой — красивый, двуручный, но из дешевого металла. Если Хелм и занимался убийствами, то, скорее всего, использовал для этого нож или плазменный, но уж никак не благородную сталь. Чтобы платить за дом, Эран Хелм забирал человеческие жизни, а чтобы восполнять свою магическую силу, убивал животных. Интересно, задумывался он над этим хоть раз?

— Здесь, — пробормотала я, — все началось здесь.

Но как убийце удалось пробраться внутрь святилища? Я повернулась к двери. К этому времени Гейб уже восстановила энергетическую защиту квартиры Кристабель, однако отлетевшие от двери щепки лежали снаружи, в коридоре.

— Выходит, линии защиты квартиры Кристабель были взломаны изнутри? А у тех двух — секс-ведьмы и нормала?

Джейс пожал плечами.

— У Муркок изнутри, у секс-ведьмы тоже, а у нормала — нет. Это мне Гейб сказала. Если хочешь, я еще раз спрошу, — Сказав это, Джейс не двинулся с места; его глаза как-то странно поблескивали. — Дэнни, о чем ты думаешь? Ты выглядишь так, словно...

— Я еще ни в чем не уверена.

«Почему мы считаем, будто нормала убил именно тот, кого мы ищем? Я в этом абсолютно уверена. Все началось с нашего таинственного нормала, и дело еще далеко не закончено. Я чего-то не замечаю, чего-то очень важного. А Кристабель с ее пометками и криками «Вспомни?»»

Я встала на колени. Линии рисунка на камне слегка светились, и я коснулась их пальцами. Камень... и вдруг я увидела его — человека, который некогда был Эраном Хелмом; голубые глаза, светлые, коротко стриженные сальные волосы. Человек в ужасе пятился от статуи Молчаливого, от которой, извиваясь как змеи, к нему тянулись сгустки

энергии.

— Он был хорошим колдуном, этот Эран Хелм?

Я скорее почувствовала, чем увидела, как Джейс пожал плечами.

— Ничего. Но убийства получались у него лучше. Иначе как бы он содержал такой огромный дом?

— Верно.

Это была красивая серебряная цепочка, скорее даже ожерелье. Замочек был сломан. На цепочке висел амулет размером с мой большой палец — сердечко в виде пиковой масти, как на старинных картах. «Туз пик». Я осторожно взяла амулет двумя пальцами.

— Думаю, мы попали на след, Джейс. Отлично.

«Зачем ты оставила пометку в журнале, Кристабель, это же глупо. Зачем тебе это было нужно? Все-таки жаль, что я не могу вырвать тебя из лап смерти и все у тебя узнать».

По спине пополз холодок. Джейс криво усмехнулся.

— Рад слышать. Команда Гейб уже осмотрела спальню?

— Думаю, да. — Я встала с колен — Нужно просмотреть остальные журналы и составить список псионов.

— Понял.

И вдруг мне в голову пришла еще одна мысль. Держа в руке ожерелье, я остановилась в дверях.

— Интересно, у Кристабель такое было?

Джейс о чем-то спросил Гейб. Она ответила, затем обернулась ко мне.

— Что ты сказала, Дэнни?

— У Кристабель было такое ожерелье? — спросила я, показывая ей цепочку.

— Было. И у секс-ведьмы было. Я внесла его в опись вещей.

Гейб отвечала довольно резко. Какому же копу понравится, когда его спрашивают, не прозевал ли он улику.

— А у нормала такого не было? — на всякий случай спросила я.

— Не припомню. Если хочешь, я проверю опись.

— Проверь.

Я посмотрела на постеры с голыми девицами. От моего взгляда они слегка шевельнулись. Ничего, никакого движения. В комнате нет ничего, кроме выломанной изнутри двери.

Я вытащила из сумки школьный журнал.

— Гейб, сделай мне список псионов. Особое внимание обрати на тех, у кого против имени стоит вот такая пометка. Узнай, кто где живет. В первую очередь меня интересуют псионы Сент-Сити. Потом пришли все это мне, ладно?

Гейб кивнула.

— Что-то вырисовывается?

Зная меня, Гейб не стала привязываться ко мне с вопросами, требующими длинных объяснений.

— Второй жертвой была одна из девиц Полиамур, — сказала я, следя за выражением глаз Гейб.

Они заблестели, в них уже светилась надежда. Кажется, мы наконец-то попали на след — хорошая новость для любого копа.

— Я поеду к Поли прямо сейчас. Если в этом деле замешана одна из ее девиц и Поли об этом кое-что известно, она начнет нервничать — или станет следующей жертвой.

Гейб кивнула.

— Хорошо. Поезжай.

Улыбнувшись, я сунула ей в руки свой школьный журнал.

— Не забудь вернуть.

«Чтобы я могла снова его закопать. Возможно, на этот раз еще глубже».

— Поняла. Иди.

В ее голосе слышалось не простое «спасибо» — в нем слышались и огромное облегчение, и благодарность — ну прямо день рождения с подарками и свечками.

Джейс следовал за мной, постукивая посохом по мраморному полу. Серебряное ожерелье я машинально сунула в карман. Пальцы сжали рукоять катаны.

«Давно нужно было раздобыть меч, с ним намного спокойнее».

Внезапно к спине прикоснулось что-то холодное. Кольца вспыхнули, вздрогнуло и пришло в движение биополе роскошного дома Эрана Хелма. Я принялась успокаивать энергию, как пугливую лошадь. Хелм возвел вокруг своего дома и в самом доме столько линий защиты, что убил даже воздух, который стал мертвым и удушливым еще до того, как убийца сломал защиту.

«Изнутри. Может быть, Хелм сам впустил убийцу в дом? Но зачем, если он чего-то боялся?»

Как хорошо, что у меня есть над чем задуматься и можно не вспоминать ласковый голос в телефонной трубке.

«Мне нужно поговорить с вашим любовником, но я не могу связаться с ним обычным способом».

Интересно, что это такое — «обычный способ»?

«Как, неужели вы его не воскресили?» Дразнящий, ласковый, ядовитый.

Еще когда я была человеком, я решила, что не буду его бояться. Зря я так сделала. В конце концов, я же не демон — всего лишь хедайра. А даже если бы я и была демоном, Люцифер — мой повелитель, Князь тьмы. Который, возможно, затеял новую игру. Нужно действовать очень осторожно, иначе я попадусь, как в прошлый раз. Разумеется, дьявол играет только в грязные игры; в прошлый раз я поняла это слишком поздно. Зато теперь я, по крайней мере, знаю: случилось что-то ужасное.

Слабое утешение.

— Дэнни. — Джейс схватил меня за руку. Солнечный свет падал на неровные каменные плиты.

Я вышла из дома и направилась к садовой ограде. На лицо упало несколько прядей волос. Внезапно я остановилась как вкопанная.

— Эй, к хOVERу в эту сторону.

Я уставилась на Джейса. Я же о нем совсем забыла. В его золотистых волосах играло солнце, ясные голубые глаза блестели. Неужели он так и ходил за мной по всему дому, терпеливо дожидаясь, когда я обращу на него внимание?

— Извини, Джейс, я задумалась.

— Идешь как слепая. Что с тобой? — Джейс тряхнул посохом. — Это все из-за того телефонного звонка, да? — спокойно спросил он.

Действительно, я забылась так, что не видела ничего вокруг. В свое время меня вот так же спас Джафримель: рванув на себя, он вытащил меня из-под колес промчавшегося хOVERа. Теперь рядом со мной не было демона; чтобы прийти в себя, я резко тряхнула головой. Все, займусь Люцифером, когда покончу с убийцей.

«После маньяка из "Риггер-холла" дьявол покажется мне сущим младенцем». Обожаю черный юмор. Между прочим, он помогает некромантам и копам дистанцироваться от всех ужасов и грязи, с которыми им приходится иметь дело.

— Ты поедешь со мной к Полиамур? — спросила я, заглядывая Джейсу в лицо.

Он кивнул. Его губы были плотно сжаты, на щеке подергивался мускул.

— Конечно. Я что, плохой коп?

«Хороший. Лучше, чем я».

Интересно, чего еще я не знаю о Джейсе? Но разве это имеет значение?

Только не для меня и не сейчас. Пусть все остается в прошлом. Важно другое — ради меня Джейс бросил Рио, переехал ко мне и из кожи вон лезет, чтобы мне помочь. О боги, да за это я прощу ему все на свете!

— Пугать Поли не будем, — решила я. — Пока ее вина не доказана, пусть живет

спокойно. — Я слегка коснулась плеча Джейса, можно даже сказать, ласково. — Спасибо тебе. За... все. Правда.

Он просиял и заулыбался.

— О чем разговор, детка? Твои расследования гораздо интереснее любой видеоигры.

Я невольно улыбнулась, хотя сердце сжалось. Джейс Монро, мужчина, который когда-то меня бросил, оказывается, продолжает меня любить. И все же при мысли о том, что ко мне может прикоснуться кто-то кроме Джафримеля, я содрогнулась. Если бы можно было его воскресить...

— Будем считать, ты сделал мне комплимент. А теперь — едем.

Глава 24

Полиамур жила как раз на границе между районом Тэнк и финансовым центром города. Разумеется, она просто обязана была находиться поближе к своим клиентам; а ее клиентам полагалось иметь тугие кошельки. За свидание с Полиамур или ее девицами требовалось выложить такую сумму наличными или в кредит, которая заставила бы задуматься самого Люцифера.

Нас явно ожидали, поскольку линии защиты пропустили нас беспрепятственно; Джейс на секунду задержался, чтобы занести наши данные в компьютер, и вскоре нам было разрешено опуститься на стоянку, расположенную на крыше. Был день, ярко светило солнце, и на стоянке не было ни одного воздушного авто, кроме черного сверкающего «лимузина».

Я немного постояла, осматривая крышу и проверяя ее энергетику. Все было надежно защищено, и в смысле магии, и в смысле электроники; не хотелось бы взламывать такую защиту. Выход на крышу напоминал небольшой бельэтаж, отделанный каменными плитками и хорошо освещенный; вниз вели лестницы. Мы с Джейсом переглянулись, и я резко встряхнула правую руку. Кажется, она опять начала сжиматься. Плечо немного заныло; может быть, демонский знак ввела в заблуждение тонкая оболочка спокойствия, окутавшая мое обычное состояние тихой паники.

Спустившись по лестнице, мы подошли к роскошной двери из красного дерева. На одной ее половине была вырезана Венера, безмятежно вззирающая на нас, на другой — Персефона с ее цветком померанца. Обычный человек принял бы эти рисунки за таинственное, чудесное произведение искусства, но обученный маги псион точно знал, что это такое. Секс-ведьмы поклонялись двум божествам — Эросу и Танату; согласно их религии, жизнь тесно переплетается со смертью, боль превращается в наслаждение и рождает энергию; это самое секс-ведьмочки и предлагали своим клиентам — вот вам и вся тайна.

Некоторые ученые-теоретики утверждают, что секс-ведьмы — это переход от седаин и хилеров к некромантам, входим в царство смерти. Лично я так не думаю.

С другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов притягательность секса. Это скажет вам любой псион, который постоянно сталкивается с самыми потаенными желаниями человеческого тела и психики.

Секс был самой незначительной услугой из тех, которые предлагали секс-ведьмы. Полное освобождение, наслаждение, возможность удовлетворять самые скрытые, самые невероятные желания и фантазии, приятное общение, показная ранимость — секс-ведьмочки владели всеми возможными способами ублажения человеческой психики, всеми видами секса для достижения одной цели — ублажить, успокоить, воодушевить, ободрить, внутренне освободить. За такое люди выкладывали мешки денег, превращая Дом секс-ведьмочек в главный источник доходов Гегемонии.

Под потолком горели лампы дневного света, которые по сравнению с сияющими серебряными светильниками казались тусклыми газовыми фонарями. Вдохнув, я почувствовала запах благовонной смолы, секса и гашиша.

— Великолепно, — пробормотал Джейс. — Единственный раз попал к Полиамур, и то

днем.

Я засмеялась. Мой смех эхом разнесся по отделанному кремовым мрамором помещению.

— Могу себе представить, во что превращаются эти ступени, когда идет дождь.

— Становятся скользкими. Но подумай о возможностях.

— Сломанные руки и ноги. Пробитые черепа.

Усилием воли я прогнала смех. Джейс хмыкнул.

— Тебе не хватает воображения.

— Хватает, даже с избытком.

Я уже давно привыкла к таким маленьким перепалкам — они позволяли нам сбросить напряжение. Но тут дверь, издав театральный скрип, начала медленно отворяться; в щель проник свет.

Мы ждали; я сжимала рукоять меча. Джейс издал звук, отдаленно напоминающий тихий свист. Дверь широко распахнулась, и за ней возник тускло освещенный коридор; вдоль его стен, увешанных красными бархатными драпировками, выстроились прекрасные мраморные статуи. Коридор выходил в зал, посреди которого стоял трансвестит Полиамур, самая знаменитая секс-ведьма нашего поколения.

Высокого роста, лицо словно вырезано искусным скульптором, нежнейшая кожа, длинные черные локоны и потрясающие серые глаза, обрамленные пушистыми иссиня-черными ресницами. Из-под бледно-розового шелкового платья виднелись великолепные длинные ноги. Полиамур была босиком; ее ступни оказались на удивление маленькими, ногти были выкрашены в темный кроваво-красный цвет. На тонкой щиколотке — изящная золотая цепочка, в прелестных ушках — золотые серьги-кольца. На левой щеке сверкал вживленный в кожу рубин, расположенный так, чтобы любой датчик мог засечь вставленный в него мощный защитный чип. Если бы рядом с Поли кто-то выстрелил из пистолета или винтовки или если бы с рубином что-то произошло, немедленно сработал бы автоматический вызов полиции. Помимо этого, в компьютерной базе данных было особо отмечено, что Поли — секс-ведьма с государственной лицензией, имеет право не подчиняться некоторым законам, обязательным для остальных псионов, и, кроме того, за ее убийство полагается десять лет лишения свободы. Секс-ведьмы приносили Гегемонии достаточно большой доход, поэтому их тщательно охраняли — это вам не пятьдесят лет до и после выхода Указа, когда из-за жестокого обращения секс-ведьмы находились на грани вымирания; нужно сказать, что с ними обращались гораздо хуже, чем с остальными псионами — например, их можно было покупать и продавать, как скот.

Полиамур вздохнула, и под платьем обрисовались две довольно плоские груди. Интересно, это накладные или она принимает какие-нибудь гормоны?

Ее энергия коснулась сначала моей, затем энергии Джейса. Знакомый запах секс-ведьмы — секс, душевная ранимость и чистый и сладкий, как сахар, запах мускуса — исходил от нее волнами.

«О, Анубис, а она сильная».

— Данте Валентайн. И Джейс Монро, — сказала Полиамур и слегка склонила голову набок; ее золотые серьги тоненько зазвенели. — Я знала, что вы ко мне придете. В новостях уже сообщили о смерти Эрана Хелма.

В ее тихом бархатистом голосе слышались наигранные строгие нотки; для женщины он был слишком низок, а для мужчины слишком высок.

Я фыркнула. В зале пахло как-то странно: сильный запах духов не мог перебить острого запаха страха. На шее Полиамур сверкнуло серебряное украшение.

Порывшись в кармане, я извлекла оттуда порванное серебряное ожерелье с амулетом. «Тиг ведом деум». От моего голоса зашелестели красные драпировки. Забылась, нужно быть внимательнее.

Полиамур смертельно побледнела и попятилась. Затем подняла руку и дотронулась до своей шеи. Не будь у меня острого демонского зрения, я бы этой серебряной вещицы не

заметила. Вот же она: на тонкой серебряной цепочке — амулет в виде карты пик. Я ликовала — свое место занял еще один кусочек мозаики. Я подхожу все ближе к раскрытию тайны. «Ты рада, Кристabelle? Я вспоминаю и заставляю вспоминать других. Счастлива ты наконец, черт бы тебя побрал?»

— Вы не были одной из нас, но вам все известно. — Голос Полиамур уже не был таким строгим и безжизненным. Она бросила на меня быстрый взгляд. — Думаю, вам следует войти.

— Я тоже так думаю, — сказала я и вошла в зал.

Джейс последовал за мной.

— В общем, так, — сказала я Полиамур. — Либо вы что-то знаете и расскажете нам, либо станете следующей жертвой. Если первое, то я вас арестую. Если второе — вам уже никто не поможет.

Полиамур неискренне рассмеялась. Затем, повернувшись на босой пятке, направилась в глубь зала.

— Мне говорили, что вы очень прямолинейны. По-моему, это еще мягко сказано.

— Одной из жертв стала девушка из вашего заведения, — сказала я, идя за Полиамур. — Почему вы это от нас скрывали?

На секунду обернувшись, она бросила на меня хмурый взгляд. Бедами она раскачивала, как настоящая женщина. Я оглянулась на Джейса; тот был в явном замешательстве.

— Вы учились в «Риггере», — сказала Полиамур. — И знаете, что от привычки молчать трудно отделаться. Я ничего не знала о смерти Урсулы, пока Эдвард не показал мне фотографии. И тогда я все поняла.

— Что вы поняли?

Полиамур двигалась медленно; мы с Джейсом шли за ней, драпировки заглушали звук наших шагов. Деревянная дверь тихо закрылась за нашей спиной.

— Предлагаю выпить кофе. Мы ведь цивилизованные люди.

Полиамур явно справилась с собой. Ее голос вновь стал ровным; однако ее аура продолжала тревожно перемещаться, поэтому моя энергия нежным прикосновением поспешила ее успокоить. В некоторых кругах секс-ведьм по-прежнему называли попрошайками; дело в том, что природные физиологические процессы, связанные у них с выработкой энергии, вызывали резкий и бурный прилив эндорфинов, иначе говоря, гормонов счастья, что и превращало секс-ведьмочек в людей легко ранимых и вечно выпрашивающих энергию. Я, как полудемон, обладала таким запасом энергии, какой большинству секс-ведьм и не снился; но если Полиамур не будет хватать энергии, она не сможет четко отвечать на мои вопросы, поэтому с ней нужно держаться осторожно и очень ласково. Если уж мне приходилось строго следить за собой при общении с нормалами, что же говорить об исключительно чувствительных секс-ведьмочках?

За первым залом последовали другие. Я успела заметить множество круглых диванчиков; в бликах света мелькали отдельные детали: большая арфа, блестящие зеленые листья какого-то растения, белый персидский кот, спящий на черной бархатной подушке. Честно говоря, я уже начинала скучать.

Словно прочитав мои мысли, Полиамур рассмеялась. Ничего не скажешь, она ловко умела изображать смех.

— Эти комнаты — всего лишь приемные. Вы когда-нибудь бывали у нас в Доме, мисс Валентайн?

— Зовите меня Дэнни, — машинально ответила я. — Нет. Я видела бордели и дома терпимости, но в вашем Доме бывать не приходилось. У вас очень красиво.

Полиамур величественно кивнула.

— Мои личные апартаменты находятся в нижних этажах. Если не возражаете.

— Почту за честь. — Внезапно я поняла, что так сильно меня беспокоит. — А где ваши охранники? Я думала, Дом внутри тоже следует надежно охранять.

— К чему охрана, если меня преследует сама Данте Валентайн? — обиженным тоном сказала Полиамур. — Сегодня их нет. По личным соображениям я решила сохранить ваш визит в тайне.

В конце очередного зала перед нами распахнулась дверь, и мы увидели лифт. Я судорожно сглотнула; Джейс взял меня за локоть.

— Кроме того, я и сама кое-что умею. У меня есть талант к предвидению. Иногда он оказывается очень кстати.

Мы вошли в кабину лифта. Аура Полиамур прижалась к моей ауре; в воздухе густо запахло шаманом, секс-ведьмой и полудемоном. Двери лифта закрылись. В другое время я бы обнажила меч и оружием проложила себе дорогу на свободу, прочь из закрытого пространства, но сейчас приходилось стиснуть зубы и терпеть. Мои кольца сверкали и отбрасывали искры. Пальцы Джейса, стискивающие мой локоть, немного ослабли, но затем впились мне в руку с новой силой.

Незначительная боль, но она мне помогла.

Полиамур внимательно разглядывала мое лицо. Мы стояли почти вплотную, и мне была хорошо видна линия ее подбородка — слишком сильного для женщины. Под правым ухом виднелся старый шрам, спускающийся до подбородка. Лоб немного широковат, зато глаза поистине прекрасны.

— Вы очень красивы, — сказала мне Полиамур. — В нашем заведении вы бы не сидели без работы.

Я вымученно улыбнулась. Наверное, она не поняла, что у меня изменены гены. С другой стороны, она прекрасно видит черное пятно на моей ауре.

«Спасибо за комплимент, но мне такая работа не нужна. Не хочу быть похожей на тебя».

— Не думаю, что кому-то захотелось бы трахать некромантку.

«К тому же я не могу думать ни о чем, кроме мертвого демона и его объятиях».

Полиамур несколько не смутилась.

— Ошибаетесь.

В это время лифт остановился, и двери мягко открылись. Забыв о вежливости и хороших манерах, я первой вылетела из кабины, отбросив руку Джейса; все же я была благодарна ему за поддержку.

Этот зал был совсем простым — с обычным деревянным полом и белыми стенами. В окна лился солнечный свет, смягчаемый кисейными занавесками. Я заморгала, зрачки сузились; я почувствовала запах кофе. Открыв простую деревянную дверь, Полиамур ввела нас в большую комнату, где мы увидели камин, огромную смятую постель, две обитые голубым ситцем кушетки, старый персидский коврик и женщину, на которой не было ничего, кроме ошейника с длинной цепью. Стоя в маленькой кухоньке, женщина наливала кофе из серебряного кофейника.

— Прошу садиться. — Быстро пройдя через комнату, Полиамур забралась с ногами на кушетку. — Диана принесет нам кофе.

Я села, положив меч на колени. Взглянула на Джейса и увидела, что он ухмыляется. Джейс остался стоять, скрестив на груди руки, всем своим видом показывая: он на чеку.

— Полагаю, нам следует начать с самого очевидного, — сказала я. — Кто-то убивает членов «Черной комнаты». Зачем?

Полиамур изящно пожала плечами. Шлепая босыми пятками, в комнату вошла голая женщина, неся в руках серебряный поднос, молча взглянула на Полиамур, и та едва заметно кивнула.

— Сливки? — спросила женщина, становясь на колени, чтобы поставить поднос на низкий столик из эбенового дерева; ее груди мягко колыхались, смутно виднелся лобок, по плечам рассыпались длинные каштановые волосы. Она тоже была секс-ведьмой — на щеке женщины сверкал рубин. Казалось, собственная нагота ничуть ее не беспокоила; пародия какая-то, честное слово. Ее аура была тихой, как тлеющие угольки, и сытой, но, коснувшись

моей ауры, начала делать призывные движения. — Сахар?

— Только сливки.

«Если это представление разыгрывается ради меня, Поли, то я очень тебя разочарую. Даже когда я была человеком, на подобные штуки я не реагировала».

Женщина вопросительно взглянула на Джейса, но тот молча покачал головой.

Голая протянула мне старинную серебряную чашку, наполненную дорогим кофе с цикорием, поверх которого плавала целая башня из сливок. Приготовив кофе для Полиамур, она протянула ей чашку, после чего замерла, сидя на корточках и ожидая приказаний.

— Можешь идти, Диана. За меня не беспокойся. Приходи через два часа.

И Поли махнула рукой, отпуская женщину.

Та молча поклонилась; волосы упали ей на лицо. Затем она поднялась, подхватила свою цепь и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

Услышав звук закрывшейся двери, Полиамур съежилась.

— Полагаю, вы хотите узнать, кто его остановил.

— Отличный кофе, — сделав глоток, сказала я.

В ответ на комплимент Полиамур слегка кивнула. «Пора приступать к делу».

— Чем больше я буду знать, тем скорее прекратятся убийства.

— Не думаю, что они когда-нибудь прекратятся, — сказала Полиамур и положила ногу на ногу; на ее лбу выступили крупные капли пота.

Интересно, она бреется или употребляет гормоны, чтобы на подбородке не росла щетина?

— Возможно, во всем виноват злой рок. Вы верите в судьбу, Данте Валентайн?

Я пожала плечами.

— Не более чем любой некромант.

Полиамур коротко рассмеялась.

— Забавно. Один раз я оказалась замешанной в убийстве офицера Гегемонии. Вы меня арестуете?

Пришла моя очередь смеяться; мой смех ударился о пол и разбился на мелкие кусочки.

— На кой черт? Слушайте, это правда, что кто-то из псионов намеренно стал пожирателем и убил директора на дуэли?

— Вполне возможно, — ответила Полиамур, передернув плечами.

У меня затрепетали ноздри. Я видела ее страх, который ходил волнами, как тепло. Страх секс-ведьм имеет запах, от него пахнут тонкими духами и желанием — феромоны действуют на каждого, кто находится возле секс-ведьмы. Людям и нихтвренам этот запах нравится, псионы крайне чувствительно реагируют на феромоны страха или возбуждения; оборотни и кобольды на секс-ведьм вообще не реагируют.

А я? Я с трудом отвела взгляд от горла Полиамур, где пульсировала тоненькая жилка. От секс-ведьмы пахло пищей. И еще — совсем слабо — амберным мускусом и жженой корицей, и я вспомнила объятия Джафримеля, его долгий, протяжный вздох, когда он зарылся лицом в мою шею, и привкус демонской крови, от которой рот словно опалило огнем.

«Этого не может быть. На меня действует энергия и химические вещества. Она просто напугана».

Полиамур дотронулась до амулета на шее. Затем сжала его пальцами, дернула по сильнее — и, сорвав с шеи, протянула мне.

— Они положили этому конец, — сказала она, переводя взгляд с ожерелья на меня и обратно. — Или это сделал Келлер.

Я дышала часто, стараясь не втягивать в себя сладостный, наэлектризованный, вкуснейший аромат.

— Келлер?

Поли скривила рот.

— Наш бесстрашный вождь. Я...

Ее начала бить дрожь. Внезапно Полиамур сняла ноги с кушетки, поставила чашку с кофе на поднос и резко вскочила. Она сделала всего одно движение, но я уже поняла, что она отлично владеет боевыми искусствами. Странно, обычно секс-ведьмы не вступают в драку; страх превращается у них в желание, лишая их возможности защищаться.

— Вы же знаете, — прошептала она. — Знаете, как это было ужасно.

Я сглотнула. Кофе во рту превратился в пепел, но его вкус ощущался сквозь соблазнительный запах. Может быть, поэтому нам его предложили?

— Меня сажали в клетку четыре раза. Я слышала, секс-ведьмам приходилось еще хуже.

— Еще как.

Полиамур махнула рукой, расхаживая взад и вперед по комнате. Не чувствуя запаха ее духов, я наконец-то смогла свободно дышать.

— Еще как. Нас имели, кто как хотел, не спрашивая, нравится нам это или нет, Валентайн. Но это еще цветочки. Самое страшное — это когда подонок лапал твой разум, пока он или кто-то из его прихвостней втыкали в тебя все, что им вздумается. Если ты секс-ведьма, то рано понимаешь, что тело способно предавать; разум, вот что нужно сохранять в неприкосновенности. Свою душу. Чувствовать, как этот жирный червяк копается в твоём разуме...

Поли одним движением отбросила назад свои густые локоны. Ее била крупная дрожь.

— Sekhmet sa'es, — прошептала я.

Что и говорить, за те годы мой разум почти не пострадал. Пусть он превратился в выжженную пустыню, но все же эта пустыня была моей. Как там говорится в старой легенде?

«Почему ты поедает собственное сердце? Потому, о король, что оно горько на вкус, и потому, что это мое сердце».

Даже в самое страшное время меня спасали книги. Живительные зерна бессмертных историй не давали мне забыть о том, как любил меня Льюис и какой сильной должна я стать, чтобы выжить. Мои книги и мой бог, неиссякаемые источники силы, создающие неприступную крепость моего разума. Да, все-таки мне повезло.

Повезло. Никогда не думала, что приду к такому выводу.

Полиамур обернулась к нам. Черты ее лица заострились; глаза превратились в черные щели.

— Я рано поняла, что нужно быть сильной. Или завести себе сильного покровителя. Вы мне поверите, если я скажу, что до сих пор страдаю от ночных кошмаров?

— Поверим, — сказала я и перевела взгляд на каминную полку, над которой висел великолепный, бесценный черно-белый рисунок Мобиана.

Художник изобразил обнаженную женскую спину с вытатуированным на ней взлетающим драконом. Держу пари, это был оригинал. Женщина была совсем как живая. Я могла бы смотреть на нее часами.

— Поверим, — повторила я.

«У меня был Анубис, а у тебя не было никого. Но разве я в этом виновата? Что мне делать — чувствовать себя виноватой или радоваться, как мне повезло?»

— А поверите вы в то, что я всегда испытывала чувство вины? — хрипло спросила Полиамур, сделав ударение на последнем слове.

Боль от моего собственного стыда сразу улеглась. Все еще чувствуя запах ее страха, я усилием воли умирала свое бешено стучащее сердце.

«Если бы я могла, Поли, то давно бы уже оставила тебя в покое, чтобы ты могла обо всем забыть. Ибо я, как только дело закончится, забуду обо всем, и в первую очередь об этой трижды проклятой школе "Риггер-холл"».

— Поли, мне нужно знать, кто это сделал. И что именно вы сделали. И почему глифы пожирателя могут вас защитить.

Она опустила голову; пышные волосы упали ей на лицо. Внезапно в наступившей тишине я услышала ее дыхание — она дышала, как загнанная лошадь; ее страх поднимался волнами, как жар от асфальта, аура окрасилась в голубые и фиолетовые тона и дрожала.

Не помня себя, я вскочила с кушетки, забыв о своем мече. Я медленно подошла к Поли и протянула к ней свою ауру; мои кольца сверкали. Когда края моей золотистой ауры коснулись Поли, произошло нечто удивительное: ее аура рванулась мне навстречу — классическая реакция секс-ведьмы. Им нужно питание, либо от секса, либо от энергии; чистая энергия обычно рождает в них желание. Вот почему секс-ведьмы так уязвимы — их тело постоянно умоляет дать ему энергию, превращая их в рабов своих желаний. От запаха Поли у меня начала кружиться голова, но на помощь пришел мой демонский запах — огненный и крепкий, как хороший бренди.

«О боги, от этого можно опьянеть!»

Я забыла, кем я теперь была. Забыла, во что меня превратил Джафримель. Внешний слой моего биополя рухнул, и из-под него начала сочиться тоненькая струйка энергии — словно масло потекло в стакан. Полиамур откинула голову. Она была выше меня ростом, но я легко дотянулась до ее шеи и схватила ее за руки своими сильными, мозолистыми, смуглыми руками демона, привыкшими к рукояткам ножей и мечей. Потом моя аура окружила Поли, наполняя ее вены огненно-жгучей живительной энергией. Веки Полиамур затрепетали, и она издала короткий стон, не в силах противиться натиску.

«Интересно, как я выглядела, когда Джафримель превращал меня в демона?» — подумала я и сразу прогнала эту мысль. По телу разливалось наслаждение, пронизывая его до самых костей. Оно было как крепкое вино; такого восхитительного, пьянящего чувства я не испытывала ни разу в жизни. И все же я сохраняла ясность мысли. Осторожно и ласково, словно перышком, я провела своей энергией по спине Полиамур. Она снова застонала и прижалась ко мне бедрами. Я держала ее за шею, купаясь в волнах наслаждения.

Другой рукой я коснулась ее подбородка, который оказался на удивление нежным и мягким. Я провела пальцем по шраму на ее скуле. Кожа Полиамур была совершенна; веки секс-ведьмочки вновь затрепетали, ее ресницы были густыми и темными, как у мальчика.

«Я могу делать с ней все, что хочу». Эта мысль сразу привела меня в чувство. У меня была власть, самая настоящая власть, а Полиамур была беззащитна, совсем как мы перед Мировичем.

Внезапно я очнулась.

«Нет. Я не стану этого делать. Я хочу ей помочь. Черт возьми, я просто пытаюсь ей помочь!»

Медленно выдохнув, я отстранилась от Полиамур, прекратив воздействие своей энергии, и стала ждать, когда секс-ведьмочка перестанет дрожать и сможет удерживать равновесие. Она стояла, прислонившись ко мне. Я чмокнула ее в щеку, ощутив запах мускуса, смешанный с запахом человека. Приятный запах, но страх Поли уже прошел, и я почувствовала, как по моим нервам разливается волна неясного, смутного удовольствия.

«Так вот что испытывают демоны, когда пугают нас!»

Наверное, то же самое испытал Джафримель, когда напугал меня при нашей первой встрече.

— Ну вот, — буркнула я. — Так лучше?

Полиамур захлопала ресницами, постепенно приходя в себя. Затем она резко отстранилась, и я, убрав руки, вернулась на свое место. Джейс стоял, внимательно разглядывая рисунок Мобиана. Он не покраснел, но я чувствовала, как от него пахнет возбуждением. Не такой приятный запах, как у Поли. Плечо не болело — знак словно затих. Я взяла в руки чашку с кофе и вдруг замерла, едва поднеся ее ко рту. Внезапно все прояснилось — я поняла!

«Как, вы его не воскресили?»

«Ты не бросишь меня в одиночестве скитаться по земле!»

«Накорми меня».

Секс-ведьм нужно кормить. Как и меня; слава богам, я могла питаться человеческой пищей. Джафримелю нужна была кровь. В Нуэво-Рио он ходил есть на скотобойню.

«Не хочу, чтобы ты видела, как я ем».

Его голос, знакомый и темный, как виски. Я уставилась в свою чашку. Полиамур стояла к нам спиной, дыша тяжело и прерывисто; однако ее аура уже успокоилась. Проглотив комок в горле, я хрипло повторила:

— Мне нужно знать кто. Мне нужно знать, как вы это сделали. И почему считаете, будто глифы пожирателя могут вас защитить.

Коротко рассмеявшись, Полиамур резко обернулась.

— Хорошо, я расскажу все, что знаю. В конце концов, вы же заплатили, устроив это маленькое представление.

«Которое тебе очень понравилось». Как, впрочем, и мне.

— Черт бы тебя взял, Себастьяно, ты ведь можешь стать следующей жертвой! Вместо того чтобы липнуть ко мне, лучше расскажи все, что знаешь, а то я трахну тебя как следует, только с другого конца!

Полиамур дотронулась до серебряного амулета, который сверкнул в ее пальцах, словно отравленная стрелка.

— Я уже мертва. Мы не смогли убить Мировича, мы же были просто детьми. Это Келлер придумал, чтобы каждый... взял себе по кусочку. — Рука Поли дрожала, и вместе с ней дрожал амулет, сверкая серебряными искрами. — Мне известно не все, Валентайн. Я должна была провести их мимо охраны в личные покои Мировича. Келлер не смог бы справиться с ним в одиночку. Никто не желал вызывать его на поединок пожирателей, ибо никому не хотелось становиться пожирателем, которого все презирают и преследуют. И тогда Келлеру пришла в голову одна идея: каждый из нас станет пожирателем частично.

Я заморгала. «Так вот почему расследование держалось в тайне». Если бы стало известно, что несколькими псионам — которые были всего лишь детьми — удалось снять с себя ошейники и убить директора школы, притом такого опытного, как Мирович...

Это было бы почище бунта учеников в ответ на безобразия директора. Вот если бы он публично обливал нас грязью, тогда никто бы и ухом не повел. Псионов уже тогда ненавидели почти везде, и только кое-где — терпели. Гегемония в нас нуждалась, и потому нас защищал закон, но публичность — это уже совсем другое.

В животе начались спазмы. Это была просто жизнь в реальном мире, только меня от нее тошнило. Когда директор издевается над детьми, это нормально, но когда дети восстанут против директора — это уже неприемлемо. Ибо если псион научится убивать еще ребенком, что с ним будет, когда он вырастет? Нет, такого опасно оставлять в живых. Логично, не так ли?

Джейс слегка шевельнулся. Я сразу поняла, чего он хочет, словно он телепатически передал мне свою мысль.

— Кто такой этот Келлер?

— Келлерман, — ответила Полиамур и вздохнула.

Это имя мне ничего не говорило.

— Наверное, мы с ним не встречались.

В голосе Полиамур слышался явный сарказм, когда она, стараясь меня не обидеть, ответила:

— Сомневаюсь, что вы бы его вспомнили, даже если бы вы и встречались. Он умел казаться незаметным.

— Келлерман?

Полиамур вздрогнула — я не обратила внимания на свой голос: от его звука звякнула посуда на подносе, скрипнул столик, крикнули стены и шевельнулись занавески на окнах, от которых на стенах задвигались тени. Интересно, что сейчас чувствует Полиамур? Борется с желанием броситься к моим ногам и раболепствовать?

Я подавила дрожь. Слава богам, что я не родилась секс-ведьмой и не попала в

бридеры. Или в колонию. Или еще что-нибудь, что могло бы со мной случиться.

И все же... может, стоит ее поугубить, совсем легонько, чтоб вновь ощутить на себе прикосновение ее восхитительной энергии?

— Это прозвище. Келлерман Лурдес. Его родители были новохристианами, погибли в автокатастрофе — Полиамур тихонько вздохнула. — Что еще вы хотите знать?

— Откуда взялись глифы пожирателей? Кто еще участвовал в заговоре?

Разгадка начинала вырисовываться все ярче, словно предмет, медленно всплывающий на поверхность прозрачно-чистой воды. И все же мне не хватает некоторых деталей, чтобы картина прояснилась окончательно.

— Это знал только Келлер. Мы встречались в старом шлюпочном сарае у озера — помнишь ту халупу? Каждый из нас знал в лицо только того, кого сам завербовал; всех знал один Келлер. Он очень серьезно относился к конспирации. Меня завербовали лишь для того, чтобы я провела Келлера и остальных мимо охраны.

— Остальных?

«А я-то думала, что она выложит мне все, что знает и чего не знает об этом Келлере и Мировиче», — кисло подумала я.

Но Полиамур была бледна и дрожала, и упасть ей не давала только моя энергия. Если уж от моих собственных воспоминаний у меня открывались и кровоточили несуществующие раны на спине, а Эдди начинал дрожать с головы до ног, что же говорить о легендарной Полиамур, которая и так уже натерпелась достаточно? Нужно ее приласкать, пусть отдохнет хотя бы несколько секунд. В конце концов, я тоже не железная и имею право выкинуть что-нибудь эдакое просто так, чтобы забыться. Я ведь никогда не признавала секс за деньги, никогда.

До сегодняшнего дня.

Думаю, Урсула была одной из них. Возможно. Не знаю.

В темных глазах Полиамур стояли слезы, бархатный голос дрожал.

— Ты с ними не пошла? Но как тебе удалось отключить систему защиты и...

— Он любил оргии. — При упоминании имени Мировича Полиамур перешла на шепот; в воздухе чувствовалось такое напряжение и мука, что он начал кровоточить. — В общем, я принесла ему свежее мясо и привела с собой Келлера. Нужно было подойти к нему поближе и...

— Sekhmet sa'es, — прошептала я. — Ты привела с собой приманку и Келлера.

Она кивнула.

— Как только мы миновали линии защиты, Келлер снял с себя ошейник и подождал, пока я снова замкну цепь. Потом я потащила приманку — это была магиня, Долорес Ансьен-Руис, она ни о чем не догадывалась. Ненавижу себя. Мирович занимался ею, когда Келлер начал исполнять свой... план... а я следила за системой защиты. — Полиамур с ужасом взглянула на свои изящные пальцы, словно они были чужими. — Ненавижу себя, ненавижу.

Нужно идти до конца.

— Почему? — спросила я.

Полиамур повела плечами.

— Через два года Долорес покончила с собой. Ей было одиннадцать, когда она повесилась.

Дерьмо! А я-то собиралась расспросить и ее. Чтобы повесилась одиннадцатилетняя девочка... Я отогнала от себя эту мысль.

— Потом я тащила ее из спальни директора, а она заходила криком. Они пробежали мимо меня — на них были глухие маски, но Урсулу я узнала. И Эрана. И Холлина.

— Холлина? Холлина Сьюкроу?

Вот его я знала, во всяком случае, много о нем слышала. Я взглянула на Джейса — он был бледен, лоб покрыт каплями пота. Да уж, тяжело все это слышать. Феромоны Поли действовали и на него. Интересно, а что он почувствовал, когда запахло ее страхом?

— Именно. — Полиамур слегка вздернула подбородок. — Ну что, все? У меня важное

свидание, не хочу опаздывать.

«Можно подумать, оно для тебя важнее всего на свете».

Хотя, скорее всего, Полиамур просто устала и решила нас выпроводить, чтобы забыть о страхе, сделавшем ее такой беспомощной. Взяв в руки меч, я встала и подошла к Полиамур. Не знаю, что было написано на моем лице, но она опустила глаза, и по ее телу пробежала чуть заметная дрожь. Удивительно, как ей удавалось передать полное подчинение всего одним, притом едва заметным движением. Хотелось бы мне иметь такое выразительное тело.

Я остановилась в шаге от Полиамур. Мои ногти слегка царапнули ее руку, когда я взяла из ее слабых пальцев серебряное ожерелье с амулетом. Моя аура окутала Полиамур, и она томно вздохнула, качнувшись в мою сторону, словно хотела положить голову мне на плечо.

Положив в карман второе серебряное ожерелье, я взяла Полиамур за шею, предусмотрительно держа между нами меч, и коснулась лбом ее лба. Кожа Полиамур пылала и все же была не такой горячей, как моя. Секс-ведьма глубоко вздохнула; я чувствовала запах человеческого дыхания, кофе и мускуса. Если бы я ее поцеловала, она растаяла бы в моих руках, а Джейс так и торчал бы возле кушетки. Для меня эта минута длилась долго, очень долго; а Поли...

«Но я же хочу ее напугать. Только не думаю, что после этого смогла бы себя контролировать». Тут я сама испугалась, потому что поняла, до чего мне этого хочется и как вообще все это просто.

«Да что со мной происходит?»

Аура Полиамур стала золотистой, и я начала передавать ей свою энергию, забираясь все глубже и глубже, пока она не вскрикнула, а ее тело не начала сотрясать крупная дрожь. Внезапно мои пальцы, державшие ее за шею, стали крепкими, как железо.

— Ну, вот и все, — прошептала я. — Теперь в течение нескольких ночей ты будешь сыта. Отдохни. И перестань терзать себя из-за Долорес.

Я говорила прерывистым голосом, пытаюсь справиться с собой. Мне это удалось. «Не буду этого делать. Никогда не буду использовать людей. НИКОГДА».

«В самом деле? — раздался в ушах вкрадчивый голос моей совести. — А как насчет Джейса?»

Я судорожно вздохнула.

— Мне кажется, ты в этом не виноват, Бастьян. Многие дети кончали с собой, чтобы не быть изгнанными из школы. Кто знает, что пришлось пережить Долорес, прежде чем она помогла расправиться с Мировичем?

Я говорила низким, переходящим в контральто хриплым голосом, который впивался в кожу Полиамур, пока я, свив ментальные нити в тугой узел, вливала в нее свою энергию. Теперь в течение нескольких дней Полиамур будет свободна; ей не нужно будет питаться. Тот заряд энергии, который я ей передала, продержится еще дольше, если она не будет творить заклинания; а если на нее нападут, она сможет за себя постоять. Малая плата за то, что она пережила по моей вине, но больше у меня ничего не было.

Одно было несомненно: Полиамур не убийца. Секс-ведьмы никогда не становятся пожирателями. Их способность удерживать заряд энергии очень слаба, а получать энергию они могут только от секса. К тому же Полиамур не только не была убийцей, но даже не являлась прямой участницей заговора. В общем, она абсолютно чиста.

Полиамур выпрямилась, и я убрала руку с ее шеи.

— В следующий раз, Поли, когда тебе понадобится отдых, приходи ко мне. — Отойдя от нее на несколько шагов, я развернулась и взглянула на Джейса. — Пошли отсюда.

Джейс направился к двери. Он уже взялся за ручку.

— Валентайн! — внезапно окликнула меня Полиамур.

Теперь ее голос не дрожал, а звучал звонко и уверенно. Я резко остановилась, но оглядываться не стала. Если бы я оглянулась, то совершила бы что-нибудь такое, чего делать

было нельзя. Я крепко сжала рукоять меча.

— Сучка ты. — Голос Полиамур ломался, как у мальчишки-подростка. — Спасибо.

«Если бы ты знала, как мне хотелось тебя напугать, чтобы затем использовать твой страх, ты бы меня не благодарила».

— Не за что.

Я тронула Джейса за плечо, и мы быстро вышли из зала.

— Придется опять ехать в лифте, — сказал он.

Я вздохнула и закрыла глаза. Рука сама впилась в его плечо. Может быть, ему стало больно, но он не подал вида.

— Не бойся, Дэнни. Я с тобой.

Слышать это оказалось приятнее, чем я ожидала.

— Хорошо.

От моего низкого голоса Дом Полиамур слегка содрогнулся.

«Чуть не случилось. Это чуть не случилось. Надо же, додумалась — пригласила ее к себе. Она секс-ведьма, ей это необходимо, а тебе?»

По спине пробежала дрожь, кожа покрылась мурашками.

«Нет. Я могу предложить ей помощь. И все. В качестве платы за то, что я с ней сделала и что хотела сделать. Я не демон. Я человек. Человек».

Но эти дивные ощущения, это благостное освобождение от боли, этот чудесный запах страха, более сладостный, чем все, что я вдыхала за свою жизнь, не считая, конечно, запаха демона...

Нет. Нет! Я человек, черт меня побери! И останусь им. Изменение генов не превратило меня неизвестно в кого и не превратит. Я всегда буду человеком. Изменилось только мое тело, все остальное осталось прежним.

В самом деле?

«О, Анубис, — взмолилась я, — не дай мне ошибиться».

— Дэнни! — окликнул меня Джейс.

— Да? — тяжело дыша, отозвалась я.

«Не спрашивай меня ни о чем, Джейс. Не спрашивай, смогу ли я дать тебе что-то еще кроме того, что ты уже получил. Лучше всего, закончив с расследованием, отпустить тебя, чтобы ты жил своей жизнью. А я так больше не могу».

Но Джейс снова меня удивил — уже в который раз.

— Куда теперь? Постой, сейчас догадаюсь. Искать Холлина Сьюкроу.

Я открыла глаза. Знак на плече болел, к спине прикасались чьи-то горячие пальцы. Мертвые пальцы. Пальцы Джафримеля. Может быть, он чувствует запах моего страха? Интересно, как он пахнет, мой страх? Нравится ему этот запах или нет? Теряет он от него голову? Усилием воли я прогнала эти мысли.

— Все верно. Но сначала устроим randevu с Гейб.

«А потом я как можно скорее выясню, есть ли в Сент-Сити скотобойня. Мне срочно нужен бочонок свежей крови».

От этой мысли на душе сразу стало легче. Но за первой мыслью пришла вторая, от которой у меня сжалось сердце. «А если я ошибаюсь? А вдруг, погрузив пепел Джафримеля в кровь, я его уничтожу? Что, если Люцифер солгал или я все поняла неправильно? Что, если он меня просто дразнит?»

Ну, если он меня дразнит, то очень об этом пожалеет. Как только разделаюсь с убийцей, переверну все книги о демонах и найду способ воскрешения. И уж после — никаких расследований.

Как все-таки долго я тосковала, черт возьми.

Глава 25

Полицейский участок гудел как улей. Мы без труда припарковались в подземном

гараже. Думаю, что копы уже знали мой ховер, поскольку нас пропустили в здание без всяких задержек и проверок. Джейс молчал и выглядел задумчивым. Мне наконец удалось разжать свою левую руку, а также убедить себя, что я вовсе не собиралась приглашать Поли к себе домой; ничего подобного — я просто предлагала ей совершить обмен, то есть отплатить за те страшные воспоминания, которые ей пришлось пережить ради меня.

И что такого, если при мысли о Поли у меня выступает пот на лбу и под мышками? Я больше вообще не потею; чтобы вспотеть, мне требуются поистине феноменальные усилия, поскольку теперь моя кожа практически избавлена от потовых желез. И все же я вспотела.

В кабинет, держа в руках ворох бумаги, быстрыми шагами вошла Гейб; увидев нас, она остановилась. Ее темные глаза яростно сверкали, гладкие волосы растрепались. Гейб бросила бумаги на стол.

— Выяснили что-нибудь? — спросила она таким тоном, словно собиралась нас растерзать.

«Ага. Я, например, выяснила, что могу пьянеть от страхов секс-ведьмочки. Как тебе это, Гейб?»

— Выяснили кое-что интересное, — ответила я. — А ты чего злишься, маленькая Спуки?

— Я составила список псионов, чьи фамилии были отмечены в журнале черной пометкой. Итак: одного я найти не смогла. Еще несколько по-прежнему живут в Сент-Сити. Остальные умерли.

— Сколько? — спросил Джейс, прислоняясь к стене.

Я старалась не думать о том, как на него мог действовать страх Полиамур.

Врать самому себе — плохая привычка, особенно для некроманта.

— Девять человек. — Гейб слегка скривила рот. — Похоже, их разметало по свету: трое жили в Пучкине, двое — на Свободной территории, остальные — в Гегемонии, подальше от Сент-Сити.

— Ну-ка постой, — сказала я, опускаясь на стул и закрывая глаза. — Дай сама скажу, кого ты не нашла. Келлермана Лурдеса, верно?

— А ты времени зря не теряла, — устало сказала Гейб. — Так вот: все девятеро погибли. Убийства начались на территории Пучкина, потом перекинулись на Свободную зону и оттуда начали двигаться в сторону Сент-Сити. Теперь они происходят у нас. И никаких следов. Кстати, отгадай, кто был убит первым.

Я пожала плечами и потерла виски, словно у меня разболелась голова. Интересно, демоны страдают от головной боли или это самовнушение?

— Не знаю. Кто?

«Прости, Гейб, но у меня уже нет сил разгадывать загадки».

— Его убили ровно через десять лет после смерти Мировича. Андерс Куллем...

— Я его помню, — сказала я и поежилась. — Один из тайных доносчиков Мировича.

Шрамы на спине загорелись, словно их вновь прижгли раскаленным железом; шрам на ягодице дернулся от боли и затих. От знака на плече по телу пробежала горячая волна, по венам разлился бархатный огонь, успокаивая меня, как совсем недавно я успокаивала Полиамур.

Как все-таки было хорошо, когда демонский знак молчал, застывший и холодный, а не жил собственной жизнью, как сейчас. Особенно настораживало то, как он реагировал на мой страх. Но это же невозможно. Я не секс-ведьма.

Гейб плюхнулась на стул.

— На нем было серебряное ожерелье с амулетом в виде карты пик, и что еще интереснее — убийца разорвал тело пополам, от руки до руки. Не справившись с расследованием, полиция Пучкина отправила дело в архив. Они проверили всех убийц на своей территории — никакого результата. Слушай, Дэнни, я одного понять не могу: при чем здесь этот чертов нормал, Брайс Смит?

«Я тоже ничего не понимаю. Это меня и беспокоит».

— Сама не знаю. Ты можешь о нем что-нибудь узнать? Например, откуда он получал деньги?

Пожав плечами, Гейб склонилась над бумагами и скоро вытащила из вороха толстую папку.

— Уже узнала. Смотри. Между прочим, на нем не было серебряного ожерелья.

— Он был ювелиром. Его слик был записан на имя некоего Келлера, — вставил Джейс. — Вспомни, какое было прозвище у Келлермана Лурдеса. Как там говорила Полиамур?

— Вы это серьезно? — сказала, покачав головой, Гейб и раскрыла папку. — Брайс Смит. Обращался за визой в Пучкин. Цель поездки — работа в качестве «технического консультанта», которая позволяла ему появляться в нужное время в нужном месте... хм. Ездил не один, здесь не указано с кем. Черт бы побрал дипломатическую неприкосновенность, — Гейб перехватила мой взгляд. — Черт, Дэнни... как хорошо, что ты здесь.

Я слабо улыbnулась. Затем взяла папку.

— Я для того и живу, чтобы всем помогать. У тебя есть список псионов Сент-Сити?

— Есть. В городе живут семеро. Во всяком случае, надеюсь, что еще живут...

— Вычеркни Полиамур. И Келлермана Лурдеса. Остается пять. Есть в списке Холлин Сьюкроу?

— Да. А Келлер — подозреваемый, Дэнни?

Я глубоко вздохнула. Мозг переключился в режим «работа» — уже хорошо.

— Не знаю.

«Пока все на уровне интуиции, Гейб, а ты уже ожидаешь чуда».

С другой стороны, что такое интуиция, как не чудо магии?

— Интересно, почему убийца не трогает псионов Сент-Сити? — спросила Гейб.

— Потому что здесь находится «Риггер-холл». Здесь все началось — здесь и закончилось. — Боль перекинулась с плеча на спину, шрамы превратились в жидкий огонь. Я втянула воздух сквозь стиснутые зубы. — Ладно. Что будем делать?

Странно, но мой голос не дрожал, только звучал немного хрипло — и все из-за Люцифера, едва не свернувшего мне шею. Время не стерло эти воспоминания, как и все остальные. Тренированная маги память — это и дар божий, и проклятие; мне так многое хотелось забыть! За последнее время этот список стал еще длиннее. Притом значительно.

«Вы верите в судьбу, Данте Валентайн?» Голос Полиамур, тихий и испуганный. Я ей не ответила, поскольку ответ получился бы слишком... жутким.

В голове мелькнула мысль — а не сказать ли Гейб, мол, на свете существуют вещи, которые лучше предоставить судьбе, иногда все происходит помимо нашей воли, словно кто-то решает за нас уравнение. Интересно, что бы она ответила, если бы я сказала ей, дескать, картина преступления уже вырисовывается у меня в голове и она воистину ужасна в своей безграничной жути.

Потом, словно вонючие миазмы из подземелья, в голову просочилась другая мысль. Заговорщики — после того как Полиамур вытащила из спальни девятилетнего ребенка, пережившего такое, чего не в силах вынести ни один ребенок, — набросились на Мировича и разорвали его психику на куски, а может быть, и не только психику, чтобы физическое расчленение довершило начатое дело. Поэтому теперь, почувствовав опасность, они не стали обращаться в полицию, а попрятались по своим святыням и начали окружать себя магическими кругами. Может быть, именно с помощью таких кругов Келлер высосал жизнь из чудовища, спрятавшегося под одеждой школьного директора?

Внезапно я поняла: из магических кругов выползло нечто, оно набрасывалось на человека и разрывало его на куски. Неужели Кристабель это предвидела и еще десять лет назад отметила фамилии тех, кто мог оказаться в опасности? Каждый некромант знает, что мертвые всегда остаются с мертвыми, но, может быть, Кристабель поняла, что иногда могилы разверзаются и...

Я резко тряхнула головой. Кристабель не была такой уж талантливой некроманткой. Но она могла кое о чем догадываться... А может быть, ее озарило некое предвидение, как иногда бывает у меня, и кто-то шепнул ей на ухо, что нужно запомнить заговорщиков, раз уж мир не смог спасти их от Мировича и им, чтобы спастись, самим пришлось совершить немислимое.

«Вспомни "Риггер-холл"! Вспомни».

Опустив руку в карман, я нащупала два серебряных ожерелья.

«Может быть, бросить все к черту, и пусть спасают себя сами?»

Нет, я не могла так думать. Во мне говорит страх.

Я больше не узнавала саму себя. Прежней Дэнни Валентайн такое никогда бы не пришло в голову, никогда бы она не решила, может, стоит замкнуть круг, и дело с концом... пусть убийства закончатся сами, не стоит вмешиваться.

Нет, прежняя Дэнни Валентайн подумала бы, что убийцу Мировича следует если не наградить, то хотя бы поблагодарить.

Прежняя Дэнни Валентайн никогда бы не захотела немножко попугать секс-ведьму, чтобы получить несколько бесплатных минут наслаждения.

«Ну же, Дэнни, подумай. Круг замыкается. Ты стоишь перед лицом опасности, которая может угрожать и тебе. Это же не твоя война, верно? Если это месть, ты-то здесь при чем? Ты же ничего не сделала».

Низкие, гадкие мысли. Таких не может быть у подруги Гейб, у ученицы Йедо, которой он подарил меч, у некромантки, которую защищал Джафримель, у женщины, которую любит и оберегает Джейс.

И все же эти мысли меня не покидали. Словно мягкий, вкрадчивый голос Джафримеля, они окружили мне голову, пытаюсь найти лазейку, чтобы забраться внутрь.

Голос Джафримеля — или Мировича.

Ну, нет, у меня с ним свои счеты. Мне нужно отомстить за Роанну, которая пыталась рассказать социальному педагогу, что творится у нас в школе. И за себя. За того ребенка, каким я была.

Голос Эдди.

«Я не могу вернуться домой, не могу уснуть, ведь люди погибают. Этому нужно положить конец».

Я взглянула в хмурое лицо Гейб. У меня нет выбора. Она же позвонила мне.

«Дал слово — держись».

— Ну, вот что. Я поеду к Холлину Сьюкроу, — сказала я. — А ты выясни все о Брайсе Смите.

«Удачи тебе, Гейб, ведь если он был техническим консультантом, ты ничего не выяснишь об источниках его доходов; их надежно охраняет торговое соглашение между Гегемонией и Пучкином».

— Думаешь, он и есть Келлер? — спросила Гейб.

Интересная мысль. Хотя и не имеет смысла. Келлер был псионом, иначе не учился бы в «Риггер-холле».

— Мы даже не знаем, кем был этот Брайс Смит. Нам известно только то, что он был зарегистрирован как нормал и что его генный код заблокирован. Больше нам про него ничего неизвестно, поэтому рано делать выводы. Сама знаешь, поспешишь — людей насмешишь.

Гейб хмыкнула. Она уже немного успокоилась. Дайте Гейб четкую картину преступления со всеми уликами, и она расцветет от удовольствия.

— Ладно. Слушай, ты никогда не хотела работать в полиции?

Я запрокинула голову и взглянула на потолок.

— У меня плохо получаются две вещи — играть в политические игры и выполнять приказы. Предпочитаю быть свободным художником.

Гейб рассмеялась; смех получился у нее тихим и резким, но лучше этот, чем совсем никакой.

— Знаешь, нам пока везет. Нихтврены надавили на городские власти, и теперь мне предоставляют любую информацию, какая мне нужна. Чем ты их так восхитила, когда встречалась с Главным?

— Прикончила парочку оборотней. — Я встала со стула. — «К тому же собираюсь нанести им еще один визит, чтобы поработать в их библиотеке». — Я еду к Сьюкроу. Дашь мне копию списка псионов?

Гейб усмехнулась.

— Уже в твоём компьютере. Эй, Дэнни!

Я молчала, глядя на Джейса, который отделился от стены. Под глазами темные круги, у него был вид человека, которому нужно срочно выспаться. Совсем я его загоняла.

— Что?

— Спасибо. За разговор с Эдди. Вчера вечером он наконец явился домой.

Я слегка поморщилась.

— Не за что, Гейб. Ты же моя подруга.

С этими словами я вышла из кабинета. Джейс поплелся вслед за мной.

— Поедем к Сьюкроу?

Я оглядела коридор, чувствуя неприятное покалывание в шее.

— Нет. Домой. Хочу кое-что взять, а тебе нужно выспаться. Я поеду к Сьюкроу одна, а потом заеду за тобой часов через двенадцать, и тогда мы...

— Черт возьми, Дэнни, я выдержу! — разозлился Джейс.

Мы спустились на стоянку. Звук наших шагов гулко отдавался среди бетонных стен. Дышать стало немного легче, но неприятное покалывание означало, что меня ждут неприятности.

— Я отлично знаю, что ты выдержишь, Джейс, — сказала я, чувствуя, что мой наигранно-терпеливый тон разозлит его еще больше. — Просто я не хочу, чтобы ты попусту расходовал силы. Честное слово, через двенадцать часов ты будешь вкалывать как лошадь.

— С какой стати? — с вызовом спросил Джейс.

Я чувствовала, как он напряжен; его посох глухо ударил в стену. «Черт возьми, Джейс, очень тебя прошу, не начинай! У меня и так был тяжелый день».

— А с такой. Когда я закончу со Сьюкроу и остальными по списку, то поеду в «Риггер-холл». И ты мне понадобишься.

Мой голос звучал так же резко, как и его.

«А когда все это закончится, я займусь своими делами, которые тебя не касаются. Все равно ты ничего не поймешь, ибо речь идет о бочонке крови, кучке пепла и о моих молитвах богам — чтобы Люцифер не начал вновь дергать за цепь, на которой он меня держит. Ты не должен тратить свою жизнь на человека, который не сможет дать тебе то, что ты хочешь, Джейс. Как только это закончится, я все тебе расскажу. И ты поймешь».

— Ладно, только разреши мне поехать с тобой к Сьюкроу. Датчик показывает, это совсем рядом.

Я резко остановилась и взглянула на него. В руке Джейс держал посох, за пояс был заткнут меч. Что же, неужели пришло время выяснить отношения? Я прекрасно понимала: так долго продолжаться не может, терпение человека не безгранично. Даже такого, как Джейс Монро.

Джейс сунул свой датчик во внутренний карман куртки. Наши глаза встретились. Когда-то я могла бы поклясться, что могу прочитать по ним все. Джейс жил в моем доме, часто бывал груб и неразговорчив, но никогда не раздражался, ни разу не попытался склонить меня к сексу. Он просто жил со мной рядом, служа мне опорой и утешением.

Зачем? Действительно зачем, ибо та Дэнни Валентайн, которую он знал, так его и не простила, несмотря на все его старания заслужить прощение. Я больше не была той испуганной, заикающейся, наполовину сломленной некроманткой, в которую он влюбился. Я стала другой, как и он.

В кого он влюбился? Кем я была и кто я теперь? Кого я пытаюсь защитить, когда не

отпускаю от себя Джейса? Его, Джейса Монро, или саму себя?

На лестнице было совсем тихо.левой рукой я держалась за перила, покрытые облупившейся голубой краской; правая сжимала рукоять меча. Я быстро привыкла пользоваться правой рукой; теперь левая снова могла выполнять лишь самые простые операции. Я даже забыла, как трудно мне приходилось когда-то. Честно говоря, я начала забывать вообще все — и Нуэво-Рио, и жару, и тот ледяной остров, на котором я покончила с Сантино.

Я все могла бы забыть, когда смотрела Джейсу в лицо: глубокие морщинки вокруг глаз, легкую хромоту из-за больного колена, знакомый разворот широких плеч и вечно ухмыляющийся рот, который кривился даже тогда, когда Джейс говорил серьезно. В былые времена, когда наш бурный роман только начинался, я спрашивала себя, как будет выглядеть Джейс, когда постареет. Я даже хотела завести от него ребенка — после того, как выплатила бы долг за свой дом, разумеется. Что-то в Джейсе Монро было такое, отчего у меня по телу разливалась слабость, а губы сами складывались в улыбку. И он же мог разозлить меня так, как никто в мире, — но тут в памяти всплывала встреча с Полиамур, кабина лифта и пальцы Джейса, впившиеся мне в руку, чтобы болью отвлечь от страха перед закрытым пространством.

Я могла бы забыть все, кроме одного — призрака высокого нечеловека в длинном черном пальто со стоячим воротником и мощной демонической энергией; призрака, который, сцепив за спиной руки, смотрит на меня ярко-зелеными глазами. Этот призрак — единственное существо, которое я не смогла бы забыть, существо, которое не смог бы вытеснить из моей памяти никакой Джейс.

Джафримель. Тьерс Джафримель.

И все же... мое сердце тянулось к Джейсу.

«Он защищает меня так, как умеет».

Я спустилась на одну ступеньку. Левая рука легла на плечо Джейса — мягко, осторожно.

— Джейс, — тихо сказала я, — если на свете существует человек, которого мне хотелось бы... видеть рядом, то это ты. Единственная причина... в общем, я не знаю, зачем тебе это нужно. Понимаешь, последний раз, когда я занималась сексом... это было не с мужчиной, а с демоном, Джафримелем.

Я говорила на удивление ровным, спокойным голосом и все же не нашла в себе сил сказать Джейсу, что никогда не смогу дать ему что-то большее. Трусость, самая настоящая трусость, для видимости приправленная красивой выдумкой, чтобы пощадить его чувства, видите ли.

— Но теперь я изменилась. Я не знаю, как это отразится на тебе, а потому не хочу... сделать тебе больно. Не думаю, что ты стал слабее, Джейс, просто я... не чувствую усталости, как все нормальные люди. И боли тоже не чувствую. Я долго могу обходиться без отдыха. Вот и все. А тебе я доверяю полностью, как и прежде.

«Кому еще я доверяю? Тебе, Гейб и Эдди. Целых три человека — такого у меня не было за всю мою жизнь. Я любила тебя, Джейс, и сейчас люблю».

При этой мысли моя аура стала ярко-оранжевой. Ну почему он тогда уехал, вместо того чтобы остаться со мной? Почему решил, будто я не в состоянии себя защитить, и улетел в Рио, чтобы меня «спасти»? Почему?

Ради Джейса я справилась бы и с Сантино, и с самим Люцифером; подумаешь, большие шишки. Но теперь, когда между нами встала тень демона, я не смогу дать Джейсу того, что ему нужно. Удастся мне воскресить Джафримеля или нет, но я уже никогда не буду такой, какой бы хотел меня видеть Джейс. Такой, какой я была. Женщиной, которую он любил.

Может быть, пришла пора его отпустить?

Джейс смотрел на меня; его голубые глаза потемнели, губы плотно сжались.

— Со мной ты ни разу не была такой, как с Полиамур, — после некоторого молчания

произнес он. — И я... Чанго, Дэнни, все вовсе не так, как ты думаешь.

«Скажи это еще раз. А Поли я не оказывала никаких услуг, можешь мне поверить».

— Я знаю, — судорожно сглотнув, сказала я.

Мы замолчали. Между нами встала стена из слов, которые я никогда не смогла бы произнести, и молчания Джейса; стена гораздо выше той, которую возвел между нами демон, пусть и падший, когда изменил мою сущность. Наконец я нарушила молчание:

— Ладно, поехали к Сьюкроу. Только потом ты ляжешь спать. Если нужно будет тащиться в эту чертову школу «Риггер-холл», ты будешь бодрым и свеженьким, хорошо?

Джейс кивнул. С его плеч как будто свалился тяжкий груз, и он облегченно вздохнул, откинув со лба светлые волосы.

Это длилось всего одно мгновение — над его головой мелькнула темная тень. Ничего не понимая, я захлопала ресницами. Лицо Джейса на миг превратилось в маску смерти — голый череп; от ужаса я похолодела, дыхание прервалось, соски затвердели. Казалось, лестница внезапно погрузилась во тьму; изумруд на моей щеке вспыхнул ярким огнем. Но тут я открыла глаза: передо мной как ни в чем не бывало стоял Джейс, его губы шевелились — он что-то говорил...

— ...Сьюкроу, а потом я немного посплю. Согласен.

Боясь пошевелиться, я застыла на месте, глядя в лицо Джейсу. Ласково посмотрев на меня, он поднял руку и легонько провел костяшками пальцев по моей щеке.

— Не надо ничего объяснять, Дэнни. Пока я с тобой, я счастлив. Понимаешь?

В его голосе уже не было саркастических и гневных ноток, к которым я так привыкла. В нем слышалась простая человеческая нежность — таким тоном Эдди обычно разговаривал с Гейб. Мое сердце взлетело к самому горлу, там и осталось.

Мы с Джейсом стояли на лестнице совсем одни. Вокруг не было ни единого признака чужой энергии, кроме нашей — моей, демонической, и яркого шаманского свечения ауры Джейса. Я судорожно сглотнула, услышав, как сухо щелкнуло у меня в горле.

— Джейс, я...

— Едем к Сьюкроу. Послушаем, что он знает, — сказал он. — Я поведу машину.

Я кивнула, повернулась на негнущихся ногах и зашагала вниз по лестнице.

Глава 26

Сьюкроу жил в ветхом коричневом здании, расположенном на углу Девятой. Мы выбрались из ховера, и Джейс отдал команду автопилоту отвести машину на стоянку. Я вытащила меч из ножен и проверила клинок — отличная, сверкающая сталь. Глубоко вздохнув, я повертела головой, чтобы размять мышцы шеи.

Джейс поглядывал на меня, постукивая пальцами по рукояти меча. Посох он оставил в машине, взяв вместо него плазменный.

— Думаешь, встреча не будет радушной? — с усмешкой спросил Джейс.

«А ты как думал? На себя погляди. Я вообще от сегодняшнего дня не жду ничего хорошего».

Я слегка поморщилась. Сейчас не следует препираться, чтобы не искушать судьбу.

— Что-то на душе нехорошо, — сказала я, окидывая взглядом здание. — Датчик указывает, что Сьюкроу находится на третьем...

Внезапно я замолчала.

«Ну-ка, ну-ка, а это что такое?»

Крайнее окно на третьем этаже было надежно защищено энергетикой, соединенной с общей защитой дома. Сьюкроу был скинлином, поэтому его балкон утопал в пышной зелени даже поздней осенью. Возможно, он арендовал маленький участок в общественном садике и все же более неприхотливые растения предпочитал выращивать дома. Подняв голову, я посмотрела на его окно; легкий ветерок закружил в воздухе несколько сухих листочков; холодный осенний ветер гонял по тротуарам мусор. Линии защиты находились в полной

боевой готовности, они пульсировали, испуская мощные вихревые потоки энергии; чтобы защититься от них, я вытащила меч, взяла его в правую руку, а левой выставила перед собой ножны, используя их как щит.

— Бот черт! — заорала я. — Звони Гейб! Оставайся здесь!

Я могла бы запрыгнуть на балкон прямо с улицы, но для этого мне понадобилось бы много энергии, которая тут же слилась бы со взломанной энергетической защитой квартиры Сьюкроу, в которой и так уже полыхали статические разряды страха. Одним ударом выбив входную дверь, оснащенную магическим замком, я ворвалась в холл и понеслась вверх по лестнице.

Второй этаж. Я летела как вихрь, едва касаясь ногами ступеней. Меч вибрировал от энергии, но крепко лежал в моей ладони. Вбежав на третий этаж, я ударом ноги распахнула дверь и влетела в коридор, где находились квартиры.

Дверь квартиры Сьюкроу, под номером 305, была слегка приоткрыта, из нее лился желтый электрический свет. Собравшись в комок, я перепрыгнула защитные линии и ворвалась в квартиру.

Следующие мгновения я помню плохо, какими-то обрывками, неясными вспышками. Я помню маленькую прихожую, в воздухе мерцает липкое пятно энергии, излучая белесоголубоватый свет. Перед дверью — кусочек линолеума, на нем — плетеный коврик, каждый узелок которого защищен заклинанием; мне приходится их взламывать, и коврик вспыхивает огнем.

Вспышка. Я вбегаю в квартиру, клинок меча испускает голубое сияние. Раньше, чтобы зарядить его энергией, мне понадобились бы месяцы, но теперь, когда Джафримель изменил меня, на это ушло несколько секунд; от клинка сыплются искры, сталь сверкает, словно говоря, что теперь она моя и готова исполнять мою волю. Первое, что я вижу, ворвавшись в квартиру, — круг, нарисованный мелом на ламинате. Белесый голубой свет становится ярче, он уже сияет, как маленькая звездочка.

Я вижу Холлина Сьюкроу — он стоит на коленях перед тощей, как палка фигурой, которая вот уже двадцать пять лет является мне в кошмарных снах. Призрачная фигура стоит, раскинув руки, ее тень четко отражается на стене; вот она нагибается и что-то вытаскивает из широко разинутого рта скинлина.

Вспышка. В воздух взлетает фонтан крови. Шаги за спиной. Я взмахиваю мечом; воздух оглашается яростным «киа!» — совсем как во время боя в додзё Йедо. От моего крика мгновенно вылетают все оконные стекла, разбиваются лампы, и в комнате становится темно. Свет испускает только призрачная фигура; он похож на языки холодного огня. Я поскользнулась на гладком ламинате и отчаянно пытаюсь удержать равновесие.

Вспышка. Мимо меня проносится Джейс; от его боевого клича содрогается весь дом; от Джейса исходит яркое сияние шамана. Не помня себя, он бросается вперед, пытаясь закрыть меня собой, и оказывается как раз между мной и страшной тенью, которая к этому времени сворачивается, как горящая бумага. Я отбрасываю в сторону ножны и бросаюсь вперед, чтобы остановить Джейса.

Вспышка. Прозрачная фигура начинает вращаться, испуская свет. В воздухе пахнет железом — это запах крови, который смешивается с запахом пыли, гниющего мусора, магии, крема после бритья и кожи. Я знаю этот запах — так пахнет моя добыча.

Я слышу тонкий пронзительный смех, от которого у меня пересыхает во рту, и открываются старые раны. Боль пронизывает мое тело, заставляя его выгибаться дугой, словно в него, вспоров кожу, впился острый наконечник хлыста. Мои пальцы царапают воздух. Джейс пригибается и бросается вперед, пытаясь вонзить дотануки в призрачную фигуру.

Вспышка. Рев внезапно сменяется кашлем. Последний отчаянный вопль Холлина Сьюкроу. Снова бьет фонтан крови. Джейс что-то хрипло кричит, его меч издает пронзительный свист металла. Мощный удар энергии сотрясает комнату, от него содрогаются стены. Мои сапоги оставляют на полу глубокие борозды, когда меня

отбрасывает назад, и я с размаху ударяюсь локтем о стену, отчего на стальной подпорке образуется вмятина.

Вспышка. Я вижу его лицо — все в щербинах, оставшихся после юношеских прыщей; темные глаза ничего не выражают, они словно фарфоровые; сальные темно-русые волосы и блеск серебряного украшения на шее. Жирные щеки, старческие морщины. Это лицо кажется мне очень знакомым, но я не могу вспомнить, кто это.

Вспышка. Белесый голубой свет вспыхивает в последний раз и гаснет. Призрачная фигура исчезает. Новая волна мерзкой вони — так пахло тухлятиной в кабинете директора — и топот; кто-то подбегает к окну. От звуков пронзительного визгливого смеха я падаю на колени; я в шоке, поэтому не вижу ничего вокруг; от боли в плече тело немеет, но эта же боль заставляет биться мое на миг остановившееся сердце.

Я кашляю. Время наконец оживает. Я слышу вой сирен.

Потом мне говорили, что все это заняло всего несколько секунд. Волоча за собой меч, я подползаю к Джейсу и обнимаю его.

— О боги...

Мой голос звучит совсем тихо — я растратила почти всю свою демонскую энергию.

Блестящие голубые глаза Джейса смотрят задумчиво, татуировка на щеке неподвижна. Его тело кажется таким легким в моих руках демоницы. Слишком легким — ибо горло и живот Джейса распороты одним ударом ножа.

Я слепо, отчаянно пытаюсь собрать энергию, мои кольца сверкают, но уже поздно. Джейса больше нет. Порой даже некромант не в силах оживить умершего, особенно если у того распорот живот или перерезано горло. Мы, те, кто вхож в царство смерти, способны излечивать смертельные раны, но исцелить Джейса я была уже не в силах.

Я задыхалась от мерзких, влажных запахов бойни. Тело Холлина Сьюкроу лежало внутри наспех начертанного круга; глифы пожирателя слегка шевелились, все вокруг было покрыто тонким слоем быстро разлагающейся эктоплазмы, испускающей легкий дымок. Глифы получились совершенно кривыми, неровными — видимо, у Холлина тряслись руки.

А возле него стоял человек, чье лицо показалось мне странно знакомым. Если бы я перелистала свой школьный журнал, то увидела бы это лицо, вернее, его более молодую версию.

Под фотографией стояла подпись — «Келлерман Лурдес».

И тогда я поняла, что я увидела, хотя мои глаза и были залиты слезами. Я увидела тощую как палка фигуру директора школы Мировича; он стоял, уперев руки в бока, четко вырисовываясь на фоне ядовитого голубого света ауры Келлермана! Я почуяла его запах.

По рукам текла кровь и какая-то жидкость.

— Джейс, — прошептала я.

Его голова бессильно свисала, горло было разрезано до самой сонной артерии; разрез был очень тонким и ровным, он явно был сделан не клинком. Плоть разошлась, как вода; был хорошо виден темно-красный пищевод и ярко-белые шейные позвонки.

Меч Джейса, перекрученный, как штопор, выпал из его руки и со звоном покатился по земле. «Джейс». Моя татуировка загорелась огнем, когда я вобрала в себя всю энергию, какую смогла собрать. Комната содрогнулась и застонала.

С полок полетели книги, от моего «киа!» вдребезги разбилась стеклянная утварь, остаточная энергия директора и Келлера разлетелась на мелкие осколки. Собрав всю энергию до последнего эрга, я сделала то, что должен делать каждый некромант, — начала вытаскивать из царства смерти душу умершего, одновременно пытаюсь восстановить изуродованное тело.

Оно начало излучать свет. Я видела его — сверкающий след, который оставляет душа, покидающая тело; последний след умирающих нервных окончаний. Вокруг меня поднялись голубые хрустальные стены, изумруд на щеке вспыхнул ярким огнем, осветив все вокруг, и я оказалась на мосту, перекинутом через пропасть.

«Джейсон!»

Задыхаясь от слез, я громко выкрикивала это имя, и прозрачные стены отвечали мне глухим гулом, а потом мне явился бог смерти.

Анубис медленно подходит к самому краю пропасти. Он виден полностью — обсидианово-черный, покрытый гладкой сверкающей шкурой. На его церемониальном набедреннике играют отблески света от золотых украшений и драгоценных камней; его ошейник широк и также украшен драгоценными камнями. Узкая собачья голова бога слегка склоняется — он смотрит на меня безжалостными, равнодушными глазами, черными глазами, в которых отражается голубой прозрачный свет. Он стоит на краю моста, ведущего в царство смерти, моста, через который я переходила столько раз, чтобы вернуть душу в мир живых.

Его руки скрещены на груди. В одной он держит церемониальный цеп, в другой — пастушеский посох. Своей волей он останавливает меня на мосту; я одета в белую хламиду почитателей бога, мои смуглые ноги босы. «Пожалуйста!» — отчаянно кричу я, собрав всю свою волю — магическую волю, пользоваться которой я училась всю жизнь; ту волю, которая позволяла мне восполнять запасы энергии, ту волю, которой должен уметь пользоваться каждый, кто применяет заклинания. От своего отчаянного крика я едва не задыхаюсь; у меня призрачной тени, болит несуществующее горло. «Пожалуйста, нет! Нет! Я отдам тебе все, что ты хочешь, пожалуйста, мой господин, мой бог, не забирай его у меня!»

Бог смерти смотрит на меня, свою дочь, свою верную служанку, и качает головой.

Босая, не думая о том, как выгляжу, я пытаюсь сломить его непреклонную волю. Я предлагаю ему все; свою жизнь, свои услуги, каждый эрг своей энергии, тепла и любви, которые у меня остались. Я бы никогда не дала Джейсу того, что было ему нужно, но оставить его в царстве смерти... нет, никогда. Я упрямо повторяю и повторяю свои мольбы, и тогда, впервые за все годы, мой бог колеблется.

Потом он протягивает руку и касается своим пальцем моей головы. За освобождение от смерти нужно платить. Готова ли я к этому? Об этом ли он спрашивает меня?

«Я сделаю все, что ты скажешь, — шепчу я. — Я отдам тебе все, что у меня есть, все, что ты у меня попросишь».

И смерть вновь раздумывает. Когда я вижу отказ в его вечных, бездонных глазах, я вновь пытаюсь бороться. Моя щека горит, изумруд сверкает, отгоняя от меня белое пламя вечности. Вновь и вновь струны моей психической энергии едва не рвутся...

Меня отбросило назад, выкинуло из пространства между двумя мирами; захлебываясь от рыданий, задыхаясь, я вернулась в свое тело. Прижимая к себе мертвого Джейса, я, запрокинув голову, заходила от немого крика, который рождался во мне, как рождается вспышка во время ядерного взрыва. Я все еще кричала, когда приехали копы, кричала, когда Гейб пробилась ко мне сквозь мои крики, несмотря на то, что от удара звуковой волны у нее пошла носом кровь. Упав рядом со мной на колени, она обхватила меня руками, отдавая мне свое человеческое тепло, пока я, на миг освободившись от своей демонской силы, рыдала у нее на плече. Я вопила и вопила срывающимся человеческим голосом, прижимая к груди дышащее, живое человеческое тело. Дышащее — да. Живое — да. Но мне не нужно было объяснять, что в нем уже не было души. Демоническая сила позволила мне полностью исцелить тело Джейса Монро, совершив чудо, достойное лучшего из седаин, но душа Джейса Монро покинула меня навсегда.

Глава 27

Я сжимала двумя руками бумажный стаканчик; по тротуарам скользили лучи полуденного солнца. Гейб что-то тихо говорила, копы осматривали квартиру.

Сжавшись в комок, я сидела на холодной ступеньке машины «скорой помощи». Кто-то набросил мне на плечи коричневое шерстяное одеяло; моя одежда была насквозь пропитана кровью и какой-то зловонной жидкостью, которые уже начали подсыхать. Меня била дрожь; черная жидкость, по вкусу напоминающая кофе, плескалась о стенки стаканчика.

Был полдень; жильцы давно ушли на работу, и в доме никого не было, за исключением Холлина Сьюкроу. И, слава богу, потому что из-за моего крика и последовавшего за ним удара энергии от дома отвалился кусок стены. По всей улице валялись куски бетона, в воздухе плавала пыль. Впечатление было такое, словно на дом набросилась огромная акула и зубами отхватила часть стены, оставив на ней полукруглый след.

Я закрыла глаза. И вновь на меня навалилась серая тьма, и вновь ее отогнала острая боль в плече. По моим щекам текли слезы, скатываясь на подбородок; спутанные волосы были выпачканы в пыли, грязи и крови.

Тело Джейса отправили в больницу. Он дышал, у него билось сердце, все было прекрасно, за исключением того, что он был... мертв. Жила его оболочка, этот пустой дом, навсегда покинутый душой. Даже вся энергия, которой наделил меня демон, не могла изменить приговор смерти.

Мой меч, который я держала на коленях, тихо звенел. Я сидела, молча шевеля губами. Откуда-то сверху послышалось гудение сликборда; я вздрогнула и только тогда поняла, что продолжаю молить Анубиса не забирать у меня Джейса.

«Anubis et'her ka. Se ta'uk'fhet sa te varu kuraph. Anubis et'her ka. Анубис, повелитель смерти, верный спутник, защити меня, ибо я твое дитя. Защити меня, Анубис, положи мое сердце на чашу своих весов, взгляни на меня, господин мой, ибо я твое дитя. Не дай злу одолеть меня, но обрати свой гнев против моих врагов...»

Я прервала молитву, потому что меня душили слезы. Я тихо плакала, как плачет ребенок, у которого отобрали игрушку, — вздрагивая и захлебываясь слезами. Нет. Я больше не ребенок. И никогда уже им не буду.

— Слава богам, ты прилетел, — сказала Гейб.

Открыв глаза, я увидела Эдди, который спустился к нам на слике, аккуратно приземлившись прямо возле машины «скорой помощи».

— Ну как она?

На сей раз Эдди не рычал и не ухмылялся. Откинув со лба светлые волосы, он тревожно поглядывал то на меня, то на Гейб. При этом он даже не взглянул на оторванный от дома кусок стены.

Гейб пожала плечами — красноречивый жест.

— Как ты, Дэнни?

Они подошли к машине; под ногами Эдди поскрипывала бетонная крошка. Полы его пальто хлопали на ветру. Его аура, от которой пахло землей и соснами, потом и пивом, смешалась со сверкающей аурой Гейб — аурой некромантки.

Проглотив горечь во рту, я взглянула на их встревоженные лица. В глаза мне светило солнце. Я заморгала.

— Я не успела его остановить. Он двигался быстрее, чем я ожидала. Бросился на Келлера и Мировича...

С трудом выговаривая слова, я рассказала им все, что произошло. Мой голос звучал хрипло, надтреснуто, я говорила так, как говорит диктор в новостях, когда сообщает о какой-нибудь страшной природной катастрофе. Только диктора можно отключить, сменить канал, а захочешь — он все повторит.

Гейб взяла меня за плечо.

— Ты уже все рассказала, Дэнни, не мучь себя.

— Я должна была его поймать. — Почему мой голос звучит так звонко, словно у молодой девчонки?

— Я должна была его поймать. — Я подняла руку. — Джафримель наделил меня огромной силой, я должна была его опередить.

Я сморщилась. Лицо вновь превратилось в маску — трагическую маску, обратную сторону монетки под названием «смех». Маску, которую я видела на лицах тех, кто терял своих близких.

Гейб что-то прошептала Эдди.

— Черт, — отозвался он.

Черные круги у него под глазами пропали, и вообще он выглядел гораздо лучше.

— Слушай, Дэнни, я хочу отвезти тебя к нам. Мы тебя вымоем, дадим что-нибудь поесть.

— Не надо, — хрипло отозвалась я. — Мне нужно работать. В списке осталось еще...

— Их всех отправили в безопасное место, — сказала Гейб. — Слушай, возле этого здания были установлены камеры видеонаблюдения. У нас есть несколько четких снимков Лурдеса. Их уже отправили журналистам, я думаю, скоро мы этого Лурдеса задержим. — Гейб скривила губы. — Задержание будет жестким.

Ему отомстят. И на том спасибо. Я не чувствовала ничего; онемение, которое наступает, когда лезвие вспарывает мышцы, краткий миг остановки дыхания, перед тем как начинается боль и льется кровь.

— Его никто не сможет задержать, потому что он невидим.

Эктоплазма исчезла, оставив лишь тускло светящиеся тела; остальные жертвы были обнаружены слишком поздно, поэтому следов эктоплазмы возле них не было. Если бы я увидела, как в физическом мире образуется скользкое белкообразное *ка*, мы были бы более осторожны. Очень осторожны.

— Увидеть его — все равно, что увидеть тебя, если бы ты захотела стать невидимой. И он... я думаю... Гейб, Мирович... находится в нем.

— Ты видела Мировича? Но ты же говорила, что он...

Гейб явно растерялась.

«Соберись!» — резко крикнул мне в самое ухо знакомый голос. Я посмотрела на свои сапоги.

— Слушай, Гейб. Поли говорила, что дети разорвали Мировича на куски и каждый взял себе одну часть. Что, если Келлер забрал последний кусок? Или как-то... не знаю. Первое убийство произошло через десять лет после того, как Мирович... исчез. А что, если директор вовсе не умер, как все тогда подумали?

Гейб кивнула. Гладкие волосы рассыпались у нее по плечам.

— Думаешь, теперь он мстит?

— Может быть, и мстит, кто знает? А может, собирает себя по частям. — Подождав, пока Гейб переварит мои слова, я выплеснула свой кофе на тротуар. — Не уверена, что твое «безопасное место» сможет спасти оставшихся псионов. Я ведь не знаю, как он их находит.

— Ты считаешь, Мирович находится внутри Лурдеса? — спросила Гейб, широко раскрыв глаза.

Такое псиону может присниться только в ночных кошмарах. Псион, который тащит на себе *ка* пожирателя, раб-носильщик, псион-мул. Пожирателя, питающегося энергией. Вместо того чтобы получать энергию от случайных жертв или тихо сидеть в углу, Мирович засел внутри Келлера, постепенно возвращая себе то, что когда-то забрали у него дети. Восстанавливая себя. А что, в этом есть смысл. Это самый страшный тип пожирателя. Вечно голодный, готовый убивать направо и налево, он был очень близок к тому, чтобы собрать себя окончательно, полностью восстановив свое *ка*, переходя от мула к мулу, высасывая из них энергию и превращая в бездушных зомби или того хуже, в пожирателей. Он распространял заразу, которая с каждой новой жертвой становилась опаснее.

— Я думаю, что это *ка*, Гейб, что же еще?

В горле саднило, глаза слезились от яркого солнечного света. Именно так, от света.

— Прости, у меня дела.

Как трудно быть вежливой. Как трудно.

— Дэнни, пожалуйста. Поезжай с Эдди. Поешь, вымойся и приезжай в больницу. Мы сделаем это вместе.

Я крепко пожала Гейб руку, сильно ее встряхнув. Слегка опешив, Гейб сразу отступила от меня на шаг, и я увидела, как сверкнула аура Эдди.

— Чего испугались? — сказала я все тем же детским голосом, который меня так удивил.

Скрывать чувства у меня уже не было сил.

— Я не стану на вас кидаться. А я-то надеялась, что вы мне доверяете.

— Я ничего не испугалась, — сказала Гейб. — Только у тебя такой жуткий взгляд, Дэнни. Он у тебя появляется, когда ты выходишь на охоту, и тогда... да помогут боги тому, кого ты преследуешь.

— Ну, в общем, верно.

От моего голоса машина закачалась. Эдди поежился.

Я была слишком мала, чтобы прикончить этого гада Мировича. А должна была, потому что мне этого ох как хотелось. — Я взглянула вверх на отломанный кусок здания, над которым еще висала пыль. — Мне нужно все выяснить об этом парне — Брайсе Смите, на тот случай, если он и в самом деле служил Лурдесу прикрытием. Нужно узнать, какая между ними связь. Мы этого до сих пор не знаем.

Гейб кивнула. Деловая суета на месте побоища продолжалась. Дом оцепили, натянув вокруг него широкую желтую ленту; в воздух поднялись два воздушных авто коронеров; за ограждением тихо гудела собравшаяся толпа. Я увидела вспышки фотокамер — значит, репортеры уже прибыли. Я проводила ховеры взглядом — машины направились в сторону полицейского участка и морга. Солнце слепило с такой силой, что слезы лились из глаз рекой.

— Больница, — сказала я все с теми же детскими интонациями в голосе, от которых сама поморщилась. — Они повезли его в больницу?

— Да, — кивнула Гейб. — Поехали с нами, Дэнни.

«Нет, пожалуйста, нет».

— Его меч. Он ведь тебе не нужен, Гейб?

Эдди слегка дернулся. Опять я грублю.

А, наплевать, я слишком устала. Джафримель никогда мне не рассказывал об усталости демонов, об усталости существа, которому не нужно спать. Эта усталость пронизывает тело до самых костей, забирается в глубь каждой мысли. Или так устают только хедайры? Никто мне не ответит на этот вопрос.

Внезапно меня охватила страшная тоска; мне начало казаться, что я вновь стала двенадцатилетней девочкой, которая с ужасом понимает, что со смертью последнего близкого человека она осталась одна на всем белом свете. Опять одна.

— Конечно, не нужен, — сказала Гейб. — Он твой. Мне очень жаль, Дэнни. Я знаю, как ты его любила.

Я скривила рот, словно съела что-то кислое. Любила.

«Я сама не знаю, любила я его или нет».

— Спасибо, — каким-то чужим голосом ответила я.

Как странно изменился мой голос — теперь он звучит хрипло и тяжело, словно говорит кто-то, перегруженный энергией. Теперь я поняла: если бы мой бог на время не лишил меня демонской силы, я разнесла бы все здание. И не только здание.

Может быть, что-нибудь еще.

Точно — что-нибудь еще.

— Не надо, Дэнни, — серьезно сказал Эдди, внимательно глядя на меня.

Он сутулился, словно ему на плечи свалился тяжелый груз. Ветер трепал полы его пальто, ерошил волосы.

— Не надо себя мучить.

«Не надо себя мучить? Не надо себя МУЧИТЬ?»

— А кого мне еще мучить? Вы что, ничего не понимаете? Я сама стала жертвой, если вы этого не заметили! Каждый, кто связывается со мной, погибает, рано или поздно. И вам лучше держаться от меня подальше...

Я не замечала, что кричу во весь голос, пока Гейб, подойдя ко мне, решительно не закрыла мне ладонью рот. Ее темные глаза — глаза человека — смотрели прямо в мои глаза; Гейб была значительно ниже меня ростом, но я сидела на ступеньке машины, поэтому наши лица оказались на одном уровне. Я почувствовала ее дыхание, запах благовонной смолы и духов. От меня исходил запах демона — смесь мускуса и специй. Зрачки Гейб слегка расширились, и только.

— Заткнись, Данте, — тихо и отчетливо сказала Гейб. — Мы возьмем твой ховер. Ты поедешь к нам, вымоешься, а потом мы поедem в больницу. Мы поймем этого подонка и, когда он будет в наших руках, сделаем с ним такое, чего не снилось даже самому лютomu оборотню. Это я втянула тебя в расследование, и, если тебе обязательно нужно кого-то обвинять, обвиняй меня; потом, если захочешь, мы с тобой проведем спарринг-бой. А пока, солнышко, будь любезна, помолчи. Тебе все ясно?

Смешно, честное слово. Охренеть можно, до чего смешно. Я — наполовину демон, гораздо сильнее и быстрее Гейб, я наделена такой силой, что могу разнести целое здание. Внезапно я почувствовала такой голод, что у меня даже засосало под ложечкой. И все же не от голода тряслись мои руки, тряслись так, что мне пришлось крепко вцепиться в рукоять меча.

Я уставилась в потемневшие, с расширенными зрачками глаза Гейб. Мне были хорошо видны золотистые искорки, мелькавшие в них, веснушки на ее точеном патрицианском носике. Ее аура накрыла меня, успокаивая и утешая. Аромат ее духов пробился сквозь пряные запахи демона, и я благодарно вдыхала его.

Гейб смотрела мне в глаза.

Так пристально я вглядывалась только в одни глаза — излучающие ослепительный ярко-зеленый свет. Мы с Гейб давно уже понимали друг друга без слов; вот и на этот раз нас обеих вдруг словно ударило электрическим током. Редчайший вид общения, так у меня бывало только с Анубисом; даже с Джафримелем все было по-другому, когда он, взяв меня за плечи, вглядывался в мое человеческое лицо. Нет, у нас с Гейб был чисто женский вид общения, как, например, понимают друг друга женщины, прошедшие через муки деторождения.

Конечно, я не рожала и все же прекрасно знала, что это такое. Это знает каждый ребенок. И каждая женщина.

— Я с тобой, Дэнни, — прошептала Гейб. — Мы должны поехать в больницу. Ты сама знаешь зачем.

Перед глазами все поплыло. Это был не шок, это были горячие слезы. В глазах Гейб не было жалости, только горе и сострадание.

Я медленно кивнула. Она отняла руку от моего рта, затем протянула ее мне — и я ухватила за ее пальцы.

Эдди напрягся. Он ничего не сказал, когда Гейб помогла мне подняться.

В воздухе стоял тихий гул приборов, следящих за работой пульса и легких. Кожу царапала энергия человеческой боли. Псионы не любят больниц. Никакая, даже самая передовая, технология не в состоянии скрыть тот факт, что в больницу попадают те, кому плохо, а когда им становится совсем плохо, они умирают. Даже некроманты, которые видят смерть чуть не каждый день, даже они не любят, когда им напоминают, что все мы смертны и что когда-нибудь он или она отправится той же дорогой, по которой уходят его клиенты.

Палата была совсем маленькой, зато отдельной. В ней было даже окно, через которое пробивался дневной свет, и виднелись облака, собирающиеся на севере. Мы находились на третьем этаже; занавески были распахнуты; под ногами был ровный голубой пол... и был Джейс Монро, который лежал на кровати, дыша спокойно и ровно, словно заводная игрушка,

которую уложили на белые простыни и закрыли шерстяным одеялом. Его волосы поблескивали; он выглядел расслабленным и помолодевшим лет на десять.

Рядом с кроватью стоял стул. Эдди встал у изголовья, а я опустилась на колени рядом с Джейсом.

Из коридора слышался яростный шепот Гейб — она с кем-то отчаянно спорила. Гейб — лицензированная некромантка, следователь полиции, и если она сказала, что человек мертв, значит, так оно и есть, поскольку ее слова имеют юридическую силу. Когда же в комнате присутствуют две некромантки, а энцефалограф показывает ровную прямую линию, сомнений уже не остается: Джейсон Монро мертв, и помочь ему уже не может ничто, даже самая лучшая медицинская техника Гегемонии. И все же Гейб настояла на том, чтобы нам разрешили попрощаться с безжизненным телом, возможно нарушив тем самым Приложение номер два Указа Эмберсона.

Мне было на это наплевать. Мне было вообще наплевать на все и всех. Я была чисто вымыта, на мне была рубашка Эдди и чистые джинсы — джинсы Гейб на меня не налезли, а спрашивать, откуда в их доме взялись джинсы моего размера, я не стала. Мои сапоги были все еще мокрыми, но, по крайней мере, чистыми. Мокрые волосы я заплела в тугую, как веревка, косу, которая елозила у меня по спине.

Гейб решительно закрыла дверь на замок. Почувствовав укол энергии, я обернулась и увидела, что она наложила запретное заклятие на ручку двери, где сразу загорелся рунический знак Х, простой и элегантный, как и вся магия Гейб.

В комнате наступила тишина. Гейб повернулась ко мне. Я еще не успела снять пальто; так мы и стояли, обе в пальто и в полном боевом вооружении. Прибавьте к этому слухи о том, что все некроманты немного не в своем уме, и вы поймете, почему персонал больницы так занервничал. А если и этого мало, то прибавьте еще микроавтобусы, набитые репортерами, которые плотным кольцом окружили здание больницы.

Гейб шумно выдохнула и взглянула на Эдди. Они обменялись понимающими взглядами — совсем как мы с Джейсом, когда он одними глазами спрашивал, все ли у меня в порядке.

«Джейс», — сухими губами прошептала я.

— Гейб... — сказала я вслух, и в воздухе словно раздался щелчок.

— Ни о чем не беспокойся, — ответила она.

Я закрыла глаза, пытаясь не упасть. Для этого мне понадобилось собрать все силы. И не только мои.

— Попробуй, пожалуйста, — прошептала я. — Ты смогла бы вернуть его назад. Он мог бы...

Эдди хотел что-то сказать, но промолчал. Его аура напряглась, в комнате запахло свежей землей и пивом. По своей природе Эдди был отчаянным драчуном, и, когда он разъярялся по-настоящему, остановить его было уже невозможно. Хотя, что я ему такого сделала?

Пока ничего.

Гейб тихо вздохнула.

— Ты же знаешь, это не в моих силах. Джейса больше нет, Дэнни. Отпусти его.

Чудо из чудес — всегда спокойная, сдержанная Габриель говорила с трудом, задыхаясь. Словно у нее что-то застряло в горле. Мои кольца тускло поблескивали. Я взглянула на свою изящную, нежную руку. Она зависла над рукой человека лежащего на коричневом покрывале, рукой мозолистой, покрытой ссадинами и белыми шрамами до самой кисти. Было время, когда я наизусть знала все эти шрамы и любила их целовать.

— Вызови его душу, — сухими, как песок, губами прошелестела я. — Всего один раз. Его тело живет, ему просто нужно дать шанс вернуться.

— Ты сама знаешь, что это невозможно. — Мягкий, спокойный, безжалостный голос, в котором слышались рыдания. — Мы должны отпустить его, Дэнни. Должны.

Никогда бы не подумала, что буду умолять, сидя у постели умершего, хотя мне много

раз доводилось на несколько секунд задерживать душу в мире живых, чтобы умерший успел проститься с родными и передать им свое последнее «прости». Правая рука слегка сжалась — самую малость, — когда я смахнула ею слезы. Я ведь обещала Гейб, что не буду плакать.

«Anubis et'her ka. Анубис, господин мой, пожалуйста, помоги мне. Пожалуйста, помоги».

Никакой реакции. Я судорожно втягивала в себя пахнувший болью воздух, смешанный со слабеющим запахом перца — запахом Джейса. Когда душа покидает тело, запах энергии постепенно улетучивается по мере того, как перестают функционировать органы. Джейс ушел, ушел навеки и безвозвратно. Вытаскивать его душу из безжизненного царства смерти, чтобы потом оживить тело, уже не имело смысла. Если бы в теле оставалась хотя бы частичка души, чудо могло бы свершиться, а так — смерть забрала его себе.

Следующая мольба приобрела насыщенный кроваво-красный цвет и, затуманив зрение, впиалась в мое тело, словно туча мельчайших иголок.

«Джафримель!» В этом слове прозвучала вся жгучая тоска, которая копилась во мне много месяцев. Запрокинув голову, я шевелила губами, чувствуя, как царапает грудь мертвый зверь, пытаюсь выбраться наружу. Знак на плече начало покалывать, потом он заныл и наконец, загорелся от острой боли, пронизавшей тело насквозь, словно знак начал просыпаться после долгой спячки. «Пожалуйста, Джафримель, если ты меня слышишь, помоги. Помоги мне».

Внезапно я пришла в себя и выпрямилась. Мне стало стыдно. Сажу возле мертвого Джейса и думаю о демоне. Если бы Джафримеля можно было воскресить, я бы давно это сделала. Просто я недостойна их обоих, черт бы меня взял.

— Не могу, — отдернув руку, сказала я.

Во рту стоял привкус пепла. Я приподняла левую руку, затем бессильно опустила ее.

— Гейб, я н-не м-могу.

Тишина. Наверное, она смотрит на Эдди. А он смотрит на нее, разделяя ее боль. Разделенная боль, все пополам. Сколько же раз я в своем слепом эгоизме бежала к Джейсу, когда мне было плохо, и он разделял мою боль, забирая большую часть себе? Вот и сейчас, пытаюсь меня защитить, он забрал боль себе, отдав за нее собственную жизнь. Ничего не видя вокруг, я сделала два неверных шага назад и натолкнулась на Эдди, который мягко обнял меня за плечи. Я дернулась, хотела сбросить его руку или даже двинуть его локтем под ребро, но меня удержал инстинкт, выработанный за годы рукопашных стычек. Рука скинлина крепче сжала мое плечо. От него веяло теплом и пахло свежей землей.

Он молчал. Новый мировой рекорд: Эдди удерживается от едкого замечания более десяти секунд. Чудо, настоящее чудо.

Гейб медленно подошла к постели. Вытащила нож; блеснула холодная сталь. Что ж, это тоже традиция. Гейб на меня не смотрела. Ее хорошенькое личико было бледным и сосредоточенным. Гейб взглянула на Джейса — тот мирно дышал, его грудь равномерно приподнималась и опускалась.

— Что-нибудь скажешь, Дэнни?

Знакомый вопрос, который обычно задавала я.

— Ты думаешь, он слышит?

Я старалась говорить как можно спокойнее, однако мой голос стал тонким, срывающимся; в нем больше не ощущалось той бархатной хрипотцы демоницы, которая делала его совершенно неотразимым, в нем не осталось даже того карканья, которое у меня появилось после последней встречи с Люцифером, когда он чуть не задушил меня.

Гейб улыбнулась, не отводя глаз от лица Джейса — спокойного и такого умиротворенного, словно Джейс спал глубоким сном.

— Мертвые все слышат, Дэнни. Ты же знаешь.

Да помогут мне боги, конечно, я это знала. Только сейчас это мало чем могло помочь. Я сникла, и Эдди крепче прижал меня к себе. Я пыталась справиться с горьким привкусом пепла.

— Прос... — Я захлебнулась воздухом. — Прос... — и снова захлебнулась.
Я не могла говорить, не могла именно в тот момент, когда это было нужно.
— О боги, — прошептала Эдди. — Гейб...

Он дрожал так сильно, что его дрожь передавалась мне; так мы и стояли — трясясь, словно пьяные или больные. Наверное, у меня подкосились ноги, потому что я крепко прижалась к Эдди.

Понимающе кивнув, Гейб положила одну руку на бледный лоб Джейса, а другой крепко сжала рукоять ножа. В свете ламп поблескивали ее тщательно причесанные волосы; аура Гейб начала пульсировать.

— Джейсон Монро, — тихо и торжественно произнесла Гейб, — прощай. Покойся с миром.

Не-е-е-ет!

Я хотела закричать, но сдержала крик, крепко сжав зубы. И все же в комнате раздался глухой стон; не знаю, кто застонал — Эдди или я. Какая разница? Аура Габриель ярко вспыхнула, и я увидела, как по ее руке пробежал голубой огонь. Мелькнул нож, блеснул в лучах осеннего солнца, и в комнате послышался тихий вздох. Гудение аппаратов прекратилось. В комнате, словно колокол, прозвенела тишина. Я давно привыкла к тишине, но такой еще не слышала никогда — от нее хотелось орать во весь голос, но я молчала.

— И да услышишь ты пение ангелов, — тихо и нежно прошептала Гейб и закрыла глаза, а потом еще и прикрыла их рукой.

Ее аура начала успокаиваться, приобретая свой обычный цвет, биополе тихо гудело, постепенно приходя в норму. По бледным щекам Гейб струились слезы, в лице не было ни кровинки, и мне вновь стало стыдно. Откуда взяла она силы сделать то, чего не смогла сделать я?

Джейс. Джейсон...

Я медленно выпрямилась. Эдди опустил руки, и я отошла от него. Потом вздохнула так глубоко, словно хотела втянуть в себя весь воздух, — я вдыхала, и вдыхала, и вдыхала, пока ребрам уже некуда было расширяться. Моя аура пульсировала резкими толчками.

Я подошла к кровати. Гейб на меня не смотрела. Она смотрела на лицо Джейса, словно на нем отпечатались все тайны вселенной. Скорее всего, так оно и было.

Двумя пальцами, ногти на которых были выкрашены черным молекулярным лаком, я дотронулась до руки Джейса. Ничего, даже последнего свечения умирающих нервных окончаний, которое некроманты называют «лисий хвост». Гейб все хорошо сделала. Ее нож, который она вставляла в ножны, тоненько пел, радуясь, что возвращается домой.

Взглянуть Джейсу в лицо не было сил, и я продолжала смотреть на его руку.

— Я в долгу перед тобой.

Странно, но эти слова я произнесла легко и просто. Мой надтреснутый голос звучал как шорох наждачной бумаги. Бежевые занавески на окне слегка шевельнулись.

Гейб нащупала мою руку и крепко ее сжала.

— Ты моя подруга, Дэнни, — устало произнесла она. — Понимаешь? Какие могут быть счеты между подругами?

«Никаких. А может быть, они так велики, что мы о них даже не знаем».

Я осторожно высвободила свою руку из ее пальцев.

— Спасибо.

Теперь мой голос звучал более естественно. Совсем как у Дэнни Валентин.

А кто это, черт бы ее взял? Что-то не припомню.

— Дэнни...

Я резко развернулась на каблуках и решительно направилась к двери. Два широких шага. Я слышала, как что-то сказал Эдди, но меня никто не остановил.

А затем прозвучали слова, от которых у меня похолодела спина.

— Пусть уходит, — сказал Эдди. — О боги, небесные и подземные, пусть она уходит. Но было уже поздно. Дверь закрылась. Я ушла.

Глава 28

Забраться в свой дом так, чтобы меня не заметили репортеры, было для меня детской игрой. Одним махом перелетев через стену, я мягко прыгнула на землю, выпрямилась и отряхнула руки. До самого дома я неслась по улицам, как стрела, выпущенная из лука; но сейчас из-за этого легкие горели, словно в огне. Да, я бежала очень быстро, и все же не так, как настоящий демон.

Бог смерти не запретил мне пользоваться моей силой.

Солнце садилось; на севере начали скапливаться облака. Приближалось время зимних штормов, которые обычно приходили не со стороны залива, а вместе с ледяным ветром, несущимся вдоль побережья. Я глубоко вдохнула холодный воздух Сент-Сити. Мой сад зарос сорняками и выглядел очень неряшливо; я подолгу не бывала дома и совсем его забросила.

Остановившись в двадцати шагах от дома, я подозрительно его оглядела. Этот дом мы с Дорин купили вскладчину; это была ветхая развалюха, к тому же совсем дешевая. Впрочем, в то время это было нормально — в городе бушевали гангстерские войны, царил всеобщее запустение, и за обладание собственностью люди обычно платили кровью — своей или чужой. Мои небеса, мое святилище стояло передо мной, тихо сияя в холодных лучах заходящего солнца.

Я ногой распахнула входную дверь, ударив по ней с такой силой, что от двери отлетело несколько щепок. Во рту стоял сильный привкус холодного железа. Слез и горя. И чего-то такого огромного, что я испугалась — вдруг оно меня задушит?

Линии энергетической защиты вздрагивали; вибрировал каждый слой энергии. Защита, которую установил Джейс, медленно слабела; пройдет время, и она исчезнет совсем. Месяц, наверное, если я не уберу ее сама. Но... разве у меня есть этот месяц?

Пройдя через прихожую, я вошла в гостиную.

Свечи на алтаре Джейса погасли; в воздухе стоял запах расплавленного воска. Голубиная кровь в латунной чаше давно высохла, изображение святой Барбары порвалось и висело клочьями.

Значит, лоа Джейса уже все знает. Разумеется. Духи всегда все знают.

Я взглянула на гобелен. Исида отвернулась и смотрела в сторону, крылья Гора подрагивали, и было слышно, как тихо и печально шелестят его перья.

Внезапно на моем алтаре что-то вспыхнуло. Медленно и осторожно, замирая при каждом шаге, который для меня длился целую вечность, я подошла к алтарю и остановилась на коврике для медитаций.

Возле стеклянной рамки, в которую были вставлены фотографии Льюиса и Дорин, лежал конверт из роскошного пергамента, скрепленный малиново-красной восковой печатью. Он словно смеялся надо мной. Мне захотелось начертить вокруг себя святой круг — ведь в доме не было ни души. Пока не было.

Внезапно послышался какой-то звук. В моей груди что-то загудело, громко застучали зубы, связки напряглись, готовясь издать вопль.

«Люцифер». Он снова запустил в мою жизнь свои тонкие изящные пальцы. Дразнит меня. Смеется даже над моим горем. Не хочет оставить меня в покое. Джафримеля больше нет, Джейса тоже, есть только Князь тьмы, который играет со мной, как кошка с мышью.

«Это уже слишком». Станный голос — какой-то новый, тонкий и острый, как стилет, холодный, как моя ярость. Я смотрела на красную печать; дом начал поскрипывать и постанывать, рожденная моим гневом энергия начинала расти, как волны, сотрясая стены, раскачивая драпировки, подхватывая бумаги. В кухне послышался грохот — громко захлопали дверцы буфета, что-то упало на пол, я услышала звон бьющейся посуды. Я задыхалась — что-то мешало мне дышать, глаза горели; я пыталась справиться с приступом дикой ярости.

И не могла. В комнате явственно слышалось «щелк!». Этот звук отозвался в моей груди; запертая на замок дверь распахнулась, и в комнату хлынул белый свет. Цепь замкнулась, в голове слышался низкий гул.

«Все. С меня хватит!»

Слепая ярость понемногу стихла, уступив место абсолютной ясности. Меня ждут дела. Мне нужно кое-куда съездить.

И убить — людей и нелюдей.

Развернувшись на каблуках, я бросилась вверх по лестнице. Ногти превратились в когти демона. Я срывала с себя чужую одежду, отбрасывая ее в сторону. Рубашку я изорвала в клочья, джинсы тоже. В спальню я ворвалась почти голая — штаны болтались у меня где-то на щиколотках. Случайно ударилась головой о притолоку — гул пошел по всему дому. От этого звука от стен начала отлетать плитка, сходить краска, вдребезги разбиваться стекло. Эти громкие звуки почти заглушали мои отчаянные рыдания.

Я рывком сдернула с кровати простыни — они все еще хранили наши с Джейсом запахи. Швырнула простыни через всю комнату в угол. Затем изо всех сил ударила рукой по компьютеру. Корпус треснул, а на моей тонкой руке выступила черная кровь, которая тут же исчезла. От монитора полетели искры; компьютер тоненько пищал, когда я колотила по нему рукой.

Выбив ногой дверь ванной и сорвав со стен зеркала, я принялась топтать их. Потом быстро оделась — рубашка из микроволокна, джинсы, сухие носки, сапоги — они еще не высохли, но я все равно их натянула. Затем перекинула через плечо сумку и надела на шею ожерелье, в котором посещала Дом Боли.

Из запачканного кровью пальто я вытащила два серебряных ожерелья с амулетом в виде туза пик. По моим плечам разметались волосы, густые и мягкие, коса расплелась. Ожерелья полетели в сумку.

Я направилась в другую комнату. Фотография, с которой мне улыбалась Дорин, упала. Стекло рамка, зазвенев, разбилась на мелкие осколки. Я широко распахнула дверь, ударив по ней рукой; звук шлепка пронизал меня насквозь.

Комната Джейса была залита светом вечернего солнца. На постели, закрытой голубым покрывалом Дорин, лежал золотой квадратик солнечного света, льющегося из окна. В комнате сладко пахло метаболизмом псиона, выпивкой и мужчиной; у меня сжалось сердце. Стоящая возле кровати лампа — настоящий мериканский антик с подставкой из янтарно-желтого стекла — зазвенела, когда я остановилась на пороге. Идти дальше не было сил.

Тщательно застеленная двуспальная кровать, простая деревянная тумбочка с несколькими пустыми бутылками из-под «Чивас ред»; каждая бутылка была закрыта крышкой и снабжена легким заклятием — по ночам эти бутылки испускали неяркий свет, золотой или голубой; фокус, которому быстро учились в общежитиях Академии, где умение пить становилось хобби, возведенным в ранг искусства. Дверца платяного шкафа была слегка приоткрыта, за ней виднелась аккуратно развешанная одежда; низкая скамья, на которой Джейс обычно готовил боевые патроны, мастерил амулеты и творил заклятия; связки амулетов на стене, банки с сухими травами, косточки, кусочки меха и перышки. Перед скамьей лежала красная бархатная подушка. На прикроватной тумбочке — стойка с музыкальными дисками и плеер с наушниками, короткий нож с изогнутым клинком и плазменный «Глокстрайк Р-4», поблескивающий в золотистом свете. На стенах — ни одной картины или фотографии. На крючке за дверью висел запасной ремень для кобуры и старое пальто с несколькими карманами и кожаными заплатами.

Нежно погладив пальто рукой, я сняла его с крючка и набросила себе на плечи, перебросив меч из одной руки в другую. От пальто все еще пахло перцем и медом, памятью об острой, как шипы, ауре шамана.

Я глубоко вздохнула, втягивая в себя запах нашей с Джейсом энергии, запах шамана и полудемона; горький запах моего провала отравлял каждый глоток, каждый кубический дюйм кислорода. Затем я медленно вышла из комнаты и тихо прикрыла за собой дверь,

словно боясь разбудить спящего.

Пришло время отдавать мертвым их дань.

Повернувшись, я спустилась по лестнице, на минуту задержавшись возле ниши. Вытащив из-под статуэтки бога черную шелковую тряпку, завернула в нее фигурку Анубиса и, пробормотав извинения, сунула бога в сумку. Затем взяла в руки лакированную урну, в который раз удивившись ее тяжести. «О Джафримель, прости меня. О боги, простите мне все, что я сделала, и все, что собираюсь сделать».

Щеки вновь стали мокрыми. От колец сыпались золотые искры.

Держа в одной руке урну, а в другой меч, я вошла в столовую. Заглянула в кухню, бросила прощальный взгляд на обеденный стол, заваленный школьными ежегодниками. Оказывается, я забыла выключить кофеварку, у которой не было автоматического отключения. От запаха готового кофе у меня засосало под ложечкой.

«И что за чудище, дождавшись часа...» — прозвучал откуда-то из далекого детства голос Льюиса. Эти стихи я обожала, от них у меня просто волосы вставали дыбом.

«Все рушится, основа расшаталась...⁷»

Я взглянула на свой алтарь, на алтарь Джейса, на свой любимый диванчик, на растения, которые Джейс холил и лелеял, пока я была в отъезде, а в отъезде я была постоянно. Затем глубоко вздохнула, а когда выдыхала, внутри у меня что-то пискнуло, потому что мой взгляд снова упал на конверт из тонкого пергамента с красной восковой печатью.

Каблуки стукнули в пол. Я почувствовала запах дыма.

И вытащила меч.

Клинок вспыхнул голубым огнем, руны задвигались, реагируя на мою волю, словно я потратила месяцы, поглаживая мой меч и заряжая его энергией.

Джейс...

Его имя душило меня. Я не могла произнести его вслух.

Впервые Анубис не позволил мне войти в царство смерти. Повелитель смерти не стал заключать со мной сделку, и я не смогла спасти Джейса, даже обладая силой демона, поскольку тело Джейса было искромсано, а его внутренности были вывернуты наружу и разрезаны на части. Если бы я собрала все силы, которые у меня были, если бы я даже восстала против самой смерти, я и тогда не смогла бы вернуть Джейса. Если бы рядом с ним оказался седаин, то, возможно, он смог бы что-нибудь сделать, у меня же не было таких способностей. А может быть, душа Джейса просто устала жить и с радостью покинула тело, а вместе с ним и этот жестокий мир?

Сколько же ошибок я совершила за последнее время! Я не успела остановить Сантино, и он убил Дорин, и если бы Джафримель не наделил меня демонской силой, то Сантино убил бы и меня, и тогда справиться с ним не смог бы даже Люцифер. А теперь я не смогла спасти Джейса, который бросился вперед, чтобы закрыть меня собой, и погиб от руки Мировича, разделив печальную участь тех, кто пережил «Риггер-холл».

На конце меча вспыхнул глиф — маленький ярко-красный шарик. Этот знак называется «кайхен» или «факел», один из Великих Глифов Разрушения, которые используются крайне редко.

«Я не люблю тебя, — сказала я Джейсу, когда мы вернулись из Рио. — И никогда не полюблю».

И что же он ответил?

«Если бы меня это волновало, я остался бы в Рио с новой семьей Моб и какой-нибудь смазливой толстозадой бабалавао. Это мой выбор, Дэнни».

А потом упрямо, день за днем, он доказывал мне свою любовь, пробуя сотни разных способов.

Только сейчас я поняла, что значил для меня Джейс.

У меня же остался один путь, один способ вернуть ему неоплаченный долг и

⁷ Йейтс У. Второе пришествие. Перевод А. Сергеева.

исправить все, что я сделала с моей и его жизнью. Если бы Джафримеля и можно было воскресить, то теперь уже поздно; он пал. Слова Люцифера ничего не значат — разве его не называют отцом лжи? Если бы падшего демона можно было воскресить, и Люцифер желал бы этого, он прислал бы ко мне другого демона, чтобы тот забрал меня и урну или только урну. Я, конечно, полудемон, но все же еще не настоящий демон.

Впрочем, это больше не имеет значения. Значение имеет другое — я мучила себя надеждой, заранее зная, что надежды у меня нет. Джафримель больше не вернется; не вернется и Джейс, и если бы я выжила после нападения *ка* пожирателя, то всю оставшуюся жизнь провела бы с мыслью о том, что упустила последний шанс воскресить Джафримеля.

Вот моя дань мертвым: моя надежда. Мой единственный способ покаяться.

Некоторое время я занималась светящимся шариком, не используя ни заклинания, ни волны энергии. Шарик начал искриться, затем громко зашипел и начал дымиться. Клубы дыма приобретали четкие, острые очертания, которые вспарывали воздух, разрывая его на части. Стиснув зубы, закусив нижнюю губу, я, не обращая внимания на боль, стояла посреди прихожей, держа под мышкой урну с прахом Джафримеля; защитные линии дома дрожали, но я успокаивала их тихим прикосновением. Внутри шарика вспыхнул глиф и попытался выбраться наружу. Я стряхнула шарик с кончика меча, и он, вращаясь, повис в воздухе; я вставила меч в ножны.

Затем крепко сжала урну в руках, одновременно удерживая скользкий, как угорь, огненный шарик. Сплюнув кровь, снова закусил губу и стала ждать, пока рот не наполнится черной демонской кровью. После этого осторожно сплюнула ее на ладонь и размазала по урне с прахом Джафримеля. Шарик к этому времени поднялся к потолку, где сразу образовалось выжженное пятно. Меня обдало жаром. На стенах начала коробиться краска; дымом запахло сильнее.

Я подбросила урну высоко в воздух. Меч со звоном вылетел из ножен, великолепный удар — и скрежещущий звук, словно столкнулись два мира. В воздух взлетело облако пепла, на пол с грохотом упали две половинки урны, но я уже успела отскочить в сторону, на всякий случай прикрываясь мечом, затем со всех ног бросилась вон из комнаты, успев выскочить за дверь в тот момент, когда шарик с глифом... взорвался.

Сначала наступила жуткая тишина, которую я скорее чувствовала, чем слышала. Я уже хотела вернуться в комнату, как вдруг меня накрыло огромной горячей волной, которая швырнула меня на пол. Едва приземлившись, я мгновенно откатилась в сторону, затем вскочила на ноги. Я тяжело дышала, голова горела, словно в огне, прокушенная губа болела до тех пор, пока черная демонская кровь не исчезла, и тогда боль прекратилась.

Левое плечо нещадно ломило. Я громко вскрикнула, и мой крик слился с грохотом взрыва, от которого содрогнулась земля. Взметнулось пламя, вверх полетели куски земли и растений. Меня опалило жаром, который обвил мое тело, словно живое существо; только энергия не дала моей одежде вспыхнуть и загореться.

«Вот и все. В моей жизни было двое мужчин, теперь их нет».

Когда-то давно я читала, что викинги укладывали умерших на специальные лады, которые затем поджигали и пускали плыть по воде, чтобы потом, в загробной жизни, у покойника была своя лодка. Вот так и я отправила свой дом в царство смерти, а с ним Джафримеля и Джейса. Может быть — если мне повезет, — они будут меня ждать, и мы встретимся.

Теперь у меня не осталось ничего, кроме моего гнева. Ярости. Злости. Эти чувства захватили меня целиком, не оставив места размышлениям. Лучше сражаться, чем плакать. Лучше убивать, чем страдать от боли.

О, как сладостен гнев! Ярость — лучшее топливо. Такое чистое, восхитительное, безжалостное. Око за око, зуб за зуб, ярость — лучшее оружие против зла, ярость, а не горе. Горе не сможет уравновесить чаши весов.

Это сможет сделать месть. И она это сделает.

Покачиваясь, я медленно пошла прочь. Я уже подошла к калитке, когда взорвались

энергетические линии дома, и пламя пожара вспыхнуло с новой силой. Скоро от дома не останется ничего, кроме глубокой ямы и кучи золы. Голова разламывалась от боли; болело и плечо. Я судорожно вздохнула и зашаталась.

Раньше я часто спрашивала себя, где может быть предел моей силы. Стена вокруг дома покрывалась копотью, снаружи бетон медленно чернел и начинал крошиться. Мой сад заживо сгорел в пламени; дело завершил плотный слой пепла. Где-то вдалеке слышались крики; наверное, взрывной волной выбило окна в соседних домах. Калитка начинала плавиться. Случайно задев ее, я быстро отдернула руку — пластик дымился и покрывался пузырями.

Я вышла на улицу.

Несколько репортеров попытались меня сфотографировать. Мне было на них наплевать. Я пробиралась через их толпу, как сытый лев проходит через стадо зебр. Кое-кто спрятался за сверкающими хове́рами. С неба сыпались хлопья пепла. Услышав вой сирен, я подумала, что дом уже не спасти. Конечно, жаль соседей, а впрочем... черт с ними.

Только пройдя три дома, я вспомнила, что так и несу меч в руке. Знак на плече тихо саднило, что было даже приятно; только один, последний, раз плечо обожгла такая боль, что я застыла на месте на целых тридцать секунд, опустив голову и тяжело дыша; ребра ходили ходуном. Затем я откинула со лба волосы, которые уже высохли от жара и покрылись тонким слоем пепла, и продолжила свой путь. Солнце скрылось за кромкой воды на западе. Над моим домом поднимался огромный оранжевый столб дыма и огня.

Наступила ночь.

Ей предстояло быть долгой.

Глава 29

Четыре часа спустя я вошла в кофейню, расположенную недалеко от центра города, и, заказав чашку лучшего «эспresso», уселась за столик. В кофейне работал телевизор; бросив взгляд на экран, я с удивлением увидела, что репортаж о моем доме попал в выпуск вечерних новостей.

На экране мелькали кадры: столб дыма и огня, взметнувшийся вверх на пару тысяч футов, огромный «гриб», образовавшийся после взрыва, суматошные крики обывателей, решивших, что на Сент-Сити совершено ядерное нападение. Мой дом стоял в стороне от воздушных трасс городского транспорта, к тому же вся сила взрыва ушла вверх, а не в стороны, поэтому, если не считать нескольких выбитых окон и легко раненных репортеров, взрыв практически не произвел никаких разрушений — не считая моего дома, разумеется.

Чего я и добивалась. Наконец-то хоть что-то у меня получилось.

Я залпом выпила кофе. Знак на плече успокоился и теперь лишь согревал кожу, словно теплое масло. Я взглянула на свой датчик. Информация, которую мне прислала Гейб, оказалась весьма любопытной: список жертв с указанием даты смерти, а также цифровые снимки мест преступления. Гейб также сделала анализ глифов, который я тут же принялась внимательно изучать. Следующие два часа я провела, не отрывая глаз от экрана датчика, силясь понять, как глифы пожирателя были созданы из видоизмененных обычных букв Девяти Канонов и как перевернутые особым образом руны смогли умножить силу психического вампира. Все-таки хорошо, что я умею гадать на рунах.

Очень хотелось есть. Впервые за много дней я истратила почти всю свою энергию; я просто умирала с голоду. А впрочем, можно и потерпеть.

Давно ставшие сухими глаза пощипывало. Стиснув зубы, я подавила невольный стон. «Горевать будешь потом, — приказала я себе. — Сначала работа. После можно будет и поплакать».

Дверь кофейни распахнулась; я посмотрела в ту сторону. Ничего особенного, просто мальчишка со сликбордом; сине-зеленые волосы торчат, как перья, три рваные футболки, широкие кожаные штаны с цепью вместо пояса и новенькие и весьма дорогие кроссовки с

надписью «Аэрофлот». Мальчишка бросил на меня равнодушный взгляд, характерный для всех юнцов, а у меня вдруг кровь застыла в жилах — на секунду мне показалось, что я где-то его видела. Только на секунду. Нет, он слишком молод, чтобы быть бывшим выпускником «Риггер-холла». Слишком молод, к тому же он нормал. Не псион.

Внезапно почувствовав, что в кофейне очень тихо, я окинула ее взглядом. Три официанта старательно смотрели в другую сторону, делая вид, будто меня не замечают; в воздухе витало беспокойство. Сстиснув зубы, я подхватила датчик и быстро вышла на улицу, к великому облегчению посетителей.

Бродить по ночному Сент-Сити всегда интересно, ибо ночью город спит редко. В некоторых районах ночная жизнь вообще не затихает ни на минуту. Я медленно побрела по улице, опустив голову и положив руку на рукоять катаны. Я не размышляла. Скорее, грезила наяву, перебирая в памяти кристально-прозрачные образы.

На углу Тридцатой и Поул-стрит мне встретила проститутка, стоявшая под ночным фонарем; девица уже открыла рот, чтобы меня окликнуть, но, увидев мою татуировку, тут же испуганно смолкла и поспешила прочь. Я успела заметить лишь ее усталое человеческое лицо.

Потом был какой-то ночной клуб, залитый морем огней. Заплатив за вход, я сразу окунулась в визг и рев, от которого сотрясались стены; пробившись к бару, заказала себе водки, но пить не стала; атмосфера, пахнувшая наркотиками и сексом, оглушительный рев и вой музыки действовали угнетающе. Отойдя от стойки бара, я некоторое время бесцельно бродила среди танцующих, чувствуя присутствие призраков, парящих на волнах звуков и ощущений. Наконец я вновь выбралась на темную улицу.

Пустынная улица, мокрые тротуары, разноцветные пятна уличных фонарей. Приближался шторм; в посвежевшем воздухе среди капель дождя мелькали тени, которые я почти узнавала.

В районе Бауэри я долго бродила по лабиринту переулков, потом вышла в район Тэнк. Он привел меня в Рэтхоул, где я немного задержалась на заброшенном пустыре, заглядывая в огромную дыру, которая когда-то была энергетической воронкой. Вдали замелькали крохотные огоньки — это собирались на свои ночные сборища владельцы слайков «Sk8». Каждый юнец, который умел с бешеной скоростью летать на слайке, умело лавируя между железобетонными конструкциями, считался героем. Издалека слышалось гудение слайков и восторженные крики мальчишек — я понимала их восторг; когда-то и я исполняла этот дикий танец.

Именно так. Мне всегда лучше думается на ходу; поэтому я и брожу взад-вперед по городу. Где-то я читала, что акулы никогда не останавливаются, иначе они начинают тонуть.

Я их понимаю.

Занималась заря. Небо окрасилось в розовые и золотые тона, шторм ушел на юг, вылив на город весь запас воды.

Я стояла на крыше дома, возвышающегося над районом Университет. Вместе с рассветом уходило тихое очарование земной ночи; тьма медленно уступала место солнечному жару. Внизу виднелись мокрые от дождя деревья Тасмур-парка, над головой нарастал гул пролетающих машин. Начинался день, и мне ужасно хотелось закрыть глаза.

Когда солнце выплыло из-за горизонта, я, устав от лежания на мокрой и холодной крыше, спустилась по пожарной лестнице вниз, на улицу, и отправилась искать ближайшую телефонную будку. На это ушло немало времени — в этом районе во время студенческих беспорядков было разгромлено несколько телефонных будок, поэтому телефонные компании упорно не хотели ставить новые, уверяя, что теперь все горожане пользуются личными датчиками со встроенными телефонами. Наконец мне удалось найти одну будку — в каком-то пустынном закоулке. Войдя внутрь, я набрала знакомый номер; мокрая одежда липла к телу.

— Спокарелли, парапсихологическая полиция Сент-Сити. Я вас слушаю.

В голосе Гейб слышалась усталость. Я слышала, как в участке один за другим звонят

телефоны, что-то говорят друг другу сотрудники, шуршат бумаги. Все были заняты своим делом.

— Гейб, — тихо и хрипло сказала я. — Это я. Новости есть?

Ответом мне было молчание. И вдруг:

— Ах ты, мать твою! — чуть не крикнула Гейб. — Где ты шляешься, зараза чертова, Дэнни? Мы с Эдди тебя повсюду ищем! Чем ты там занималась? Мы думали, что Лурдес и до тебя добрался! Чем ты занималась, ты можешь сказать?

Хороший вопрос. А и в самом деле, чем я занималась?

— Думала. Все это время я думала. Слушай, тут в списке есть четверо...

— Трое, — угрюмо поправила меня Гейб. — У нас была та еще ночка. Он убил шаманку по имени Эдисон Брэди, а чтобы до нее добраться, уложил четырех копов. Такое впечатление, будто у него с псионами какая-то связь, он их отслеживает, как гончая. Мы же всех их спрятали. Пришлось изменить тактику — теперь каждые два часа их перевозят в новое место. Репортеры носятся как угорелые. Уже окрестили его «психопотрошитель». Я только что от шефа — вставил мне хороший фитиль. И вот что я тебе скажу, милочка Дэнни: можешь ты, наконец, понять своим железным ящиком, который у тебя вместо головы, что я за тебя беспокоюсь? Можешь ты это понять, засранка, или нет? Почему ты мне не позвонила? Черт бы побрал твои выкрутасы, Валентайн!

Я закрыла глаза. Четверо полицейских из отдела Спук да еще Брэди. Я ее знала, когда-то мы вместе работали. Вполне возможно, что и она носила серебряное ожерелье с амулетом. Мы с ней никогда не вспоминали «Риггер-холл», даже тогда, когда сидели за кучей мусора, прячась от трех разъяренных бандитов, которые палили в нас из трех стволов; у меня была ранена голова, а Брэди вообще была вся в крови. В тот день мы загнали в угол Гибровица, матерого бандита, обвиняемого в изнасиловании и убийстве дочери одного сенатора Гегемонии. Гибровица мы взяли, но доставить его живым не удалось. Дело в том, что Брэди очень не любила насильников.

«Ожерелья».

Я встрепенулась. Я даже задохнулась от волнения, прервав страстную тираду Гейб.

Если бы я так не выложились, физически и эмоционально, я бы не догадалась.

— Гейб, — быстро сказала я, — послушай. У оставшихся псионов есть серебряные ожерелья с амулетом?

— Я не... у Брэди было. — Внезапно Гейб оживилась. — Дэнни, ты думаешь, дело в ожерельях?

— Скажи им, пусть немедленно снимут ожерелья. Ты их собери и отвези в участок, только, ради богов, больше их не трогай! Пусть лежат на столе, ты к ним даже не подходи. Я думаю он отслеживает псионов по ожерельям. Пусть они лежат все вместе, я приеду примерно через час и заберу их. Все, теперь ему не уйти.

— Дэнни, мы же до сих пор не знаем, с кем имеем дело! — В голосе Гейб слышалась паника. — Если это *ка*...

— Мне кажется, я знаю, что происходит. Он убил Джейса потому, что не смог убить меня. Я единственная, кто сможет с ним справиться, и, черт возьми, если это и в самом деле *ка*, я этим воспользуюсь. — Странно, откуда у меня эта решимость? — А почему ты решила, будто Лурдес добрался и до меня?

— Твой дом, идиотка! Ты что, не смотришь новости?

Из трубки вновь доносятся телефонные звонки; кто-то крикнул, что в деле виден след церемониала; шуршание бумаги. Щелчок зажигалки и долгий вздох — Гейб опять закурила.

«Ты впервые назвала меня идиоткой, Гейб».

— А что там?

— О Гадес, Дэнни! Да это во всех новостях. Твой дом разрушен, а репортеры засняли, как ты, шатаясь, бредешь по улице, словно тебя ударили по голове. Я места себе не находила, черт бы тебя взял! Я думала, на тебя напал Лурдес и ты уже мертва!

Я хрипло рассмеялась.

— Все верно, Гейб, я уже мертва. Просто мне не хватает духу это признать. Собери ожерелья. Я их заберу, а потом займусь этим Лурдесом, или Мировичем, или кто он там. И вот что, Гейб: когда ожерелья будут у тебя в участке, а ты внезапно почувствуешь, будто что-то не так, беги оттуда, слышишь? Не вздумай выходить с ним один на один.

— Но... тебе нужен помощник, Дэнни! Во имя Гадеса...

— Никаких помощников! — Мой голос звучал спокойно и уверенно. — Ты видела, что он сделал с Джейсом? А твои копы? Я наполовину демон, Гейб. Если кто и может остановить этого выродка, так это я. Если мне понадобится помощь или, скажем, термоядерное оружие, я так тебе и скажу. И не вздумай присылать мне в помощь копов — ты их просто угробишь. Он мой, Гейб.

— Дэнни...

— Дай слово, Гейб. Дай мне слово.

В трубке долгое молчание; потрескивание. Если бы речь шла только о спасении людей-псионов, я действовала бы гораздо быстрее и эффективнее, приняв на себя основной удар. Но в этом деле завязла еще и Гейб, и ей никак не позавидуешь, поскольку она отвечает не только за себя, но и за своих людей и вообще за исход операции. Теперь ей остается либо положиться на своих копов и молиться, чтобы убийца их пощадил, либо на меня, которая должна довести дело до конца. Довериться моему уверенному голосу. У нее только один выбор. Либо жертвовать людьми, либо полностью довериться мне.

— Ладно. Действуй. — Голос Гейб дрожал. Еще один вздох — новая затяжка; я просто чувствовала, как от трубки тянет синтетическим табаком. — Я рада, что ты жива, Дэнни.

«Хоть один из нас чему-то рад».

Я хрипло засмеялась.

— Спасибо, Гейб. Будь осторожна.

— Ты тоже. Не делай глупостей.

Она положила трубку. Я тоже повесила трубку и прижалась лбом к холодной стенке телефонной будки. Ужасно хотелось есть. Внезапно я ощутила сильную слабость.

«Дорин. Ева. Джафримель. Джейс».

Перед глазами встал скорбный список, терзая совесть острыми шипами моей вины.

— Мне нужно поесть, — буркнула я.

«...Накорми меня...»

«Как, неужели вы его не воскресили?»

— Теперь не могу, солнце мое, даже если бы и захотела, — громко сказала я. — Нет, вы только подумайте. Стою в телефонной будке и разговариваю сама с собой. Все, Дэнни, иди-ка ты поешь.

Внезапно я остановилась. И быстро набрала еще один номер. Раздалось четыре гудка.

— Дом Любви, — прозвучал в трубке мягкий мужской голос. — Что вам угодно?

— Это Данте Валентайн, — тихо сказала я. — Мне необходимо поговорить с Полиамур. Сейчас.

— Но... сначала нужно...

Внезапно голос оборвался, в трубке что-то зашуршало, и я услышала другой голос. Женский, низкий и ровный, от которого меня пробрала дрожь.

— Мисс Валентайн, леди Полиамур ждет вашего звонка. Одну минуту.

«Леди» Полиамур? Не будь я такой измотанной, я бы от души посмеялась.

Щелчок. В трубке полная тишина. Я бросила взгляд на расстилавшийся впереди пустырь; на душе стало тоскливо. По спине побежали мурашки. Утреннее солнце окрасило унылый пустырь в золотые тона. В небе показались перистые облака — ночной дождь уходил на восток, в глубь страны, оставляя после себя нежно-розовую полосу зари на чистом голубом небе.

Еще один щелчок.

— ...наказание. Я же просила сообщить мне сразу, как только она позвонит!

Голос Полиамур.

Я слегка улыбнулась; тело напряглось. Мне нужно поесть, и как можно скорее.

— Мисс Валентайн. Я знала, что вы мне позвоните.

— Терпеть не могу быть предсказуемой. Послушай, Поли, мне нужно кое-что узнать. Ожерелья. Эти ваши ожерелья с амулетом. Откуда вы их взяли?

— Келлер достал их у какого-то ювелира... — Она помолчала, видимо пытаясь вспомнить имя. Что ни говори, а тренированная память что-нибудь да значит. — Ах да, его звали Смит. Брайс Смит. Его дядя.

Я глубоко вздохнула. Ну конечно. Нормал живет в доме, окруженном отличной энергетической защитой, — а как же иначе мог отблагодарить своего любящего дядю ребенок-псион? Держу пари, защитные линии дома Смита были созданы Келлером после того, как он окончил школу.

После того, как окончил школу, — и до того, как Мирович вырвался из глубокого психического подземелья, в котором его запер Келлерман Лурдес, вероятно решив, что директор уже мертв.

— Это я и хотела узнать, Поли. Спасибо. Не забудь запереть все двери и не выходи на улицу, поняла?

— Спасибо за заботу, но меня хорошо охраняют. Данте...

Я снова прижалась лбом к холодной стенке. Окна телефонной будки уже покрылись капельками пара.

В голосе Полиамур не слышалось ни пренебрежения, ни покорности — редкое явление. Более того, в нем звучали новые нотки — уважения. Причем не того льстивого уважения, которое куртизанка выказывает своим клиентам, а самого настоящего, искреннего.

— Спасибо вам. Приходите в любое время, когда захотите. Я всегда рада вас видеть.

«О боги, только не надо меня соблазнять».

— Спасибо, — сказала я и повесила трубку.

«Еда. Мне нужно поесть».

В районе Тэнк все еще встречались забегаловки, в которых подавали настоящее мясо, а не белковый суррогат. Зайдя в ближайший taqueria⁸, я купила и жадно слопала два огромных burritos⁹ с говядиной, затем в уличной палатке купила три тройных чизбургера, которые проглотила за десять минут. В следующей палатке купила еще три чизбургера, на этот раз с соевым беконом. После этого, чувствуя, что желудок уже не так скручивает от голода, я зашла в новоитальянское кафе, где заказала спагетти с чесночным хлебом, брускетту, фаршированные грибы и двойную порцию жареных кальмаров. Все это я проглотила, даже не заметив вкуса. Я бы заказала еще чего-нибудь, но в этом кафе приходилось слишком долго ждать, когда принесут заказ.

Покончив с обедом, я зашла в магазинчик аптечных товаров и купила целую упаковку препарата, предназначенного для поддержания мускульной массы тела. Обычно им пользовались те, у кого были проблемы с черным рынком. Через десять минут, в пустынном переулке, я отбросила последнюю баночку и вытерла рот.

Насытиться по-настоящему я так и не смогла, но все-таки немного притупила голод. Времени больше не было — я ведь обещала Гейб, что буду через час. Через пятнадцать минут я пулей влетела на третий этаж полицейского участка и ворвалась в кабинет Гейб, где на столе лежали соединенные между собой четыре серебряных ожерелья.

Весь этаж словно вымер. Еще бы: по городу разгуливает пожиратель, убивающий псионов. Я думаю, Гейб не пришлось дважды просить очистить помещение, когда она сообщила коллегам, что может произойти. Скорее всего, они попрятались и наблюдают за мной, дожидаясь, когда я покину здание.

Что ж, их можно понять.

Взяв ожерелья, я оглядела кабинет. Найти чистый листок бумаги оказалось нелегко,

⁸ Уличный ресторанчик (португ.).

⁹ Приготовленный особым образом пирожок, блюдо мексиканской кухни.

поэтому я написала на обратной стороне отчета об ограблении: «Первая жертва — нормал, дядя Лурдеса. Это он изготовил ожерелья. Я знаю, где находится Лурдес. Скоро он заплатит за все. НЕ ВЗДУМАЙ присылать мне на помощь своих людей!»

Немного подумав, я приписала: «Спасибо». Потом дважды подчеркнула это слово и обвела его двойным кругом, решив, что и этого недостаточно, я положила на бумагу ладонь и начала передавать ей свою энергию, выводя чернилами глиф «майнутш», Великий Глиф Канонов, изображающий нечто похожее на всадника среди переплетения линий. Этот знак означает нежную привязанность и партнерство — примерно то, что соединило Гейб и Эдди. Мне бы тоже хотелось иметь такого друга, как Эдди.

На мгновение я ощутила стыд, но затем решительно прогнала это чувство прочь. Ничего, скоро я навсегда избавлюсь от чувства вины за все свои ошибки — я смою его кровью. Но чтобы это сделать, нужно хорошенько подумать.

Мсть — штука хорошая, но и она может обернуться крахом, если тщательно не обдумать свои действия. К смерти я была готова, да... но не собиралась проигрывать. Прежде чем я умру, Келлер или Мирович — или оба — отправятся прямиком в ад; я костями лягу, пойду на что угодно, но я своего добьюсь.

Я снова взяла ручку и задумалась. Добавить было уже нечего, поэтому я приписала только одно слово: «Прощай».

И вышла из кабинета. В коридоре было пусто. Спустившись по лестнице, я вышла на улицу. Внезапно вспомнив, что так и несу ожерелья в руке, я быстро спрятала их в карман.

«А вот теперь, Мирович, попробуй меня взять», — подумала я, ожидая, что почувствую боль от удара хлыстом или, что откроются старые раны.

Но ничего не случилось. Вместо этого меня обуяла ярость, холодная, как лед, ярость, заслонившая собой весь мир. Меня ждала добыча — я знала, где она прячется, знала, как мне ее найти; впереди меня ждало наслаждение — наслаждение мстью. Он заплатит за все, кем бы он ни был. Лурдес, Мирович, да хоть сам Крысиный король, — я его убью.

У меня с ним свои счета.

Глава 30

Для полного восстановления энергии мне все еще требовалась еда. Посетив семь ресторанов подряд, я, в конце концов, оказалась на восточной окраине Сент-Сити, в пабе, зажатом между городом и озером. В сторону моста я продвигалась чисто интуитивно, переходя от одного ресторана к другому. Карман оттягивали ожерелья. Я не лгала — не зная точно, где находится Лурдес, я чувствовала его местонахождение на уровне подсознания. За свою жизнь я переловила столько психопатов и уголовников, что давно уже научилась распознавать знакомое покалывание — признак того, что я двигаюсь в правильном направлении, и что преступник находится где-то рядом. Мое охотничье чутье работает — уже хорошо.

Залпом выпив пинту пива, я рукой вытерла рот и уставилась на тарелку с остатками огромной пиццы. Терпеть не могу пиво, но оно очень богато углеводами, а я крайне нуждалась в новом запасе топлива. Конечно, я чувствовала себя обжорой, но, черт возьми, как мне хотелось есть!

Я вздохнула и оглядела паб. По телевизору показывали очередную серию о приключениях отряда церемониалов из Восточного Лос-Данжелес-Фриско.

«Псионов они ненавидят, а фильмы про нас обожают», — по привычке подумала я.

Потом кто-то переключил канал, и на экране возник мой дом, в дыму и пламени. Я смотрела, барабанила пальцами по столу. Гейб подумала, что Лурдес или Мирович напал на меня в моем доме или же следил за мной, когда я оттуда выходила. Должно быть, она действительно за меня переживала, и очень сильно. Да уж, такой подруги я не заслуживаю; Гейб меня ни разу не подводила.

Не отрываясь, я смотрела на экран. И вдруг заметила, как среди бушующего пламени

что-то мелькнуло.

Что-то темное, вращающееся, словно обсидиановый дым.

В огне появились неясные очертания человеческой фигуры... вот она расправила тонкие черные крылья, распростерла руки. В следующую секунду фигура вобрала в себя столб огня, а изображение на экране вдруг запрыгало — от внезапного удара горячей волны оператор едва не выронил камеру из рук.

Я смотрела на экран, разинув рот. Черт побери, что там происходит?

Пожар не прекратился, но огонь становился все слабее и слабее, извиваясь вокруг темной фигуры, которая подняла голову, словно искала кого-то взглядом. Затем передача внезапно оборвалась, и на экране замелькали полосы. Потом появился диктор, и вдруг справа от него возникло мое лицо, мое новое лицо, как со злостью увидела я. Видимо, кто-то из репортеров успел навести на меня камеру. Волосы у меня были откинuty назад, ноздри раздувались, лицо было прекрасно — держу пари, это были кадры из Дома Боли.

Диктор был из тех, кто нравится зрителям: андроген с высокими скулами и красиво очерченным ртом. У него были прямые светлые волосы и ярко-зеленые глаза, при виде которых у меня сжалось сердце. Быстро оплатив счет, я вылетела из паба, едва касаясь ногами земли. За моей спиной с шумом захлопнулась дверь.

Что происходило в моем доме? Кто это? Лурдес? Неужели он пробрался за мной в дом, пока я заливалась слезами, и внезапный взрыв застал его врасплох? Во рту у меня стало сухо, правая рука сжалась в кулак.

Но я не чувствовала присутствия Мировича или Келлера. И, даже сходя с ума от горя, я смогла бы учуять мерзкую психическую вонь, распространяемую моим бывшим директором.

Этого не может быть. Не может!

«Как, неужели вы его не воскресили?»

— Это невозможно, — громко произнесла я и, вздрогнув от собственного голоса, оглянулась по сторонам.

Несколько прохожих-нормалов в испуге шарахнулись в сторону.

— Это невозможно, чтоб тебе!

Это игра воображения. Или... в битве с Джафримелем Сантино использовал Яйцо, а Люцифер завершил дело, добив раненого. А что, если демона смогли возродить огонь и энергия, а не кровь, как думала я? Что, если его тело восстало из пепла? Может такое произойти с падшим демоном?

«Не отвлекайся, Дэнни. Каждая минута промедления может закончиться новым убийством».

Да, но ожерелья-то теперь у меня! И значит, цель убийцы — я.

Я шла по улице, сжав в руке ножны, внутри которых тихо гудел меч, исполняя подсознательную песню энергии. Через некоторое время я стала замечать, что люди расступаются, давая мне дорогу. Наконец я вышла в район жилых домов; улицы опустели, и на пути мне попадались лишь старые деревья, которые в ожидании зимы надели красно-желтый наряд. Громко шурша опавшими листьями и разбрасывая их ногами, я медленно брела по улице.

Когда я вышла к мосту, солнце уже садилось.

В наши дни, с непрекращающимся потоком хOVERов, огромный мост пришел в состояние ветхости и запустения. Однако владельцы сликов не могут перелететь на ту сторону озера по воздуху, не следует также забывать о пешеходах и велосипедистах, поэтому ветхий мост продолжал гудеть от мощного транспортного потока, к которому присоединялся еще и рельсовый транспорт, перевозящий грузы, которые по какой-либо причине нельзя было перевозить на хOVERах.

Мне нужно было двигаться на восток, к тому же хотелось немного пройтись, поэтому выбора у меня не было — мост или ничего.

На западе, петляя, с холма спускались старые шоссе. Я направилась к мосту,

продираясь сквозь кусты и с грустью вспоминая свой старый слик. Там, где начинался мост, виднелся берег реки. Пахло холодным железом и мертвой, отравленной химикатами водой. По берегам тянулись поселения бездомных людей и псионов-изгоев; можно сказать, что сюда стягивались все отбросы общества. По сравнению с этими местами Тэнк выглядел мирной колонией седаин. Я шла не останавливаясь.

Мост нависал над поверхностью неподвижного, как стекло, озера. Пятьсот лет назад, когда он был только построен, его называли чудом архитектурной мысли, но время шло, и мост приходил в упадок. Правда, каждый год его ремонтировали, укрепляя и подновляя металлические конструкции, а несколько лет назад даже провели генеральную реконструкцию, оплаченную из фондов Гегемонии и городского управления. На поверхности озера плавал толстый слой водорослей; время от времени озеро чистили — либо власти, либо тот, кто владел познаниями в химии и оборудовании на сумму в несколько сотен тысяч кредиток. Между прочим, именно отсюда пошла первая волна поставок хлор мена-13, страшного наркотика, основную часть которого составляет тиолин. Мало нам чилла!

Будь у меня слик, я добралась бы до противоположного берега за несколько секунд, но я, поеживаясь, продолжала идти пешком. Пруд, возле которого заканчивались владения «Риггер-холла» и где стоял старый шлюпочный сарай, питался водами реки. Даже находясь поблизости от воды, которая всего лишь подступала к границам этого проклятого места, я чувствовала, как стынет кровь в жилах и натягиваются нервы.

Но чем больше я об этом думала, тем более странным мне казалось, что членам «Черной комнаты» удавалось проводить в сарае встречи, о которых никто не знал, даже если Келлер и приводил туда заговорщиков только по одному. Мирович был начеку постоянно, старательно разнюхивая, нет ли у кого из учеников запрещенных предметов; при этом ему всегда удавалось на шаг опережать и, следовательно, на корню пресекать возможные бунты, не считая тайных сговоров и сборищ. С кем бы ты ни общался, он обязательно оказывался либо доносчиком, либо подвергался истязаниям, либо молча прятался в свою раковину, мечтая только об одном — выжить.

Сколько же еще тайн скрывает в себе «Риггер-холл»?

После часа пути я остановилась на середине моста и стала смотреть на темную, покрытую водорослями поверхность озера. Никаких предчувствий у меня не было.

Внезапно плечо пронзила острая боль, словно в него вонзилась когтистая лапа. Я упала на колени; под ногами скрипнула сталь. Правая рука, сжавшись, сама потянулась под рубашку, нашла оживший знак и принялась его ощупывать. От легкого прикосновения — рука коснулась знака всего лишь кончиками пальцев — мир внезапно перевернулся, словно передо мной возникло кривое зеркало.

Сент-Сити висит вверх ногами; на Трансбэнк-Тауэр горят огни, мимо с гудением проносятся воздушные авто. По жилам растекается горячая кровь, я отчаянно хлопаю крыльями, но продолжаю падать и только в последний момент, взмахнув крыльями, успеваю мягко приземлиться, стукнув сапогами по тротуару. Я чувствую запах, который вовсе не запах, слышу звук, который не звук, а прикосновение, в моих жилах горит огонь, я чувствую сильное желание двигаться... на восток.

Вздвогнув, я пришла в себя и убрала руку с демонского знака. Я стояла на коленях на мосту, который вибрировал, как натянутая струна. Откуда-то издалека доносились крики. Чтобы подняться, я оперлась на ножны.

«Неужели вы его не воскресили?»

Вкрадчивый голос Люцифера. И темная крылатая фигура в бушующем пламени... Огонь, море огня, чтобы... воскресить демона?

И достаточно энергии, чтобы возродить его из пепла?

Смешно. Это безумие. Если Джаф...

Если бы он был жив, если бы в нем теплилась хоть искорка жизни, я бы это

почувствовала, ведь я прижимала его к груди. Я бы это почувствовала, едва прикоснувшись к черной урне. Я бы это почувствовала. Я же некромантка, смерть — это моя работа, я мгновенно реагирую на малейший признак жизни, как секс-ведьма мгновенно ощущает присутствие энергии.

Да, но как быть с душой? Душа демона... или падшего демона, душа а'нанкимеля...

Жаль, что я так мало читала о демонах. Вернее, об а'нанкимелях, падших демонах, и о хедайрах, их земных невестах. Но в книгах приводились в основном старинные легенды, вымышленные и абсолютно бессмысленные. Демоны почему-то не любили говорить об а'нанкимелях; а маги за все время своей дурацкой возни с демонами так и не узнали того, о чем демоны не хотели рассказывать. Маги не помогло ничего, даже их природная ревность и скрытность, которая окружала исследования каждого колдуна. Спрашивать маги о демонах я даже и не пыталась, все равно они ничего бы мне не сказали. Маги общаются только с членами своего узкого круга, но даже внутри этих сообществ у каждого мага есть своя тайна.

А что, если повернуть назад? Можно было бы все выяснить. Можно положить руку на знак демона и идти, куда он поведет. Бросить этот ужасный крут убийств, смертей и мерзости и отправиться на поиски моего погибшего любовника-демона, вместо того чтобы носиться с мыслями о мести за себя и всех тех, кто побывал в «Риггер-холле». А если я не выдержу и сойду с ума, то буду искать его по всему миру, всюду, куда смогу добраться. Я могу потратить всю свою жизнь на бесполезные поиски того, кто не существует, уверяя саму себя, что он жив, вот он — за ближайшим поворотом, стоит только протянуть руку.

Нет. Если до сих пор он не появился, значит, уже не появится. И никакая тоска, никакое ожидание и надежды мне его уже не вернут.

Я крепко зажмурилась; по щекам текли горячие слезы. К чему тешить себя пустыми мечтами? Джафримель погиб, Джейс тоже, а я гоняюсь за директором, который не собирается умирать.

Как он забрался в Келлермана Лурдеса? Как, словно ядовитое семя, пророс в его разуме? Как превратил его в мула для своей извращенной души и психики, своего мерзкого *ка* пожирателя? Или Мирович, полностью завладев телом Лурдеса, так и жил в нем, измываясь над детьми даже после того, как расстался со своим телом стареющего мужчины?

Нет, это не имеет смысла. Это даже смешно. Я разбила урну, чтобы больше не надеяться на возвращение Джафримеля. В этом заключается мое покаяние, и, клянусь всеми богами на свете, я его исполню; месть свершится.

Так я и стояла, пошатываясь, на самой середине моста. Потом в голову пришла еще одна мысль — а что, если энергия, которую я в себе ношу, однажды взорвется, как бочка с реактивной краской, и сожжет меня? Может быть, я до сих пор жива только потому, что еще ни разу не пользовалась своими способностями в полную силу, растрачивая их то на душевные переживания, то на охоту за преступниками, то мучая Джейса. Может быть, все это время во мне копилась энергия; еще немного — и я превращусь в пепел, совсем как Джафримель.

Как мой дом.

Ничего, я заберу его с собой. Мировича, Келлера или как там его, — когда наступит мой последний час, я заберу его с собой. Если этот час наступит.

А если мне удастся убить Мировича? Что тогда?

Я устала; устала от своей бесконечной усталости, которая пронизывала мое тело насквозь и даже глубже. Мне приходилось читать об отчаявшейся душе; никогда бы не подумала, что испытаю это на себе. Даже та моя часть, которая всю жизнь отчаянно боролась, не давая мне сдаться, заставляя жить дальше, даже она как-то сникла, повесив голову. Иногда в жизни наступает такой момент, когда не помогает даже самая большая выносливость.

Я знаю, как все произойдет: я склоню голову на черную грудь смерти, чувствуя, как с меня сваливается бесконечно тяжелый груз жизни. Со стороны горизонта явится прозрачный свет Того, Что Грядет, и я благодарно ступлю на неведомую землю.

Но только после того, как не станет Мировича. Или Келлера. Или как там его.

Я взглянула вниз, на покрытую водорослями неподвижную поверхность озера, в которой отражалось оранжевое пятно, висящее в небе над городом. Я подняла одну ногу, немного подумала и опустила. И осталась на месте.

В небе мелькнули последние отблески вечерней зари. На Сент-Сити, на мост — и на меня — опустилась ночь, прикрыв нас мягкими черными крыльями.

Я резко тряхнула головой; с моих черных волос посыпались крупинки пепла. Я решительно зашагала дальше.

Глава 31

Странное у меня было чувство, когда я шагала по ночной Соммерсби-стритхилл. Последний раз я видела эту улицу много лет назад, да и то при дневном свете, когда отправилась на Восточный вокзал, чтобы сесть на транспорт, который отвез бы меня на север, в Академию, где обучались некроманты. В школе нас никогда не выпускали вечером на улицу; с наступлением темноты ученикам категорически запрещалось покидать территорию школы. Потом, закончив Академию и поселившись в Сантьяго-Сити, я ни разу не появлялась в той части города, которая находилась восточнее моста. Гонимая за преступниками, я объездила почти весь мир, но от этого места, расположенного совсем недалеко от моего дома, бежала как от чумы.

И буду бежать и впредь.

Со стороны озера и залива на город медленно наползал густой, вязкий туман, зеленый над тротуарами и оранжевый между уличными фонарями. Вместе с туманом стал чувствоваться запах моря — густой и соленый — и запах огня, расплавленного воска и пепла. А может, это был запах моей сгоревшей, разрушенной жизни, который источала моя одежда.

Постукивая каблуками, я шагала по Соммерсби-стрит. Остановившись напротив небольшого магазина «Соммерсби», я с радостью увидела, что он все еще работает.

В этот магазинчик бегали все ученики нашей школы, когда у нас выпадала свободная минутка. Здесь мы покупали дешевые книжки и журналы мод, фотографии кинозвезд и леденцы, а еще — сигареты, которые потом тайно проносили в школу и прятали в своих комнатах. В магазинчике был небольшой отдел, в котором продавались собачки из тофу, мороженое и всякая дешевая чепуха; через стекло витрины было видно, что теперь этот отдел закрыт. Что ж, когда не стало «Риггер-холла», не стало и большинства покупателей магазинчика. Чудо, что его вообще до сих пор не закрыли.

Сунув руки в карманы пальто, я стояла, разглядывая витрину. Меч висел у меня за спиной, вдетый в специальную петлю на наплечном ремне с кобурой. На грязном стекле тускло горела красная неоновая надпись. Стойки для газет, которая когда-то стояла сбоку от двери, больше не было; в том месте, где она находилась, осталось лишь светлое пятно краски. Зато стоянка для сликбордов сохранилась. Половина витрины была закрыта щитами, густо разрисованными граффити; со второго этажа на меня слепо взидало выбитое окно. Я молча разглядывала стеклянную дверь со старомодным инфракрасным датчиком, над которым все так же было нацарапано: «Кража товара карается законом»; дверь магазинчика была грязной, покосившейся.

Наконец я вытащила меч из ножен и перешла на ту сторону улицы, где находился магазинчик.

«Еще немного — и меня поглотит собственное прошлое». Неприятная мысль, особенно если учесть, что у моего прошлого есть зубы. Что же будет, когда оно начнет меня переваривать?

«Слушай, хватит об этом думать! Пожалуйста, Дэнни. Ты сама себя заводишь, и больше ничего».

Когда я вошла в теплый сумрак магазина, инфракрасный датчик замигал. С близкого

расстояния магазин выглядел еще более старым и грязным, но автомат для продажи мороженого стоял на прежнем месте, как и стойка с журналами, и полки с хрустящими пакетами и всякой всячиной в ярких обертках, и прилавков, где продавали дешевые ножики и разные безделушки, по-прежнему сиял, как фальшивое золото. Пол был по-прежнему покрыт старым грязным черно-белым линолеумом. В голове сразу всплыли воспоминания. Сейчас опущу глаза и увижу клетчатую юбку и свои содранные колени, почувствую на шее тяжесть металлического ошейника, а на ногах у меня появятся колючие шерстяные носки.

— Вам помочь?

Я вздрогнула. Передо мной стоял человек — толстый, небритый, в грязной футболке и штанах цвета хаки с красными подтяжками. Я судорожно вздохнула. Левая рука, сжавшая меч, расслабилась.

— Привет.

Глаза уже привыкли к темноте. В витрине горела надпись: «Сигареты. «Тамовар», «Мальборо Х», «Житан», «Копперхед»».

— Мне нужна пачка «Житан». Нет, две пачки. И серебряная зажигалка «Зиджаан», вон та, в футляре.

Я взяла несколько сладких батончиков «Риз Марс» — это были мои любимые. Обычно, когда я в очередной раз вносила деньги за обучение, воспитание и одежду, у меня практически ничего не оставалось. Хотя «Риггер-холл» и считалась школой для бедных, дети, у которых были родители, все же имели немного больше карманных денег, чем мы.

Псион считался собственностью государства, их воспитанием должны были заниматься профессиональные учителя, семья при этом отходила на второй план — если она была. Скучала ли я по своим родителям? Нет, потому что у меня были крючконосый, очкастый, бесконечно добрый Льюис и книги. Сейчас, когда боль от первой в моей жизни страшной потери немного притупилась, детские годы казались мне чем-то светлым и чистым по сравнению с чередой горьких утрат и тяжелых угрызений совести, которые мне пришлось пережить, став взрослой. У меня была Роанна, моя первая подруга-седайн, умеющая сглаживать острые углы моего вспыльчивого и резкого характера. У меня был мой бог; едва прочитав первую книгу по египтологии, я сразу поняла, что Анубис — мой «проводник». Некоторые некроманты выходили на свое последнее, выпускное Испытание, еще не зная, какой образ примет смерть; мне повезло больше.

Магической защите нас учили в помещении библиотеки или в большом зале. Некоторые из наших учителей знали свой предмет очень неплохо... Нет, все-таки даже в «Риггере» были свои плюсы. Было там что-то, что помогало мне выжить. Я не скучала по своим родителям. Чтобы скучать, нужно знать, чего ты лишен, а я этого не знала. И не знаю до сих пор.

Я резко тряхнула головой. Все, хватит воспоминаний, сейчас нельзя отвлекаться.

«Чего бы еще купить?» — подумала я, обводя взглядом витрину.

Я увидела полку, на которой лежал журнал с фотографией на обложке: Джаспер Деке стоит, прислонившись к кирпичной стене, на голове — художественный беспорядок. Старый журнал, старая фотография; на меня вновь нахлынули воспоминания. Усилием воли подавив приступ рвоты, я прогнала воспоминания; к этому времени я уже задыхалась от запаха, который исходил от немытого человеческого самца.

Раньше за этим прилавком стояла миссис Делароча, мрачно взирающая на закованных в ошейники детей из «Риггера». Мы бродили вдоль длинных полок с товарами, а она бросала на нас подозрительные взгляды, обдавая тебя вонючим дыханием, когда ты просил продать пачку сигарет. Мне даже показалось, стоит мне обернуться, и я вновь увижу миссис Делароча: юбка съехала набок, кофта застегнута небрежно, желтые зубы выпачканы в помаде, выцветшие глаза слезятся, и только гордо торчит крючковатый нос.

Я положила на прилавок конфеты и журнал. Бросив на меня любопытный взгляд, продавец выложил передо мной сигареты и зажигалку.

— «Зиджаан» заряжена. Вам нужна жидкость для зажигалок?

— Нет, спасибо.

Я заплатила новенькими хрустящими кредитками, не став переводить деньги через компьютер, потому что в детстве всегда платила наличными. Продавец протянул мне покупки и принялся отсчитывать сдачу — три отдельные кредитки. В этом магазине все цены выражались целыми числами — Гегемония никогда не опускалась до торговых наценок, как было принято в городах Свободной зоны. Там добывали деньги иным способом.

Конфеты и журнал отправились в мою старую рабочую сумку. В сумраке помещения ярко вспыхнул мой изумруд. Продавец испуганно дернулся. Увидев, как смешно реагирует на меня этот пузан, я едва подавила совершенно естественное желание рассмеяться. Футболка продавца была совсем грязной и едва прикрывала его волосатую грудь; на прилавке стояла полная окурков пепельница в виде голой красотки с растопыренными ногами, стыдливо задвинутая за настольный календарь, на котором было написано: «*Сегодня* (пропуск, первые две цифры года стерлись) ...75 года». Я поежилась. Этому календарю уже двенадцать лет.

Сунув сигареты в карман, я взяла сдачу и вышла из магазина, не обратив внимания на ехидно брошенное вслед:

— Приятного вечера...

«Вряд ли меня ожидает приятный вечер».

Я вышла на окутанную туманом улицу. Дрожащей рукой вынула сигарету, щелкнула зажигалкой. От запаха синтетического табака я едва не задохнулась. Глаза наполнились слезами. Опустив голову, я пошла по улице, лениво загребая ногами, как делала в те редкие дни, когда меня выпускали из школы на прогулку. Затем оглянулась на магазинчик «Соммерсби».

И похолодела.

Он стоял совсем темный — полностью закрытый ставнями, окон не видно. Забытый магазинчик, как и все остальное. От него не осталось ничего — ни света в окне, ни яркой неоновой надписи, ни толстого волосатого хозяина.

Глава 32

Во рту сразу стало сухо, перед глазами поплыла серая пелена. Я согнулась пополам, пытаюсь справиться с приступом страха; правая рука сжалась, как когтистая лапа. Кончик сигареты посматривал на меня с насмешкой. Вспомнив, чему меня учили, я сделала глубокий вздох, стараясь, чтобы воздух дошел до самого желудка.

— Вот черт. Купила сигареты у привидения.

Мой голос прозвучал высоко и совсем по-детски. Откуда это? Может быть, боги подают мне знак? Или у меня вновь начались галлюцинации? Все возможно.

Я вновь перешла через улицу. Если бы за мной кто-нибудь наблюдал, он решил бы, что я спятила. Подойдя к магазинчику, я постучала в наглухо закрытые ставни, подергала стеклянную дверь, через которую только что вышла, встав на цыпочки, попыталась заглянуть внутрь. Из магазинчика тянуло спертым воздухом, разложением и сильным запахом мусора; острое демонское зрение позволило различить стойку, разбросанные журналы, мусор на полу. Прилавок был также завален мусором, и вдруг рядом с ним, на полу, я увидела след от стертого пятна и возле него — черную выжженную отметину. Возможно, в этом заброшенном доме недавно случился пожар.

Отбросив сигарету, я быстро открыла сумку. Журнал исчез, конфеты тоже, но пачка сигарет осталась. Пошарив в кармане, я вынула вторую пачку и молча уставилась на нее, затем принялась вертеть обе пачки в руке, пытаюсь найти знакомую надпись о вреде курения; там не было ничего, кроме приглашения принять участие в лотерее.

Сняв обе пачки, я отбросила их далеко в сторону. Затем достала из кармана зажигалку «Зиджаан».

У меня остановилось дыхание. Зажигалка была совсем старой, покрытой вмятинами и

царапинами, на одной ее стороне была выцарапана буква «К» и рядом с ней — «М».

Я прищурилась. Затем открыла крышку и повернула колесико. Появился оранжевый язычок пламени. Я закрыла зажигалку. Провела пальцем по надписи.

Впервые за всю свою жизнь я совершенно растерялась. Снова взглянула на запертый магазинчик, откуда тянуло разложением и еще чем-то непонятным.

«К» и «М»? Кристабель Муркок?

— Кристабель! — громко позвала я, и от моего голоса по улице разнеслось эхо.

Молчание. Только в памяти всплыл отчаянный крик: «Вспомни! Вспомни!» Запах сирени, бледно-розовый листок бумаги — последнее послание Кристабель. Ее аккуратно застеленная кровать; идеально чистые книжные полки, кухня и ванная без единого пятнышка... Все осталось на своем месте.

За все время, что я работала с энергией и странной логикой магии, я ни разу не встретила ничего подобного. Я снова взглянула на зажигалку. Сглотнула слюну.

Затем опустила зажигалку в нагрудный карман пальто. «Здесь замыкается круг. Как в Великом заклятии магии».

Появилось смутное ощущение радости. Значит, не одна я хочу расправиться с Мировичем. Возможно, мне на помощь пришел еще один некромант — Кристабель. Кто знает?

А может быть, все вовсе не так и я — жертва, которую собираются возложить на алтарь. Вот это уже менее приятно. Я присвистнула сквозь зубы; звук получился совсем тихим, его поглотил туман. Сделав несколько шагов прочь от магазина, я повернулась и снова перешла на другую сторону улицы. Пойду по Хилл-стрит, а там...

— Валентайн! Эй, Валентайн! — раздался детский голосок, высокий и звонкий, и по бетону застучали чьи-то легкие шаги.

Я ясно слышала этот звук, словно рядом со мной кто-то пробежал. Шею начало покалывать.

Задышавшись от волнения, я резко обернулась. Широкая Соммерсби-стрит; заброшенные здания и заколоченные дома насмешливо смотрели на меня. Выложенный бетонными плитами тротуар был весь в ямах и выбоинах; в небе не было ни одного хове́ра. Когда закрыли школу, весь район, видимо, пришел в запустение.

Отличное место, чтобы спрятаться.

— Кристабель! — вновь громко произнесла я, удивившись собственному голосу.

«Ладно, с меня хватит. Нужно действовать. Больше никаких голосов, видений и проволочек».

Я выпрямилась, крепко сжав зубы, и стиснула в ладони рукоять меча. Затем, справившись с дрожью в коленях, решительно зашагала посреди проезжей части улицы, бросая вызов встречному транспорту; каблуки громко стучали по бетонному покрытию. В эту часть города зима пришла раньше, и там, куда не проникали солнечные лучи, уже лежал иней. Под деревьями и в темных закоулках зима уже вступила в свои права, не дав закончиться осени.

Пройдя всю Соммерсби-стрит, я свернула на Харлоу, которая заканчивалась коваными чугунными воротами с готической буквой «R» на одной половине и «H» — на другой. Сверху ворота заканчивались острыми зубьями, похожими на когти.

Я остановилась возле ворот. «Осторожнее, Дэнни, — коснулся моей щеки голос Джейса. — Здесь все только кажется тихим и мирным. Не верь никому и ничему».

— Мог бы и не напоминать, — буркнула я.

Свое первое задержание я провела под руководством Джейса, спустя несколько месяцев после нашего знакомства, когда наши бурные отношения перешли в более спокойную фазу. Я жаловалась, что мало зарабатываю, что не могу платить за дом, что денег, которые я получаю за работу с призраками, вечно не хватает. Тогда, выслушав мою очередную тираду, Джейс приподнял голову от подушки и сказал: «Детка, а как насчет того, чтобы зарабатывать реальные деньги?»

После этого я начала ловить преступников, разыскивать украденные вещи, однако категорически отказалась заниматься промышленным шпионажем и кражами. Прежде я даже не помышляла о работе наемника, но деньги сделали свое дело, а Джейс оказался отличным наставником, поэтому вскоре мы стали единой и весьма успешной командой. В то время я не задумывалась, где Джейс находил такую уйму заказов, а сейчас мне кажется, дело не обошлось без помощи корпорации «Моб». Под руководством Джейса я быстро стала первоклассной охотницей.

Странно, но эти воспоминания были какими-то смутными; притупилась даже острая, как меч, боль от потери Джейса. Я смотрела на ворота, которые в течение многих лет являлись мне лишь в кошмарных снах, и крепко сжимала рукоять меча. Сердце бешено колотилось.

— О'кей, Кристabelle, — тихо сказала я. — Ты по-прежнему ведешь в нашем танце. Что ж, пора начинать.

Глава 33

Интересно, почему я так хорошо помню территорию школы, которую изо всех сил старалась забыть? Вон там, за воротами, начинается подъездная дорога, которая поднимается по небольшому холму, справа находится пруд, слева виден старый шлюпочный сарай. Главное здание, где были аудитории, столовая и гимнастический зал, расположено чуть дальше — к нему и ведет подъездная дорога. От главного здания налево уходит еще одна дорожка, которая ведет к четырем корпусам, надежно защищенным магическими заклятиями, — там мы занимались обычными магическими дисциплинами. Помимо магии каждый корпус был оснащен внутренней компьютерной системой слежения и автоматическими датчиками тревоги.

За главным зданием стояли корпуса, в которых находились общежития — два для девочек, одно для мальчиков (поскольку X-хромосомы несут в себе больше таланта, чем Y-хромосомы), за ними — зал додзё для занятий фехтованием, крытый бассейн и в самом дальнем углу — дом директора школы. Если подняться на холм, можно увидеть учебный корпус, в котором находились библиотека, аудитории и прекрасно оснащенная алхимическая лаборатория; внутренний двор был окружен теплицами, в которых занимались скинлины, а также садом, где трудились все те же скинлины и ведьмы-«зеленщицы».

Все было на месте, кроме одного — в воздухе не чувствовалось запаха детского страха — и, разумеется, энергии, а также не было видно бесконечных датчиков — глубокого сканирования, магического сканирования, а также полного набора охранных систем. Это не считая металлического ограждения высотой в шесть футов, опутанного колючей проволокой; это «украшение» Мирович приказал возвести перед старой кирпичной стеной, которая, видимо, резала ему глаз.

«Кто это сделал, Дэнни?»

Голос Джейса, хриплый от гнева, после одного из наших поединков.

«Кто вбил тебе в голову, что ты никчемное существо? Скажи мне, кто? Черт побери, кто это с тобой сделал?»

Помню, как Джейс обернулся и зло посмотрел в соседнюю комнату, словно там спрятался мой обидчик.

— Джейс, — прошептала я, обращаясь к пустой, затянутой туманом улице, — я не хочу туда идти.

Но... то ли подчиняясь воле магической судьбы, то ли из упрямства, порожденного бесконечной усталостью, я решила довести дело до конца. А кто, скажите мне, сделает эту работу за меня?

В правой руке пульсировала боль. Я дотронулась до кармана, в котором лежали серебряные ожерелья. Если я не ошибаюсь — а я очень на это надеюсь, — то сейчас Келлер следит за мной. Вот и хорошо — теперь я потащу его за собой, как тянет за собой

металлическую стружку магнит, как хOVER, брошенный в районе Тэнк, притягивает к себе охотников за запчастями. Как драка в Рио собирает возле себя толпу зевак.

Думая об этом, я достала из кармана три ожерелья, оставив одно, и принялась их разглядывать. Странно, но энергии от них не исходило. Хотя если Келлер наложил на них пассивное заклятие, я могла его и не почувствовать. Когда речь идет о заклятиях, пассивные обычно означают слабость, однако их главное назначение — сделать тебя невидимым.

Я крепко сжала пальцы в кулак; острые кончики амулетов впились мне в кожу. По руке потек ручеек энергии, острой как бритва; руке стало горячо. Энергия растекалась по руке, таяла, кружилась, старалась вырваться наружу.

Я смотрела на свою руку; от мощного притока энергии ногти начали светиться.

Новые воспоминания.

Щелк!

Самое мерзкое, когда тебя начинают избивать хлыстом, вовсе не первый удар по спине. Первые мгновения ты вообще ничего не чувствуешь, зато когда в спину впивается железный наконечник хлыста, наполненный энергией, тебе начинает казаться, будто спину прижигают раскаленным железом; потом тебе кажется, будто хлыст бьет не только по спине, но и по всему телу, а потом в сплошную боль превращается весь мир. Ты начинаешь кричать; этот крик исходит из самых недр твоего тела, ты не можешь его сдержать. Нервы приказывают телу молчать, но оно не слушается, оно предает тебя, оно ломается и начинает умолять о пощаде.

Я разжала кулак.

«Валентайн, Д. Ученицу Валентайн просят срочно зайти к директору».

В руке блеснул металлический наконечник — длинный, тонкий и острый. Сотворенный из энергии и металла ожерелий, он тоненько зазвенел, когда я прикоснулась к нему пальцем. Тихо присвистнув, я взглянула на ворота.

Они были слегка приоткрыты; между прутьями решетки скользили клубы тумана. «Зайди ко мне», — сказал оживший директор своей насторожившейся экс-ученице. Кажется, эти безумные, произнесенные безжизненным голосом слова относятся ко мне. Глубоко вздохнув, я полезла в свою сумку. Спрятать серебряный наконечник было не во что, поэтому я просто завернула его в кусок мягкого пластика и сунула в карман, где лежало четвертое ожерелье.

«Я думаю, не стоит заходить с парадного входа».

И я, сойдя с подъездной дороги, растворилась в тумане.

Глава 34

Он был все еще там, тот старый дренажный туннель. На дне круглой бетонной ямы плавал мусор; теперь она казалась мне гораздо меньше — я ведь стала на фут выше. Опавшие листья, скопившиеся на дне ямы за семь лет, превратились в толстый слой липкой грязи. Осторожно потрогав бетон, я внимательно посмотрела вниз. Там, где дренажная канава проходила под ограждением, кто-то проделал в металлической сетке дыру. После этого, передавая тайну из поколения в поколение, ученики тщательно засыпали дыру деревянными щепками, которые тайно таскали из ближайшего мебельного магазина, делая так, чтобы вода уходила, но порванная сетка оставалась незаметной. Поскольку дыра вела под землю, она оказывалась вне зоны действия психических и электронных датчиков слежения; а если они продолжали действовать и здесь, то все об этом давно забыли. Этот секрет ученикам удалось сохранить до самого закрытия школы. Потихоньку удрать ночью из школы, чтобы немного побродить по улицам, — это в «Риггер-холле» стало традицией,

которая не нарушалась даже во времена страшного правления Мировича. В конце концов, мы же были просто детьми, и пойти нам было некуда, тем более с нашими ошейниками. Мы являлись собственностью Гегемонии.

Узнав о существовании «Черной комнаты», я подумала о том, что в «Риггере» было наверняка полно тайн. А я-то считала, будто скрыть что-то от Мировича и его прихвостней невозможно. Теперь, с высоты своих прожитых лет, я относилась к этим крысам и мелким пакостникам более снисходительно. В сущности, они были просто до смерти запуганными детьми, как и я.

С той разницей, что я не сломалась. Не сломалась даже тогда, когда Мирович силой заставил меня смотреть, как умирает Роанна; теперь мне начало казаться, будто он заранее знал, что она вывернется из его старческих негнувшихся пальцев, знал, что она бросится на металлическое ограждение; знал он и то, что мы с ней поклялись не выдавать друг друга.

Я не сломалась и тогда, когда он приволок меня в свой кабинет и, угрожая расправой, велел рассказать, что могла сообщить моя соседка по комнате седайин своему социальному работнику и рассказывала ли она это кому-нибудь еще. Теперь я понимаю: он до безумия боялся потерять свою игровую площадку, не говоря уже о наказании, которое могло за этим последовать, а это была бы смертная казнь — газовая камера, скорее всего. В конце концов, он отыгрался на мне. Мой отказ говорить привел его в дикую ярость, но ведь до этого я была всего лишь одной маленькой ученицей в огромной школе. Мне часто удавалось не попадаться ему на глаза.

Я нырнула в туннель; под ногами захлюпала жидкая грязь. Воздух был абсолютно неподвижен; из-за тумана он казался зловещим, затаившимся. Полная тьма превращала туннель в бездонную пропасть, непроглядную даже для моего демонского зрения. Здесь не было освещения, а густой туман уменьшал видимость еще больше.

Я вытащила из ножен меч. В вязкой, как вата, тишине тихий звон клинка прозвучал неожиданно громко. Я вытащила клинок не более чем на три дюйма; на яркой стали показался слабый голубой свет.

Туннель, уходящий немного вверх, хорошо просматривался; я стояла по колено в воде и жидкой грязи. Бетонные стены были исписаны краской, кое-где их покрывали зеленые водоросли, которые проступали из темноты, когда рядом с ними оказывался светящийся меч. Бетон крошился, но был по-прежнему прочен. Туннель ничто не перекрывало, вода продолжала в него поступать, поэтому я, пригнувшись, начала медленно продвигаться ко входу.

Пройдя половину пути, я остановилась и, подняв меч, взглянула налево. Под ногами хлюпала вода; я двигалась очень осторожно, внимательно вглядываясь в темноту.

Вот она. Черной краской на стене была нарисована поджарая египетская собака с длинными настороженными ушами; копия древней статуэтки. Помню, как я кусала губы, когда старательно выводила рисунок, помню резкий запах краски и ощущение радости, когда труд был закончен. Это был мой знак, означавший, что я объявила школе войну; мой орден почета, который я получила за то, что не сломалась. Сжав зубы, я молча кивнула своему знаку и пошла дальше.

Туннель оказался короче, чем мне казалось. Дойдя до конца, я отодвинула гнилой деревянный щит и впервые за много лет вновь ступила на территорию школы «Риггер-холл». Я принялась: пахло гнилыми листьями, травой и соленым туманом. Я прислушалась: ничего, кроме тишины пасмурной ночи. Свою энергию я старалась держать поближе к себе, однако вокруг здания школы не было защитного поля; когда школу закрыли, пришла целая команда псионов Гегемонии, которые сняли все ограждения, демонтировали датчики и убрали энергетическую защиту, заземлив провода. Так все и осталось. Если Келлер прячется в школе, ему остается надеяться только на свое умение быть невидимым.

Я ощутила знакомое напряжение в теле; сердце застучало быстрее.

«Я справилась с демоном, который оказался не по зубам самому Князю тьмы. Я пережила два столкновения с дьяволом. Я лучшая некромантка Сент-Сити. Я считаюсь

одним из лучших охотников Гегемонии».

От этой мысли я захихикала. Мне предстоит самая крупная охота за всю мою жизнь, и оплошать я не имею права.

Мысль, достойная взрослого человека; очень за себя рада Я быстро опустила глаза, проверяя, нет ли на мне клетчатой юбочки; нет, только голубые джинсы. Мне стало немного стыдно.

Трава, которую давно уже никто не подстригал, доходила мне до колен, всюду росли сорняки, в темных углах лежал иней. Впереди, за холмом, виднелись знакомые крыши школьных общежитий, за ними находился дом директора. Можно пройти за дозё, там никогда не бывает учителей или соглядатаев директора.

Будто они по-прежнему здесь.

Кажется, здесь вообще никого нет... откуда же тогда это чувство, будто мне необходимо прятаться от ищеек Мировича? Нет, все это неспроста, нужно быть начеку.

«Меня заживо поедает мое собственное детство. О боги. Почему меня?»

Ответ пришел внезапно, как вспышка.

«А почему бы и нет? Кто сможет постоять за себя лучше, чем я?»

Дойдя до вершины холма, я машинально пригнулась; внезапно края моего энергетического поля пришли в движение и напряглись.

«Пыль, мусор, магия, крем после бритья, мел и кожа».

Я резко, словно ошпаренная, отпрыгнула назад и, задыхаясь, прижалась к земле — и тут же надо мной проплыла мощная волна магии. Он прощупывал подходы к зданию.

«Ну что ж, теперь я знаю: он здесь».

Я попыталась вспомнить, есть ли у меня в сумке освященный мел. Потом устыдилась самой себя; поступаю как глупая девчонка — прячусь и жду, когда Лурдес сцапает меня, как кролика.

Так, еще один пробел в моем тщательно продуманном плане, которого у меня нет. Действую по наитию, как не позволяла себе с двенадцати лет. Только глупый ребенок может действовать по наитию. Тот факт, что в моем деле вообще невозможно ничего спланировать, не может служить оправданием.

«Тебе нужно хорошенько подумать, Дэнни!» — послышался тихий шепот Джейса; щеки коснулось горячее дыхание, теплые пальцы провели по шее. Это прикосновение было таким реальным, что у меня перехватило дыхание; перекатившись на бок, я инстинктивно начала испускать энергию, и холм на миг окрасился в малиновые тона.

«Еще немного — и я себя выдам».

Быстро поднявшись, я спустилась с холма и зашагала в другом направлении. То есть напрямик к дому директора, стараясь держаться так, чтобы меня закрывал холм.

Внезапно я услышала: по ту сторону холма кто-то идет — под ногами незнакомца хрустел гравий. Значит, он ждал меня у главных ворот или возле общежитий.

В голове мелькнула мысль: внезапно выскочить из-за холма и налететь на него, захватив врасплох; вместо этого я начала двигаться тихо, как сова. Шаги замедлились; я насторожилась, про себя благословляя свой острый демонский слух.

Короткий крик боли и звук падающего тела; на землю упало что-то тяжелое. Затем звуки шумной борьбы, глухой топот — кто-то побежал по траве. Не останавливаясь, я обогнула холм и во весь дух понеслась по дорожке, ведущей к дому директора.

«По этой дорожке когда-то шла Полиамур, ведя за собой девятилетнюю девочку и Келлера. Она вела их к Мировичу».

Внутри все сжалось. Дорожка была вымощена камнями; я бежала, стараясь производить как можно меньше шума.

Я как раз преодолела подъем, перемахнув через небольшую выбоину, когда совсем рядом внезапно послышалось короткое и громкое шипение. Я едва успела отпрыгнуть в сторону — мимо меня с шумом и треском пролетела молния и ударила в дом директора.

Это строгое двухэтажное здание, построенное в неовикторианском стиле, давно

пришло в запустение. Дом выглядел совсем заброшенным: окна заколочены, краска на стенах облупилась — я хорошо видела это, ибо туман, окутавший дом, словно немного его подсвечивал. Я узнала этот мертвящий голубой свет — я видела его в квартире Сьюкроу. Только на этот раз световое пятно ширилось; шипя и потрескивая, оно занимало все больше пространства. В голове мелькнула мысль — а вдруг это радиоактивное излучение и я получу ожог? Впечатление и в самом деле было такое, словно рядом находился ядерный реактор.

От мощного взрыва я чуть не оглохла. Меня отбросило далеко в сторону, на траву, прижало к земле; из носа потекла кровь.

— Ужас, что там творится, — сказал кто-то невидимый; голос слышался справа, от подножия холма, где рос густой кустарник.

Молния тоже ударила справа, значит, тот, кому принадлежал голос, находился у меня за спиной.

«Серебряный наконечник, наверное, он отслеживает меня по наконечнику».

И четвертому ожерелью, которое лежит у меня в кармане.

— Кто вы? — прохрипел чей-то задыхающийся, словно у астматика, голос.

По спине пополз холодок; руки онемели. Голос звучал как-то странно, искаженно, словно человек говорил с помощью голосового аппарата, — но я его узнала. Тело напряглось и окаменело, пальцы впились в землю; запах сырой травы и свежей земли смешался с пьянящим, пряным ароматом демона.

Дом директора пылал; теперь к небу взмывали уже не голубые, а оранжевые языки пламени, бросая отблески на клубы тумана.

Через несколько секунд он поднялся на холм и увидел меня.

Я услышала дикий, пронзительный вопль.

— Нет! НЕТ! Не надо! НЕ НАДО!

Теперь я слышала другой голос — мягкий баритон, характерный для всех скинлинов. Послышались шаги — потом шумная возня, словно началась драка.

— Кто бы ты ни был, беги! Спасай свою жизнь!

Я и собралась бежать, только не для того, чтобы спасти свою жизнь. Мне нужна была его жизнь.

— ...прочь, — прошипел Мирович. — Поди прочь. Знай свое место, мальчишка.

Я не стала ждать, что будет дальше. Я побежала.

Глава 35

Думаю, меньше всего Мирович или Келлер ожидал, что я побегу к зданию столовой. Как и все остальные корпуса, оно было заброшено: заколоченные окна, у стены валяются два столика, с потолка свисают оборванные провода изоляции. Электроника давно вышла из строя, и, чтобы попасть в здание, мне пришлось выламывать дверь — и если скрежет металла и мое собственное пыхтение не привлекли внимания Мировича, то уж следующие мои действия наверняка навели его на мой след.

Я сделала всего несколько шагов, когда вдруг почувствовала под сапогом что-то мягкое и мгновенно выхватила меч. Я взглянула себе под ноги — на полу валялся безобидный спальный мешок. В воздухе пахло мясным супом из консервов и восковыми свечами. Свечами, невымытым человеческим телом — и стояла холодная, мерзкая вонь, которую издавал Мирович, вонь от пыли, магии, фекалий, мела и крема после бритья.

Кажется, я нашла его нору. Правда, я не была в этом уверена.

Дрожащей рукой я полезла в сумку. Меч испускал голубое сияние. Лихорадочно роюсь в сумке, я никак не могла нащупать освященный мел, хотя хорошо помнила, что я его туда положила. Я физически ощущала, как летит время, как быстро приближается то, что непременно сейчас произойдет; вот оно ближе, ближе, поднимается из воды, чтобы вцепиться зубами мне в ноги.

Наконец я вытащила руку из сумки и глубоко вздохнула, втягивая в себя человеческие

и нечеловеческие запахи; мой собственный запах, запах дыма и демона, внезапно закрыл меня, словно щит. Сунув руку в карман, я крепко сжала серебряный наконечник, завернутый в кусок пластика.

От прикосновения холодного металла я вздрогнула и пришла в себя. И сразу присела на пол, сжавшись, словно перед броском. В правой руке я сжимала меч, в левой — наконечник хлыста.

«Зачем мне мел? Я же наполовину демон».

Воздух пришел в движение, завертелись маленькие вихри, послышался треск, слабые разряды, и на линолеуме начал появляться знак, созданный энергией. На это ушло несколько секунд. Когда все было кончено, вокруг меня пылал ярко-красный двойной круг, довольно сносно начертанный энергией, а между кругами извивались слегка измененные глифы пожирателя, созданные Келлерманом Лурдесом. Внезапно все свечи, которые притащил в столовую Лурдес, вспыхнули теплым, приветливым светом. Наконечник загудел, испуская свет и тепло. От кармана, в котором лежало четвертое ожерелье, пошел дым. Мне было не до него; затаившись, я ждала.

Внезапно одно из заколоченных окон с треском распахнулось. За ним другое. Третье. На пол посыпались щепки.

Тишина. Итак, все будет кончено здесь.

«Вы верите в судьбу, Данте Валентайн?»

Я жадно хватала ртом воздух, шрамы на спине ожили и обожгли болью. Клеймо на ягодице заболело сначала слабо, потом сильнее, сильнее, и вот уже я едва не ору от боли. От кармана шел легкий дымок. Я ждала.

Дверь, ведущая в столовую, закрипела, начала медленно открываться и вдруг с грохотом распахнулась, сорвавшись с петель. И в столовую, неуклюже ступая, ввалился Келлерман Лурдес.

Увидев его так близко, я вспомнила, каким он был в школе — долговязый, неуклюжий, прыщавый скинлин, который всегда держался в стороне, что бы ни происходило. О нем в «Риггере» никогда не шептались по углам и не сплетничали. Его попросту не замечали. Он был человеком-невидимкой.

Глядя на него, я начинала все понимать. Войдя в комнату, Келлер уставился на меня мертвыми темными глазами, в которых вспыхивали колючие голубые искорки; его пухлые отвислые щеки слегка подрагивали.

— Значит, ты уже тогда был пожирателем, — прошептала я, словно вновь стала четырнадцатилетней девчонкой.

Маленькой напуганной девчонкой.

Так вот почему он казался невидимым; вот почему смог подобраться к Мировичу в ту роковую ночь, когда с ним пришли Полиамур и Долорес. Келлер скрывал, что стал пожирателем; и в самом деле — если ты психический вампир, не станешь же ты орать об этом на каждом углу! Нет, пожиратели делали все, чтобы казаться невидимыми, особенно для детей; именно это и делало их смертельно опасными. В какой-нибудь нормальной школе Гегемонии его бы осмотрели, выявили болезнь и подвергли лечению, иначе говоря, спасли, после чего он вернулся бы к жизни нормального, здорового псиона. Но в королевстве Мировича все оставили как есть... и Келлер воспользовался своим состоянием, чтобы убить Мировича, вызвав себе на подмогу еще несколько учеников, а возможно, он выбрал смерть директора в свою психику, навеки превратив себя в пожирателя — или, хуже того, в мула, который тащит пожирателя. В физическое тело, которое везет на себе *ка* погибшего директора.

Келлер уставился на меня; его лицо было неподвижно, словно деревянная маска. Затем в его глазах что-то сверкнуло — сначала в самой глубине, потом ближе, ближе, и вдруг он заговорил.

— Ты... не... одна... из... них. — Склонив голову набок, он шевелил губами, пытаясь справиться со своим голосом. — Ухо... ди. Уходи... отсюда.... Я не могу... удержать...

— Он оседлал тебя, — громко сказала я. — Превратил в раба. Но ведь ты сдерживал его целых десять лет.

Было приятно сознавать, что моя догадка оказалась верной, хотя мне и было немного стыдно оттого, какой душой я была все это время. Теперь же все стало ясно как день.

— Я не могу... — выдавил из себя Келлерман Лурдес, пуская слюни. Его тело выгнулось в одну сторону, потом в другую, словно внутри его шла жестокая борьба. — Я не могу его удерживать. Больше не могу... ты... беги.

Внезапно его голова дернулась вперед, как у змеи, когда она атакует. Наконечник, который я держала в руке, жег мне пальцы ледяным холодом, но я продолжала его сжимать. И ждала.

От глифов, которые я начертила на полу, начал струиться голубой свет. Из кармана моего пальто выпало последнее серебряное ожерелье, сумев прожечь дырку даже в особо прочной кевларовой ткани. Извиваясь, словно живое существо, ожерелье упало на пол; послышался странный мелодичный звон.

Магические круги начали потрескивать. Голубой свет вспыхнул, словно молния, и тогда я увидела, как задергалось тело Келлермана Лурдеса, когда из его рта, носа, глаз и ушей полезла дымящаяся эктоплазма. Я резко отпрянула назад, но *ка* Мировича стремительно рванулось ко мне, стараясь достать меня своими когтистыми лапами. Но это был уже не Мирович, сутулый директор-пожиратель, любитель поизмываться над детьми.

Это было его *ка*, превратившееся в огромного монстра. Внезапно из глаз ребенка выглянул Мирович с когтями, клыками и жуткими, мертвенно-белесыми глазами гоблина, порождения детских кошмаров.

Не помня себя от ужаса, я завопила и бросилась бежать, забыв о своем мече. Магические круги взорвались, и в спину мне ударил такой разряд, что я покатилась по земле, кашляя и задыхаясь; я все еще визжала, когда директор запустил в меня когти и вспорол мне живот до самых ребер. Хлынула черная кровь демоницы, тело свело судорогой, и тогда Мирович нырнул в мой широко открытый рот, наглухо забив мне горло дымящейся вязкой эктоплазмой.

Глава 36

Я захлебывалась, давилась, задыхалась. Я билась в агонии, в то время как острые когти продолжали рвать мою кожу и внутренности, которые уже начали вываливаться наружу; мои глаза вылезли из орбит, словно огромное давление вытолкнуло их наружу.

«Ученицу Валентайн просят срочно зайти к директору».

Я медленно поднимаюсь по лестнице, волоча ноги по деревянным ступенькам; мои шаги звучат как траурный барабанный бой. Улыбка Мировича, когда он берет меня за плечо своей сухой тонкой рукой. «Для тех, кто не желает подчиняться правилам, мы приготовили нечто особенное, мисс Валентайн». Я встречаюсь взглядом с Роанной, и от тяжелого предчувствия сжимается сердце. Она все рассказала своему социальному педагогу, а Мирович об этом узнал.

Тело Роанны висит на проводах, она бьется в конвульсиях; слышится треск. Пальцы Мировича впиваются в мое плечо; он тащит меня в ад... клеймо, раскаленное докрасна клеймо. Кожаные ремни на руках, я ору, пока у меня не срывается голос... закончив со мной, он прижимает к моему телу раскаленное железо; по моим ногам течет сперма; спинка стула больно врезается в грудь, мне трудно дышать, звуки шелестящего, как сухая бумага, голоса заполняют собой весь мир; в памяти всплывают страшные воспоминания, вырываясь из-за наглухо запертой двери — той двери, которую я, покидая «Риггер-холл», захлопнула и навеки заперла на замок, двери, которую я должна была закрыть, чтобы продолжать жить. Вернее, выживать.

Пальцы. В моем мозгу. Они скребут, рвут, царапают. Больно, мне больно.

«Теперь понятно, почему дух Кристабель не смог вернуться назад»...

Тварь, засевшая в моем мозгу, внезапно отпрянула, явно не ожидая, что я еще способна думать, что еще не сдалась. Отчаянным напряжением воли я ухватила за свою последнюю здравую мысль, как жертва кораблекрушения хватается за спасательный круг, и, вцепившись в нее ментальными зубами, начала бороться.

Полиамур слегка наклоняет голову. «Ты рано понимаешь, что тело способно предавать; разум, вот что нужно сохранить в неприкосновенности. Свою душу. Чувствовать, как в твоём мозгу копаются мерзкие пальцы этого червяка»...

Взревев от ярости, тварь набросилась на меня с новой силой, насилуя, разрывая меня на части; с дикой злобой она терзала ментальную оболочку, рвала ее когтями, стараясь добраться до самой глубины моей психики, чтобы окончательно ее разрушить.

А я не сдавалась.

Темные глаза, в их глубине мерцает таинственный изумрудный свет. Зеленые глаза на мрачном лице; теплые губы демона, прижимающиеся к моей шее, я дрожу в его объятиях, изнемогая от наслаждения, — он что-то шепчет мне в ухо.

Воспоминания вихрем проносятся в голове, они переплетаются, сменяют друг друга... В мозгу крутится рулетка Пучкина; мне больно, тело горит, словно в огне, он пробивается внутрь моего сознания, распахивает двери, вскрывает замки, он ищет, ищет... что?

«Даже лоя не может принудить женское сердце»... Если бы я не была наполовину демоном, я бы никогда не услышала этих слов. «Я должен был это сделать, Дэнни. Должен был. Ради тебя».

Тварь, издав яростный визг, отпрянула. Еще бы, ведь вместе с мыслями о Джейсе пришла мощная волна светлых чувств, в которых были стыд, и любовь, и ощущение вины, но это были мои чувства, мой источник силы, недоступный для порождения зла. У меня появилось оружие; только бы дотянуться до этого источника, найти его, припасть к нему. Мне сгодилось бы все, все, что угодно.

К потолку поднимались клубы дыма, мертвенно-голубой свет прожигал меня насквозь, у меня лопалась кожа, демонская кровь, вскипая, пыталась закрыть мои раны.

Тварь дрогнула. Я побеждаю; воспоминания, мне нужны воспоминания.

«Вспомни! — крикнула Кристабель. — Вспомни все!»

Вспомни лицо Джейса — спокойное, мирное; вспомни, каким оно было, когда вы спали в одной постели. Вспомни мягкое прикосновение Дорин, свет ее глаз. Вспомни руку Льюиса, такую сильную, такую надежную. Вспомни книги, которые он тебе давал, где в каждой говорилось, что ты поистине бесценный ребенок, ибо он в тебя верил. Вспомни последний вздох Джафримеля, который рассыпался у тебя на руках. Вспомни, как ты, дрожа от страха и затаив дыхание, читала по ночам, закрывшись с головой одеялом. Вспомни Гейб, которая совершила ради тебя такое, чего ты никогда не сделала бы сама для себя. Вспомни, как Эдди обнимал тебя за плечи, вспомни, как Джафримель бросился между тобой и Сантино, чтобы спасти тебя от неминуемой смерти. Вспомни, Данте.

Вспомни все.

Пальцы до боли сжимали серебряный наконечник. Я задыхалась. Перед глазами мелькали черные точки. Я начинала терять сознание. Кислород... даже демону требуется хоть какой-то воздух. Еще немного — и тварь сделает с моим телом то, что хотела сделать с

мозгом.

«...мразь, оставь ее, пусти!»

Отчаянный крик Кристабель, от которого от стен начинает отскакивать плитка; Кристабель бросается ко мне. Ничего удивительного — даже смерть не может избавить меня от мучений.

Но я не сдамся. Пока я в силах что-то вспомнить, я жива.

«Вспомни, Данте. Вспомни все».

Падая навзничь, я успела швырнуть в Мировича серебряным наконечником, в то время как его эктоплазма все глубже забиралась мне в рот и нос, пытаюсь добраться до мозга. Я отчаянно сопротивлялась; воспоминания то уплывали, то возвращались вновь, и тогда я цеплялась за них, не давая им уходить.

Маленький сгусток серебра и энергии ударился о стену голубого свечения, сверкнул, как льдинка, описал в воздухе дугу и...

...вонзился в шею Келлермана Лурдеса.

«Убей пожирателя и его мула, пожалуйста, Анубис, пожалуйста»...

Это был единственный известный мне способ уничтожения *ка*. Я останусь в живых, если продержусь еще немного.

Если вспомню что-нибудь хорошее.

Я падаю. Я падаю, падаю... я упала, больно ударившись головой о бетон; когти твари разрывают мой живот, но я уже не могу кричать, он разорвал мне горло, прорвавшись внутрь меня; нос обжигает жгучая боль; тварь рвет на мне джинсы, пытаюсь пробиться и там, — «он лезет во все щели» — успеваю подумать я, корчась в судорогах, перед глазами уже не точки, а сплошная черная пелена.

«Вспомни, Данте. Вспомни».

Я слышу голос Кристабель, и это не сумасшедший визг призрака, а ее спокойный голос, словно она находится рядом со мной — худенькая девочка с ободранными коленками, она стоит, скрестив на груди руки, и в ее темных детских глазах светится недетская мудрость.

«Вспомни. Вспомни».

Я больше не могла вспоминать, в голове не осталось ничего — кроме одного имени, которое прозвучало в моем последнем отчаянном вопле. Имени, которое стучало у меня в сердце, не выходило из головы, молитвы, которую я читала, когда все рушилось.

«Джафри...»

Внезапно левое плечо пронзила такая острая боль, словно кто-то начал медленно отрывать мне руку, миллиметр за миллиметром выворачивая ее из сустава. Я издала придушенный хрип, несмотря на то, что горло было забито эктоплазмой; на бетонный пол брызнула черная демонская кровь, и вдруг — мир взорвался.

Огонь. Красный огонь.

Я услышала оглушительный удар грома, словно рухнула вселенная, словно звезды сорвались с неба и посыпались на землю огненным дождем; земля содрогнулась, словно от землетрясения, казалось, вздрогнули даже окутанные снегом горы. В горло хлынул благословенный холодный воздух.

Яркая вспышка. Мне больно; свет обжигает меня не меньше, чем когти Мировича, мое тело слепо борется за жизнь, каждая клетка демонского организма отчаянно хочет жить. Я слышу хлюпающий звук — это мои вывалившиеся внутренности втягиваются обратно в живот; кипящая эктоплазма начинает вылезать из горла наружу, и я слышу, как у меня трещат кости; по коже пробегает волна энергии.

Что-то случилось.

«Вспомни, Данте! Вспомни!»

Голос Кристабель звучит как гром, как колокол, заполняя собою мир; Кристабель

смотрит на меня темными глазами.

«Вспомни. Вспомни».

Я с трудом перекатилась на бок; я кашляю, задыхаюсь, мой рот забит пылью, мелом и кремом после бритья; я отчаянно отплевываюсь, изо всех сил сморкаюсь, чтобы прочистить нос от студенистых, как яичный белок, сгустков эктоплазмы, которая быстро исчезает, оставляя после себя запах гнили. Я задыхаюсь от непрерывных позывов рвоты.

«Демонов тошнит или нет?»

От этой мысли я сначала рассмеялась, а потом и вовсе зашлась визгливым, тонким, безумным смехом; я умирала от смеха, стоя на четвереньках. Живот горел, словно в огне, мышцы вытягивались, напрягались. Я схватила свой меч; рука была скользкой от какой-то вязкой жидкости; от меча по руке пронеслась волна энергии, и я слабо вскрикнула. Потом снова повалилась на пол, но меча не выпустила; моя энергетическая оболочка пыталась сомкнуться, но энергия все же просачивалась сквозь дыры, улетая в окружающее пространство. Еще одна судорога; я шумно шлепаюсь лбом о пол, в животе — адская боль, словно его выворачивают наизнанку.

— Данте, — раздался ровный и спокойный голос, полный огня, обжигающий, словно старое бренди. — Что ты наделала?

Я слабо вскрикнула, пытаюсь оторваться от пола. Мое тело снова свела судорога, потом стошнило — смесью вязкой эктоплазмы с черной дымящейся кровью демона, но я сразу почувствовала себя лучше; теперь у меня горело и умирало всего лишь три четверти тела, вместо всего тела — от макушки до каблуков.

К шее, забравшись под мои спутанные волосы, прикоснулись чьи-то теплые пальцы.

— Лежи спокойно.

И вдруг сквозь мое тело словно прошел разряд молнии. В один миг энергетическая оболочка была восстановлена, но кровавые раны в мозгу все еще дымились и кровоточили.

Кто-то лег рядом со мной, обнял и провел рукой по лицу.

— Нет, ты и в самом деле сошла с ума, хедайра, — тихо сказал он. — Полагаю, у тебя были на то свои причины. Подожди, я сейчас.

Но я резко встала. Тело вновь начало мне повиноваться, режущая боль в груди улеглась. Свистящая дыра, которая осталась в моей душе после его ухода, дыра, которую я уже перестала замечать, исчезла. Левое плечо не болело. Вместо этого от знака исходили ласкающие волны энергии, разливаясь по всему телу приятным теплом.

— Нет, — хриплым шепотом произнесла я. Потом закашлялась и выплюнула новый сгусток эктоплазмы, который смачно шлепнулся на пол; от этого тошнотворного звука желудок вновь начало скручивать. — Нет. Ты же сгорел.

Я подняла голову.

И встретила знакомый взгляд темных глаз. Худощавое мрачное лицо, точеные скулы, рот крепко сжат. Демон по имени Тьерс Джафримель мягко погладил меня по щеке. От этого прикосновения по телу прошла дрожь — мое тело узнало его само по себе.

— Ты же сгорел, — вновь выдавила из себя я, прежде чем меня скрутил новый позыв рвоты. — Ты сгорел... превратился в пепел...

— Пока живешь ты, живу и я. — Уголки его губ слегка опустились, словно он горько усмехнулся, — Наверное, этого тебе никто не сказал.

Я слабо качнула головой. Его запах — запах демона, корицы и амберного мускуса — обволакивал меня, наполняя легкие. Я снова могла свободно дышать, не борясь за каждый вздох, не чувствуя запаха отмирающих клеток. От этого запаха начала проходить режущая боль внутри тела; все мое существо наполнилось миром и покоем.

— Я пыталась выяснить это сама, — прошептала я. — Читала книги... книги маги.

Я глубоко вдохнула. Нужно скорее надышаться, пока не исчезло видение. Я снова втянула в себя воздух — как хорошо, когда не чувствуешь запаха отмирающих клеток человеческого организма.

Человек. Клетки человеческого организма. От этой мысли я пришла в себя.

Попыталась встать, но сильные руки прижали меня к полу.

— Лежи спокойно. Все хорошо.

— Но... этот... Мирович...

— Его так зовут? — спросил Джафримель, слегка отодвигаясь в сторону.

На полу, распластавшись, весь покрытый эктоплазмой, лежал Келлерман Лурдес. На его лице застыло изумленное выражение, глаза закатились, тело обмякло. Одна нога была вывернута под странным углом — видимо, она была сломана. Меня передернуло. Покрывающая тело клейкая масса пульсировала; внезапно Келлерман разинул рот и пронзительно завопил. Сломанная кость начала вставать на место, потрескивая и пощелкивая.

В ушах все еще звучал, словно гонг, голос Кристabelle, словно замыкая круг судьбы.

«Вспомни, Данте. Вспомни, ради нас!»

В желудке снова начались спазмы, но я подавила приступ рвоты. Джафримель обнял меня за плечи.

— Надо полагать, Данте, ты не станешь ничего объяснять.

Голос демона прозвучал мягко и ласково, однако приподнятая бровь говорила о том, что, если придется, он готов применить силу.

Я пожирала его глазами. Если это видение, я хочу запомнить каждую деталь, каждую мелочь. Однако у меня нет времени — Лурдес захрипел, в его горле что-то забулькало.

— Помоги. Помоги мне встать.

Призрак моего любовника-демона внимательно взглянул на меня; его глаза были задумчивы. Когда-то они сверкали зеленым огнем, как у Люцифера. Однако после того как он превратил меня в того, кто я сейчас, свет в его глазах потух. Теперь они напоминали глаза бессмертного человека — бездонные и вместе с тем такие знакомые. Почувствовав, что вот-вот расплачусь, я резко тряхнула головой.

Дернувшись, Лурдес свернулся, словно зародыш в утробе; затем нечеловеческим усилием заставил себя подняться и встал на четвереньки, но тут же снова рухнул на пол и замер, словно смятая тряпичная кукла; концы сломанной кости разошлись, и его нога снова вывернулась под тем же невероятным углом. Я услышала, как Лурдес что-то невнятно произнес скрипучим голосом. Голубой свет пульсировал. Внезапно Лурдес пронзительно взвизгнул, но его визг сразу оборвался, перейдя в неясное бормотание.

— Потом все объясню, — с трудом произнося каждое слово, сказала я. — Сейчас лучше помоги.

Как обычно, Джафримель не стал тратить время на пустые разговоры и рывком поставил меня на ноги. Его длинное черное пальто было таким же, как прежде, — скрывающим сложенные за спиной черные крылья, только теперь вместо черных джинсов на нем были голубые, а на ногах — высокие сапоги, совсем новенькие. Казалось, демон остался прежним — и все же что-то в нем изменилось.

Сверху на нас падали хлопья эктоплазмы; потрескивая, они засыхали на моей коже и одежде и отваливались, как сухая корка.

— Ты меня нашел.

Эти слова прозвучали как всхлип. А я-то думала, что надежды на воскрешение больше нет. Вот оно, мое покаяние. Что же мне теперь делать?

— Разумеется. Ты же носишь мой знак. Ты думала, я умер, Данте?

«Конечно. Целый год ты не подавал признаков жизни, лежал себе кучкой пепла в своей урне, а Люцифер слал мне письма».

— Ну, так вот: ты мне все объяснишь, — буркнула я, словно поверив в то, что передо мной настоящий демон, а не призрак.

Он молча отступил в сторону, и я заковыляла к Келлерману, слегка подволакивая правую ногу. Жалкий был у меня вид, ничего не скажешь. Джафримель-призрак стоял слева от меня, держась подальше от моего меча и слегка касаясь меня плечом; от этого прикосновения по телу проплывали мягкие и теплые волны энергии. Залечивая раны.

Возвращая к жизни тело.

Но сможет ли энергия вылечить мой разум?

Усилием воли я заставила себя не смотреть на Джафримеля. Если я на него посмотрю, он исчезнет, ибо что он такое, как не очередное видение, цветная и объемная галлюцинация, порожденная моим умирающим мозгом? Даже демонам нужен воздух; интересно, у задушенного, изнасилованного мозга полудемона могут перед смертью возникать галлюцинации?

Неужели я все еще жива? Или у меня в мозгу произошло то, что доктор Кейн назвал бы классическим примером психического нападения, приведшего к смерти?

Представляю, с каким удовольствием он кромсал бы меня своим скальпелем.

Я взглянула на Келлермана Лурдеса. Он вновь начал корчиться, нога выпрямилась, и кость защелкала — кажется, сломанные концы начали срастаться. Моя правая рука сама подняла меч острием вверх. По клинку пробежала голубая молния — свет был яркий, насыщенный. Как же он отличался от мертво-бледного, ядовитого свечения Мировича!

Его глаза вновь закатились, и я увидела Лурдеса, который, повернув голову, смотрел на меня осмысленным взглядом. Смотрел пристально, не мигая. Затем его губы шевельнулись: «Кто?»

О боги!

— Я Дэнни Валентайн, — хрипло ответила я. — Училась с тобой в одной школе, Келлер. Я на два года младше тебя. Мы с тобой ни разу не общались.

Судя по выражению его глаз, он меня понял. Затем опустил голову на пол.

— П-пожалуйста, — прохрипел он. — Пока он не вернулся...

— Ты пожиратель, к тому же еще и мул, — сказала я. — Это неизлечимо. На такой стадии.

На его лице появилось выражение невероятной усталости. Усталости — и решительности, от которой у меня защемило сердце.

— Сделай... это. Кто-то... из них... выжил?

— Полиамур — Бастьян. И еще трое. — Я приподняла меч. — Последний вопрос. Скажи: зачем?

Мне нужно было это знать.

— Месть... — Его веки затрепетали. — Я... забрал его. Остальные... не смогли. Я забрал... последнюю... часть. Я должен был... убить себя. Я не смог...

Конечно, не смог. К тому времени, когда Келлер понял, что он в себе носит, когда он понял, что Мирович не умер, *ка* уже прочно засело в нем. Келлер уже не мог убить себя — *ка* ему бы этого не позволило.

Я вспомнила Гейб. Сидя у постели Джейса, она сделала то, чего я сделать не смогла. Что ж, теперь мы поменялись ролями. Пришло время уравновесить чаши весов. Я сглотнула, чувствуя во рту привкус горечи. Глубоко вздохнула. Запах гниющей эктоплазмы, отирающих человеческих клеток и удушливой вонь, исходящей от Мировича, боролся с дымным ароматом демона. Аура Джафримеля, сверкая черными языками пламени, касалась моей ауры; от знака на плече пошли волны энергии, которые принялись закрывать бреши в моей энергетической оболочке. Когда все было кончено, у меня вновь была надежная защита демона.

Голос Кристабель начал слабеть.

«Вспомни, — прошептала она. — Вспомни все».

Что это было — явь или воспоминания? Может быть, она, невидимая, стояла рядом со мной? А если она была здесь, то, возможно, с ней был кто-то еще? Может быть, все дети, погибшие в «Риггер-холле», или всего лишь один?

Только я?

Взявшись обеими руками за меч, я занесла его над головой. Собралась с силами, готовясь нанести удар.

— Все кончено, — прошептала я. — Покойся с миром, Келлерман Лурдес.

Сколько раз я, сидя у постели умирающего, произносила эти слова, от которых во рту появлялся горький привкус смерти. Работа некроманта — утешать умирающего, позволяя его душе легко и мирно перейти в царство смерти. И — что случалось не так уж редко — следить, чтобы она не вернулась назад.

«Его следует проводить с честью или, что еще важнее, с состраданием. Впрочем, жалость — не самое главное твое достоинство, Данио-сан», — прошептал мне в ухо голос Йедо, прорвавшись в мое кровавое настоящее, как водный поток медленно, но упорно пробивает себе путь в забитой грязью канаве.

Сострадание, жалость? К кому? К Лурдесу, или ко мне, или к нам обоим? Или ко всем душам, загубленным в «Риггер-холле»?

Значит, ко всем. К Роанне, к Эрану Хелму, к Долорес. К Кристabelle, оставившей пометки в школьном журнале. Почему она это сделала? Что это было — проявление взрослого высокомерия или зарождающееся предчувствие? Она ли преследовала меня, или же ее голосом вещал иной разум, какое это теперь имеет значение? Милосердие — вот что важнее всего. Милость ко всем, кто остался жив, к Эдди и Полиамур.

К ним всем и ко мне.

И больше всего — к нему, невидимому ребенку, который бросился защищать всех нас, как в свое время бросился защищать меня Джейс. Все, теперь по счетам уплачено, остался один, последний, — с низким гудением меч описал в воздухе дугу, и круг замкнулся.

Лурдес закрыл глаза. И вдруг резко их открыл; в его глазах появился холодный голубой свет. На меня смотрел Мирович.

«Жалость — не самое главное твое достоинство, Данио-сан».

Верно, сказала я себе. Боги свидетели, я этого не забуду. Ради них. Ради всех детей.

Я снова взмахнула мечом. Это был великолепный удар — я вложила в него все силы. Мое *ка* издало вопль, короткий и резкий, как крик сокола или боевой клич уличного кота. Хлынула кровь; она была фонтаном вверх — это была кровь из артерии. Джафримель быстро оттащил меня назад, когда из шеи Лурдеса взметнулась мощная струя. Меч запел, завизжал, отбрасывая искры, металл словно ожил — по нему побежали бело-голубые молнии. Кровь лилась ручьем, но клинок оставался чистым и сияющим; я не помню, как убрала его в ножны; наверное, он сделал это сам.

Пронзительно вопя, Мирович отчаянно боролся за жизнь, его *ка* лихорадочно кидалось во все стороны в поисках чего-нибудь, за что можно было бы ухватиться, чтобы остаться жить; эктоплазма горела и покрывалась пузырями. Я стояла, вцепившись в плечо Джафримеля. Он по-прежнему не задавал мне вопросов, лишь молча смотрел и ждал, когда иссякнет река крови и эктоплазмы. В воздухе противно запахло блевотиной.

— Джафримель, — твердо сказала я. — Сожги его. Пожалуйста. Сожги дотла.

Просить дважды не пришлось. Падший демон поднял руку, из которой вылетело яркое пламя. Сначала оно, словно красная жидкость, сползло на забрызганный кровью пол, где сразу с шипением начали выгорать брызги крови. В воздухе поплыл сладковатый запах, словно кто-то жарил свинину. На темных стенах столовой заплескались, извиваясь, черные тени. Стало невыносимо жарко; от жара начал скручиваться и чернеть линолеум, краска на потолке покрылась пузырями, которые лопались один за другим.

Наконец огонь начал понемногу ослабевать. Я уткнулась лицом в плечо демона.

— Сейчас ты исчезнешь, — глухо сказала я. — Прошу, побудь со мной хотя бы одну минуту, пожалуйста, только одну минутку, секунду...

— Данте, — сказал он и нежно погладил меня по волосам. — Я услышал твой зов. И попытался тебе ответить.

— Пожалуйста, хоть несколько секунд, — шептала я, уткнувшись в его пальто.

Джафримель обнял меня за плечи. Я глубоко вдыхала запах корицы и амберного мускуса, этот смертельно опасный, нематериальный аромат демонов. Я наполняла им легкие, словно живительным воздухом.

— Побудь со мной, прежде чем я сотру в порошок это проклятое место.

— Успокойся, — ответил Джафримель. — Я здесь, я всегда был рядом с тобой. Я же говорил тебе: ты не бросишь меня в одиночестве скитаться по земле.

Я закрыла глаза. Внезапно в ногах появилась слабость. Мировича больше нет, Келлермана Лурдеса больше нет. Джейса больше нет. Круг замкнулся.

Окончательно потеряв силы, я начала падать, но Джафримель подхватил меня на руки, что-то шепча мне в ухо. И тогда я начала плакать. Рыдания сотрясали меня так, словно мое тело рвал зубами хищный зверь. Я плакала, лежа на руках демона, в столовой, где в воздухе плавал кровавый дым, где повсюду лежали хлопья пепла, оставшиеся от того, кто когда-то был Келлерманом Лурдесом; из разбитых окон в комнату врвался холодный ветер, он подхватывал пепел, и тот кружился в воздухе. Я плакала до тех пор, пока не обессилела, а потом впала в тяжелое забытие, прерываемое лишь тихим голосом Джафримеля, который что-то шептал мне, унося прочь от места побоища и смерти, — после того как бушующее пламя и демон стерли с лица земли царство кошмаров и ужаса под названием «Риггер-холл».

Глава 37

В окна полицейского участка струился солнечный свет, но кабинет Гейб освещали лампы дневного света. На столе шуршали бумаги, в мусорной корзине лежали две пустые бутылки из-под бренди да кучка серого сигаретного пепла.

— Ну и натворила ты дел, — сказала Гейб, скрестив на груди руки. — Ты напрочь уничтожила «Риггер-холл», от него даже щепки не осталось. А уж труп мы даже искать не стали. Таким образом, все, что у нас есть, это твое слово...

— Новые убийства были? — спросила я. — Нет? Отлично.

Гейб вздохнула.

— Я верю тебе, Дэнни. Просто я... черт возьми. Ты знала, да? Знала, что это было *ка* пожирателя?

Я пожала плечами, глядя на ее стол. Что я могла ответить? Я должна была замкнуть этот круг, и я это сделала. Почему? Может быть, потому, что оказалась самой сильной, а может быть, просто по воле случая.

Какое это имеет значение? Все позади. Дело закончено. Я больше не слышу тихого шепота Кристabelle. Надеюсь, там, где она сейчас, ей хорошо.

Из соседних комнат доносились телефонные звонки; я слышала, как кто-то повысил голос, добираясь до кульминации анекдота. Послышался дружный хохот. Меня окружали запахи людей, от которых я защищалась своим демонским ароматом.

Теперь я знала, как это делается.

— Прости, Гейб. Он был... это было...

Лежащий у меня на коленях меч тихо зазвенел. Откинув со лба прядь черных волос, я спрятала ее за ухо.

— Понимаешь, любой человек мне бы только помешал. Если бы ты направила мне на помощь отряд копов, от них мокрого места не осталось бы.

Странное дело: мой голос звучал твердо и уверенно. Я сглотнула слюну.

— Должно быть, еще в школе Келлер начал превращаться в естественного пожирателя, а Мирович только ускорил этот процесс. Скорее всего, Келлер думал, что его *ка* крепко спит и не проснется, поэтому считал себя в полной безопасности. Так он и прожил все десять лет, думая, будто Мирович погиб, и держась от Сент-Сити и «Риггер-холла» как можно дальше. Его дяде даже удалось раздобыть для себя дипломатическую должность в Пучкине — чтобы забрать с собой племянника, как я думаю.

«Вот почему мы не смогли о нем ничего узнать: вся информация, касающаяся дипломатов, обычно засекречена».

— А потом Мирович внезапно ожил, — сказала Гейб и поежилась. — О Гадес!

Я кивнула.

— Серебряные ожерелья стали своего рода астральной связью: надежной, незаметной

и не поддающейся обнаружению. Раб-носильщик сам приводил Мировича прямо к дверям очередной жертвы. Ему даже не нужно было взламывать энергетическую защиту — они открывали ему сами, ведь у них тоже были серебряные ожерелья, реагирующие на те самые глифы, которые сам же Келлер и начертил. Они-то думали, что защищают себя от Мировича, — и погибали, убитые своей же защитой.

А потом Мирович копался у них в мозгу, извлекая из него ту свою часть, которую у него забрали. Теперь понятно, почему ни одна из жертв не могла говорить: их мозг подвергался страшному насилию, последствия которого длятся очень и очень долго.

Вот что меня спасло: в моем мозгу не было ни одной частицы Мировича; кроме того, я отчаянно сопротивлялась, и он просто не успел разрушить мой мозг. Меня спасли воспоминания.

И конечно, Джафримель.

Я поежилась, вспомнив, как пальцы, длинные и скользкие, словно червяки, копались у меня в голове. Мне сразу стало холодно, но знак на плече начал испускать теплые волны, стараясь меня успокоить. Выпрямившись, я взглянула на лакированные ножны, лежащие у меня на коленях. Оттуда на меня смотрело мое искаженное отражение.

— Зачем же в таком случае он убил своего дядю? — спросила Гейб; откинувшись на спинку стула, она внимательно смотрела на меня.

Подняв глаза, я взглянула ей в лицо — и впервые увидела у ее виска седую прядь. Ничего, это всего лишь несколько волосков, Гейб по-прежнему полна сил.

Я пожала плечами.

— Здесь, в Сент-Сити, дядя стал для него помехой. Если бы полиция начала разыскивать всех бывших учеников «Риггер-холла», то дядя, скорее всего, вывел бы ее на верный след. Либо так, либо дядя сам начал о чем-то догадываться. Этого мы уже никогда не узнаем. Вот почему защитное поле дома, в котором жил Смит, оказалось целым: Келлеру просто не нужно было его взламывать.

И все же, если бы не Кристабель, я бы ни о чем не догадалась. Это она направляла меня, стоя за моим плечом. Впрочем, зачем гадать? Лучше спокойно отправить эту тайну в серую землю под названием «Не надо об этом думать».

Мы замолчали, хотя вопросы так и вертелись у нас на языке. Гейб не стала спрашивать, где я пропадала три дня после того, как уничтожила «Риггер-холл», где вымылась; она даже не спросила, как я себя чувствую. Вместо этого она держалась чуть отстраненно и холодно, с профессиональным спокойствием выслушав весь мой двухчасовой рассказ о последних событиях, который был записан на пленку. После этого мы смогли немного поговорить. Ну что ж, дело завершено. Преступление раскрыто.

Игра окончена.

— Дэнни, — сказала Гейб, пристально глядя мне в глаза, — ты... как-то изменилась. Я... я знаю, что для тебя значил Джейс. Так вот, если тебе захочется поговорить, если тебе что-нибудь понадобится...

— То я тебе позвоню, — кивнув, пообещала я.

Я увидела «гусиные лапки» в уголках ее глаз, увидела морщинки, которые постепенно начали появляться на лице. Странно — Гейб как-то быстро начала стареть; редкое явление для псиона. Ведь она — коп до мозга костей, который легко доработает до пенсии, а потом, возможно, устроится на работу в охрану. Но Гейб очень устала. Устала, несмотря на свое невероятное упрямство.

А я? Я никогда не состарюсь. Я всегда буду такой, как сейчас. Но когда Гейб умрет — кто будет меня помнить?

Значит, когда уже некому будет меня помнить, я тоже умру?

— Гейб, — сказала я и резко встала. Правая нога еще побаливала, несмотря на фантастическую способность моего тела к исцелению. Я начала мучительно подбирать слова. — Послушай, я же... понимаешь, я... будь осторожна, хорошо? Береги себя.

— Ты говоришь так, будто отправляешься на казнь, а не уезжаешь в отпуск, —

рассмеявшись, сказала Гейб.

Возможно, в недалеком будущем ее ждет повышение, а пока она получила золотую медаль и серебряный диск — денежную премию за успешно раскрытое преступление. Теперь благодаря этому диску она сможет беспрепятственно обращаться за помощью в контору Николая, расположенную в самом центре города. Золотая медаль была наградой за отличную службу. Добавьте к этому хорошую премию, в которой Гейб не нуждалась, а также благосклонность Верховной Власти Сент-Сити, и вы поймете, что Гейб получила все награды, о которых можно было мечтать. А это значит, и я теперь смогу спокойно отдохнуть, зная, что Гейб ничто не угрожает.

Оставался последний вопрос.

— Как Эдди? — спросила я.

Гейб пожала плечами.

— Нормально. Думаю, внимательно следит за расследованием.

Я кивнула. Хорошая новость.

— Скажи ему... скажи ему, я убила Мировича, убила собственной рукой. Он больше не вернется. — При звуках имени Мировича желудок сразу напрягся; последние отзвуки шелестящего шепота директора слабо отозвались в самых дальних уголках мозга. — Передай ему, что Данте дает слово: Мировича больше нет.

Гейб задумчиво кивнула; изумруд на ее щеке вспыхнул.

— Дэнни, — мягко сказала она, словно забыв, что мы находимся в ее офисе. — Послушай, я... мне очень жаль. Если ты... в смысле, если...

Я нахмурилась. Затем шагнула вперед и положила меч на стул, с которого только что встала. И распростерла руки. Секундное замешательство — и Гейб бросилась ко мне, крепко меня обняв. Она была такой маленькой, что, не достав до плеча, уткнулась мне в грудь, но я все равно крепко прижала ее к себе. Она ответила мне столь же крепким объятием.

— Ты моя подруга, Гейб, — срывающимся голосом прошептала я. — Майнутш.

— Майнутш, — как эхо, отозвалась она. Потом шмыгнула носом, словно у нее был насморк. — Ты уж мне поверь. А теперь — уходи, отправляйся в свой отпуск. Если я тебе понадоблюсь — звони.

— Ты тоже. Передай привет Эдди.

Мы разжали руки. Я подхватила свой меч. Повернулась. Сделала четыре шага. Пятый оказался самым трудным. Но я его сделала. Я уже заворачивала за угол, когда Гейб меня окликнула:

— Дэнни! Последний вопрос.

Я обернулась, рукоятью меча отбросив с лица прядь волос. Мой изумруд коротко вспыхнул.

Гейб снова уселась за свой стол. На ее щеках блестели слезы, глаза были красными. Мне было плохо ее видно — из-за слез изображение Гейб плыло и качалось.

— Зачем ты сожгла свой дом, Данте?

Что я могла ответить? Немного подумав, я нашла простой ответ:

— Это была дань. Дань мертвым, понимаешь? — Из моего глаза выкатилась слеза и скользнула вниз, на мой изумруд, на мои губы, растянувшиеся в слабой улыбке. — Боги сказали мне, что мертвые будут меня ждать. Прощай, Габриель. Да сохранит тебя Гадес.

Я вышла на улицу. По небу плыли тучи, начинало смеркаться — зимой смеркается рано. Репортеров возле здания не было — все они умчались в Северный район, где разгорелся грандиозный скандал с участием одного высокопоставленного чиновника юстиции, трех проституток, двух миллионов кредиток и одного плазменника. Я же — к моему великому облегчению и счастью — была уже в прошлом, забытая всеми.

Сверху послышался гул — ко мне, глухо ворча, спускался черный сверкающий «лимузин». Мягко скрипнули рессоры, и машина остановилась; откинулась боковая дверца. Едва дождавшись этого момента, я запрыгнула в салон и глубоко вдохнула прохладный воздух, за которым следил специальный климат-контроль.

Внутри салон сиял идеальной чистотой; матово поблескивала обивка из искусственной кожи. На специальном крючке висел искореженный, поцарапанный дотануки; его почерневший клинок все еще немного вибрировал от того последнего удара, которым он надеялся поразить врага. Если бы тогда со мной был Джафримель, Минович не смог бы на меня наброситься и Джейс, возможно, остался бы жив.

Подумав об этом, я почувствовала легкий укол совести — меня по-прежнему мучило чувство вины. Но постепенно боль прошла. Свой последний долг я отдам Джейсу по-своему и в свое время. Думать об этом сейчас не было сил.

Тихонько вздохнув, я вытерла щеку тыльной стороной ладони.

Джафримель, напрягшись, молча сидел рядом со мной. Когда дверца закрылась, я придвинулась к нему поближе. От гула двигателя у меня, как обычно, застучали зубы; «лимузин» плавно взмыл вверх.

Плюхнувшись на мягкое сиденье, я издала глубокий, самый глубокий вздох.

— У тебя все? — холодно и насмешливо спросил демон, совсем как в тот раз, когда мы впервые встретились.

Он смотрел прямо перед собой, и мне был виден его четкий профиль.

Мне пришлось долго его упрашивать, прежде чем он согласился подождать меня в машине, пока я буду улаживать свои дела с Гейб. Раз за разом он упрямо повторял, что теперь, когда он вновь обрел физическую оболочку и начал жить, он просто не может отпустить меня в одиночку разгуливать по Сент-Сити. С него и так хватит — когда он понял, что я решила сама расправиться с Миновичем, он впервые узнал, что такое страх, которого не испытывал никогда за всю свою долгую жизнь демона.

Он сдался лишь после того, как я применила запрещенный прием — принялась безудержно рыдать. Только тогда он согласился отпустить меня на встречу с Гейб.

— Все, — ответила я. — Дело закрыто. Теперь Гейб займется другими делами. А о тебе людям знать необязательно. К чему нам лишние вопросы?

— Хм, — произнес он и обнял меня за плечи.

Крепко прижавшись к нему, я глубоко вздохнула, когда меня окутали его тепло и его аура. Я положила голову ему на плечо, а он нежно прижался щекой к моей макушке.

— А у тебя будут ко мне вопросы?

Я закрыла глаза. Кажется, сейчас опять польются слезы. А я-то надеялась, что больше не стану распускать нюни.

— Я думала, ты умер, — в сотый раз повторила я. — Я до сих пор боюсь, что ты исчезнешь. Вот сейчас я проснусь — а тебя нет.

— Я же говорил: пока живешь ты, живу и я, — спокойно ответил демон, удобнее устраиваясь на сиденье. Я прижалась к нему. — Я никогда не оставлю тебя, Данте.

— Скажи, а если бы я погрузила твои... останки в бочонок с кровью, ты бы... ожил? — спросила я, чувствуя, как внезапно загорелись щеки.

Когда «лимузин» остановился перед полицейским участком, и мне нужно было идти на встречу с Гейб, я ужасно боялась, что в мое отсутствие Джафримель исчезнет. Надеждой мне служило только одно: его знак на моем плече, который пульсировал, распространяя по телу теплые волны. И все же мне было этого мало — я хотела слышать голос Джафримеля, хотела с ним разговаривать, но больше всего на свете я хотела оказаться в его крепких, сильных руках, хотела почувствовать прикосновение его кожи.

— Весьма вероятно, — ответил Джафримель. — Первое... воскрешение... всегда самое трудное.

— А тот огонь и рухнувшая защита моего дома...

— Я с тобой, разве нет? — насмешливо сказал демон и ласково погладил меня по щеке. От этого прикосновения в ушах сразу оборвался и навсегда затих царапающий слух предсмертный визг Миновича. — Мы недолго пробыли в разлуке, Данте. Для таких, как мы, недолго.

— Для меня — долго, — буркнула я, чувствуя, как вновь заколотилось сердце. —

Если бы я знала... если бы кто-нибудь мне сказал... Джейс был бы жив.

— Ты сама говорила, что боги не дали тебе вступить в царство смерти. Возможно, они ждали его, — задумчиво сказал Джафримель.

Тем временем «лимузин», сделав крутой разворот, взмыл высоко вверх и направился на юго-восток. Внизу показался залив. Вечернее солнце играло в его волнах; над водой то и дело проносились химеры, их темные тени скользили по земле, словно тела огромных рыб. Я смотрела вниз, на знакомые очертания Сент-Сити, в то время как демон внимательно разглядывал мою правую руку, сжимая ее своими пальцами.

— Прости, Данте. Мне нужно было тебе все рассказать.

— У тебя не было времени, мы же преследовали Сантино. Ладно, какое это теперь имеет значение?

Вот уж нет — это имело значение, и очень большое. Но... кто я такая, чтобы об этом говорить? Если демона мало беспокоило, что я бросила его в доме, который сама же и подожгла, то как после этого я могу упрекать его в том, что он чего-то мне не рассказал? Все, хватит об этом. Я и так получила больше, чем заслуживала.

— А куда мы едем? — спросила я и добавила: — Ты... ты на меня сердишься?

Клянусь Анубисом, я опять заговорила как ребенок. Простит ли он мне Джейса? Но ведь я удерживала его при себе только ради того, чтобы он напоминал мне, какой я когда-то была. Простит ли мне любовь к человеку? Но ведь, любя человека, я никогда не забывала о нем, демоне.

Демон.

Мой демон. Один из многих. Надеюсь, он никогда не причинит мне боли.

Джафримель шевельнулся, осторожно высвободил свою руку и, взяв меня за подбородок, заглянул мне в глаза. В его темных глазах вспыхнули зеленые искорки, словно свет, мелькнувший на дне глубокого колодца.

— Ты хочешь спросить, не ревную ли я. Знаешь, я вспомнил один разговор: ты провела спарринг-бой, после которого я сказал тебе, что не позволю использовать себя, чтобы вызвать ревность шамана.

Как хорошо, что полудемоны не краснеют. Во всяком случае, надеюсь, я не покраснела, хотя щеки у меня горели. Глаза демона потемнели и стали задумчивыми, зеленые искорки исчезли; при мысли о прикосновении его теплой кожи по телу пробежала горячая волна. Как все-таки я плохо его знаю — и как мало знаю о том, в кого он меня превратил.

Хедайра.

Что же это такое? Может быть, он скоро об этом расскажет?

Демон провел пальцем по моей щеке. Я прикрыла глаза. Затем он заговорил — нежно, словно лаская мое тело, которое сразу напряглось, как струна.

— Как я мог тебя ревновать, если все это время ты тосковала обо мне, Данте?

И тут я кое-что вспомнила.

— Люцифер, — сказала я. — Он говорил, якобы пытался с тобой связаться. После этого я догадалась, что...

Джафримель пожал плечами.

— Чем ты ему обязана? — спросил он и наклонился ко мне.

У меня заколотилось сердце. Глаза стали сухими, голова заболела, словно ее начали колоть иголками. Я не могла думать о Джейсе без слез и сердечной боли, не могла думать о «Риггер-холле» без содрогания. Понадобится еще много времени, чтобы окончательно зажили ментальные раны, нанесенные мне Мировичем, и чтобы полностью исцелилось мое демонское тело. Джафримель сказал, мол, все произойдет очень быстро, но, боюсь, у нас с ним разные представления о времени.

Впрочем, он рядом со мной, а это значит, исцеление действительно пойдет очень быстро. Но покинут ли меня горе и чувство вины? Хочу ли я, чтобы они меня покинули? Останусь ли я человеком, если больше не буду испытывать этих чувств?

— Данте, — окликнул меня Джафримель.

— Послушай, последний раз, когда я встречалась с дьяволом, он забрал Яйцо назад. Я говорила с трудом, задыхаясь.

«Потом он посылал мне письма. Если он пришлет еще одно, что ты с ним сделаешь, Джафримель, — бросишь в корзину для мусора? Или прочтешь? Когда он узнает, что ты жив, что он делает?»

Нет, я не стану об этом думать.

— Раз забрал, пусть теперь подождет, — сказал Джафримель и прижался губами к моим губам.

Я больше не спрашивала, куда мы едем. Это не имело значения.

Глоссарий

А'НАНКИМЕЛЬ (*язык демонов*) — 1) падший демон; 2) демон, вступавший в половую связь с человеком; 3) закованный в цепи; 4) щит.

АНИМОН — аккредитованный псион, наделенный телепатической связью с животными и умеющий их лечить; обычно анимоны используются в качестве ветеринарных врачей.

ANUBIS ETHER KA (*др.-егип.*) — выражение, обозначающее что-то вроде «Да защитит меня/нас Анубис».

ВЕРХОВНАЯ СИЛА — 1) высшее паранормальное существо какого-либо города или территории, имеющее право вести переговоры или отдавать распоряжения. *Примечание:* в городах Верховной силой обычно становятся нихтврены, в сельских областях — оборотни; 2) (*техн.*) источник любого вида энергии; 3) (*устар.*) любое паранормальное существо, в распоряжении которого находятся двое вассалов. Данный термин применим к периоду, предшествующему Пробуждению.

ГЕГЕМОНИЯ — одна из двух огромных территорий, сверхдержава. Включает Северную и Южную Америку, Австралию, Новую Зеландию, большую часть Западной Европы, Японию, часть Центральной Азии и отдельные области на территории Китая. *Примечание:* после Семидесятидневной войны две сверхдержавы заключили между собой мир, в результате чего возникло как бы единое правительство одного, но разделенного на две части государства. Африка стала протекторатом Гегемонии, однако власти Гегемонии из дипломатических соображений предпочитают заявлять, что это только на бумаге.

ГЛАВНЫЙ НИХТВРЕН — 1) нихтврэн, свободный от обязательств перед своим хозяином; 2) нихтврэн, управляющий определенной территорией.

ДЕВЯТЬ КАНОНОВ — состоящий из девяти частей список рун, применяемый по всему миру; был систематизирован в период Пробуждения с целью управления парапсихологическими и магическими силами. Часто используется как кратчайший способ начертания магических кругов или в качестве быстрого заклинания. *Примечание:* отличается от других видов магии тем, что недоступен для людей, иные из которых вполне способны овладеть старинными видами магии.

ДЕМОНЫ — 1) любой вид одушевленного разума, не относящегося к миру людей, но вступающего с ними в контакт. Демоны могут иметь телесную оболочку, но иногда она отсутствует; 2) обитатели ада, которых часто принимают за божества или, как в новохристианской религии, злых духов. На самом же деле демоны являются одушевленными существами потустороннего мира, наделенными техническими и парапсихологическими/магическими способностями, значительно превосходящими способности людей; 3) любой представитель вышеназванного вида существ; 4) (*слэнг*) особо пагубная физиологическая склонность.

КА (*устар.*) — 1) душа или дух. Согласно верованиям древних египтян, *ка* — это духовная сущность человека, в отличие от *да*, его души; 2) судьба, особенно трагическая, злой рок; 3) связь между двумя душами, которые взаимно влияют на судьбу своих хозяев; 4)

(техн.) конечная стадия патологии пожирателя, когда вечный, неутолимый голод вынуждает его высасывать энергию из людей. Обычно на это уходит от нескольких секунд до двух минут.

КОЭФФИЦИЕНТ МЕЙТСОНА — показатель степени парапсихологических способностей человека. *Примечание:* как и шкала Рихтера, является показательной величиной; ребенок, претендующий на получение гранта и обучение за счет Гегемонии, должен набрать не менее пяти баллов. Высшее число баллов — сорок; если количество баллов превышает сорок, способности ребенка относят к разряду выдающихся и его зачисляют в специальную школу для псионов, где готовят в основном агентов спецслужб.

МАГИ (слово не имеет числа и рода, не склоняется. Раньше употреблялся термин «магиус», который теперь считается устаревшим) — 1) псион, прошедший соответствующее обучение; 2) представители оккультных наук, которые в период, предшествующий Пробуждению, обладали основными познаниями в области парапсихологии и занимались их распространением; 3) аккредитованный псион, обладающий способностью вызывать демонов или обуздывать потусторонние силы, проникавшие в мир людей вместе с вызванными колдовством демонами. Как правило, маги держатся закрытым сообществом или объединяются в маленькие, но также закрытые группы.

МЕРИКАНСКИЙ — язык общения, применяемый на планете, а также официальный язык Гегемонии; подвергается сильному воздействию со стороны других диалектов.

МЕРИКАНЕЦ (устар.) — 1) гражданин Гегемонии; 2) гражданин Староамериканского региона до Семидесятидневной войны.

МЕРТВЯК — 1) некромант; 2) обычный человек, не обладающий парапсихологическими способностями.

НЕКРОМАНТ (слэнг: мертвяк) — аккредитованный псион, обладающий способностью вызывать душу умершего и заставлять ее отвечать на вопросы. *Примечание:* в некоторых случаях некромант способен излечивать смертельные раны и удерживать душу в мире живых, тем самым спасая человека от смерти.

НИХТВРЕН (слэнг: кровосос) — измененный человек, питающийся человеческой кровью. *Примечание:* нихтврены старшего поколения способны питаться сильными человеческими эмоциями, особенно эмоциями псионов. Поскольку все нихтврены когда-то были людьми, они занимают промежуточное положение между человечеством и «другими видами». Они считаются паранормальными существами и обладают гражданскими правами, которые получили с наступлением периода Пробуждения, в результате решительных выступлений в свою защиту сенатора Эдриена Ферримана.

НОВОХРИСТИАНСТВО — религиозное течение, отделившееся от религии Смирения, широко распространенной в период с 1100-х годов до второй половины двадцатого столетия; возникло сразу после образования Республики Гилеад и последовавшей за этим Семидесятидневной войны. *Примечания:* 1) считается, что падение новохристианства спровоцировал Великий банковский скандал, случившийся в Ватикане, в результате чего к власти пришел некий Кохба бар Гилеад, один из самых харизматичных республиканских вождей; 2) в основе законов Республики лежали принципы старохристианской религии и — до некоторой степени — иудаизма. В настоящее время новохристианство утрачивает былые позиции и остается популярным лишь среди представителей среднего класса.

ОБОРОТЕНЬ (слэнг: кейн, меховушка) — измененный человек, способный по своему желанию превращаться в мохнатое животное. *Примечание:* существует несколько подвидов оборотней, например люпусы и мавольфы. Люди и представители других видов практически не способны различать виды оборотней.

ПОЖИРАТЕЛЬ — 1) псион, утративший способность усваивать энергию окружающего пространства, в результате чего вынужден забирать ее, а точнее, красть у обычных людей и псионов; 2) (слэнг псионов) лжедруг, человек себе на уме.

ПРОБУЖДЕНИЕ — период, связанный с мощным всплеском парапсихологических и магических способностей, а также с резким увеличением численности псионов. По мнению

ученых, начался сразу после падения Республики Гилеад и достиг своей кульминации с выходом двух указов: Указа о парапсихологии (систематизировал типы парапсихологической энергии) и Указа о видах паранормальных существ (гарантировал защиту и давал право на голосование всем паранормальным существам). Эти указы стали настоящим триумфом сначала незаслуженно отверженного, а затем глубоко почитаемого всеми сенатора Эдриена Ферримана. *Примечание:* говорят, якобы с падением республики период Пробуждения закончился, а соотношение псионов и обычных людей вновь пришло в норму. Однако подобные явления продолжают повторяться до нашего времени с цикличностью раз в семьдесят лет.

ПСИОН — 1) аккредитованный, квалифицированный специалист или ученик, наделенный парапсихологическими способностями; 2) человек с парапсихологическими способностями.

ПУЧКИН — 1) официальный язык федерации Пучкин; испытывает сильное давление со стороны других диалектов; 2) гражданин федерации Пучкин.

РАНГ — вид классового/социального разделения демонов. *Примечание:* строго говоря, существует три ранга демонов: низший, средний и высший. Маги имеют дело в основном с представителями высшего эшелона низшего ранга и низшего эшелона среднего ранга. Демоны высшего ранга не поддаются контролю и весьма опасны.

РЕСПУБЛИКА ГИЛЕАД — теократическая староамериканская империя, основанная на принципах старохристианства и иудаизма. Просуществовала со второй половины двадцатого столетия (время, когда разразился Великий банковский скандал Ватикана) до конца Семидесятидневной войны. *Примечание:* до того как к власти пришел Кохба бар Гилеад, захвативший власть над всем Западным полушарием, члены организации «Евангелисты Гилеада» объявляли себя сторонниками религиозного течения, а не республиканцами. Политические распри, возникшие между вождями Республики, привели к войне и колоссальному ядерному взрыву, произошедшему в районе пустыни Вегас.

РУНИЧЕСКАЯ КОЛДУНЯ — псион, основной или вторичный талант которого — толкование рун Девяти Канонов.

СВОБОДНАЯ ЗОНА — автономная область, имеющая определенные льготы в области торговли. Не является протекторатом ни Гегемонии, ни Пучкина, однако поддерживает дружеские отношения с обеими территориями.

СЕДАЙИН — 1) аккредитованный псион, наделенный способностями врачевания; 2) (*устар.*) слово из языка нихт-вренов, означающее «голубая рука». *Примечание:* седайин настолько миролюбивы, что не могут защитить даже самих себя; любое насилие их парализует, и больше всего на свете они боятся причинить боль. Из-за этого седайин можно считать великолепными врачами, однако, к сожалению, они крайне уязвимы.

СЕКС-ВЕДЬМА (*устар.* тантраиикен) — аккредитованный псион, использующий энергию, которая образуется во время полового акта; кроме того, секс-ведьмы получают энергию от боли, которая вызывает у них сильный прилив эндорфинов.

СЕМИДЕСЯТИДНЕВНАЯ ВОЙНА — военный конфликт, завершившийся падением Республики Гилеад и возникновением вместо нее Гегемонии и Федерации Пучкин.

SEKHMET SA'ES (*др.-егип.*) — бранное выражение, означающее примерно «пусть на тебя наступит Сехмет», — просьба, обращенная к свирепой богине разрушения Сехмет. Соответствует нашему выражению «черт бы тебя побрал».

СКИНЛИН (*слэнг:* грязнуха, кухарка) — аккредитованный псион, специализирующийся на растениях и их ДНК. *Примечание:* для работы с растениями скинлины используют свой голос; его различные модуляции в сочетании с волнами энергии позволяют им изменять ДНК растений и их внутреннее строение. К сожалению, скинлины весьма подвержены приступам слепой ярости.

ТАЛАНТ — 1) парапсихологические способности; 2) магические способности.

ФЕДЕРАЦИЯ ПУЧКИН — одна из двух мировых сверхдержав, включающая Россию, большую часть Китая (кроме Тибета и Сингапура), часть Центральной Азии,

Восточную Европу и Средний Восток. *Примечание*, после Семидесятидневной войны две сверхдержавы заключили между собой мир, и теперь часто говорят, что у нас одно правительство на две части мира.

ХЕДАЙРА (*демон.*) — 1) предмет нежной привязанности; 2) женщина-человек, связавшая себя узами с падшим демоном (а'нанкимелем).

ХЛОРМЕН-13 (*слэнг*: чилл, айс, рок, смэк, даст) — алкалоидный препарат, обладающий сильным наркотическим действием. *Примечание*: производство чилла приносит огромные прибыли крупным фармацевтическим компаниям, а также корпорации «Моб», поскольку препарат вызывает мгновенное привыкание, которое практически неизлечимо.

ЦЕРЕМОНИАЛ — 1) аккредитованный псион, занимающийся, как правило, традиционными видами магии. Накапливая энергию, он расходует ее в виде контролируемых выбросов; 2) магия церемониалов, известная как волшебство, в отличие от более органического колдовства; 3) (*слэнг*) любое Великое заклятие, используемое в магии.

ЧАНГО — один из верховных богов в религии вуду.

ШАМАН — 1) самый распространенный вид псионов. Шаманами считаются псионы, которые не наделены другими ярко выраженными способностями, — от колдунов вуду, общающихся с духами лоа, до обычных, рядовых псионов; 2) (*устар.*) обычный человек с некоторыми признаками парапсихологических способностей.

ЭНЕРГИЯ — 1) живая энергия, т. е. энергия, создаваемая живыми организмами, как то: прана, мана, оргон и т. д.; 2) магические способности, возникающие на основе безбрачия, кровопускания, поста, боли или медитации; 3) энергия, производимая линиями земли или геомагнитными течениями; энергетическая оболочка, окружающая нашу планету; 4) наука, изучающая возникновение и использование живой энергии, магических способностей или энергии окружающего пространства; 5) любая форма энергии, питающая магические или парапсихологические способности; 6) сообщество паранормальных существ или отдельные существа, занимающие определенную территорию.

Благодарности

Эта книга никогда бы не появилась, если бы мне не помогали некоторые люди, и в первую очередь мой муж Джеймс. Без его постоянной поддержки у меня ничего бы не получилось; он лучшее, что было у меня за всю мою жизнь. Наверное, я этого не заслуживаю. Я очень благодарна и своим детям, которые научили меня, что значит быть человеком, и сделали это гораздо лучше, чем все книги, вместе взятые.

Дэнни Валентайн никогда бы не было, если бы не мой агент Мириам Крисс, которая сразу в меня поверила, и Деви Пиллаи из «Warner», лучшего редактора, какого только может пожелать себе писатель. Не говоря уже о Линде Кичлайн, которая вдохнула жизнь в потрепанную рукопись и до сих пор является моей лучшей подругой и поистине звездным редактором.

Моя благодарность всему писательскому содружеству Ванкувера, а также: группе «Write Like You Mean It»; Кэролин Роуз и Майку Неттлтоу, потрясающим программистам; Мэлу Сандерсу (первоклассному повару); Клайду Холлоуэю, милейшему человеку на свете; Джефферсону и Дженин Дэвис, моим настоящим друзьям, которые любят меня, несмотря на мою грубость; и «Mighty F-List» за ежеутренний массаж мозгов.

Спасибо и тем музыкантам, которые питали мою музу. Особое спасибо Робу Дугану и группам «Garbage», «Eagles», «Delerium» и «Frou Frou». Под хорошую музыку пишется гораздо лучше.

Огромное спасибо Челси Куртис, моему соавтору, фанатке и вообще замечательному ребенку; и Джо «Манку» Цойтенхорсту, чьи познания в области техники не перестают меня поражать.

И наконец, спасибо тебе, читатель. Как всегда, я пишу только для тебя. Позволь выразить тебе мою благодарность так, как придется по вкусу нам обоим: поведав тебе нечто

совершенно потрясающее. Итак, устраивайся поудобнее, переверни страницу — и...

Девять Канонов

ВВОДНАЯ ЛЕКЦИЯ

*в школе парапсихологических искусств
«Страйкер Ли», Гегемония*

Ну что, все собрались? По крайней мере, физически? (*Слабый смех.*) Очень хорошо. В таком случае начнем.

Письмо — это древнее искусство, одно из самых первых абстрактных искусств, известных человеку. Считается, будто первыми искусством письма овладели древние шумеры, однако, учитывая тот факт, что рукописи имеют тенденцию рассыпаться в прах, мы вполне можем и ошибаться — вспомним хотя бы теорию, согласно которой человечество получило письменность от демонов. (*Слабый смех.*) Так, студентам-маги не смешно. Прекрасно.

Возникновение клинописи у древних шумеров показало, что человечеству пора учиться описанию действительности с помощью символов.

С самого момента своего возникновения письмо считалось искусством магическим. Достаточно сказать, что большая часть древнеегипетских заклинаний выражалась именно в письменной форме. Книга Мертвых (я имею в виду как древнеегипетский, так и тибетский ее варианты) называет письмо религией, не отличающейся от колдовства, утверждая, будто записанное или произнесенное слово — то есть человеческая речь — может изменить ход непреложного закона (скажем, приход смерти) или другой вид существования — например, жизнь после смерти. Надеюсь, всем присутствующим известно, что такое Логос? Напомню — присвоение магического имени, способного влиять на судьбы мира.

Относительно Девяти Канонов необходимо понять следующее: это магический закон, который вы будете мусолить постоянно, вплоть до полного к нему отвращения, и я буду твердить это вновь и вновь.

Такого понятия, как пустое слово, не существует. Запишите мои слова, возьмите их в рамочку и навсегда запечатлейте в своей памяти. Парапсихологическое искусство управляется и поддерживается на высоком уровне именно из-за этого простого факта. Слово, соединенное с желанием — иначе говоря, намерением, — вызывает изменение реальности, то есть лежит в основе всех видов колдовства. Слова есть продолжение действий; действие, соединенное с намерением, превращается в доброе волшебство, это Первый Великий вид колдовства. Второй вид, несколько отличающийся от Первого, есть руническая вязь и другие виды магической письменности. В двадцатом веке этот закон неоднократно пересматривался; о связанных с этим ошибках и достижениях мы поговорим позднее.

Итак, прежде чем мы окунемся в теорию, давайте вкратце ознакомимся с Канонами.

В основе Девяти Канонов лежит один Канон, известный нам из рукописи, обнаруженной еще до Семидесятидневной войны. Как вы, несомненно, помните, перед самой войной начался период Пробуждения, повлекший за собой возрождение оккультных наук и способов управления энергией не только в Республике Гилеад, но и на той территории, которую мы называем Федерацией Пучкин. Данный Канон, известный как Руны Джессенблейка, являющийся первой из девяти песен, был обнаружен и расшифрован в Стамбуле человеком, имя которого осталось неизвестным. Канон представлял собой набор сшитых листов очень тонкой бумаги и впервые был применен маги-церемониалами. Величайшим достоинством Рун Джессенблейка стала их широкая доступность — это всего-навсего два слога, чем они выгодно отличаются от остальных, традиционных оккультных заклинаний. Это даже скорее глифы, нежели руны. Есть вопросы? Нет? Отлично.

Нам мало известно о человеке, который изобрел способ создания руны, но история все же сохранила несколько достойных имен, которые, между прочим, могли бы послужить

прекрасной темой ваших курсовых работ. В качестве примера позвольте привести один миф. Маги по имени Сент-Кроули не имел ничего общего с Джессенблейком, и, тем не менее, именно его теория, несомненно, повлекла за собой огромное количество экспериментальных работ, давших плоды уже во времена Пробуждения.

Самое простое и удобное объяснение — это что Джессенблейк оказался в нужное время в нужном месте. Учитывая резкий всплеск парапсихологических способностей в тот период, можно сказать, что подобную роль сыграли бы любые руны. И все же руны Джессенблейка оказались самыми простыми и срабатывали в девяти случаях из десяти — а такое случалось крайне редко.

Остальные Каноны, собранные по крохам, были добавлены в следующем веке путем магических экспериментов, в результате чего у нас и появились Девять Канонов, которые являются целым разделом магии. Не говоря уже о том, что поколения псионов, которые ими пользовались, вложили в них такое количество энергии, каким не обладают никакие Руны.

Разумеется, я все упрощаю. Сами по себе Каноны не являются мощным оружием. Как и любой символ, их питает намерение человека. Задумайтесь над этим, особенно те, чья специальность — это руны. Девять Канонов — это двери. Как вы их откроете — это уже ваша задача. Один раз открывшись, каждая из дверей не закроется до тех пор, пока вы не закроете ее сами, и здесь вам понадобится и сила ваших ожиданий — то есть энергия, — и руны.

А кто мне скажет, что не даст двери закрыться? Да, мисс Вальдес? (*Неясное бормотание.*) Очень хорошо!

Двери не даст закрыться ваша магическая воля, вот почему при работе с рунами так важна практика. Это замкнутый цикл. Ваша воля укрепляется и тренируется с помощью внимания и практики, которая и позволяет вам держать дверь открытой, соединяя ваше желание и символ, который использовали поколения псионов. Вот почему Каноны должен знать каждый псион, а не только знатоки рун и церемониалы.

А теперь прошу открыть учебники на странице одиннадцать. Сегодня мы начнем с первой Песни...

(Затухание звука.)

Ни друг, ни враг

КУРСОВАЯ РАБОТА

*факультет маги, 403 Восточноамериканская Академия
парапсихологических искусств, Гегемония.*

Автор работы: Денкон Уитекер

В настоящее время представления колдунов, или маги, об окружающем мире претерпели значительные изменения. В данной работе делается попытка объяснить причины столь резкой смены точки зрения большинства маги-исследователей.

В период, предшествующий Пробуждению, маги имели весьма смутные представления о демонах; в основе их теорий лежали догматы религии Смирения. Из всех религий только вуду и сантерия позволяли непосредственно общаться с духами, чем и занимались колдуны и шаманы, вызывая духа либо в его телесной, либо в бестелесной форме. Ситуация начала меняться с конца двадцать первого века, вместе с возникновением контркультуры, ярким примером которой стали работы Сент-Кроули. Однако власти Республики Гилеад категорически пресекали экспериментаторскую работу в этой области, а затем Семидесятидневная война и последовавший за ней экономический спад, вызванный Пробуждением, окончательно довершили дело.

В период между Пробуждением и выходом в свет труда Адриенны Спокарелли демонами, как правило, считались бестелесные существа, лишённые этических принципов и с весьма переменчивыми представлениями о морали. Впрочем, речь идет прежде всего о

лживых полубожествах, против которых человечество не имеет оружия и может только умолять их о снисхождении. В теоретических работах маги того времени утверждалось, что, независимо от того, посещали демоны нашу физическую плоскость или нет, на заре своего существования наша планета была непригодна для обитания существ из плоти и крови. Данная точка зрения была распространена весьма широко, несмотря на работы Броуарда, который неоднократно подчеркивал, что демоны наделены способностью дышать и истекать кровью (см. свидетельства очевидцев из собрания Стерна, а также некоторые голографические кадры с места происшествия в Манкэ). Выводы Броуарда основывались на том предположении, что демоны, прилетая в наш физический мир, имеют телесную оболочку, которая может быть повреждена. (В своем знаменитом эссе «При чем тут плоть?» Адриенна Спокарелли не совсем справедливо замечает, что окончательно убить демона может только термоядерный взрыв — при некоторой доле везения, разумеется).

Именно эта работа позволила выработать надежный способ вызова духов и вступления с ними в контакт, а также ответила на многие вопросы. Спокарелли утверждала, что научилась общаться с духом и даже заставила его написать несколько слов на американском языке; процесс записи производился на деревянном полу ее кабинета, внутри круга. Дух что-то нацарапал когтями в ответ на тщательно сформулированные вопросы госпожи Спокарелли, которая в это время производила магнитофонную запись происходящего. При прослушивании выяснилось, что общение с духом больше напоминало беседу адвоката с пятилетним шалуном, однако стоит отметить некоторые моменты.

Прежде всего, независимо от того, откуда прилетают к нам демоны, они физические существа как в нашем, так и в своем мире. Многие ученые мужи бились над проблемой их происхождения, пытаясь определить плоскость, размеры, планету или хотя бы форму их существования. Великое открытие Спокарелли состоит в том, что она заявила: ей абсолютно безразлично, откуда прилетают к нам демоны, важно другое — как они влияют на нашу жизнь и нашу планету и почему она их так привлекает. Будучи существами физическими, они, как кажется людям, нарушают законы природы. На самом же деле демоны созданы из некоей чужеродной нашему миру материи и никоим образом не нарушают общих законов природы. Другими словами, если развитие новых технологий позволило человечеству отказаться от двигателей, работающих на бензине, и перевести их на гравитационную тягу, это еще не значит, что были нарушены все законы природы. И то, что демоны превосходят людей в области технологий, еще не значит, будто они нарушают законы естественного развития.

Другое великое открытие Спокарелли, невероятно простое и очевидное, вытекает из первого. В то время, когда большинство исследователей смотрели на демонов как на существа низшего порядка и даже позволяли себе обходиться с ними грубо, Спокарелли пришла к выводу, что демоны имеют собственную культуру, абсолютно отличную от нашей, в результате чего и возникают трудности в общении с ними. Они просто живут по другим правилам и законам. Таким образом, если они физические существа, значит, у них есть своя культура; если у них есть своя культура, значит, есть и своя система ценностей. Оставив в стороне трудности словесного общения с демонами, Спокарелли заявила, что хочет узнать, как и почему демоны так стремятся к контакту с человеком, добавив, что для этого ей понадобится помощь антропологов и археологов, а также труды маги по демонологии.

Значение данной работы трудно переоценить. Одним ударом Спокарелли избавилась и от суеверного преклонения перед демонами, показав, что их можно изучать доступными нам научными методами, и — преодолев отчаянное сопротивление реакционеров — показала огромное значение исследований маги, выдвинув их на передовые рубежи научной мысли.

Следующая мысль, которую можно почерпнуть в трудах Спокарелли, состоит в следующем: демонов столь же привлекает человечество, сколь и человечество очаровано ими.

Спокарелли, ставя под сомнение участие демонов в процессе эволюции человека, тем

не менее, приходит к выводу: какую бы роль ни сыграли демоны в формировании генетического кода человека, упоминать об этом при общении с ними, по меньшей мере, неуместно. Важно другое: человечество, презирая демонов, в то же время пытается их поработить, как в свое время поработило нихтвренов. Но если нихтврены когда-то были людьми, то демоны — это не люди. Что же так привлекает их в людях?

Многие авторы, творившие в эпоху до Пробуждения (Каплан, Пересреверте, Сент-Кроули, Сент Тете, анонимный автор из «Иллюминеитис пейперз», а также некоторые другие), согласны с тем, что демоны — ужасные собственники и властолюбцы. Человек, привлечший внимание демона, не скоро от него избавится. Эта проблема возникла даже у Спокарелли с ее маленьким духом-импом, хотя об этом мало что известно; обрывочные сведения поступали в основном от членов ее семьи.

Пересреверте в своей классической работе «Девять врат» утверждает, что демоны крайне падки на лесть, которая питает их так же, как нас пища. С точки зрения исследователей-маги, это перспективная теория и вполне допустимая гипотеза, хотя демоны, несомненно, располагают другими источниками энергии, поскольку возникли раньше человечества. По-видимому, Пересреверте считает, будто среди представителей своего племени демоны чувствуют себя одиноко и даже скучают, поэтому предпочитают наведываться к людям. Он даже дает понять, что не лишены основания старинные сказки о том, как демоны принимали обличье человека и женились на земных женщинах, хотя даже при мысли о подобных вещах маги приходят в ярость. Вызвать демона в наш мир — дело чрезвычайно трудное, а уж чтобы вступить с ним в контакт, и вовсе непосильное для обычного человека.

Следует запомнить одно: мы до сих пор не знаем о демонах практически ничего. Они ревнивы, у них сильно развит собственнический инстинкт; маги, которые встречались с демонами среднего ранга, отмечают, что иметь с ними дело крайне трудно, и что эти встречи нередко заканчивались чуть ли не катастрофой, и что демона очень трудно заставить подчиниться своей воле (если это вообще возможно).

Логический вывод из всего вышесказанного один: следует продолжать тщательнейшим образом изучать поведение демонов, особенно в тех случаях, когда они вступают в контакт с человеком из дружеских или иных побуждений. Многие маги отмечают позитивное влияние, которое оказывает на человека общение с демоном, что подтверждается контактами с импами и демонами низшего ранга, с точки зрения и антропологии, и культуры. Количество информации относительно анатомии демонов и иерархии в их сообществе со времен Адриенны Спокарелли увеличилось в пять раз, а количество трагических исходов столкновения демона и человека немного сократилось. Впрочем, это ничего не доказывает, поскольку маги не склонны открыто признаваться в своих ошибках, к тому же человек, подвергшийся нападению демона, уже не может ничего сообщить.

Подводя итог, следует отметить, что со времен Пробуждения маги собрали достаточно данных о способах общения с демонами, хотя и продолжают ревностно охранять свои секреты. Вместе с тем, все очень просто: нужно только внимательно наблюдать за всем, что происходит вокруг, что и сделала Спокарелли с присущим ей блеском. И все же даже она подвергалась резкой критике со стороны ученых-консерваторов, которые сочли, что вместе с водой она выплеснула и ребенка. Вместе с тем, активно изучая демонов, Спокарелли спокойно дожила до преклонных лет, чего нельзя сказать о многих магах. Видимо, она все делала правильно.

Мы так до сих пор и не знаем, что же привлекает в нас демонов, кто они — наши истинные друзья или непримиримые враги? В этом вопросе маги разделились на два лагеря: одни, в основном представители старшего поколения, считают, будто демоны — это зло, от которого человечество должно защищаться всеми доступными ему средствами. Другие же утверждают, что люди могут и должны вступать в контакты с демонами, чтобы учиться у них новым технологиям и магическим искусствам. Выиграют от этого и те и другие.

Будут ли демоны нашими друзьями или врагами, зависит только от нас, ибо демоны

упорно продолжают посещать наш мир. А это значит, что маги должны продолжать свои исследования, чтобы ответить на вопрос: чего же хотят от нас демоны?